

АФРИКА И АФРИКАНЦЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ
И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

XIV Международная конференция африканистов
АФРИКА И АФРИКАНЦЫ
В НАЦИОНАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ
И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ
Москва, 17–20 октября 2017 г.

ТЕЗИСЫ

XIV International Conference of Africanists
AFRICA AND AFRICANS IN NATIONAL,
REGIONAL AND GLOBAL DIMENSIONS
Moscow, October 17–20, 2017

ABSTRACTS

ISBN 978-5-91298-198-2

9 785912 981982

XIV конференция африканистов

**АФРИКА И АФРИКАНЦЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ,
РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

Москва, 17-20 октября 2017 г.

ТЕЗИСЫ

14th International Conference of Africanists

**AFRICA AND AFRICANS IN
NATIONAL, REGIONAL AND GLOBAL DIMENSIONS**

Moscow, Russia. October 17-20, 2017

Abstracts

Спонсоры конференции:

Российский фонд фундаментальных исследований (грант 17-07-14005)

Федеральное агентство научных организаций (ФАНО России)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ СТРАН АФРИКИ

XIV конференция африканистов

**АФРИКА И АФРИКАНЦЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ И
ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

Москва, 17-20 октября 2017 г.

ТЕЗИСЫ

14th International Conference of Africanists

**AFRICA AND AFRICANS IN
NATIONAL, REGIONAL AND GLOBAL DIMENSIONS**

Moscow, Russia. October 17-20, 2017

Abstracts

Ответственные редакторы
академик А.М. Васильев
профессор И.О. Абрамова

Ответственный секретарь
к.и.н. Н.А. Жерлицына

ISBN 978-5-91298-198-2

ОГЛАВЛЕНИЕ
CONTENTS

I.	<u>Cultures and Languages</u>	
	<u>Культуры и языки</u>	
I-1.	Anthropology's Contribution to the Study of 21 st Century Africa Вклад антропологии в изучение Африки XXI в.	7
I-2.	Human Sciences and Identity Studies for Cooperation and Development in Africa – Examples from the Field Гуманитарные науки и исследования идентичности для сотрудничества и развития в Африке – примеры применения	17
I-3.	Languages of Africa: Traditions and Perspectives Языки Африки: традиции и перспективы	23
I-4.	Long-Term Ethnography in Africa: Its Peculiar Contribution to the Development of Local Civil Societies Долгосрочные этнографические исследования в Африке: их специфический вклад в развитие местного гражданского общества	79
I-6.	The Creole World and Creoles of Africa Креольский мир и креолы Африки	88
I-7.	Tradition and Innovation: Insights into African Art Традиции и инновации в африканском искусстве	103
II.	<u>Economics</u>	
	<u>Экономика</u>	
II-3.	New Technologies for Sustained Development of African Economies Новые технологии для обеспечения устойчивого развития африканских стран	115
II-4.	Popular Economies and Mutual Aid in Africa in the Era of Uncertainty Неформальная экономика и взаимопомощь в Африке в эпоху неопределенности	134
III.	<u>Global Issues</u>	
	<u>Глобальные проблемы</u>	
III-1.	Africa in the Global Climatic Measurement Африка в глобальном климатическом измерении	139
III-2.	Globalization and Africa; The Impact of Global Economic Integration on Africa in the 21 st Century Глобализация и Африка; Вклад глобальной экономической интеграции в развитие Африки в XXI в.	165
III-3.	Strategic Communications at the Age of the Global Information Warfare: Afroasian Zone of Instability Issues Стратегические коммуникации в эпоху глобальных информационных войн: на примере Афразийской зоны нестабильности	174
III-4.	The Islamist Movement in the Afro-Asiatic Zone of Instability (in Geopolitical and Geocivilizational Measurements) Исламистские движения в афразийской зоне нестабильности (в геополитическом и геоцивилизационном измерении)	185

III-5.	Violent Extremism and Social (Dis)order in Africa; Africa and Global Terror: Dimensions of Terrorism across the Sahel Воинственный экстремизм и социальный (бес)порядок в Африке; Африка и глобальный терроризм: ситуация в Сахеле	207
IV.	<u>History</u> <u>История</u>	
IV-1.	African History Studies: The State of the Art Современные проблемы изучения истории Африки	222
IV-2.	Cultures of Black Internationalism; Pan-Africanism between Past Aspirations, Current Challenges, and Future Prospects Традиции черного интернационализма; Панафриканизм между прошлыми устремлениями, современными вызовами и будущими перспективами	243
IV-3.	Educational Cooperation among Africa, Asia and Eastern Europe: Alliances that Strengthened the Decolonization of Africa Сотрудничество в области образования между Африкой, Азией и Восточной Европой: союз, который способствовал деколонизации Африки	250
IV-5.	Russian Studies on Africa in the Past and Present: People, Problems, Theories, Perspectives Российская африканистика в прошлом и настоящем: люди, проблемы, методологии, перспективы	255
IV-6.	USSR and Decolonization of Africa СССР и деколонизация Африки	275
V.	<u>International Relations</u> <u>Международные отношения</u>	
V-1.	Africa in a Polycentric World Африка в полицентричном мире	282
V-3.	African Integration and Peacekeeping Африканская интеграция и поддержание мира	309
V-4.	BRICS and Resistance in Africa: Thriving or Surviving? БРИКС и сопротивление в Африке: процветание или выживание?	316
V-6.	Foreign Competition in the Horn of Africa Соперничество иностранных держав в районе Африканского Рога	322
V-8.	Sino-US-Russian Policies and Africa Политика Китая, США и России в Африке	326
V-9.	The “African Vector” in the Policy of the Community of Portuguese-Speaking Countries (CPLP) «Африканский вектор» в политике Сообщества португалоязычных стран (СПЛП)	333
V-11.	The EU and Africa: Security – Development Nexus ЕС и Африка: взаимосвязь проблем безопасности и развития	345
VI.	<u>Migrations and Diasporas</u> <u>Миграция и диаспоры</u>	
VI-1.	Diaspora, Indigenous Investors, Economic Development and National Vision Диаспора, местные инвесторы, экономическое развитие и национальная точка зрения	368
VI-2.	Migration Dynamics in Southern Africa: Understanding the Past, the Present and the Future	

	Миграционная динамика на Юге Африки: к пониманию прошлого, настоящего и будущего	375
VI-3.	Pan-Africanism and Migration Панафриканизм и миграция	386
VII.	<u>Politics</u>	
	<u>Политика</u>	
VII-1.	Democratic Election Process in Africa: Progress, Paradoxes and Challenges Процесс демократических выборов в Африке: прогресс, парадоксы и вызовы	397
VII-2.	Post-Conflict Reconstruction Crises: What Long-Term Future for Africa's Dysfunctional States?; The Occurrence of Failed States in Africa after the Fall of the Berlin Wall and Its Relation to the Increase in the Number of Refugees from Africa Today Кризис постконфликтного восстановления: каково долгосрочное будущее у африканских несостоявшихся государств?; Возникновение несостоявшихся государств в Африке после падения Берлинской стены и их отношение к увеличению числа беженцев из Африки сегодня	416
VII-3.	Ruling in Rough Seas: The Portraits of Political Leaders in South Africa Правящие в бурных морях: политические портреты лидеров в странах Юга Африки	422
VII-5.	Southern Africa: Political, Economic and Social Challenges in the Region at the Beginning of the 21 st Century Юг Африки: проблемы политического, экономического, социального развития в начале XXI в.	436
VII-6.	Strengthening Local Government Укрепление местной власти	453
VII-7.	The Middle East and African Horn in the 21 st Century. Political, Social and Economic Modernization: Global, Regional and Countries Features in the Light of Dynamic Relativity of Civilization Development Ближний Восток, Северная Африка и Африканский Рог в XXI веке. Политическая, социальная и экономическая модернизация: страновые и региональные особенности в интерьере динамической релятивности цивилизационного развития	463
VII-8.	The Roots of Contemporary Conflicts in the Horn of Africa Истоки современных конфликтов на Африканском Роге	489
VII-9.	The Roots, Trends and Prospects of Radical Islamism in North and Sub-Saharan Africa Истоки, направления развития и перспективы радикального исламизма в Северной и субсахарской Африке	505
VII-10.	The World of Africa in Contemporary Political Science Африка в современной политологии	518
VIII.	<u>Social Issues</u>	
	<u>Социальные проблемы</u>	
VIII-1.	African Trade-Unionism in the 21 st Century – Coming of Age? Африканское профсоюзное движение в XXI в. – достижение совершеннолетия?	531
VIII-2.	Decolonial Education in South Africa	

	Образование в Южной Африке в эпоху деколонизации	536
VIII-3.	Globalization and the Emerging Issues of Development in Nigeria; Law, the Nigerian Economy and Corruption Глобализация и актуальные проблемы развития в Нигерии; закон, нигерийская экономика и коррупция	543
VIII-4.	Justice and Development in Contemporary Africa Законность и развитие в современной Африке	548
VIII-5.	Security, Corruption and the African Development Discourse Безопасность, коррупция и развитие в Африке	563
VIII-6.	The Formal and the Informal City in Africa: Planning and Governance Dilemmas Формальный и неформальный город в Африке: планирование и проблемы управления	575
VIII-7.	The Gender Dimension of National, Regional and Global Changes in Africa Гендерный аспект национальных, региональных и глобальных перемен в Африке	580

Блок I. Cultures and Languages **Культуры и языки**

Panel I-1. Anthropology's Contribution to the Study of 21st Century Africa

Секция I-1. Вклад антропологии в изучение Африки XXI в.

Руководители: *Д. О'Кейн*, Институт социальной антропологии, Галле/Заале, Германия; *Кавыкин О.И.*, Институт Африки РАН, Москва.

Conveners: *David O'Kane*, Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle [Saale], Germany; *Oleg I. Kavykin*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

As we approach the end of the second decade of the 21st century, we can observe that the continent of Africa is experiencing rapid and unpredictable changes. Economic growth continues in many African economies; innovations in education continue to occur; a demographic transition seems to have begun. These changes, and the many others that are taking place in the continent, are the result of both external pressures, and of internal developments specific to Africa's various societies and cultures. In all cases, they involve the deliberate strategizing and responses of African peoples. And in all cases, they also present real challenges to those who seek to understand African societies and cultures today, especially for anthropology. Born out of the colonial encounter between the west and Africa, the Anthropology of Africa has gone through many forms, and has had to consistently reinvent itself in order to renew its relevance to the continent. Can the discipline reinvent itself for the twenty-first century, and survive the current changes occurring in the African continent? This panel, organized in conjunction with the Africanists' network of the European Association of Social Anthropologists seeks to answer this question through both empirical and theoretical forms. We therefore invite papers from anthropologists involved in the study of twenty-first century Africa, whatever their regional focus or ethnographic concerns may be, and which can help document the social and cultural changes African is experiencing through increased economic growth, environmental problems, urbanization, the persistence of ethnic and religious conflict, the emergence of new middle classes, et cetera. We also seek synoptic contributions that can give considered opinions on the role of anthropology in the study of Africa today.

Oleg I. Kavykin
The Institute for African Studies (IAS)
Russian Academy of Sciences Moscow RUSSIA
Кавыкин О. И.
Институт Африки, Москва, Россия

**Обвинения в ведовстве в контексте антропологических исследований
социальных и культурных перемен в современной субсахарской Африке**

**Witchcraft Accusations in the Context of the Anthropological Researches of
Social and Cultural Changes in Contemporary Sub-Saharan Africa**

In this paper, we discuss the ways in which autochthonous beliefs and social, political institutions interact in contemporaneous Africa. We focus on the impact of autochthonous beliefs on, and their functions in the systems of modern social institutions, their adaptation to post-colonial society and state, as well as on the emergence of new phenomena related to these beliefs. In particular, an important problem is the relationship between knowledge and beliefs in comprehension of witchcraft accusations in many African countries, which also raises the question of the place of knowledge in Africans' social life today. It is planned to review these phenomena in the connection with the development of the new approaches with their problems and objects. For example, the impact of economical welfare is important. Edward Miguel in his article demonstrated that it is possible to find a connection between witch-hunting and the difficult economic circumstances experienced by accused persons' families (income shock as a key factor for murders of elderly women in rural Tanzania). And, so, some governmental measures can change a situation. It is possible to change a status of elderly people in their families (e.g. regular pensions in South African Northern Province lowered witch killings). And a system of insurance could alleviate negative income shock after rainfalls. It is planned to discuss the connection between economy, family / kinship relations and witch-hunt from this point of view. But it is necessary to take into account that witchcraft beliefs are also discursive practices that are focusing on inequalities and tensions within families. Peter Geschiere characterized

witchcraft as the 'dark side of kinship'. It is planned to compare a discourse on the Celestial Church of Christ and a discourse on witchcraft.

Clara Saraiva

Universidade Nova de Lisboa

К. Сараива

Новый университет Лиссабона

Португалия

Невидимость смерти у африканских мигрантов в Португалии

The invisibility of death amongst African migrants in Portugal

In spite of the interest that the recent status of Portugal as an immigration country arouses, some important issues dealing with immigrant's states of suffering and death, have hardly been dealt with. How do immigrants perceive death and dying and incorporate them in their conceptualization of the diaspora? How do different immigrant groups conceptualize other groups' suffering and death? How do the Portuguese look upon the death of the immigrants, a subject ever hardly spoken of and which raises a series of prejudices and mystifications?

In a western society where death has become a major taboo, this estrangement towards life's last rite of passage moves on to the realm of myth and prejudices and the invisibility of death becomes a true reality. Yet, for immigrants themselves, it is a reality that often conditions the relation with the home country. Death is thus here looked upon as a process, which involves specific emotional states and triggers the use of rituals in order to cope with the unavoidable distress, acquiring more complicated aspects when away from home.

This paper will deal with the multiple levels that death touches upon, from the symbolic to the more practical ones. Death is one realm in which a transnational approach is mandatory; it entails an intense circulation of material goods and wealth, but also of highly symbolic significant universes which circulate along with the goods and the people: the corpse, but also the spirits and the relations with the other world that people brought along into the diaspora situation.

This paper aims at deconstructing prejudiced notions of what happens with the immigrants' dead bodies, including symbolic representations as well as practical issues, such as legal processes involved to send the bodies home, using as case studies the examples of immigrants from Guinea-Bissau in contemporary Portugal.

Zavyalova Olga

SPbSU (Eastern Faculty)

Завьялова О. Ю.

Санкт-Петербургский
государственный университет, Россия

**Основа отношений между людьми в традиционных представлениях
народов манден**

**The basis of human relationships in the traditional representation of the
Manden people**

The central concept that gives an idea of the worldview of a particular people is the concept of "humanity". Analyzing what is included in the concept of "humanity" in the Manden, we can understand what is most important for them in human relationships and in man himself. There are several translations of *мэгэуа* in the dictionary of S. Byiol: 'humanity, human essence, adult human condition, social relations, courtesy, kindness, courtesy'. The Manden have a lot of proverbs devoted to this concept. The word *мэгэуа* itself is hardly used in other folklore genres, but, however, all genres highlight the theme of basic human qualities and relationships.

In the value system, the concept of *мэгэуа* is at the head. When it comes to human relations, the priority of society over the individual and the interrelationship of people, their interdependence are emphasized.

Analyzing the mandena proverbs, we can notice that *мэгэуа* correlates in proverbs with the concepts "thinking, thinking", turn, humanity is contrasted with the knowledge gained from training. That is, humanity is not something that can be trained.

The basic principle of mutual relations is reciprocity, "do not do to a person what you do not want him to do to you," and "be nice to someone who treats you well." Sami bamana and maninka believe that *могэуа* is their distinguishing feature (set of traits), they are proud of it and believe that other nations, at least non-African, do not possess it.

D S (Sekepe) Matjila

University of South Africa, South Africa

Д. С. Матжила

Университет Южной Африки, Претория

**Образы традиционных концепций времени сетсвана в романах Д. П. С.
Моньяизе**

Images of traditional Setswana time concepts in DPS Monyaise's novels

To the Batswana, time was determined by past and current events, everyday chores and activities of men, women and children, behaviour of wild and domestic animals, the colour or shape of the landscape and other objects, the sound and music of the birds, appearance, disappearance and reappearance of celestial objects like the sun, the moon and the stars. These events were given names to indicate time. Time images include celestial objects, members of the animal world and religious or mythological figures. Celestial images include *mahube* ('reddish sky' i.e. early dawn), *moso* ('sun rise'), *phirimane* ('sunset, darkness setting in soon'); *lotlatlana* ('dusk, eventide or early evening twilight – the gloaming' and *maabanyane* ('the evening after sunset, towards night') and Animal images include domestic and wild animals such as cattle, goats, sheep, pigs, birds, field mice, eland, etc. The religious practices of the Batswana or communion with the spirits is important in determining their concept of time and the images *Bile* and *Lowe* are used to demonstrate ancient times. Naming something is an expression of a relationship, mostly of ownership. By naming these events in Setswana, the Batswana were creating a bank for the memory generated by human interaction

with the natural environment. This paper will analyse Monyaise's use of time images in his novels. The choice of images in Monyaise's work uncovers the quality and/or the essence of his language practice as well as his vision to nurture and safeguard the Setswana language and culture. In the Western society time is a commodity that can be bought, sold or utilised. For the traditional Batswana, man is not a slave of time; he can make time and therefore regulates time.

Peter Friedrich Kneitz

University Martin Luther of Halle-Wittenberg
Germany

П. Ф. Кнайц

Университет им. Мартина Лютера, Галле-Вюртемберг
Германия

**Динамика солидарности на Мадагаскаре: история – состояние – будущие
ВЫЗОВЫ**

**The Dynamics of Solidarity in Madagascar: History – State of the Art –
Future Challenges**

The successful solution of a major political crisis between 2009 and 2014 on the island of Madagascar confirms an important finding: That of a successful transition from war to peace throughout the 20th century. Such situation constitutes a marked contrast to the well-known trend towards post-colonial “disorder” in Africa and elsewhere. It coincides, though, with the particularly strong solidarity norm in Madagascar (referred to as *fihavanana*) which is perceived as a fundamental aspect of traditional Malagasy values by main parts of the population. From a historical perspective, it coincides as well with a long-established tendency to consensual conflict resolution in Malagasy politics, evident since at least 1960, when the country gained political independence from France. How to explain the neglected but exceptional development of this country with its current population of about 25 million inhabitants?

To date there has been no explicit study of the unusual Malagasy conflict resolution dynamic mentioned above. How to understand, I would like to ask, such a rare preference for the ‘consensual side’ of politics in the context of postcolonial Africa, a context in which violence still prevails? What can the unexplored Malagasy ‘case’ contribute to the general quest for peace and peace building, which in the past usually was based on the assumption that there is a ‘natural’ human bias to violence?

The paper sets out to discuss some provisional results of an ongoing research project – and to present thereby one example of how to reinvent and to develop in a fruitful way the anthropologist’s voice on 21st Century Africa.

Lapushkina Alina

Institute for African Studies, Moscow

Лапушкина А. О.

Институт Африки, Москва

Россия

Устная традиция как история: современный балласт или ключ к пониманию настоящего?

Oral tradition as History: a contemporaneous ballast or the key to understanding the Present?

Anthropology, as a complex synthesis of different disciplines, builds a cross-cultural prism of observing, interpreting various processes in societies and its transformation. Nowadays, the 21st century gives us a possibility to shift easier, make records and estimation quicker, using different technological innovations, nevertheless, there is still need in interdisciplinary historical retrospective for constructing mutual understanding among generations. Especially in small peoples, where the transition from tradition to today’s worldview actively takes place and influences on the foundations. In 2011-2013 I conducted a series of studies among the Avatime people (small people in the eastern part of Ghana). In this paper I would like to discuss as problem of saving, transmitting the Oral tradition as

History, its relevance to the youth generation, difficulties on the way of collecting it and its necessity. The Avatime lives in 7 villages, so I took interviews with the elders of each village, following Jan M. Vansina's methodology. In fact, huge waves of migration to the capital, absence of young interest and regrets of the elders that soon there will be no one to pass the History mixed with the fragmentation of different elders' points of views made the result ambiguous. The Avatime chief and His Excellency the Ambassador of Ghana in Russia once told me that it is our professional responsibility to lead to a general consensus; even though the problem can not be solved from within the society.

Magdalena Brzezińska
University of Warsaw
Poland
М.Бжезинская
УНИВЕРСИТЕТ ВАРШАВЫ
ПОЛЬША

***Going backway* – clandestine migrations to Europe as seen by Africans in
Gambia and Guinea-Bissau**

Africans migrating to Europe are generally depicted in the European media, which highlight tragedies of overloaded boats on the Mediterranean Sea, as a human mass – inducing sympathy but partly irrational, incomprehensible. In various videos circulating the Internet – as a dehumanized mass, a threatening wave at European borders. What does the problem look like “from the other side” then, from the perspective of an individual person? Of someone who is dreaming of going to Europe and considering the perilous journey or someone whose relative has taken it up? A lot of people in West Africa decide “to go *backway*”, i.e. to take up the illegal migration through the Sahara and across the sea to Italy or (less frequently now) via the ocean, around the African continent. What is their attitude to the risk involved? What are their motivations and expectations related to their life in Europe? While the main part of the answer certainly stems from the material inequalities of the world, a crucial part of it lies in the perception of Europe by

Africans – its idealization. The West plays a dominant role in the collective imagination of Gambians and Guineans. It is a crucial point of reference and migration to Europe is a common dream. How is this perception influenced by the present day globalisation, colonial legacy, ideology of development, Western-style education? How are these aspirations fuelled by the dual, paradox status of the African migrant in the receiving and home country? Does it lead to an intentional blurring of the image of life in Europe? The answer to these questions will be based on my long term ethnographic fieldwork in Guinea-Bissau and the Gambia.

N. Kabiri

Independent Researcher, Toronto

Н.Кабири

Торонто, Канада

Women Economic Empowerment and Local Content in Africa's Extractive Sector

In Africa, the benefits of the mining sector are yet to be tapped nationally; it is even worse when measured against the economic empowerment of women with specific reference to such issues as procurement from women owned business. Endeavors in mainstreaming gender in the extractive sector have concentrated on direct employment in the mining companies; this is commendable but has less radius of impact than women participation in local content. An agenda for local content with women-owned business intersecting with ongoing efforts at mainstreaming women presence in formal employment in mining companies offers the best opportunity to unlock the developmental potential of the extractive sector on local communities in which these companies operate and at the same time advance the gender agenda as enunciated in the post-2015 development agenda. There are, however, constraints to the appropriation of this developmental window, it's potential for advancing the gender (and SDGs) agenda notwithstanding. Various disciplines such as the anthropology of development have in the past illuminated on the dynamics of women economic participation in Africa with

varying success. The insights of these anthropological studies can be useful tools in navigating the challenges that could derail the formulation of a new architecture on gender and local content in the extractive sectors. This paper, therefore, seeks to bring these insights to bear on an inquiry of these challenges with an aim to specifying the ways in which the emerging embedding of local content in the mining sector in Africa can integrate gender as a strategy of women economic empowerment.

David O’Kane

Max Planck Institute for Social Anthropology
Germany

Д. О’Кейн

Институт социальной антропологии
Галле/Заале, Германия

Что может дать антропология для понимания Африки XXI в.?

What Can Anthropology Contribute to the Understanding of Twenty-First Century Africa?

In this concluding paper, the author sums up and discusses the preceding papers, and draws out their implications for the wider anthropological study of an Africa which is facing unprecedented challenges *and* opportunities. Responses to those challenges and opportunities will draw on the cultural patrimony of the continent, but will also involve creative solutions and innovations. These, in turn, will challenge anthropology to make sense of new African realities in ways that will inevitably demand theoretical and other innovations of its own. The author will refer to his own current research and publications, in the areas of education policy in Sierra Leone, the struggle against Ebola in that country, and the rise of so-called ‘new Middle Classes’ across Africa. These change are occurring in the context of an emerging multipolar geopolitical environment, which again produces new tasks for anthropological understanding.

Panel I-2. Human Sciences and Identity Studies for Cooperation and Development in Africa – Examples from the Field
Секция I-2. Гуманитарные науки и исследования идентичности для сотрудничества и развития в Африке – примеры применения

Руководители: *И. Микели*, Университет Триеста, Италия; *М. Тоско*, University of Turin, Italy

Panel convenors: *Ilaria Micheli*, University of Trieste; *Mauro Tosco*, University of Turin, Italy

Africa is a continent whose huge diversity of traditional cultures have until now been neglected in the global arena. In a world which is getting quicker and quicker in its transformations and where phenomena like climate changes, migrations due to civil and economic wars or terrorism can have devastating impacts on ethnic and linguistic minorities, Africa represents one of the most endangered areas for what concerns the survival and preservation of diversity.

Most African indigenous languages and cultures are at stake, and often only a change in attitudes and perspectives in the design and implementation in the field of cooperation and development projects can make the difference in the preservation, survival or re-vitalization of languages and cultures. In order to do this, all disciplines of the Human Sciences should find a place and have a role in imagining and developing a “new cooperation”. The Italian project “ATRA - African transitions” (www.africantransitions.it) in its three years lifespan (2013-2016) has shown that the inclusion of disciplines like linguistics, archaeology, philology, anthropology and history in many projects of cooperation, mainly in the Horn of Africa, has been crucial for the empowerment of local communities and for stimulating their sense of cohesion and cultural and linguistic identity.

The panel convenors were members of the ATRA research team and their aim in this conference is to bring the discussion on the role of Human Sciences in Cooperation to a wider, international context. Papers by experts in the field of African languages, cultures and folklore, as well as contributions by archaeologists, historians and philologists will be particularly welcome.

Ilaria Micheli

University of Trieste

И. Микели

Университет Триеста, Италия

Роль этнолингвистики в Медицинском проекте сотрудничества в Южном Омо, Эфиопия: методологические наблюдения во время полевых исследований в общинах хамар и дассанеч
The role of ethnolinguistics in a medical project for cooperation in South Omo - Ethiopia: methodological observations from the field among the Hamar and Daasanach communities

This paper is based on the findings of a socio-cultural and linguistic research done in August 2016 in the Hamar and Omorate districts of the South Omo region in Ethiopia. Aim of that research was the analysis of the true possibilities of success of a cooperative project aimed at the strengthening of the MNCAH (Maternal neonatal child adolescent health) services offered by the health posts of the region and funded by the Italian Ministry of Foreign Affairs and from the Ethiopian Ministry of Health. The research results brought to light a number of weaknesses in the original, very top down oriented project, and found out interesting solutions for at least some of them, suggesting the adoption of a people oriented, bottom-up and empowering perspective, respectful of the local communities' traditions and habits.

Aim of this paper is to discuss, through the illustration of this very practical case study, the added value, the potentiality and the relevance of the contribution of ethnolinguistics and anthropology in the virtuous cycle of designing and managing a good cooperative project on the field in developing countries and, especially, in rural contexts in Africa.

Gilberto Borri

University of Turin

Г. Борри

Университет Турина, Италия

**Самое необходимое: включение традиционных целителей в Планы
первичной медико-санитарной помощи. Антропологическое
исследование сотрудничества в области медицины на примере Западной
Уганды**

**Bare necessities: co-optation of the traditional healers in Primary Health Care
plans. An anthropological survey about medical cooperation, the case of
Western Uganda**

In 1976, during the 26th session of the Regional African Committee of WHO in Brazzaville, 'African traditional medicine' was formally recognized by the international organizations as a medical system with its original principles and practices. This line was further pursued in 1977 at the 30th World Health Assembly, which declared its intention to promote the research and development of traditional medicines. The following year, the World Health Organization issued the Declaration of Alma Ata: this document pointed to the necessity of co-opting traditional healers in order to improve the availability of health care and expand the Primary Health Care plans, in an attempt to reach the *millenial goals* and to promote the development of health systems in Third World countries. The goal was to create a basic health system both *scientifically sound* and *capable to use* socially acceptable means, accessible to everybody and whose costs could be managed by the community. The choice as to which traditional healers to co-opt almost always fell on herbalists. In fact it is easier for Western medicine to understand the herbal techniques than the spiritualistic practices related to beliefs such as spirit possession or healing cults. Thus, among the *Bakonzu* (Western Uganda) the herbalists (*Bathawha ow'ebithi*) were the recipients of the first initiatives in the 1980s and 1990s. NGOs and international organizations offered training and carried out research on local pharmacopoeia. These trainings mainly

targeted herbalists and traditional birth attendants aiming at training better attendants in the cure of minor illnesses common in the community through more hygienic and scientific methods, in the respect of biomedical standards. These international policies led the Government of Uganda to propose in 2015 a law that recognizes the health care practices of herbalists and establishes herbalists as a professional body.

Graziella Acquaviva, Mauro Tosco

University of Turin, Italy

Г. Аквавива, М. Тоско
Университет Турина, Италия

Суахили для помощи и сотрудничества: вызовы и перспективы по итогам пилотного исследования медицинского персонала в Турине

Swahili for aid and cooperation: challenges and perspectives from a pilot experience with medical personnel in Turin

Swahili language and literature is taught at the University of Turin since 2010; 2-years courses are offered to students in the humanities and social sciences (approx. 40 enrollments/year).

In 2016, Piedmont-based NGO's active in medical and paramedical cooperation in Africa have proposed a course dedicated to the raise of ethnolinguistic awareness among their personnel working in Swahili-speaking areas of East Africa.

The pilot course "Talking the illness" has been organized at the Piedmontese Center for African Studies in October-December 2016. It offered a 3 hours/week course for 12 weeks and focused on:

- the perception of illness both from an allopathic (Western) and traditional perspective, and
- the clash between these two (imported vs. local) conceptions of illness and medical treatment;
- an introduction to Swahili from a language-in-use perspective: greetings; overview of grammar (noun classes, word and sentence structure); specialized vocabulary in order to elicit the patients' medical history cards, especially in the perspective of
- encouraging the development between Western doctors/paramedics and the patients of a new type of relationship, based on mutual knowledge and trust.

According to the attendants' opinion (collected through anonymous questionnaires), results have generally been positive; the following problems emerged:

- medical personnel who had spent time in East Africa benefited the most; those who had not, had more problems with the Swahili language part;
- classes have taken too long a period of time (due to the attendants' work commitments, classes were done in the evening only, from 7 to 10 pm, after the regular working hours).

From a teacher's perspective, the lack of dedicated material providing *both* concise but sound grammatical bases in Swahili *and* medical lexicon remains a major problem. What specialized lexicon exists has been published by missionaries and NGO's and has not been standardized yet.

The course will be repeated in 2017/2018.

Cecilia Pennacini

University of Turin

С. Пенначини

Университет Турина, Италия

**Культурное сотрудничество в Восточной Африке: проект «Коруса»
«Священные природные объекты» (2008-2011 гг.)
Cultural Cooperation in East Africa: The “Sacred Natural Sites” Corus
project (2008-2011)**

The CORUS project “Socio-historical Approaches to Natural Sacred Sites and Contemporary Implications for the Preservation of this Heritage (Kenya, Madagascar, Uganda)”, supported by the French Foreign Ministry Research Programme together with the Institute of Research for Development (IRD), has promoted the cooperation between a group of French and Italian researchers and the personnel of the National Museums of Kenya, of the University of Antananarivo in Madagascar, and of the Uganda Museum. The project aimed at the study of a particular form of cultural heritage: sacred sites located in impressive natural spots that are known in many parts of sub-Saharan Africa as places of memory, devoted to the transmission of the religious and historical knowledge. In East Africa and Madagascar, these places are still regularly attended by many people who look for the traces of the past and its spiritual life transmitted through rituals performed on the sites. African institutions involved in the project were specifically interested in the development of those sites in the perspective of cultural tourism, both at the internal and international level. The paper will present some cases studied in the project, showing the potential as well as the contradictions involved in the touristic transformation of sacred sites.

Секция I-3. Языки Африки: традиции и перспективы **Panel I-3. Languages of Africa: Traditions and Perspectives**

Руководители: *Порхомовский В.Я.; Шлуинский А.Б.*, Институт языкознания РАН, Москва

Panel convenors: *Dr. Prof. Viktor Ja. Porkhomovsky; Dr. Andrey Shluinsky*
Institute of linguistics, Moscow, Russia

Тематика секции включает все направления африканского языкознания: типологические и типологически ориентированные исследования лексики и грамматики африканских языков; сопоставительные и исторические исследования африканских языков; проблемы генетической классификации африканских языков; диалектология и ареальные исследования африканских языков; социолингвистические исследования языковых ситуаций в Африке; языковые контакты в Африке.

The section deals with all issues of African linguistics: typological and cross-linguistically oriented studies in lexicon and grammar of African languages; comparative and historical studies of African languages; issues in genealogical classification of African languages; dialectal and areal studies of African languages; sociolinguistic studies of linguistic situations in Africa; language contact in Africa.

Подсекция А. Фонетика. Морфология. Реконструкция
PANEL I-3. Aphonology. Morphology. Reconstruction

Давыдов А.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Artyom V. Davydov
St. Petersburg State University
Russia

Segmental Phonology of Gbeeka (Manden)
Сегментная фонология языка гбээка (манден)

Группа говоров манден, объединяемая самоназванием гбээка, занимает всю супрефектуру Гбэсоба (префектура Бейла, Гвинея) и пограничную часть республики Кот-д'Ивуар. Западные говоры гбээка (примерная граница их распространения совпадает с границей супрефектур Гбэсоба и Синко) близки к соседним говорам конья и составляют с ними единый континуум.

Примерное количество говорящих на гбээка – 30 тыс. человек. В основу доклада положены данные, собранные в деревне Гбэсоба.

Помимо общих черт, свойственных южным говорам манден (важнейшая из них – инвертированные тоны), фонологический строй гбээка отличается рядом особенностей, обусловленных, вероятно, субстратным влиянием одного из языков манде южной группы.

В области вокализма в число особенностей входят: 1) появление гласного *ɪ* в результате падения интервокального велярного в вокалической рамке *i-i*: *sùu* ‘сидеть’, *tùu* ‘хозяин’, ср. формы бамана и манинка Манден *sìgi*, *tìgi*; 2) появление гласного *ə* в результате падения интервокального велярного в вокалической рамке *i-ɛ/e-e*: *tə* ‘рубить’ (ср. бамана *tìge* и манинка Манден *tège*), а также в лексеме *mə* ‘где?’; 3) реализация *a* как *ɔ* в ряде контекстов. В области консонантизма особенности включают переход ряда согласных в аппроксиманты: ср. гбээка *bɔ* ‘рука’ и манинка *bólo*, гбээка *kɔn* и манинка *kàran* ‘читать’.

Zheltoy, Alexander
St. Petersburg State University /
Museum of Anthropology and Ethnography, RAS
Желтов А.Ю.
СПбГУ, Санкт-Петербург

Морфемная и субморфемная нейтрализация в Нигер-Конго: типологический обзор

Morphemic and submorphemic neutralizations in Niger-Congo: a typological survey

1. Morphemic neutralization is the case when as in Swahili in object paradigm the pronouns of 2PL and 3PL *-wa-* coincide. See also German *sie* for 3 SG.FEM, 3 PL and 2 PL.HONORIFIC and English *you* for 2 SG/PL. According to [Pozdniakov 2003], these neutralizations (homonymy) within paradigms are not

occasional, but very important to mark the oppositional (paradigmatic) relations between the signs.

2. Submorphemic neutralizations were first introduced by Roman Jakobson [Jakobson 1985]. For further analysis of pronominal paradigms see [Pozdniakov 2003, Zheltov 2005]. The cases of partial formal coincidence of neighboring elements in paradigms with common semantic component (eg. ‘locutor’) as in French *moi ~ toi, nous ~ vous*; German *mich ~ dich, mir ~ dir*, Swahili *wako ~ wake* – 2SG.POSS / 3SG.POSS are considered. According to Pozdniakov, these cases are not occasional either and serve the same purposes as morphemic neutralizations.

3. The analysis of pronominal paradigms and systems of numerals shows that many Niger-Congo languages actively use these linguistic techniques for marking the common meaning of neighboring elements of a paradigm. The data demonstrate that 1) morphemic and submorphemic neutralizations are often in complementary distribution, 2) they are not “occasional”, but rather systematic, 3) it often happens to be important for paradigms rather than forms to keep the structure of oppositions and neutralizations.

References

Jakobson Roman *Morfologičeskije nabljudenija nad slavjanskim sklonenjem*. [Morphological observations concerning Slavic declension] // *R.Jakobson. Izbrannye raboty* [Selected writings]. Moscow, 1985, p. 176–197.

Pozdniakov Konstantin *Micromorphologie ou morphologie de paradigme?* // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, t. XCVIII, 2003, fasc.1 p. 3–52.

Zheltov A. Yu. Le système des marqueurs de personne en gban: Le pronom: Un morphème syncrétique ou un syncrétisme des morphèmes? // *Mandenkan. № 41*. Paris, 2005. P. 23–28.

Tone in Mande Verbal Morphology

Тон в глагольной морфологии языков манде*

Доклад посвящен формальным и семантическим свойствам тональных морфем в языках Африки на примере глагольной морфологии языков манде.

По формальному признаку в рассматриваемых языках можно выделить так называемые аддитивные и заместительные тоны. Аддитивные тоны присоединяются к лексическому тону знаменательного слова слева (префиксально) или справа (суффиксально). Например, в идиомах дан (южные манде) ультра-низкий тоновый суффикс маркирует инфинитив. Заместительные тоны полностью или частично модифицируют лексический тон. Например, в муан (южные манде) в имперфективе все глаголы, вне зависимости от лексического тона, получают грамматический средний тон. Аддитивные тоны, как правило, являются результатом недавней грамматикализации сегментных показателей в конкретных языках, а заместительные тоны, по-видимому, представляют собой значительно более древнее явление, в некоторых случаях их можно реконструировать, по крайней мере, для праязыков конкретных групп (например, низкий тон для пра-юго-западных манде).

С точки зрения отношения между формой и значением, в языках манде можно выделить три типа тональных показателей. В первом случае некоторый тональный показатель T_1 однозначно ассоциируются с определенным грамматическим значением M_1 — ср. упомянутый выше средний тон в муан, который возникает только в форме имперфектива. Во-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

вторых, некоторый тональный показатель T_1 встречается в нескольких видо-временных конструкциях с гетерогенным множеством значений $M_1, M_2 \dots M_n$, поэтому трудно однозначно вывести семантический инвариант такого показателя – например, заместительный низкий тон в кпелле (юго-западные) и бен (южные). Третий случай – это когда некоторое грамматическое значение M_1 маркируется разными тонами $T_1, T_2 \dots T_n$ у разных глаголов, которые в этом случае образуют морфологические подклассы. Последний тип, по-видимому, характерен только для южных манде и может претендовать на статус ареальной черты верхнегвинейского языкового союза, поскольку он также встречается в языках кру и ква.

Nilsson, Morgan

University of Gothenburg
Sweden

М. Нильссон

Университет Гётеборга, Швеция

К вопросу о тональном маркировании падежа в языке сомали

Does tone mark case in Somali?

Somali is claimed to have absolutive and nominative case (Andrzejewski 1979, Hyman 1981, Banti 1984, 1988, Frascarelli 1999, Saeed 1999, among others). The absolutive is unmarked, and the nominative is limited to non-focused subject NP's, and to the very last constituent within such an NP. The case distinction is expressed by specific nominative morphemes in some contexts, and by tonal accent distinctions in others.

In this talk the tonal accents expressing these 'cases' will be re-examined based on data from an on-going project on Somali prosody and prosodic typology.

While the previous literature reports that the nominative / absolutive case distinction is expressed as a systematic tonal distinction, project data suggest that the position of the subject NP plays a significant role for the distribution of tone.

The traditional ‘nominative’ tone is systematically encountered when the subject NP immediately precedes the VP, but in other positions, i.e. clause finally or when the subject NP is followed by another NP, the ‘absolutive’ tone is also encountered.

The analysis presented will cover all major types of nouns exhibiting ‘nominative’ tone: indefinite nouns, proper names, and nouns with certain determiner suffixes. Such nouns are investigated in contexts where they function as a non-focused subject in a directly pre-VP position, in a pre-NP position, and in a post-VP position. The analysis of these data takes into consideration factors such as topic and focus marking (cf. Frascarelli 1999, Lecarme 1999, Frascarelli & Puglielli 2009, Ismail, in press) as well as phrase boundary marking in order to show that typologically, the arguments in favour of treating tone as an expression for nominative case in Somali are not as self-evident as it has been generally assumed.

Старостин Г.С.
РГГУ / РАНХиГС, Москва
George S. Starostin
Russian State University for the
Humanities, Moscow

On the Role of Languages with Complex Phonologies in Distant Linguistic Comparison: The Case of Uduk and Nilo-Saharan

К вопросу о роли фонологически сложных языков в дальнем сравнении: язык удук и нило-сахарская гипотеза

На языке удук (твампа) говорят около 22 тыс. человек в Восточном Судане, на границе с Эфиопией. На фоне как своих ближайших родственников (языки команской семьи — квама, комо, опо), так и языковых семей, с которыми он потенциально связан дальним родством в рамках нило-сахарской гипотезы, удук отличается чрезвычайно сложным устройством системы консонантизма. Так, в его инвентаре одновременно присутствуют

глоттализированные и имплозивные фонемы, наличествует оппозиция между дентальными и альвеолярными согласными, выделяется особый ряд глухих придыхательных согласных и т. п. Поскольку для большинства этих фонем не удастся сходу обосновать вторичность их происхождения, в ряде работ по нило-сахарской гипотезе (например, в словаре К. Эрета) фонологическая система удук считается архаичной — настолько, что пранило-сахарский консонантизм в большой степени оказывается совпадающим с консонантизмом удук.

Поскольку сохранение сложной сверхдревней фонологической системы в одном языке (который сам по себе даже не представляет одну из первичных ветвей макросемьи, а является членом одной из подветвей команской семьи) априори представляется маловероятным, требуется в первую очередь разобраться во внутреннем устройстве команской семьи и определить место в ней языка удук. В докладе будут представлены общие сведения по топологии, лексикостатистике и исторической фонетике команских языков, которые позволят хотя бы частично ответить на вопрос — действительно ли типологическая уникальность удук соответствует его исторической уникальности, или же все-таки она сложилась вторично, в результате воздействия сложных внутренних и ареальных факторов? На наш взгляд, ближе к истине оказывается второй ответ, и вся ситуация в целом оказывается классическим примером того, как игнорирование вопросов исторической реконструкции на «низких» уровнях (наподобие команского) пагубно сказывается на попытках исторической реконструкции на «глубоких» уровнях (таких, как нило-сахарский).

Столбова О.В.
ИВ РАН, Москва
Olga V. Stolbova
Institute of Oriental Studies,
Moscow, Russia

Towards Historical Morphology of Chadic: Noun Marking in Singular

К исторической морфологии чадских языков: маркирование имени в единственном числе

В докладе рассматривается взаимосвязь между исследованиями по исторической фонетике и морфологии, с одной стороны, и между морфологией и лексической реконструкцией – с другой.

Применительно к чадским языкам особую проблему представляют лексикализованные (“frozen”) аффиксы, для их отождествления необходим сопоставительный анализ значительной части лексического корпуса.

В качестве примера приводится система аффиксов, маркирующих имя существительное в ед. ч. (“nominal singulative suffixes”). Устанавливаются общие показатели в чадских и кушитских языках (где аналогичная система может состоять из семи элементов), а также генетическая связь одного из аффиксов (-f) с египетским местоимением 3 л. м. р. Предлагается афразийская этимология для одного из наиболее частотных аффиксов (-d'), который реконструируется не только в именах, но и в количественных числительных.

Суетина Ю.Г.
ИСАА МГУ, Москва
Yulia G. Suetina
Lomonosov Moscow State
University, Russia

Some Addenda to the Verbal System of Hausa

О некоторых дополнениях к глагольной системе хауса

Глагольная система хауса является наиболее изученной областью языка. Тем не менее, есть некоторые моменты, которые нуждаются в дополнительном разъяснении.

Глагольная система хауса состоит из десяти глагольных форм, которые выражают не столько время, сколько вид действия. Так, форма *suna* (Imperfective) выражает действие в процессе его развертывания, безотносительно момента совершения этого действия. Все исследователи хауса указывают, что эта форма может передавать будущее действие. Анализ литературных произведений на хауса показал, что форма *suna* действительно употребляется для передачи действия, мыслимого как будущее, но только в тех произведениях, которые были созданы в 30-х годах прошлого века. В современных произведениях, а также в материалах СМИ подобное употребление формы *suna* не отмечено.

Глагольная форма, называемая Allative, передает ближайшее будущее и ограничена одним глаголом. Но ни в одном исследовании при анализе этой формы не указывается, что Allative употребляется только в устной речи. Отмечено довольно частое употребление Allative в произведении Абубакара Имам, классика художественной литературы на хауса, „Ruwan Bagaja“. Но повествование в этом произведении ведется от первого лица, что и является объяснением частого употребления Allative.

Форма *saa* (Potential) трактуется почти всеми исследователями как будущее возможное время, что идет вразрез с частым употреблением этой

глагольной формы в поговорках, например, *Kome nisan dare gari yaa waye*, что соответствует русскому ‘Как веревочке не виться, а конца не миновать’. Практически любое действие, мыслимое как будущее, является возможным. Проведенное при помощи информантов исследование показало, что они не делают различия между формой будущего времени *za su* и *saa*, а анализ текстов отчетливо продемонстрировал тот факт, что, в отличие от формы *za su*, форма *saa* употребляется исключительно в прямой речи и никогда – в речи автора. Примеры, приведенные, например, Ф. Джаггером, показывают, что возможность выражается не самой глагольной формой, а соответствующими наречиями – *kila* ‘вероятно’ *mai uiwuwa* ‘возможно’ и др.

Фридман И.А.
Православный Святотихоновский
государственный университет
Москва, Россия
Iosif A. Fridman
St. Tikhon's Orthodox
University, Moscow, Russia

On the Genesis of the Forms of the Main Imperfective Predicate in Some Ethiosemitic Languages

К происхождению форм главного сказуемого в имперфективе в некоторых южных эфиосемитских языках

Общей чертой большинства южных эфиосемитских языков является морфологическое различие форм глагола-сказуемого в главной и в зависимой клаузе. Различение это осуществляется двумя основными способами: 1) в некоторых языках (амхарском, харари и др.) форма главного предиката в имперфективе расширяется за счёт добавления диахронически вспомогательного глагола, восходящего к праэфиосемитскому *hlw ‘иметься (в наличии), существовать’; 2) в других языках (соддо, гогот и др.) форма главного предиката (как в имперфективе, так и в перфективе) расширяется за счёт добавления особых суффиксальных показателей, получивших в

эфиопистике наименование «маркеров главного глагола» (англ. main verb markers). Как таковая эта структурная особенность южных эфиосемитских языков представляет собой ярко выраженный морфосинтаксический кушитизм, отражая влияние центральнокушитского (агавского) суб- и адстрата.

В нашем сообщении будет предпринята попытка продемонстрировать, что первый из указанных способов диахронически представляет собой не что иное, как эволюцию семантики и изменение сферы применения особой грамматической формы глагола, в прошлом употреблявшейся без различия в главных и в зависимых клаузах и выражавшей отдельную граммема грамматической категории глагольного времени. Ключевыми для нашей темы оказываются данные северного эфиосемитского языка тигринья, в котором эта граммема наличествует и сегодня. Ядерным значением этой весьма редкой в языках мира граммемы, до сих пор не имеющей общепринятого названия в международной типологической номенклатуре, является повышенная прагматическая релевантность события, имеющего место в настоящем. Таким образом, граммема представляет собой как бы презентный коррелят другой глагольной граммемы, широко известной в языках мира и сравнительно хорошо изученной – перфекта. Как кажется, впервые данная граммема была выделена всего несколько лет назад на материале цахурского языка (см.: А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 1999. С. 223-229), где она названа дуративом; сами авторы оговаривают предварительный, пробный характер подобного наименования). Мы сделаем попытку показать, что эта весьма интересная в типологическом плане граммема не только встречается в эфиосемитских языках, но и послужила источником для особой морфологической формы главного (финитного) имперфектива в части этих языков.

Ханёнова Т.О.
ИСАА МГУ/ИЯз РАН, Москва
Гуссе Калиду
РУДН, Москва
Tatiana O. Khanyonkova
Lomonosov Moscow State University/
Institute of linguistics, Moscow, Russia
Kalidou Guisse
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Phonetic Features of the Consonants *c* and *j* in Wolof (Dyolof)
Фонетические признаки согласных *c* и *j* в языке волоф
(на базе диалекта дьолоф)*

Несмотря на то, что таксономическое описание фонетической системы языка волоф (атлантическая семья, Нигер-Конго) представлено в многочисленных источниках и в целом не вызывает дискуссий, остается актуальным точный фонетический анализ звуков, артикуляторные и акустические признаки которых неочевидны.

В настоящем сообщении мы сосредоточимся на признаках звуков, обозначаемых в современной орфографии и в большинстве источников буквами *c* и *j*. В более старых источниках, например [Ward 1939 / 1963; Sauvageot 1965; Diagne 1971], они характеризуются как смычные палатальные согласные (причем специалист по фонетике И. Вард специально настаивает на такой характеристике), тогда как в некоторых более поздних, например [Никифорова 1981; Ngom 2003] – как аффрикаты. Остается, таким образом, открытым вопрос о том, артикулируются эти согласные только при помощи взрыва после смычки средней части языка и альвеол или содержат также самостоятельный фриктивный компонент. Простой аудиальный анализ, безусловно, демонстрирует очевидную разницу между *c* в волоф и

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ №17-78-20071 «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ»

русской аффрикатой [ч], как и между *j* в волоф и английской аффрикатой [dʒ], но этого недостаточно для того, чтобы уверенно что-либо утверждать об их фонетических признаках.

В докладе на материале диалекта дьолоф будут представлены результаты систематического инструментального исследования согласных *c* и *j* в нескольких десятках лексем, иллюстрирующих разные фонетические контексты.

Литература

Никифорова Л.А. Язык волоф. М.: Наука, 1981.

Diagne P. Grammaire de wolof moderne. Paris: Présence africaine, 1971.

Ngom F. Wolof. München: Lincom Europa, 2003.

Sauvageot S. Description synchronique d'un dialecte wolof: Le parler du Wolof. Dakar: IFAN, 1965.

Ward I.C. A short phonetic study of Wolof (Jolof) as spoken in the Gambia and in Senegal // Africa 12(3), 1939. Reprinted in: Manessy G., Sauvageot S. (éds.). Wolof et serer. Dakar: Université de Dakar, 1963.

Шатохина С.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург

Sofia A. Shatokhina

St. Petersburg State

University, Russia

Contrastive Analysis of Mwiini and Swahili

Сопоставительный анализ языков мвиини и суахили

Мвиини – находящийся под угрозой исчезновения идиом, на котором говорили в сомалийском городе Брава. Согласно генетической классификации Дж. Гринберга, мвиини относится к группе бенуэ-конго нигеро-конголезской семьи. Согласно внутренней классификации М. Гасри, мвиини входит в зону G. Традиционно мвиини считается одним из северных диалектов суахили, однако Дж. Махо определяет мвиини как отдельный язык. Следует отметить, что суахили и мвиини не являются взаимопонятными, однако при анализе обнаруживают сходные структурные

черты: стандартный порядок слов *SVO* для имен и *SOV* для местоимений, роли выражаются глагольной индексацией, т.е. маркирование – вершинное, глагольные конструкции одинаковы. Выявляются регулярные фонетические соответствия, однако из-за влияния арабского языка в мвиини, в отличие от суахили, есть велярный смычный /k^h/ и нехарактерная для стандартного суахили геминация. Именные классы и деривационные суффиксы стандартного суахили находят себе параллели в мвиини как по форме, так и по значению.

Долгота гласных в мвиини – это аспект силлабической системы, не имеющий аналогов в стандартном суахили. Потенциальная долгота гласного звука может реализоваться лишь в определенных случаях, а именно если слог является предпоследним или третьим от конца. Более того, даже слог, занимающий третью от конца позицию, не становится долгим, если предпоследний слог тоже долгий или сменяется последовательностью двух консонантов (*ma:limu* ‘учитель’). В мвиини есть два тона – высокий и низкий, однако не всегда можно четко разделить тональную систему и интонацию.

Шлуинский А.Б.

Институт языкознания РАН, Москва

Andrey B. Shluinsky

Institute of Linguistics, Moscow, Russia

Reduction of the Noun Class Suffix in Akebu

Редукция суффиксального показателя именного класса в языке акебу*

Язык акебу принадлежит к группе кебу-анимере семьи ква и распространен в основном в префектуре акебу Республики Того. Настоящее сообщение основано в основном на полевых данных, полученных в ходе экспедиции 2016 г.

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ №15-34-01237

В акебу представлена продуктивная система именных классов, в отличие от других систем с именной классификацией в языках ква являющаяся инновативной, как показано в [Коношенко 2016]. В морфологии существительного именные классы маркируются одновременно как общекваскими префиксами, так и восходящими к показателям детерминации суффиксами. Сама система была описана в [Макеева, Шлуинский 2015]. С точки зрения согласования, в акебу представлено семь именных классов, которые мы называем по форме самостоятельных местоимений NU , BE , DE , WU , YE , GE , GBE и которые имеют соответственно суффиксальные показатели $-\text{y}\hat{a}$, $-\text{p}\hat{a}$, $-\text{t}\hat{a}$, $-\text{w}\hat{a}$, $-\text{y}\hat{a}$, $-\text{k}\hat{a}$, $-\text{kp}\hat{a}$; часть классов имеют морфологические подклассы, связанные с различным префиксальным маркированием.

Если система классовых префиксов в синхронном состоянии акебу стабильна, то суффиксы подвержены сразу двум процессам, поверхностный результат которых может быть общим и состоять в физическом отсутствии классового показателя. Первый из этих процессов может быть назван опущением классового показателя и имеет морфосинтаксическую природу, будучи связанным с определенными синтаксическими контекстами. Второй, на котором мы сосредоточимся в данном сообщении, напротив, является факультативным, чисто фонетическим процессом, не связанным (по крайней мере, напрямую) ни с синтаксической позицией существительного, ни даже с регистром речи; его мы называем редукцией.

Редукции могут быть подвержены суффиксальные показатели $-\text{y}\hat{a}$ (как в классе NU , так и в классе YE ; попадание в эту группу омонимичных показателей разных классов лишней раз подтверждает формальный, фонетический характер явления) и $-\text{w}\hat{a}$. Представлены четыре ступени редукции: исходная, при которой сохраняется полная реализация классового суффикса: $\text{ò-kú-y}\hat{a}$ ‘комнаты’ [$\text{òkúj}\hat{a}$], $\text{níj-w}\hat{a}$ ‘конец’ [$\text{níjw}\hat{a}$]; частичная, при которой классовый показатель редуцируется до одного сегмента: $\text{ò-kú-y}\hat{a}$ ‘комнаты’ [òkúí], $\text{níj-w}\hat{a}$ ‘конец’ [$\text{níy}\hat{h}$], $\text{à-kóh-y}\hat{a}$ ‘дороги’ [akóíh], $\text{nìmi-w}\hat{a}$

‘иголка’ [nìmím]; коартикуляционная, при которой от классного показателя не остается отдельного сегмента, но меняется качество предшествующего сегмента и заимствуется тональный контур: wā́tá-wá ‘браслет’ [wā́tá]; полная, при которой классный показатель исчезает полностью á-wéé-yá ‘рыба (массовое)’ [áwéé]. В докладе на материале сопоставления полных и редуцированных форм нескольких десятков существительных будут рассмотрены основные тенденции соответствия редуцированных форм полным.

Литература

Коношенко М.Б. Механизмы утраты именных классов в языках ква // Типология морфосинтаксических параметров. М.: МПГУ, 2016. С. 186-201.

Макеева Н.В., Шлуинский А.Б. Именные классы и согласование в языке акебу // Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Ключ-С, 2015. С. 174-200.

**Подсекция В. Синтаксис. Грамматическая семантика
PANEL I-3 В: Syntax**

Aplonova, Ekaterina
St. Petersburg State University
Аплонова Е. С.
СПбГУ, Санкт-Петербург

Система видо-временных и модальных категорий языка гоо

Tense – Aspect – Modality system of Goo

Goo is a Mande language spoken in Ivory Coast (~ 7000-8000 speakers). TAM meanings in Goo are expressed by means of subject pronouns and pronominal predicative markers (PPM), tonal changes, suffixes and auxiliary elements.

There are 5 series of subject pronouns and 4 series of PPM. They express cumulatively both pronominal values (such as person and number) and TAM and polarity meanings. The difference between subject pronouns and PPM is that PPM

must appear even when a full-fledged subject noun phrase is available, while subject pronouns are not used in this context. There are 6 tonal classes of verbs in Goo which are presented in Table 1.

Table 1. Tonal classes

	Segmental structure	Lexical tonal contour	High-low tonal contour	Rising tonal contour
1	CV	H	H	eH
2	CV	eL	H	H
3	CVV	H-H	L-L	H-(H)
4	CVV	eH-H	L-L	eH-eH
5	CVV	eL-eL	L-L	L-(L)
6	CVIV	L-H	L-H	L-eH

As Table 1 shows, lexical tonal contour may change into high-low or rising. eH refers to an extra-high tone, H to a high tone, L to a low tone, eL to an extra-low tone. The tonal contour depends on pronominal elements and verb structure (absence or presence of suffixes).

The following affirmative verbal constructions can be found in Goo: habitual, progressive, continuative, resultative, punctive, perfect, immediate past and future, prospective, future, imperative, conjunctive. The negative verbal constructions are: negative habitual, negative progressive, negative continuative, negative perfective, negative future, prohibitive, negative presumptive. The list of verbal constructions available in Goo demonstrates a great similarity with those in Tura and Dan, two closely related languages.

Персистив в языке манда: описание и панхронический анализ

The persistive in Manda – a description and panchronic analysis

The persistive or the “still-tense” is a wide-spread category in Bantu (Nurse 2008: 145). Bantu languages tend to mark this category with a prefix, typically of the shape *kV-* (Maho 2001). However, Manda (Bantu N.11), spoken along the eastern shores of Lake Nyasa in Southern Tanzania, does not adhere to this canonical structure. Instead, the persistive is expressed with the element *-(a)kona*, inflected for subject indexation. In a complex construction *-(a)kona* carries the persistive meaning and operates on the main situation encoded in the lexical verb. The lexical verb appears either inflected or in the infinitive form, depending on which specific meaning the proposition intends to convey. As a consequence, *-(a)kona* can be employed to express both affirmative ‘still’ and negative ‘not yet’, as exemplified in (1) and (2) respectively.

(1) *nákóna nilóta*

ni-akona ni-lut-a

SM1SG-PERS SM1SG-go-FV

‘I’m still going.’

(2) *ákóna kúya muhána wángu*

a-kona ku-y-a mu-hana u-angu

SM3SG-PERS INF-be-FV NCP1-wife 1-POSS1SG

‘She is not my wife yet.’

The objective of this study is to describe the constructional and functional properties of the persistive marker in Manda. In addition, this study accounts for its semasiological origin and development. It is argued that despite its verb like appearance, the persistive originates in a locative pronoun used as a predicate and is the result of a recent innovation triggered by language contact with a South African Nguni variety spoken by the invaders and later rulers of parts of Southern Tanzania in the 19th century.

References

- Maho, F. 2008. Comparative TAM morphology in Niger-Congo: the case of persistent, and some other, markers in Bantu. In: Josephson & Söhrman (eds) *Interdependence of diachronic and synchronic analyses*, 283-298. Amsterdam: John Benjamins.
- Nurse, De. 2008. *Tense and aspect in Bantu*. Oxford: Oxford University Press.

Макеева Н.В.
ИЯз РАН, Москва
Nadezda V. Makeeva
Institute of Linguistics
Moscow, Russia

Adjectives in Akebu

Прилагательные в языке акебу*

Принадлежность лексемы к классу прилагательных определяется его способностью употребляться, с одной стороны, в атрибутивной функции, с другой стороны – в предикативной функции [Creissels 2003; Dixon 2004]. В языке акебу (< кебу-анимере < левобережные < ква < нигер-конго) имеется два малочисленных класса прилагательных, обладающих различными морфосинтаксическими свойствами.

Первый класс содержит около десяти прилагательных, способных выступать только в адъективной позиции. Второй класс содержит чуть более двадцати прилагательных, способных выступать как в адъективной, так и в предикативной позиции. В последнем случае они требуют употребления глагола-связки, отличного от того, который употребляется при существительных в предикативной позиции. Почти все прилагательные данного класса являются немотивированно редуцированными.

Большинство лексем акебу, имеющих типично адъективные значения, являются стативными глаголами. При этом не обнаруживается никакого семантического распределения между классами прилагательных и глаголов, в

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ №15-34-01237

обоих присутствуют лексемы различных семантических классов, предложенных Р. Диксоном [Dixon 1977]:

DIMENSION: *tótótóó* ‘короткий’ (прил.); *kòḡ* ‘короткий’ (гл.);

PHYSICAL PROPERTY: *ríḡríḡ* ‘тяжёлый’ (прил.); *krāā* ‘сухой’ (гл.);

COLOUR: *yòṭoyòṭò* ‘зелёный; синий’ (прил.); *mōēēḡ* ‘красный’ (гл.);

AGE: *wéḡ* ‘новый’ (прил.); *kīyīṭi* ‘старый’ (гл.);

VALUE: *tṛṛṛṛṛ* ‘плохой’ (прил.); *rōḡ* ‘хороший; красивый’ (гл.).

В то же время глаголы характеризуются рядом морфосинтаксических признаков, свойственных прилагательным. Во-первых, так же, как и прилагательные, глаголы инкорпорируются между основой существительного и суффиксальным показателем именного класса: *fú* ‘покупать’ > *ò-tù-fú-yâ* ‘купленные вещи’. Во-вторых, глаголы, как и некоторые прилагательные, могут быть номинализваны при помощи редупликации. Существительное, образованное от прилагательного, обозначает носителя признака, тогда как отглагольное существительное обозначает субъект действия/состояния, если исходный глагол непереходный, и объект,^[7] если глагол переходный: *kràtí* ‘красивый’ (прил.) > *krīkràtí-wâ*, *kràtikràtì-wâ* ‘некто красивый, нечто красивое’; *wì* ‘расти’ (гл.) > *wīwī-wâ* ‘то, что растёт’; *là* ‘рвать’ (гл.) > *līlāà-wâ* ‘нечто порванное’.

Литература

Creissels, D. Adjectifs et adverbes dans les langues subsahariennes // Sauzet, P. & Zribi-Hertz, A. (éd.). Typologie des langues d’Afrique et universaux de la grammaire 1(1). Paris: L’Harmattan, 2003. P. 17-38.

Dixon, R. M. W. Where have all the adjectives gone ? // Studies in Language 1. 1977. P. 19-80.

Dixon, R. M. W. Adjective Classes in Typological Perspective // R. M. W. Dixon & Alexandra Y. Aikhenvald (eds.), Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology. Oxford University Press, 2004. P.1-49.

Between Taxis and Condition: Functions of the Marker *vá* in Akebu

Между таксисом и условием: функции показателя *vá* в языке акебу*

Язык акебу относится к группе кебу-анимере левобережной ветви семьи ква (нигеро-конголезские) и насчитывает около 50 тысяч носителей на территории государства Того в префектурах Акебу и Вава. В акебу имеется два основных обстоятельственных союза, кодирующих таксисные отношения между ситуациями: *vá* ‘когда, если’ и *ká* ‘когда’, а также составной союз *tā ká* ‘в то время как’ (*ká* с нейтральным локативным предлогом). Помимо этого, имеется также условный союз *màḥ* ‘если’. Наибольший интерес представляет собой употребление союза *vá* как промежуточной в функциональном отношении единицы между таксисной и условной семантикой, которое и будет предметом обсуждения в настоящем докладе. Материал для доклада собран в полевой работе в деревне Джон префектуры Акебу в октябре 2013 г.

Союз *vá* не может быть отнесен к полноценным условным союзам, поскольку в отличие от *màḥ* не используется в контекстах ирреального и контрфактивного условия, как, например, в (1).

- (1) *màḥ néé-rè-yé à-sōtā-yə náá-pà-krè*
если NASS.3.NAV-FUT-делать YƏ-работа-YƏ 1SG.NAV-FUT-спать

‘Если бы он работал, я бы поспал.’

С другой стороны, данный союз не может использоваться при единичном совпадении ситуаций во времени (2) и маркирует только совпадение квантов хабитуальных ситуаций (3).

- (2) *ká/*vá ā-nìni lā ké-yə fàà-wə*

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ №15-34-01237

когда 2SG.STAT-видеть_{POF} POSS.2SG друг-_{WU} радость-_{WU}
wə-fíí *mí*
 WU.STAT-входить_{POF} OBJ.1SG

‘Я обрадовался, когда ты увидел своего друга.’

(3) *və náá-nìḡ lə fàà-wə* *wəḡ-fí* *mí*
 когда 1SG.НАВ-видеть OBJ.2SG радость-_{WU} WU.CONJNT-
 входить OBJ.1SG

‘Когда я тебя вижу, радуюсь.’

Единственное исключение составляют контексты будущего времени, как в предложении (4) ниже.

(4) *və né-yé à-cōmā-yə* *ná-lé* *néé-pè-tī*
 когда 1SG.PFV-делать YƏ-работа-YƏ 1SG.PFV-закончить
 1SG.НАВ-FUT-есть

‘Когда я закончу работать, поем.’

Таким образом, союз *və* используется в случаях, когда ситуации примерно совпадают во времени, но при этом зависимая ситуация не является референтной, а связана квантором существования и имеет, по [Падучева 1985], нейтральный референциальный статус (ср. похожий анализ форм тундренного юкагирского языка в [Maslova 2003: 374]). В соответствии с этим, *və* может рассматриваться как специализированное средство маркирования таксисного отношения обусловленной одновременности (англ. contingency [Kortmann 1998]).

Литература

- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
 Kortmann В. Adverbial subordinators in the languages of Europe // van der Auwera J. & Ó Baoill D. P. (eds.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Empirical approaches to language typology 20-3. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.
 Maslova E. A Grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin: Mouton de Gruyter. 2003.

Serialization Constructions with Verbs of Motion in San-Maka

Конструкции сериализации с глаголами движения в сан-мака

В сан-мака (восточные манде) следует различать конструкции сериализации и глагольные цепочки. В последних каждый глагол имеет при себе прономинальный субъект: *nē bɔ̄ á tɛ̀nàá* ‘Ребенок упал (букв. «Ребенок покинул, он упал»)’. В конструкциях сериализации последовательность из двух или трех глаголов соотносится с одним и тем же подлежащим и предикативным показателем. Сериализация возможна в трех случаях: 1) с глаголами движения *dāā* ‘приходить’ *wōō* ‘уходить’; 2) с глаголом *dɔ̄* ‘знать, уметь’; 3) с глаголом *jē* ‘видеть, находить’. Каждая из этих конструкций имеет свою специфику. В докладе будут рассмотрены конструкции с глаголами движения.

В сан-мака глаголы в независимой клаузе представлены двумя видовыми формами: перфективной или имперфективной. Глагол движения и следующие за ним глаголы должны обладать сходной аспектуальной характеристикой: PERFV + PERFV либо IMPERFV + IMPERFV:

Перефективные формы:

- (1) *Gòé wōō gā kóólāā lì.*
леопард.PFV[†] уйти.PFV искать.PFV черепаха на
‘Леопард отправился на поиски черепахи’.

Имперфективные формы:

- (2) *Gòé ĩ wōé gĩè kóólāā lì.*
леопардPM.IPFV уйти.IPRF искать.IPRF черепаха на
‘Леопард отправляется (отправлялся) искать черепаху.’

[†] Здесь предикативный маркер представлен высоким тоном на последнем слоге субъектной ИГ, поскольку существительное *gòé* ‘леопард’ имеет в исходе высокий тон, оно не меняет своей тональной характеристики.

В (2) действие может относиться как к плану настоящего, так и к плану актуального прошедшего, поскольку глагольные формы не имеют собственно временного значения. В плане прошедшего различается не столько время действия, сколько актуальность для настоящего момента (для выражения неактуальности используется показатель ретроспективного сдвига).

При необходимости выразить более сложную аспектуальную конфигурацию используются глагольные цепочки (каждый глагол имеет эксплицитно выраженное подлежащее):

Имперфектив + перфектив:

(3) *Gòé* *ḡ* *wōé* *á* *gā* *kóólāā* *lì*.
 леопард.PM.IPFV уйти.IPRF 3SG.PFV искать.PFV черепаха
 на

‘Леопард уходит, он сразу станет искать черепаху.’

Перфектив + имперфектив:

(4) *Gòé* *wōò* *áá* *īè* *kóólāā* *lì*.
 леопард.PFV уйти.PFV 3SG.IPFV искать.IPFV черепаха
 на

‘Леопард ушел, чтобы заняться поисками черепахи.’

В докладе будут продемонстрированы также конструкции сериализации с тремя глаголами.

Литература

Paré, Moïse. *L'énoncé verbal en san (parler de Yaba)*. Mémoire de maîtrise. Université de Ouagadougou, 1998.

Глагольный показатель *tsa* в языках банту группы восточные руву

An analysis of the verbal formative *tsa* in the East Ruvu Bantu languages

This presentation explores a morphosyntactic phenomenon found in closely related languages in the East Ruvu Bantu group (Kagulu, Kami, Kwere, Kutu, Luguru and Zalamo). The languages in question constitute a dialect continuum in the Morogoro region, Tanzania. Notwithstanding their many similarities, these languages show a significant degree of diversity in terms of their tense, aspect and mood [TAM] systems, despite an otherwise close relationship (Petzell 2012, Petzell & Hammarstöm, 2013). The variation that is the topic of this talk concerns the TAM formative *tsa*. This formative occurs frequently in Luguru and occasionally in Kami but never in the other languages. The reason for not using a descriptive label is simply that its exact function is still unclear. In Luguru, the formative seems to bear a referential meaning, similar to ‘at a specific time’. Compare the Luguru *nigenda* ‘I went’ with *tsanigenda* ‘at that time/because I went’. Similarly in Kami, the influence of *tsa* can be illustrated with the sentences *nikala* ‘I sat’ and *tsanikala* ‘I sat at that point in time (which also means I’m not sitting anymore)’. In the only description of Luguru, there is a comparable particle (*zaa*) restricting the event to one determinate moment in the past (Mkude 1974: 95-95).

The talk will explore the origins of this formative, its syntactic status and its function. Comparisons to languages outside the East Ruvu group will also be made.

References

Mkude, D. J. (1974). A Study of Kiluguru Syntax with Special Reference to the Transformational History of Sentences with Permuted _Subject and Object. University of London, London.

Petzell, M. (2012). The under-described languages of Morogoro: A sociolinguistic survey. *South African journal of African languages*, 32(1), 17-26.
Petzell, M., & Hammarstöm, H. (2013). Grammatical and lexical comparison of the Greater Ruvu Bantu languages *Nordic journal of African Studies*, 22(3).

Рябова И.С.
ИЯз РАН, Москва
Irina S. Ryabova
Institute of Linguistics
Moscow, Russia

Polysemy of the Item -ja in Swahili

О многозначности языковой единицы -ja в языке суахили

В предлагаемом сообщении морфема *-ja* рассматривается как многозначная языковая единица, между многообразными значениями которой существует очевидная семантическая связь.

Перечень употреблений морфемы *-ja* в языке суахили включает:

корневую основу *-ja* самостоятельного предиката с наиболее частым частным значением ‘приходить’, ‘прибывать’ и полной глагольной парадигмой: *atekuja* ‘он-пришел’, *atakuja* ‘он-придет’;

корневую основу *-ja* вспомогательного компонента (с грамматическим вариантом *-je*) в ряде аналитических глагольных форм:

Nawe uwe na fahamu sawa uje uwaeleze wanao ‘Ты разберись во всем хорошенько, чтобы затем ты бы объяснил все своим детям’; *Atakuja kuuawa* ‘Скоро он-будет убит’; *Asi je akaanguka* ‘Как бы ему не упасть’;

грамматическую морфему *-ja-* в составе полиморфного предкорневого глагольного формата *-jaro-*, выражающего значение уступительности: *Wakoloni wajapotoka mlango wa mbele watafuta mlango wa nyuma wa kurudi nchini* ‘Колонизаторы, даже если выходят через парадный подъезд, ищут черный ход, чтобы вернуться в страну’;

предкорневой аффикс *-ja-*, употребляемый языком суахили совместно с формантом отрицания *ha-* для передачи глагольного значения неприступления к действию: *hawa^{ja}amka* ‘Они еще не проснулись’.

Грамматико-семантический анализ всех случаев использования в суахили языковой единицы *-ja*, как кажется, не позволяет видеть в различных употреблениях этого элемента грамматически и/или семантически самостоятельных единиц и говорить о четырех омонимичных элементах, каждый со своим не связанным с другими лексическим или грамматическим значением.

В предлагаемом сообщении устанавливается общее инвариантное значение языковой единицы *-ja*, и ее различные употребления рассматриваются как выводимые из инварианта семантические варианты, реализующиеся в разных контекстных условиях.

Сапожникова М.А.
НИУ ВШЭ/ИЯз РАН, Москва
Maria A. Sapozhnikova
National Research University –
Higher School of Economics/ Institute of linguistics
Moscow, Russia

Adjectives and Qualitative Verbs in Jogo

Прилагательные и качественные глаголы языка джого*

В языке джого (< западные манде) выделяются две части речи, являющиеся модификаторами существительных: прилагательные и качественные глаголы. Главной задачей исследования было определить, как формально разграничить две части речи.

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ №17-78-20071 «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ»

Прилагательные – класс слов, которые занимают позицию атрибутивного определения в именной группе или позицию вторичного предиката. От прилагательных могут образовываться существительные при помощи суффикса *-ya* (*nā* ‘красивый’ – *náya* ‘красота’). От прилагательного также можно образовать глаголы со значением ‘становиться X’ – присоединением к основе прилагательного перфективного суффикса *-rè*:

krē ‘белый’ – *krērè* ‘побелеть’;

gbùù ‘чёрный’ – *gbùùré* ‘почернеть’;

tànà ‘красный’ – *tànàré* ‘покраснеть’.

Квалитативные глаголы синтаксически схожи с обычными глаголами: они занимают только позицию предиката. Но квалитативные глаголы, в отличие от обычных глаголов, имеют видо-временную парадигму, ограниченную до перфективных форм.

Урб М.Р.
ИСАА МГУ, Москва
Monika R. Urb
Lomonosov Moscow State University
Russia

Expression of the Modal Meanings in Zulu

Способы выражения модальных значений в языке зулу

Категория модальности в плане содержания включает в себя такие значения как возможность, гипотетичность, необходимость, долженствование.

Рассмотрим, как передается модальное значение долженствования в языке зулу. Возможны следующие способы реализации.

1) При помощи вспомогательных глаголов *-fanele*, *-melwe*, *-dingeka*, *-funeka*, *-mane*. По степени категоричности и обязательности побуждения к выполнению действия смыслового глагола указанные глаголы можно

расположить в следующем порядке: *-mane* ‘быть должным, быть обязанным’, *-melwe* ‘быть должным, надлежать’, *-fanele* ‘быть должным, следовать, надлежать’, *-dingeka* ‘требоваться, быть необходимым’, *-funeka* ‘быть необходимым, нужным’. Все названные глаголы могут употребляться в личной форме и в безлично-локативной форме с префиксом *-ku*. За вспомогательным глаголом обычно следует союзное слово *ukuba* ‘что, чтобы’, а далее смысловой глагол в инфинитиве или желательнопобудительном наклонении. Исключение составляет глагол *-mane*, после которого смысловой глагол употребляется только в желательнопобудительном наклонении:

Abamane (mane) bahambe! ‘Они должны уйти!’, *Nimelwe (ukuba) nibasize.* ‘Вы должны (вам надлежит) помочь им’, *Sifanele ukusala ePitoli.* ‘Мы должны (нам следует) остаться в Претории’, *Kufuneka (ukuba) ufunde.* ‘Тебе необходимо учиться’.

2) При помощи инфикса *-bo-*, который следует за субъектным глагольным согласователем, может быть представлена достаточно высокая степень облигаторности действия:

Ngibobhala ukuhlolwa ngesikhathi esifaneleyo. ‘Я должен (обязан) написать экзамен в назначенное время.’; *Ubokhokha isikweletu sakho.* ‘Ты должен (обязан) оплатить свой долг’.

3) При помощи частицы *ngá* модальное значение долженствования менее категоричное, скорее, оно имеет значение ‘следовать, надлежать’:

Ngá sibonana naye namuhla ‘Нам надо бы повидаться с ним сегодня.’; *Ngá ukwenza lokho.* ‘Тебе следует сделать это’.

Noun Phrase Coordination in Gban

Сочинение именных групп в гбан

Сочинение именных групп в языке гбан[‡] осуществляется несколькими способами.

Наиболее распространенный — маркирование каждого конъюнкта послелогом *fɛ'*, обычно сопровождающееся присоединением в конце цепочки «обобщающей» местоименной единицы (лично-числового предикативного показателя в позиции подлежащего или личного местоимения в любой другой позиции):

- (1) *yě* [[*ì yènĩ fɛ'*] [*ì fɛ'*] *ù*] *kpò* *à yɔ'*
3SG\PST я брат и я и мы звать[PFV.NOD] он у
'Он пригласил к себе меня и моего брата' (букв. 'с моим братом, со мной — нас').

- (2) *ì zì* [[*yèvé fɛ'*], [*bàà fɛ'*], [*wó fɛ'*] *ɔ'*] *yɛ'*
1SG IPFV\видеть солнце и деревня и река и они с
'Я вижу солнце, деревню и реку'.

Использование этой конструкции в некоторых случаях выходит за рамки собственно синтаксического сочинения ИГ — так, какие-то из включаемых в множество участников могут быть и не выражены отдельными ИГ, а только выводиться из значения обобщающей местоименной единицы, ср. (3) и (1):

- (3) *yě* [[*ì yènĩ fɛ'*] *ù*] *kpò* *à yɔ'*
3SG\PST я брат и мы звать[PFV.NOD] он у
'Он пригласил к себе **меня и моего брата.**' ('...нас с братом')

[‡] Гбан < южные манде < **манде** < нигер-конго; ок. 55 000 носителей; центральная часть Кот-д'Ивуара; далее используются данные говора бово.

Поведение этой конструкции (семейства конструкций?) представляется типологически необычным и заслуживающим специального рассмотрения, в том числе в свете т.н. «инклюзорных» конструкций типа русск. *мы с моим братом* ‘я и мой брат’, ср. готовящуюся к публикации работу [Khachaturyan Ms.].

Зафиксирован также более редкий способ конъюнкции с единицей *dòò*:

(4) *Mǎlíná dòò à yènǐlè dòò ð-lí ní*

Марина и? он сестра и? ЗРЛ-ФОС IPFV\приходить

‘Придут Марина и ее сестра’.

В некоторых случаях возможно также обычное соположение ИГ — ср. при долгом перечислении:

(5) ... [*ǪǪgá*], [*Dǎliá*], [*Lizá*], [*ì dǒǒ Ylèné*], [*Sǎmǐé*],

Ольга Дарья Лиза я друг Рене Самюэль

zǐgǒ [*Mǎkǐsimù fǒ*] [*ù fǐ*]

тогда Максим и мы и

‘...Ольга, Дарья, Лиза, мой друг Рене, Самюэль, Максим и я’.

Литература

Khachaturyan, Maria. Split reference of inclusory pronominals in Mande and beyond. Ms.

Шаварина Д.
РГГУ, Москва
Dasha Shavarina
Russian State University
for the Humanities,
Moscow, Russia

Distribution of Articles and Other Features of Noun Phrase in Ewe

Дистрибуция артикля и другие особенности именной группы в языке эве

Во многих языках ква представлен артикль, который имеет неоднозначную дистрибуцию и семантическую функцию. В литературе [Aboh 2010: 11] отмечено, что почти во всех контекстах, где артикль может (и, как кажется, должен) быть употреблён, его можно опустить. Это утверждение требует, однако, тщательной эмпирической проверки, причем вначале не для языков ква в целом, а для каждого конкретного языка, имеющего артикль.

В настоящем докладе мы сосредоточимся на материале языка эве – одного из самых крупных и самых изученных языков семьи ква, распространённого на территории Ганы, Того и Бенина. Несмотря на то, что существует достаточно полное описание именной группы эве ([Collins 1985], [Ameke 1991], [Essegbey 1993]), проблема дистрибуции артикля, как и какие-либо ограничения контекстов, в которых он ожидается, не описаны. В докладе мы на материале данных текстов и на материале данных, полученных от носителей языка, покажем, в каких контекстах и при каких ограничениях может опускаться артикль в эве.

Литература

- Aboh, Enoch O. 2010. The Morphosyntax of the Noun Phrase // In Aboh, O. Enoch and James Essegbey, (ed.). Topics in Kwa Syntax. Dordrecht: Springer.
- Ameke, F. 1991. Ewe: its grammatical constructions and illocutionary devices. Ph.D.Thesis, Australian National University.
- Collins, C. T. 1985. Topics in Ewe Syntax. Ph.D. Thesis, Massachusetts Institute of Technology.
- Essegbey J. 1993. The X-bar theory and the Ewe noun phrase. The University of Trondheim Working Papers in Linguistics.

Подсекция С: Лексика. Словообразование. Этимология
PANEL I-3 C: Lexicon. Derivation. Etymology

Белова А.Г.
ИВ РАН, Москва
Anna G. Belova
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia

Archaic African-Arabian Isoglosses

Архаические африканско-арабские изоглоссы

Наряду с базовой лексикой, лексика, связанная с суеверными представлениями человека, представляет один из древнейших лексических пластов языка. Суеверные представления зарождаются ранее сложных политеистических и монотеистических систем и продолжают сосуществовать параллельно с новыми религиозными и материалистическими мировоззрениями.

Воображаемая картина мира отражается в особой системе терминов, обозначающих злые силы и способы защиты от них. Это разного рода демоны и оборотни, вводящие людей в заблуждение, а также амулеты и особые действия, оберегающие человека от вреда и сглаза.

С другой стороны, в эту картину мира включены посредники между человеком и потусторонними силами. Это разного рода волшебники, колдуны, заклинатели, а также прорицатели и оракулы, раскрывающие неведомое и непонятное.

В докладе рассматривается соответствующая тематическая лексика древних и современных языков Северо-Восточной Африки и Аравии, исторически связанной с этим регионом. Выделяются изоглоссы, сложившиеся в разные исторические периоды, локальная и субстратная лексика.

Воронцова О.А.
РГГУ, Москва
Olga A. Vorontsova
Russian State University for the
Humanities, Moscow

Intensifying Adverbs in Mande

Наречия-интенсификаторы в языках манде

Объектом исследования стали наречия-интенсификаторы в пяти языках манде: бамана, какабе, дан, муан, гвинейский кпелле.

Наречия-интенсификаторы являются подклассом группы слов-идеофонов, которые представляют собой отдельный грамматический класс слов (предикатов, квалификаторов или наречий), выражающих значение манеры, цвета, звука, запаха, действия, состояния или интенсивности [Doke 1935]. К словам-идеофонам применяются особые фонологические правила – отличия проявляются в ударении, тонах и длине слова. К примеру, в языке бамана наречия-интенсификаторы всегда несут сверхвысокий тон, а также способны сочетаться только с небольшим числом семантически близких друг другу глаголов, чаще всего с одним или двумя [Выдрин 2008].

В докладе будет представлено описание формальных особенностей этого класса наречий (например, таких как тоны и специфическая сегментная структура) и их семантических особенностей (например, типы классов глаголов или прилагательных, которые они модифицируют) в группе близкородственных языков. Исследование основывалось на материале уже существующих грамматических описаний и словарных данных.

Литература

Выдрин В. Ф. Язык бамана. Учебное пособие // СПб.: издательство СПбГУ, 2008.
Doke, C. Bantu linguistic terminology. London, Longmans, Green, 1935.

Выдрин В.Ф.
INALCO – LLACAN (CNRS) – СПбГУ
Valentin F. Vydrin
National Institute for
Oriental Languages and Civilizations, Paris
France

French Borrowings in Bamana Corpus and Dictionary: To Be Or Not to Be?

Французские заимствования в бамана, в корпусе и в словаре: быть или не быть?*

Язык бамана доминирует в сфере устного общения в Республике Мали, тогда как в официальной сфере, в образовании и в делопроизводстве почти безраздельно господствует французский. Практически все слои элиты неизбежно оказываются двуязычными, и даже та часть населения, которая не была затронута школьным образованием, в большей или меньшей степени подвергается французскому языковому влиянию.

В этой ситуации вызывает удивление тот факт, что в больших словарях бамана галлицизмы занимают скромное место. Так, в словарь Жерара Дюместра, насчитывающий более 15800 словарных статей, включено всего 142 французских заимствования, т.е. менее 1%. Аналогичная ситуация наблюдается и в словаре Шарля Байоля.

Причины этого понятны: желая избежать засорения словарей французской лексикой, лексикографы охотно фиксируют те слова, которые подверглись при заимствовании каким-то более или менее нетривиальным фонетическим изменениям (например, *túsunye* < фр. *cuisinier* ‘повар’) или семантическим сдвигам (*plɔn* ‘точно’ (о времени) < фр. *plomb* ‘свинец’), и настороженно относятся к более тривиальным случаям.

Благодаря наличию Справочного Корпуса Бамана, объём которого в феврале 2017 превышал 3,1 млн. слов, теперь можно попытаться выработать статистические критерии, которые позволили бы отделить «тривиальные»

* This work is related to the research strand 3 “Typology and dynamics of linguistic systems” of the Labex EFL (financed by the ANR/CGI)

заимствования (которые всё же заслуживают словарной фиксации) от варваризмов (которые в словаре не нужны). Например, слово *matila* (< *matelas* ‘матрас’) не встречается в Корпусе, и его можно (пока что) считать иностранным словом, тогда как *pàyasi* (< *paillasse* ‘соломенный тюфяк’) имеет 2 употребления, что делает его претендентом на статус заимствования. *Erewolisɔn* (< *révolution* ‘революция’) встречается 2 раза, а *sérikili* (с вариантом *sérekili*, < *cercle* ‘округ, (административный) район’) — 154 раза, и поэтому словарь может легко обойтись без «революции», но вот включение «округа» представляется необходимым.

Важным оказывается не только общее число употреблений слова в Корпусе, но и распределение их по источникам (и даже по авторам); иногда необходимо учитывать и контексты употреблений.

Громова Н.В.
ИСАА МГУ, Москва
Nelli V. Gromova
Lomonosov Moscow University, Russia

Archaic Features in Denominal Derivation of Swahili

Архаичные черты в отыменном словообразовании суахили

Системно-структурные связи языка суахили как межэтнического языка-посредника подверглись значительному упрощению по сравнению с другими, внутриэтническими, языками банту. Так, в системе именных согласовательных классов наблюдается контаминация ряда классов (5 класс: *ji* +21 **yi*, 7 класс: *ki* + 12 **ka*, 11 класс: *u* + 13 **tu* + 14 **bu*).

Тем не менее, некоторые архаические черты грамматики сохраняются в современном языке. 20-й класс с префиксом **уи*, сохранившийся в ограниченном числе языков банту, имеет аугментативное значение, которое в ряде случаев сочетается с пейоративным значением. Образование отыменных существительных происходит с заменой исходного префикса префиксом

другого класса. В суахили наблюдаем незначительное количество пар существительных, в которых сохранился префикс **du-** в качестве словообразующего форманта, придающего деривату аументативно-пейоративное значение: *mume* ‘муж’ > ***dume*** ‘самец’, *bwana* ‘хозяин’ > ***dubwana*** ‘что-то большое, внушающее страх’, *kitu* ‘вещь’ > ***dutu*** ‘некоторое вещество/материал’, *mfu* ‘мертвец/падаль’ > ***dufu*** ‘что-либо недоброкачественное, ни на что неспособное’. Способность именной основы присоединять префиксы различных классов характерна для всех языков банту, в данном случае обращаем внимание на архаичность словообразовательного префикса.

Подавляющее большинство словообразовательных моделей имен существительных в языке суахили являются отглагольными. Тем более интересным является факт, не отмеченный в традиционных описаниях языков банту, а именно образование существительных от именной основы с помощью суффиксов. В суахили в этом случае используется суффикс **-e**, характерный для отглагольного словообразования. При образовании имен существительных он придает деривату аугментативное значение: *baba* ‘отец’ > ***babe*** ‘сильный человек/великан’ > ***mbabe*** ‘герой’, *dudu* ‘насекомое/паразит’ > ***dude*** ‘настолько презираемый предмет, что его не хотят даже называть’. Современный язык суахили «вспоминает» о подобной словообразовательной модели, и появляются термины-неологизмы типа: *ama* ‘мать’ > ***mame*** ‘сильная женщина’ (*mame-Vantu* ‘прабанту’), *sawa* ‘одинаковый’ > ***kisawe*** ‘эквивалент/синоним’. При образовании терминов, таким образом, используются заложенные в системе языка словообразовательные потенциалы.

Капчиц Г.Л.

Москва

Georgy L. Kapchits

Moscow, Russia

On the Temporal Vocabulary of Somali

О временной лексике языка сомали

В докладе представлен и проанализирован значительный пласт сомалийской лексики, используемой для исчисления времени (напр. *ammin*, *waqti* и проч.) – от, так сказать, мгновения (*ilbiriqsi*, букв.: ‘мига, нужного глазу, для того, чтобы моргнуть’) до вечности (*daa'im*, одно из значений которого – ‘Бог, т.е. Вечно Сущий’), а также для обозначения часов (*saac*, *saacad* и т.д.), времени суток (в Сомали они начинаются в 6 утра и делятся на 12 периодов – *arooryo*, *bariis* и др.), дней недели (*Isniin*, *Talaada* и проч.), месяцев (год начинается 20 числа месяца *Karan*, который приходится на наш июль и отмечается праздником возжигания огня – *dabshid*; в южном городе Афгое он сопровождается сражением на палках – *istun* – между представителями двух местных племен), сухих (*Xagaa*, *Diraac*) и дождливых (*Dayr*, *Gu*) сезонов и т.д. Особое внимание уделяется вариативности лексического материала, порождаемой разнообразием диалектов языка сомали, локальными традициями, а также различиями в образе жизни, культурной и хозяйственной деятельности кочевого и оседлого населения страны. К примеру, в южных провинциях исчисление времени суток происходит со сдвигом (назад) в шесть часов. Так, 2 часа дня в Харгейсе, главном городе нынешнего Сомалиленда, для жителя Могадишо означают 8 часов утра. В Сомали наряду с историческим календарем используется Григорианский. При этом названия месяцев в северной части страны (бывшей Британской колонии) заимствованы из английского языка (*January*, *February* и т.д.), а в южной – унаследованы от итальянских колонизаторов: *Jannaayo*, *Febraayo* и проч. Соответствующие сомалийские названия этих

месяцев – *Lixkor* и *Toddob* (имеются и другие). К докладу прилагается сомалийский алфавит с транскрипцией ряда оригинальных согласных.

Коваль А.И.
Antonina I. Koval

ИЯз РАН, Москва
Institute of Linguistics
Moscow, Russia

Generic Nouns and the Practice of Lexicography of the Guinean Pular Dialect

Генерические имена и практика лексикографии гвинейского диалекта пулар

Типологически своеобразная модель генерических имен получила развитие в гвинейском диалекте пулар (фута-джаллон) в контексте сохраняющих силу традиционных именных классов. Недавно вышедший в свет диалектный «Пулар-Французский словарь» Jim & Karen Bettison (Labe 2006) предоставил возможность оценить, каковы дескриптивные позиции лексикографов по включению генерических имен в контекст словаря, в нашем случае диалектного. Тотальный просмотр словаря Jim & Karen Bettison позволил выявить установку лексикографов на *сплошную* отсылку референтных, маркированных числом именных форм к формам генерическим. В результате исполнения данной отсылки связанность референтных и генерических отмечена в кратно преувеличенном числе случаев, что в основном обусловлено ошибочно устанавливаемым статусом генеричности для формы с маркируемым числом, что атипично для генерических имен. Подобную ошибку приходится встречать и в других работах, касающихся данной темы.

Опыт, накопленный лексикографией – как положительный, так и отрицательный – по включению в словарь материала по генерическим именам, не только предполагает потенцию по уточнению форм, связанных с

категорией генеричности. Этот опыт несомненно полезен для совершенствования модели генеричности в ее функционировании в целом.

Косогорова М.А.
ИСАА МГУ / ИЯз РАН, Москва
Maria A. Kossogorova
Lomonosov Moscow State University
Russia

Intensifiers in Pulaar-Fulfulde

Интенсификаторы в пулар-фульфульде*

Целью исследования является обзор системы интенсификаторов в языке пулар-фульфульде (фула). Интенсификаторы в фула представляют собой обширный подкласс наречий, сочетающихся с определёнными глагольными или адъективными словоформами и подчёркивающих одну из характеристик, выражаемых вершиной. При этом одной вершине могут соответствовать несколько интенсификаторов, в зависимости от подчёркиваемой характеристики.

На основании списка интенсификаторов, полученного из письменных источников, были сделаны некоторые выводы относительно своеобразия этой части речи как с точки зрения языка, так и с точки зрения типологии. Они включают следующее:

- хотя с фонетической точки зрения большинство интенсификаторов в пулар-фульфульде поддерживают слоговую структуру CVC, только такие лексемы могут заканчиваться на геминированный или смычный согласные;
- интенсификаторы составляют с вершиной единую акцентуационную парадигму, демонстрируя тем самым тенденцию к энклитизации;

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ №17-78-20071 «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ»

- с морфологической точки зрения, интенсификаторы, в отличие от прочих наречий, заметно реже подвергаются редупликации;
- с семантической точки зрения примечательно, что в разряд интенсификаторов в языке фула входит подгруппа интенсификаторов-идеофонов, в отличие от многих других языков региона, где ситуация обратна;
- Со временем интенсификаторы могут лексикализироваться, приобретая все формальные признаки глагольной лексемы.

Кравченко С.Л.
 ИСАА МГУ, Москва
Svetlana L. Kravchenko
 Lomonosov Moscow State University
 Russia

Verbs of State in Amharic

Глаголы состояния в амхарском языке

В амхарском языке выделяются существуют так называемые глаголы состояния. Среди других глаголов в амхарском языке они выделяются прежде всего в семантическом отношении. Обозначая состояние или пространственное положение тела, они сочетаются со словами, выражающими одушевленные понятия. Однако в определенном контексте семантическая сфера употребления глаголов состояния значительно расширяется, и они могут относиться к словам, не выражающим живых существ, например: *hawəltu baddäbabayu lay qotoal* ‘Памятник стоит на площади’. К глаголам состояния можно отнести следующие глаголы: *täqämmätä* ‘сесть, пребывать’, *qomä* ‘стоять’, *täñña* ‘лежать, спать’, *tägaddämä* ‘растянуться’, *täzärägga* ‘расстилаться, протягиваться’, *tammämä* ‘болеть, заболеть’, *ammämä* ‘болеть (о части тела)’. Еще одной особенностью глаголов состояния является то, что они относятся к глаголам, обладающим двойственной видовой характеристикой, которая связана с

особенностями грамматического употребления видо-временных форм. Именно эти особенности глаголов состояния в амхарском языке позволяют выделить их в особую лексико-грамматическую группу. Действие, которое обозначают эти глаголы, представляется как процесс, который не содержит в своем значении понятия внутреннего предела. Но наряду с этим они могут обозначать предельное и мгновенное действие. Это зависит от того, какая форма глагола состояния употребляется. Например, сложный перфект (настоящее совершенное время) обозначает действие, происходящее в момент речи только с глаголами состояния: *medaw bābāzu kilometr tǎzǎrgǎtwal* ‘Равнина тянется на много километров’. С другими глаголами это время обозначает действие, законченное в прошлом, результат которого сохраняется в настоящем: *zǎnab jǎmmǎrwal* ‘Дождь начался’. Форма настоящего времени глаголов состояния (настоящее будущее) обозначает действие, происходящее обычно, регулярно, и, в отличие от глаголов состояния, не выражает действие, процесс в данный отрезок времени, например: *tǎññǎtoal* ‘Он спит (сейчас)’ – *ǎndǎtǎlǎmmǎdǎw bǎzih alga lay uǎtǎññǎl* ‘Обычно он спит на этой кровати’.

Rudolf Leger

Goethe University, Frankfurt, Germany

Р. Легер

Университет им. Гёте,

Франкфурт-на-Майне, Германия

Secret Conceptualisation in Kwami

Тайная номинация в языке квами

In Kwami, a West-Chadic minority language of the Bole-Tangale group, there are expressions which mainly consist of two or maximum three words. They can be classified as short sentences with a limited proverbial load, but also as

metaphorical expressions and even sometimes as containing both functions. In many cases the meaning is so enigmatic that a superstitious interpretation is further transported which an outsider may neither grasp nor understand – even as a speaker of the same language. It might be, therefore, considered as a way of communicating in a secret language which is exclusively meant for those belonging to the same age group or social class.

Сим Г.Е.
ИЯз РАН, Москва
Galina E. Sim
Institute of Linguistics
Moscow, Russia

On the Position of the Ekoid Languages within Bantoid

К вопросу о месте экойдных языков в бантоидной группе*

Целью настоящего исследования является уточнение положения экойдных языков (< бантоидные < бенуэ-конго < нигер-конго) относительно других бантоидных языковых групп, в первую очередь, установление ближайших экойдной родственных ветвей.

Несмотря на то, что бантоидные языки являются одной из наиболее хорошо исследованных ветвей нигер-конго и существует значительное количество работ, посвященных их внутренней классификации, вопрос их генетического членения нельзя считать окончательно решенным. В частности, относительно экойдных языков не существует окончательно устоявшегося консенсуса. Так, Дж. Гринберг и Д. Крэбб (см. [Crabb 1965]) объединяли экойдные языки с банту на основании общих морфологических инноваций, последующие классификации рассматривали экойдные как одну из сестринских узким банту ветвей, по-разному объединяя их с другими

* Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ №17-78-20071 «Языки Западной Африки: описание и сопоставительный анализ»

группами, ср. также лексикостатистические подсчеты [Piron 1998], Grollemund 2011] и др.

В докладе предполагается рассмотреть результат применения к эоидному материалу методики, детально изложенной в [Старостин 2013]. Суть ее заключается в том, что при построении классификации на уровень внешнего сравнения между языковыми группами выводятся не непосредственно современные языки, а производится реконструкция прасписков промежуточных уровней, суммирующая дистрибуционную информацию внутри таксонов и предлагающая для каждой позиции прасписка наиболее вероятного кандидата.

Реконструиемый для праэоидного языка стословный список базисной лексики будет сопоставлен с предварительными реконструкциями прасписков других бантоидных ветвей, в первую очередь тех, которые в различных классификациях указываются как наиболее близкие эоидным и распространены на смежных территориях (грассфилдские, ньянг, языки банту зон А и В), особое внимание при этом будет уделено попыткам этимологизации элементов списка и выявлению заимствований.

Литература

Crabb, David W. Ekoid Bantu Languages of Ogoja, Eastern Nigeria, Part 1, Introduction, Phonology and Comparative Vocabulary. Vol. 4. Cambridge University Press, 1965.

Grollemund, R. Phylogenetic classification of North Western Bantu languages, ICHLXX, Osaka, Japan, 2011 (презентация к докладу).

Фаттахова А.Р.

КФУ, Казань

Aida R. Fattakhova

Kazan Federal University, Russia

Arabic Numerals in Agglutinating Languages (Based on Swahili and Tatar)

Арабские числительные в языках агглютинативного типа (на примере суахили и татарского языка)

В докладе уделяется внимание заимствованным числительным арабского происхождения в двух языках агглютинативного типа – суахили и

татарском, а также дается сопоставительный анализ фонетических и морфологических изменений в процессе адаптации арабских числительных.

1. Все арабские числительные первого десятка проникли в языки-реципиенты в форме женского рода, маркированной окончанием δ *atun*. В настоящее время в татарском языке заимствованные арабские числительные первого десятка полностью вышли из употребления. В суахили активно используются 6 – *sita*, 7 – *saba* и 9 – *tisa*, остальные с течением времени были вытеснены числительными бантуского происхождения. Наличие нехарактерного для суахили арабского межзубного фрикативного глухого арабского звука *th* в числительных 2, 3 и 8 привело к замене указанных числительных лексемами языка-реципиента.

2. В арабском языке числительные второго десятка (1-19) образованы из двух компонентов в форме винительного падежа (кроме 12). Проникая в языки-реципиенты, данные числительные сохранили морфологические показатели языка-оригинала, утратив при этом свое отдельное написание. В суахили были заимствованы числительные 12-19, а в татарском языке – 11, 12 и 14. В настоящее время заимствованные арабские числительные второго десятка вытеснены из активного употребления синонимами принимающих языков и представляют собой лексические архаизмы.

3. Все числительные, обозначающие круглые десятки (кроме 10), занимают устойчивую позицию в современном суахили. Что касается татарского языка, то в настоящее время арабские круглые десятки не употребляются, однако, в отличие от числительных второго десятка, они все использовались в прошлом, о чем свидетельствует их фиксация в словаре арабизмов и фарсизмов, а также в литературных источниках.

Фонетическая адаптация заимствованных числительных в обоих языках демонстрирует способ их проникновения в языки-реципиенты: в суахили – устным путем, в татарский – книжным.

Подсекция D: Социоллингвистика. Анализ текста
PANEL I-3 D: Sociolinguistics. Text analysis

Белецкий С.В.
СФУ/ Университет Додома
Stanislav B. Beletskiy
Sibirean Federal University
Krasnoyarsk, Russia

Field Research of Goto (Data of Tales)

Полевые исследования языка гого (на материале сказок)

Язык гого (самоназвание: Cigogo) относится к языкам банту группы G11. Он распространен в центральной Танзании – в регионах Додома, Сингида, Маньяра и Иринга. На нем говорит 1,93 млн человек. Согласно библиографическому списку Maño, язык гого упоминается в 45 работах, представляющих собой очерки грамматики и лексики языков банту, списки названий растений и животных Танзании, заметки о культуре и истории народов банту, а также перевод Библии на гого. Сведения о языке не носят системного характера и зачастую устарели, что делает его полевое изучение по-прежнему актуальным.

Доклад посвящен результатам полевого исследования, проводившегося в Додоме в 2016-17 гг. Эмпирической базой исследования служит корпус сказок на языке гого, представленном его додомским вариантом. На основе корпуса сделаны выводы о некоторых особенностях фонетического строя языка и его морфологии.

Фонетический строй гого включает в себя 5 гласных (а, е, і, о, u) и 24 согласных фонемы (р, b, d, t, k, g, f, v, m, mh, n, nh, ny, nyh, ng', ng'h, s, z, c, j, l, h, w, y). Выделяются два тона – восходящий и восходяще-нисходящий, выполняющих смысловозначительную функцию (при этом гласная, несущая тон, удлиняется): dedê:de 'пожалуйста' ~ dedé:de 'зеленый'. К особенностям консонантизма можно отнести наличие – наряду со звонкими – глухих

сонорных mh, nh, nyh, ng'h.

Система именных классов может быть представлена следующим образом:

Класс	Сущ.	Прил.	Субъект	Объект	Посс. формант	Proximal Pronoun	Medial Pronoun	Distal Pronoun
1	mu	mu	n / u / a	n / ku / mu	wa	ayu	ayo	yulya
2	wa	wa	ci / mu / wa	ci / wa / wa	wa	awa	ao	walya
3	mu	mu	u	u	wa	au	ao	ulya
4	mi	mi	i	i	ya	ai	iyo	ilya
5	i/li	li	li	li	lya	ali	lilyo	lilya
6	ma	ma	ga	ga	ga	aga	gago	galya
7	ci	ci	ci	ci	ca	aci	cico	cilya
8	vi	vi	vi	vi	vya	avi	vivyo	vilya
9	N	N	i	i	ya	ai	iyo	ilya
10	N	N	zi	zi	za	azi	zizo	zilya
11	u	mu	u	u	wa	au	wuwo	ulya
15	ku	ku	ku	ku	kwa	kuku	kuuko	kulya
16	ha	ha	ha	ha	ha	aha	aho	halya
17	ku	ku	ku	ku	kwa	aku	kuko	kulya
18	mu	mu	ha	ha	mwa	amu	mumo	mulya

В корпусе были обнаружены следующие формы глаголов:

- направительная с суффиксами *ila / ela*: *wopa* ('закрывать') → *wopela*, *gula* ('покупать') → *gulila*;
- каузативная с суффиксами *y, iza/eza* (от направительной формы): *tema* ('резать') → *temya*, *wopa* → *wopezza*, *manya* ('знать') → *manyila* → *manyiza*;
- пассив с суффиксом *w*: *vuga* ('размешивать') → *wugwa*.

При образовании названных форм наблюдаются следующие ассимилятивные процессы:

- гармония гласных: *a, i, u* → *ila, iza* (*gulila, manyiza*); *e, o* → *ela, eza* (*wopela, wopezza*);
- палатализация: *k* → *s*, *g* → *j* перед гласными переднего ряда (*teleka* 'готовить' ~ *telecela*, *tega* 'ставить ловушку' ~ *tejeza*);
- переход *l, g* → *z* под влиянием суффикса *y* (*gula* – *guza*, *longa* 'говорить' – *lonza*).

Дьячков М.В.
ИЯз РАН, Москва
Mark V. Dyachkov
Institute of Linguistics
Moscow, Russia

Local Languages in the School Education of South Africa

Местные языки в школьном образовании в ЮАР

При населении ЮАР, составляющем 47,4 млн человек, в стране функционирует, по данным некоторых исследователей [Lemmer, Van Wyk 2004], порядка 30 языков, включая, несомненно, английский и африкаанс. Следовательно, ЮАР можно считать одной из самых многоязычных стран мира. Однако в период апартеида и в предшествующие ему периоды все эти языки, кроме английского и африкаанс, функционировали как языки домашнего общения. Более того, многие из них пока еще даже не описаны и не имеют стандартной письменности. По новой Конституции ЮАР, принятой в 1994 году, одиннадцать местных языков, в том числе английский и африкаанс, признаются официальными языками страны [Constitution 2007]. Казалось бы, все эти одиннадцать языков приобрели равные права на использование во всех сферах жизни, включая и школьное образование. Однако это далеко не так. Почти во всех южноафриканских школах обучение ведется на английском языке, а в тех школах, которые в период апартеида считались школами для цветных, на языке африкаанс. А что касается других девяти языков, то, несмотря на свой конституционный статус, они до сих пор остаются языками семейного общения, почти не описанными и не имеющими адекватно разработанной орфографии. Это серьезно затрудняет школьную жизнь. Многие ученики недостаточно хорошо понимают или вовсе не понимают своего учителя. С учетом этого Министерством образования ЮАР предусмотрено создание дополнительных классов или групп, в которых проводятся занятия по английскому языку, а школьный материал объясняется ученикам на их родном языке. Проводятся также

дополнительные занятия по родным языкам учащихся. Но проводятся они на достаточно низком уровне вследствие отсутствия учебников, учебных пособий и литературы для чтения на этих языках. Представляется, что в этом отношении российские педагоги и лингвисты могли бы при желании оказать существенную помощь своим южноафриканским коллегам.

Теоретически в южноафриканской образовательной системе признается необходимость учета родных языков учащихся в школьной работе и жизни. Однако это требование сильно затруднено отсутствием необходимых учебных учебников, учебных пособий и материалов, которые учитель должен подбирать и изготавливать сам. В ЮАР отдельные провинции обладают высокой степенью самостоятельности в сфере регулирования образования. Департаменты образования провинций должны сами разрабатывать учебные программы и планы для подведомственных школ. К сожалению, как представляется, в настоящее время они используют эту самостоятельность недостаточно эффективно.

Идеи мультикультурного образования и воспитания, широкого использования местных языков, прежде всего официальных, в образовании и других сферах жизни в стране еще далеки до своей реализации. По этому пути ЮАР предстоит пройти долгий путь. Хочется еще раз повторить, что в этом направлении с нашей стороны южноафриканским коллегам могла бы быть оказана эффективная поддержка.

Литература

Lemmer E., Van Wyk N. Home-School Communication in South African Primary Schools // South African Journal of Education. 24 (3). 2004. P. 219-221.

Constitution of the Republic of South Africa. Capetown. 2007. P.4.

Кассюто Филипп
университет Экс-Марсель, Франция
Порхомовский В.Я.
ИЯз РАН, Москва
Philippe Cassuto
Aix-Marseille University, France
Viktor Ja. Porkhomovsky
Institute of Linguistics, Moscow, Russia

The Interpretation of the Old Testament Text through the Prism of Translation (According to the Three Versions of the Hausa Bible)

Проблемы интерпретации текста Ветхого Завета в зеркале перевода (по данным трех версий Библии на языке хауса)*

В каноническом древнееврейском тексте Ветхого Завета содержится значительное количество пассажей, вызывающих серьезные трудности при переводе на другие языки. В серии наших недавних работ рассматривалась проблема перевода фрагментов оригинального текста, противоречащих принципам монотеизма. Наши исследования позволили определить две возможные стратегии перевода в подобных случаях: (1) филологическую, предполагающую точное воспроизведение оригинального текста на языке перевода, (2) идеологическую, в рамках которой происходит редактирование исходного текста в соответствии с принципами монотеизма. Наиболее показательными в этом плане являются две семантические группы: антропоморфизмы и имена древних семитских богинь Ашеры и Ашторет. Сюда примыкают ситуации, известные в библеистике как Qere-Ketiv (различия в чтении и написании канонического текста), и так называемые «исправления писцов», т.е. гипотетические изменения непосредственно в каноническом тексте до его фиксации. В этом последнем случае идеологическая стратегия означает опору на реконструируемый в рамках традиции вариант. Особый интерес в рамках нашего исследования

* Работа подготовлена при поддержке гранта отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций», 2016-2018 гг.

представляют три независимые версии перевода Ветхого Завета на язык хауса, осуществленные соответственно в 30-е и 70-е гг. прошлого и в начале нынешнего века. Две первые версии наиболее строго соответствуют указанным выше стратегиям перевода среди всех рассмотренных нами версий Библии на различных языках - филологической (первая версия) и идеологической (вторая версия).

В настоящей работе в контексте перевода на язык хауса рассматриваются случаи расхождений между каноническим письменным текстом Ветхого Завета и принятой в традиции иудаизма интерпретацией некоторых фрагментов этого текста или отдельных лексем. Эти интерпретации могут условно обозначаться с помощью различных графических средств, которые не являются частью собственно канонического текста, в том числе надстрочными знаками, «подвешенными» и перевернутыми буквами, размером букв и др. Здесь также возникает дилемма, какой вариант выбирать для перевода: максимально точно воспроизводить канонический текст или опираться на принятую в традиции его интерпретацию. В сложившейся за многие столетия практике изучения и комментирования текста *Biblia Hebraica* все подобные многочисленные и разнообразные случаи сведены в подробную и тщательно разработанную классификацию. Версии Библии на языке хауса позволяют наиболее точно проследить принципы выбора стратегии перевода в этих ситуациях.

Ляхович А.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Anastasia V. Lyakhovich
St. Petersburg State University, Russia

**Hausa-English Code-Switching in the Novel “Kukan so” (“The Cry of Love”)
by Jamila Muhammad Danfajo (Northern Nigeria)**

**Переключение языковых кодов в романе северонигерийской
писательницы Джамили Мухаммад Данфаджо «Плач любви»**

Роман Джамили Мухаммад Данфаджо «Плач любви» (“Kukan so”) является примером современной северонигерийской ярмарочной литературы. В нашем распоряжении находятся две части произведения. Первая часть опубликована предположительно в 2007 г.

В докладе представлен анализ текста данного произведения с точки зрения того, каким образом осуществляется переход с языка хауса на английский. Актуальность темы определяется несколькими факторами. Творчество Джамили Данфаджо, как и многих других современных хаусаязычных писателей Нигерии, остается пока не изученным. Существуют работы, описывающие переключение с хауса на английский язык в речевой практике ([Nasiru Ajatau], [Yusuf Nuhu Inuwa 2014] и др.), в ряде исследований по африканским литературам проводится анализ переключения языковых кодов в авторском тексте ([Bandia 1996], [Larsson 2007] и др.), однако данная проблематика никогда не рассматривалась на материале литературы на языке хауса.

Переключение и смешение языковых кодов (code-switching / mixing) отличает технику письма многих африканских авторов. [Bandia 1996]. Хорошо изучено кодовое переключение в творчестве нигерийского писателя Ч. Ачебе. В его англоязычных произведениях присутствуют пословицы и поговорки народа игбо, лексика языка игбо, выражающая специфические для этого народа представления и явления [Larsson 2007], а также используется пиджин.

В докладе рассматриваются случаи кодового переключения, встречающиеся в романе Джамили Данфаджо (интерсентенциальное (intersentential), интрасентенциальное (intrasentential), идеоматическое (tag-switching) переключение). Выявляются причины переключения (отсутствие подходящего эквивалента в словарном составе языка хауса, в частности, компенсация малочисленности состава классов прилагательных и наречий, социальные, психологические причины и пр.).

Литература

Bandia P. Code-switching and code-mixing in African creative writing: some insights for translation studies. TTR: traduction, terminologie, rédaction. Vol. 9 (1), 1996, p. 139-153.

Larsson H. Code-switching in Chinua Achebe's novels. English C-Course, 2007. 37 p.

Nasiru Ajatau. Code-switching and mixing among Hausa/ English bilinguals: a linguistic and socio-psychological survey. URL: <http://www.academia.edu/7854819>, дата обращения: 02.02.2017.

Yusuf Nuhu Inuwa. Significance of Hausa-English code switching. Academic Research International Vol. 5(3), 2014, p.164-173.

Шарова А.С.
ЯрГУ, Ярославль
Aleksandra S. Sharova
Yaroslavl State University, Russia

Dogon: Peculiarities and Difficulties in Studying

Язык догонов: особенности и сложности в изучении*

Догоны – народ, проживающий на юге Республики Мали на плато Бандиагара. Среди исследователей не существует единого мнения насчет языковой принадлежности данного народа. По мере развития исследований в области языка догонов выдвигались разные гипотезы. В 2000 г. К. Уильямсон и Р. Бленч выдвинули теорию, которая была признана большинством ученых и считается господствующей по сегодняшний день. Они выделили язык догонов в отдельную (догонскую) семью, включив ее в нигеро-конголезскую макросемью.

* Работа подготовлена при поддержке гранта отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ №16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций», 2016-2018 гг.

Противоречия во взглядах исследователей объясняются сложностью и неоднородностью языка догонов. В нем насчитывается до 14 диалектов, которые сильно различаются между собой, и иногда догон из одного селения может не понять догона из другого селения. В таком случае для общения они используют бамана, фула или французский. Диалекты распространены по территориальному признаку, и в настоящее время не связаны с племенной принадлежностью. У догонов есть единый язык, им владеют немногие (избранные: члены Общества масок): это религиозный тайный язык сиги со.

Наиболее распространенным диалектом является диалект томмо-со. Он принадлежит к центральной группе диалектов догонов. Его носители проживают в центральной и северной части плато Бандиагара в Мали, в селениях Кани-Гогуна, Де, Нингари. К нему близок диалект донно-со, распространенный южнее, в окрестностях селения Бандиагара.

Дьямсай и торо-со – также широко распространенные диалекты. Исследователи считают, что дьямсай и торо-со могут стать универсальным языком для всех догонов. Подтверждением служит тот факт, что два названные диалекта используются на радиовещании: на дьямсай делаются объявления о смерти людей, а на торо-со сообщаются политические и общественные новости. Язык догонов остается практически бесписьменным. Хотя в середине XX века миссионеры пытались разработать письменность для данного языка и переводить некоторые христианские тексты, тем не менее, это не возымело действенного эффекта. Сейчас догоны в крупных селениях пишут на торо-со, в частности во время обучения в школе.

Carstens, Wannie
North-West University, South Africa
В. Карстенс
Северо-западный университет
Потchefстром, ЮАР

**Языковая ситуация и роль других языков, кроме английского, в ЮАР:
достигнут ли мультилингвализм?**

**The linguistic situation and the role of languages other than English in South
Africa: Has multilingualism been attained or not?**

It is now 2017 – 23 years since the eventual dawning of democracy in South Africa in April 1994. It now seems clear that so many of the promises made then and in the process of drafting a new democratic constitution (1990–1993), that enshrines equality, have not materialized. This failure includes not only governmental, developmental and political issues, but also those concerning languages, as well as many other matters affecting the daily lives of citizens in South Africa.

We who were in the language industry at that time thought we had reached a ‘nirvana’ of linguistic equality and language development. But, unfortunately, this was not to be: it soon became clear that the political elite had chosen *English* above the other languages, despite the constitutional prescripts regarding “developing and implementing multilingualism” in the country.

This, then, seems an appropriate opportunity to pause and reflect on what went wrong. Why were the promises regarding languages not fulfilled? *What* went wrong, and *why* and *where* did it go wrong? How does this reality affect language promotion in South Africa? And is there any way in which we can salvage this ‘mess’?

This paper aims to give a broad overview of the complex linguistic situation in South Africa by sharing some recent statistics and some facts about language use (or not!) in the country. The situation regarding the use of languages as mediums of instruction at South African universities will in particular be discussed as a case study illustrating what was promised and what did not materialize. The

paper will therefore reflect on the complexity of the linguistic context in an environment in which party politics determines the fate of just about everything – including the constitutionally recognized languages other than English. Some suggestions will also be offered about what can be done to rectify the situation.

СЕКЦИЯ I-4. Долгосрочные этнографические исследования в Африке: их специфический вклад в развитие местного гражданского общества
PANEL I-4. Long-term ethnography in Africa: its peculiar contribution to the development of local civil societies

Руководители: *М. Паванелло, Дж. Д. Ширрипа*, Университет Рима «Сапиенца», Италия

Conveners: *Mariano Pavanello, Giuseppe Domenico Schirripa*, University of Rome “Sapienza”, Italy

Ethnographic research has gone through a radical revision in the last few decades, which in turn led to a critical reconsideration of its epistemology, theory, fieldwork practices and scientific objectives as well. As far as the Italian scenario is concerned, African ethnographic studies are largely rooted in specific academic traditions that have historically flourished within groups of scholars whose research practice has developed within an institutional framework, provided by both academic and governmental agencies. Since 1954 – when the Italian Ethnological Mission to Ghana was established by Vinigi Grottanelli – other ethnological missions have been promoted with the twofold aim of investigating African societies on a long-term perspective, and providing young trainees in anthropology with an ethnographic field to experience. The institutional networks and the long-term relations with local people established by the scholars who had done fieldwork in the same contexts have facilitated these initiatives. Such a scenario, partly common to other countries, calls for a comprehensive and critical reflection, that should not only address the epistemological aspects of ethnography, but also consider its political implications, legitimacy, and the restitution of the knowledge produced with local people. Moreover, the peculiar nature of an intergenerational ethnographic effort that unravels in a wide time span should stimulate members of ethnological *équipe* to take stock of the changes occurred in time in their way of comprehending and experiencing the field. The panel aims at gathering contributions based on a critical and reflexive assessment of the opportunities and challenges linked to the reiterative frequentation of African fields by anthropologists under the institutional umbrella of a Mission. It welcomes proposals that: (a) enlighten the rich variety of theoretical and methodological approaches implemented in different times and contexts; (b) reflect in an original way on the restitution strategies adopted by scholars to share the outcomes of their research with local actors; and (c) stress the multiple ways that the recurrent frequentation of the field may contribute to the development of the local civil societies. The following key-questions could be addressed: what are the opportunities disclosed by the reiterative frequentation of a field? What are the implications of local people getting used to the pervasive presence of anthropologists and their intellectual curiosity? What role do obsolete Africanist ethnographies acquire in the current theoretical and methodological debate? How

can contemporary scholars undertake the sensitive task of revising the interpretative categories used by their “ancestors” in their past research? How can the local cultural heritage explored during long-term ethnographies contribute to the development of local communities? Lastly, the panel aims to provide an open forum for a debate about the theoretical and methodological implications of doing ethnography in a collective dimension and in a long-term perspective in African contexts. Such an enterprise should arise from the papers as a historically determined cognitive practice, which largely depends on the political, cultural and economic contingencies that affect the ethnographic relation.

Mariano Pavanello

University of Rome “Sapienza”

М. Паванелло

Университет Рима
«Сапиенца», Италия

Этнографические знания как культурное наследие: влияние полевой работы на местное гражданское общество

Ethnographic knowledge as cultural heritage: the impact of fieldwork on local civil society

Ethnographic knowledge is a peculiar type of cultural heritage. It is created by “professional strangers” and quite often it is challenged or rejected by the local intellectual elites. In the postcolony it has been discredited as a colonial mark and as a sign of contradiction in the perspective of the foundation of local cultural or philosophical frontiers. Notwithstanding the postcolonial disrepute, ethnographic knowledge is still considered as a crucial stake in the debate within the social sciences and philosophy, and still holds a central place in the theoretical and epistemological game focusing on cultural heritage and on what I would like to label as the political economy of knowledge. The root of ethnographic knowledge is experience: fieldwork is a historical experience shared by the ethnographer and his/her interlocutors. A long-term fieldwork undoubtedly creates a solidarity which must be reflected on the local social environment. Such a process establishes a mutual sense of responsibility that is at the very base of the unavoidable restitution to the local community of the scientific and moral value of the knowledge

produced. The present paper analyzes the state of affairs in the contemporary debate on the nature and goals of ethnographic knowledge, and focuses on the peculiar experience of the Italian Ethnological Mission to Ghana that gave birth to a cultural museum (the *Fort Apollonia Museum of the Nzema Culture and History*, open 30 October 2010) as a shared product of the ethnographic encounter.

Giuseppe Domenico Schirripa

University of Rome "Sapienza"

Дж. Д. Ширрипа
Университет Рима
«Сапиенца», Италия

**Новые религиозные движения в Западной Африке в долгосрочной
перспективе**
New religious movements in West Africa from a long-term perspective

Since the '50s of twentieth century the Italian anthropology was engaged from different point of view with the analysis of the new religious movements which have flourished in the African continent after the colonial conquests. After the Lanternari's pivotal book on the religious movements and their action of resistance under the colonial rule in Africa and elsewhere (Lanternari 1960) a certain number of researches carried out by Lanternari himself, as well as by other Italian scholars have focused on this phenomenon and its legacies in the postcolony. The most of those researches have been conducted in West Africa, mainly in Ghana. Those researches had focused on different aspects of the complex phenomenon of the charismatic and Pentecostal churches in Africa, confronting with the relevant international literature which exist on this subject. The main aspects which have been investigated are the syncretic forms of those churches, their healing activities, the relationships with the traditional religions and with the mainline Christian Churches. The A. have been carrying out researches on this theme in rural and urban Ghana since 1989, focusing mainly on the fast-growing Pentecostal movement. This paper wants to discuss the current trends of this

churches from a long-term perspective, taking advantage of the large amount of data that has been collected on these issues in more than 50 years of research. That will allow to carry on an analysis which could take into account a long span of time, from the colony to the postcolony, trying to understand how those churches and movements have changed their practices and roles during the time and the different political and social contexts.

Leopoldo Ivan Bargna

University of Milan – Bicocca
Italy

Л. И. Барнья

Университет Милана Бикокка
Италия

**Визуальная культура и наследие в камерунском регионе Грассфилдз.
Пример королевства Банджун, рассмотренный в долгосрочной
этнографической перспективе**

**Visual culture and heritage in Cameroon Grassfields. The case of the
Bandjoun kingdom seen from an ethnographic long-term perspective**

The purpose of this paper is to inquire about the way different kinds of images, architecture, objects, and collections can act to construct social memory and to articulate and express social and interpersonal relationships, dissent and conflict. I will examine this topic through research I'm carried out in the Bamileke kingdom of Bandjoun, West Cameroon, since 2002. The issues involved in this subject are in some extent analogous to those concerning the transmission of written texts: continuity and discontinuity; translations, rewritings and transformations; political selections and deliberate omissions. But nevertheless things are not texts, and we must remain sensitive to the difference between them. In order to grasp the social dynamics played around things (images, objects, and architecture) we have to shift our analysis from the products to the processes, adopting a long-term ethnographic perspective, letting us to recognize the role

played by the chance in the decisions taken by the actors involved, namely the contingencies that the apparent stability and consistency of artifacts tends to disguise. Conversely, approaching the field from a long-term perspective, also let us to understand how some traumatic events, affecting the Bandjoun Kingdom, are not mere accidents but, like recurring events, are a part of a larger dialectics of creation and destruction, revealing the shifting local balances of power in time. In the Bandjoun kingdom we can identify several collecting practices and preservation strategies animated by different interests, motivations and aims: many different ways of “making worlds” through things. The creation of visualsapes and related narratives offer to the Bandjoun people the means to precariously arrange past and present, private and public sphere, politics and market, “traditional” culture and global art.

Elisa Vasconi

University of Florence, Italy

Э. Васкони

Университет Флоренции

Италия

**Итальянская этнологическая миссия в Гане: традиционная медицина
нзема и долгосрочные этнографические исследования**

Italian Ethnological Mission to Ghana: nzema traditional medicine and long-term ethnography

From the beginning, the Italian Ethnological Mission to Ghana has investigated on therapeutic themes within the nzema area and many anthropologists have carried out their research on traditional medicine. In 2005, I inaugurated my ethnographic research on this field, although I have obviously used a different set of theories in line with the contemporary medical anthropology. Indeed, the data I acquired from the previous researches have represented a

relevant part of my cultural baggage. Nevertheless, which are the consequences that the current medical anthropologists face to investigate on a field already examined? How the relations established by the previous anthropologists with local healers have influenced the ethnography of current anthropologists? Moreover, during the long history of MEIG the traditional medicine was also involved into the “sharing heritage making process” launched by Italian anthropologists through the setting up of the Fort Apollonia Museum and Nzema Culture and History. In collaboration with local communities, we decided to dedicate a specific room to the nzema traditional medicine. How much this kind of political action has influenced the following researches and the anthropologists’ relationships with local actors? How the translation of traditional medicine into the visual exhibitions can risk to standardize the complexity of local therapies and to stereotypy the long anthropological studies on the area? Which kind of local actors’ expectations this kind of restitution process produce? This paper aims to answer to these questions talking about the political implications of a long history of MEIG. Specially, the work wants to underline how the studies on traditional medicine have to take into account its changes in line with the neoliberalism and the current development projects. Finally, how the long history of MEIG and its dated relations with local actors can be useful for a definition of a new public health political interventions?

Benedetta Lepore

University “L’Orientale” of Naples, Italy

Б. Лепоре

Университет Неаполя
«Л’Ориентале», Италия

Ритуальное конструирование исторических и политических пространств. Долгосрочные перспективы традиционного праздника в Юго-Западной Гане

The ritual construction of historical and political spaces. Long duration perspectives on a traditional festival in South-West Ghana

Kundum is a traditional festival celebrated every year from July to November throughout the south-western corner of Ghana. It passes through several villages, one after the other, comprised in different Traditional Areas (local political entities ruled by a Paramount Chief) which overlap with administrative districts according to the institutional structure of the Country. Kundum is one of the themes explored by the Italian scholars who for many years have been conducting anthropological and historical research in the utmost western side of the region currently known as Nzema. Nevertheless, the celebration starts in the Ahanta area, to the east of Nzema, and involves other towns and paramountcies between the two territories. This paper aims at considering the legacy of the previous researches with respect to my own study of the festival as well as the shifts in the theoretical framework. The latter arise mainly from the interest in the wider territorial dimension of this ethnographic object and in its many-sided connections with history and power in the region. The study entails reflecting both on the historical transformation of the territory as a political space and on the actors’ representations concerning such transformation as embedded and enhanced in the performance. Thus, the well-acquainted attention towards the political implications of the celebration is married with a renewed concern for the local perspectives on history. Among the main ritual agents, I will consider the traditional chiefs who have also been some of the most important interlocutors for

the researchers in the area. The interaction with them during fieldwork was partially shaped by their familiarity with Italian scientific interests and at the same time registered the generational and institutional changes which affected chieftaincy as well as academia in the last decades.

Stefano Maltese

University of Verona, Italy

С. Мальтезе

Университет Вероны
Италия

**Постколониальные архивы в Гане. Переплетающиеся перспективы
изучения истории и культурного наследия**

**Postcolonial archives in Ghana. Intertwined perspectives on history and
cultural heritage**

As many generations of Italian ethnographers alternated in the last 60 years in the Nzema area (South-West Ghana), local history has arisen more and more as a key-topic within the theoretical and methodological framework of their fieldworks. Their deep engagement with local people turned in time into an explicit request – coming directly from the bearers of historical knowledge – of preserving and valorizing endangered and unprecedented written sources about local history, such as those produced by the Traditional Councils – the basic articulation of the constitutional architecture of chieftaincy in Ghana – in the exercise of their statutory and non-statutory duties. The paper deals with the critical dimensions of a shared heritage-making process that provided basic preservation through digitization to the records of six Traditional Councils in the Nzema area, between 2012 and 2016. It will briefly present the cultural and political circumstances that revamped the interest for local history among Nzema chiefs and Italian anthropologists as well, eventually leading to a joint effort aimed at safeguarding the aforementioned collections. The presentation will then assess the political implications of the valorization of sensitive archival sources, perceived by most of

the chiefs who benefitted from the preservation action as powerful tools to enhance their status and play a prominent role on the stage of contemporary Ghanaian society. In a wider sense, the paper aims at proposing some preliminary thoughts about the process through which a new sort of “postcolonial archive” is taking shape in Ghana, thanks to the joint effort of scholars and chiefs. Such a process calls for further considerations about the way a cultural cooperation project can throw a new light upon the complex relation among history, power and land in West Africa, and can contribute to a sharper definition of the role that chieftaincy is willing to play in Ghanaian civil society.

Секция I-6. Креольский мир и креолы Африки
Panel I-6. The Creole World and Creoles of Africa

Руководитель: *Попов В.А.*, Санкт-Петербургский научный центр РАН /
Санкт-Петербургский государственный университет

Convener: *Vladimir A. Popov*, St. Petersburg Scientific Center of Russian
Academy of Sciences

Попов В.А.

Санкт-Петербургский научный центр РАН

Vladimir A. Popov

St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Креольский мир и креолы Африки

The Creole World and Creoles of Africa

Creoles, or Crioles, Crioulo, Kriolu, Krio – the ethnic (often ethnoracial) communities of the mixed origin formed during the colonial period, mainly in America, Africa and Asia. They differ in the origin from the population of mother countries, indigenous people and later immigrants of the 19th–20th centuries. Now problems of Creole communities, Creole cultures and Creole languages – in the center of attention of anthropologists, ethnographers, demographers, specialists in folklore, linguists and even political strategists. It occurs not only in those countries where Creole communities and their cultures play a significant role in social processes. In a number of countries of Western Europe and the USA these researches have both a theoretical and practical orientation, in connection with finding solutions to the internal problems connected with modeling and regulation of social processes in multinational societies and serious problems of the relations with Diasporas. Being a specific form and result of cultural interaction, the Creole perspective is extremely important within development of dialogue of cultures during a globalization era. Besides, the tendentious ideologized historical researches in which the complex of the communities united by the African origin

on both sides of the Atlantic Ocean is treated as some kind of civilization take place. The theory of “a Yoruba transatlantic complex” concerns to those (or *yorubanidade mundializada* – “the world Yoruba identity”). Such alternative approaches arise among the African and Latin American scientists and are interesting as the fact of history of science and a scientific mythologization. The declared section will be devoted to discussion of results of researches of the most urgent problems of the Creole world, first of all identification of ethnocultural, ethnosocial and ethnolinguistic factors of genesis and regularities of historical development of Creole communities of Africa and Latin America, and also cross-cultural researches of development of Creoles of Sierra Leone, Angola, Cape Verde, American Liberians, Cape Malayans, Mauritians and Afro-Brazilians. The analysis of specifics of various forms of social and kinship institutes and the importance of a confessional factor in integration of Creole societies (Islam in South Africa, Kandomblé in Brazil), and also concepts of racial democracy in the state ideology is supposed: reflections, a mythologization, political correctness (on the example of Brazil) and the so-called “Creole syndrome”.

Antoine Manda Tchewa

Centre International des Civilisations
Bantu (CICIBA), Libreville, Gabon

А. Манда Чебва

Международный центр цивилизаций банту,
Либревиль, Габон

**Другая сторона трагедии: новое рождение и новая культура потомков
выходцев из Африки**

**The Other Side of the Tragedy: the New Birth and the New Culturality of
Afro-Descendants**

The presentation is dedicated to the Creole heritage of Afro-descendants and their shared African identity. During several centuries of the Atlantic slave trade, the presence of Africans and Afro-descendants in the New World produced a

dramatic impact on the demography of Americas. The economy of the New World was totally based on slave labour, and its development would have been impossible without the contribution of Afro-descendants. The powerful influence of Afro-Creole spirituality on the culture of the region has been mainly expressed in new styles of music and choreography and in the sphere of aesthetics in general; the names of vast geographical areas in Africa which became later used also as pseudo-ethnic terms, make up a whole vocabulary of their derivations referring to music and dance styles, instruments, tunes, rhythms, etc. The Afro-descendant conscience and identity was shaped in living through traumatic experiences of marginalization where the shared feeling of having common African roots was a strong motivator for solidarity and an identity anchor, a link between the past and the future. The Afro-descendant universe is not homogenic; it has many local manifestations in North and South America and in the Caribbean island states. Each of such Afro-Creole cultures has its own background and is a unique match of various African and European components. Belonging to the Afro-descendant universe implies a strong awareness of its diversity and entity.

Добронравин Н.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Nikolay A. Dobronravin
St. Petersburg State University
Russia

Afro-Creole Communities in the Caribbean Region

Афрокреольские общности в Карибском регионе

Общности африканского происхождения, которые относят себя к коренным народам, представлены в Карибском регионе такими народами, как гарифуна (черные карибы) и никарагуанские («англоязычные») креолы. История и современное положение этих народов во многом зависело от политики колониальных держав и независимых государств региона. Гарифуна сложились как народ преимущественно африканского

происхождения, считающий родным языком один из аравакских языков. Никарагуанские креолы Атлантического региона («Атлантик Кус») добились официального признания в качестве одного из коренных народов Никарагуа. При этом рост этнического самосознания креолов сопровождался обособлением народа рама, который ранее считался исчезнувшим.

В независимых странах Карибского региона, в прошлом принадлежавших Франции, с креольскостью ассоциируется прежде всего язык, который рассматривается как элемент национального наследия. Национальная идентичность формировалась в этих странах на базе осознания связи с отдельными островами (Сент-Люсия, Гаити и др.), параллельно с общекарибской идентичностью, особенно заметной в диаспоре за пределами региона (в Европе и Северной Америке).

Сиим (Москвитина) А.Ю.

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург

Anna Yu. Siim (Moskvitina)

Museum of Anthropology and Ethnography
[Kunstkamera] St. Petersburg, Russia

Afrabia as a Creole Civilization

Афрабия как креольская цивилизация

Концепция *афрабии* впервые появилась в работах кенийского историка и политолога Али А. Мазруи (1933–2014). Она представляет собой антиориенталистическую интерпретацию культурно-политической истории Африки и формулирует новую конфигурацию цивилизаций. *Афрабия* – это синкретическая культура и свойственный ее носителям тип самосознания, возникшие в результате тесных контактов арабов и африканцев, начавшихся еще в доисламскую эпоху и особенно усилившихся в ходе проникновения ислама на африканский континент. Принадлежность к *афрабии* – бытность *афрабийцем* (англ. Afrabian, суах. Mwafabia) – реализуется на нескольких

уровнях: генеалогическом, культурном и идеологическом. Генеалогические *афрабийцы* – по сути креольский этнос – это потомки смешанных браков поселившихся в Африке арабов и представителей африканских народов. *Афрабийская* культура включает в себя не противоречащие друг другу традиционно-африканские и арабо-мусульманские элементы, и принадлежность к ней не определяется по принципу наличия арабской крови, а также по расовому критерию. Арабизированные африканцы и африканизированные арабы в равной степени являются *афрабийцами* (например, суахилийцы в Восточной Африке и исламизированные народы западносуданского Сахеля). В цивилизационном плане *афрабия* противопоставлена иудео-европейской модели; их столкновение началось в колониальную эпоху и продолжается до сих пор. Оказавшись во многих отношениях вербализацией объективно существующего типа самосознания и будучи построенной по большей части на восточноафриканском материале, концепция *афрабия* получила широкое признание в странах Восточной Африки среди суахилиговорящего мусульманского населения и является идеологической базой ряда оппозиционных партий.

Попов Н.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Nikita A. Popov
St. Petersburg State University
Russia

The Creoles of Russian America: Factors of Formation of the Ethnic Community

Креолы Русской Америки: факторы формирования этнической общности

Формирование и существование креольской общности в Русской Америке протекало в особых условиях, которые складывались из специфики географического положения региона, характера административной системы и принятой стратегии развития колоний, сложившейся структуры местной

экономики, демографической ситуации и культурных традиций взаимодействующих этнических общностей. Обращение к ключевым аспектам этих историко-культурных процессов позволяет заново подойти к понятию «креольский мир», к сущности «креолизации» и «креольскости».

Креолы Русской Америки появились в пространстве «фронтира» между двумя этнокультурными мирами: русским и американским (главным образом алеутским). С одной стороны, креолы оказались за пределами обеих социальных структур. С другой стороны, условия внешней среды и жесткая система внешнего управления не оставили им возможности обрести самостоятельное твёрдое положение в колониальном сообществе. Уже с 1820-х гг. креолы в качестве посредников обеспечивали эффективное взаимодействие между русскими и коренными жителями. Но и в 1860-х гг. их продолжали считать бастардами.

Власть Российско-Американской компании над креольским сословием носила патерналистский характер: администрация снабжала креолов всем необходимым (от пищи до жилья) в обмен на использование их труда. Таким образом, они оказывались в пожизненной зависимости от централизованной плановой системы снабжения. Пожелания увидеть в колонии социальную прослойку «свободных граждан» так и не воплотились в жизнь. Очевидно, что маргинальность креолов проявлялась и в культурном отношении. Первое поколение не получало целостного воспитания в семье. Русские и американские традиции передавались им фрагментарно. Культурная принадлежность более поздних поколений тоже определялась неоднозначно. Креольский культурный комплекс сформировался скорее путём эклектичного соединения разных элементов русской традиционной и коренной американской культур. Так что ни одной из них нельзя приписать роль исключительно «донора» или «реципиента».

В силу сложившихся обстоятельств креолы являлись единственной социокультурной общностью, существовавшей в том же измерении, что и

Русская Америка. Они были связаны с ней и на бытовом, и на мировоззренческом уровне.

Питерская Е.С.
Москва
Elena S. Piterskaya
Independent Researcher
Moscow, Russia

The Creoles of Alaska: Self-Identification and Status

Креолы Аляски: самоидентификация и статус

Креолы Аляски - яркий пример того, как в результате синтеза гетерогенных компонентов происходит формирование новой этнической общности со своими характерными особенностями. Культура креолов Русской Америки представляла собой амальгаму аборигенного быта и европейского мировоззрения, с преобладающим влиянием русского компонента: религиозный синкретизм (православие и шаманизм), языковой дуализм (практически все креолы в равной степени владели русским языком и одним из аборигенных языков), высокий уровень образованности (практически стопроцентная грамотность, многие креолы получили образование в России) и одновременно владение традиционными знаниями.

Как правило, в основе креолизации лежат не только этногенетические процессы, но и языковые. Однако на американском континенте мы встречаем латиноамериканских креолов, так же, как и креолы Аляски, не создавших своего языка. На наш взгляд, причиной этого стала их глубокая интеграция в русскую культуру и определенные социальные привилегии (более высокооплачиваемая работа), которые давало знание русского языка на высоком уровне. Мотивация креолов на улучшение социального и материального положения стала препятствием к языковому обособлению этой этнической общности. В то же время именно креолы переводили

религиозные тексты на языки аборигенов Аляски, основывали школы и писали учебники для алеутов и эскимосов.

Социально-экономическая политика Российской-Американской Компании в отношении креолов, направленная на их выделение из общей массы населения Русской Америки, послужила фактором обособления креолов и их неполной интеграции в колониальное общество и оказала значительное влияние на их самосознание. Знание русского языка, сохранение русских традиций и православных обрядов стало своеобразным маркером креольской идентичности. Об этом свидетельствует и тот факт, что именно креолы стали основными хранителями русской культуры и православия на Аляске после ее продажи. Вместе с тем, термин «креол» стал обозначать представителя социально более престижной группы колониального общества. Поэтому, например, наиболее авторитетные алеуты именовались креолами. Провести четкую грань между аборигеном и креолом было достаточно сложно. По мнению М.Олексы, принадлежность к креолам скорее выражалась в поведении и идентичности, нежели в антропологических чертах: «Быть креолом – это вопрос духа, ума и самоидентификации».

Anaïs Ménard

Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales
Centre d'Etudes en Sciences
Sociales du Religieux, Paris, France

А. Менап

Высшая школа социальных наук
Париж, Франция

Ритуальная практика у крио Сьерра-Леоне: укоренение идентичности в местном духовном пространстве

Ritual practice among the Krios in Sierra Leone: anchoring identity in the local spiritual space

In Sierra Leone, processes of creolization among various groups of settlers in the course of the 19th century led to the emergence of the Krio group. The Krio

identity continues to be perceived in terms of social exclusiveness, as Krios held a privileged place in colonial society. Studies on Krio identity have tended to reflect those discourses of exclusiveness and circumscribe Krio identity to its urban upper-class setting. As a result, the influence of local groups on Krio culture has remained understudied. The literature has often described social relations between Krios and other groups as unidirectional, as Krios integrated other local populations into their group by way of education and adoption. Many Krios downplay local cultural influences and continue to emphasize foreign roots, particularly Yoruba origins, as a way to appear indigenous. By looking into ritual practice, this paper aims at reconsidering the role of local groups in the making of Krio identity. Krios embrace and combine various spiritual beliefs, which links them to specific local groups, such as the Sherbro in the region of the Freetown Peninsula. The paper identifies the way(s) by which Krios incorporated African spiritual beliefs in their own ritual practice, including membership in local secret societies, such as Poro for men and Bondo for women, and the inclusion of indigenous elements in community rituals. Membership in Poro and Bondo has become increasingly important for Krios to claim indigeneity. It also mirrors the long-felt necessity of being part of the majority and protecting oneself, as Krios have long experienced an isolated social position in Sierra Leone. Similarly, the cultural content of Krio community rituals indicates the long-term incorporation of indigenous elements, which were made compatible with Christian traditions. As ritual practice constitutes an important way of displaying identity, those data reveal that Krios have long aimed at anchoring their own identity in the local spiritual space.

Попов В.А.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Vladimir A. Popov
St. Petersburg State University
Russia

Креолы Сьерра-Леоне: истоки этнической культуры

The Creoles of Sierra Leone: Roots of Ethnic Culture

The Creoles of Sierra Leone (endoethnonym – Krios) appeared in 19th century as a result of mixing of detribalized Africans, who came back to Africa from America after the abolition of slavery, Maroons banished from Jamaica, and peoples from different regions of West Africa who had been emancipated by the English from captured slave ships and delivered to Freetown (most of them are were from the ethnic groups of the present-day Nigeria: Yoruba, Igbo, Fulani, etc.

The most numerous group among first immigrants was the group of the Novascotians – the former slaves belonging to the British Army who had taken part in the war between the Great Britain and its colonies in North America (1775–1783) and later were deported to the Nova Scotia (New Scotland), the Canadian province. The Maroons appeared in 1800. It was a group of 550 slaves who had rebelled against the plantators in Jamaica, fought against British forces for several years and later were deported to the Nova Scotia.

After 1808 the emancipated Africans became the most numerous group. They were still keeping some memories about their ethnic origin, language and customs. In 1840 the influx of emancipated slaves was stopped; the Sierra Leone born descendants of settlers already outnumbered the ethnic groups from other regions. The shaping of a unified Creole ethnic group started. At the beginning only Sierra Leone born descendants of the Novascotians, the Maroons and the emancipated slaves were named the Krios, but already in 1870s all Africans in the colony who had immigrant origin, possessed a definite cultural unity and considerably distinguished from the inland inhabitants of Sierra Leone were named so. The

culture of the new ethnic group got some African traits; their mothertongue was Krio which had been formed on the base of creolized English spoken in the Britain's colonies in North America with the elements of French- and Portuguese-based pidgins and the Yoruba language.

Today most of them live in a quite European-like style, usually have a high education level; they are members of the Anglican Church (with the exception of Aku – small Muslim group). In spite of their small numbers, the Krios take up the leading positions in Sierra Leone state administration, medicine and education, engineering and business. From the Krios came first ideologists of Pan-Africanism and political figures in Nigeria, Ghana, and Gambia.

Соболева Е.С.

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург

Elena S. Soboleva

Museum of Anthropology and Enthography
of Peter the Great [**Kunstkamera**]of
Russian Academy of Sciences

Креолы Шри-Ланки

The Creoles of Sri Lanka

During the colonial period in Ceylon emerged many small ethnic groups of mixed origin. Even today the Sri Lankans distinguish among the Moors the descendants of the Arab traders who visited the island and the descendants of the later Malay soldiers, among the Burghers – the descendants of marriages with the Portuguese (Tuppai) and the Dutch (Lansi), among Afro-Lankans – Portuguese-speaking Kaffirs (K'piri, Kāpili). Large communities of Burghers dwell on the coast near Trikomali, Batticaloa, etc. The older generation speaks the Portuguese Creole. Burghers and Eurasians (descendants of marriages with the British) come «out of the shadow» and study their ethnosocial history.

During the Portuguese period (1505-1658) slaves from Mozambique, Madagascar, etc. were usually brought to Ceylon through Goa. Along the way, Africans, who originated from different tribes, communicated in Portuguese pidgin, then mastered Creole. Afro-Sri Lankans of different origins live in the districts of Puttalam, Trincomalee, in Batticaloa, Kalpitiya, Mannar, Anuradhapura, Colombo. The author visited in 2013 the Kaffir village Sirambiadiya inhabited by the descendants of the 3rd Ceylon regiment, imported by the British in 1815. Their name in Sinhalese (k'piri, kapiriyō) was borrowed from the Portuguese and not from the Creoles.

Burghers and Kaffirs as adherents of the Roman Catholic Church and Portuguese Creole speakers shared a common cultural background and intermarried. Their characteristic attributes are the Catholic religion, curly hair and music. The possession cults of the Kaffirs are typical for Africa. They consider themselves to be Sri Lankans, speak Sinhalese, but remain marginalized.

On Portuguese dance-song rhythms a number of original forms of musical performing arts arose in Sri Lanka. The original song genre (baila), where the love theme prevails, is composed already in Sinhalese. Singalese children and young people sing and dance Portuguese playful songs (cantigas). Creole culture diversifies traditionally restrained life of Sri Lankans.

Бурыкин А.А.
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург
Alexey A. Burykin
Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, Russia

Pidgins and Creoles: Language Contacts in Space and Time, and the Problem of the Contact Linguistic Formations: Historical Typology

Пиджины и креоли: языковые контакты в пространстве и во времени и проблема исторической типологии контактных языковых формаций

Для понимания природы происхождения, механизма сложения и типологической характеристики вторичных языковых формаций контактного происхождения важно учитывать пространственные условия языковых контактов (непосредственный контакт/контакты при географических препятствиях, из которых самый важный – морская граница), и характер контактов во времени – непрерывные контакты/дискретные во времени контакты с неравномерными перерывами. Именно дискретные во времени контакты при наличии морской границы, контакты в прибрежных зонах приводят к появлению пиджинов; дополнительным фактором служат родственные связи европейских языков, ставших основами пиджинов. Устойчивые контактные формации, складывающиеся на суше при стабильных во времени контактах, определяются как рецептированные, симплифицированные и т.п. формы одного из контактирующих языков.

Другими словами, пиджин – это вторичная языковая формация, формирующаяся в условиях отсутствия сухопутных границ, в условиях дискретного во времени контакта пользователей разных языков, в условиях сохранения качественного экономического и социального барьера между культурными общностями. Россия с ее сухопутными границами даже в динамике никогда не имела и не создавала условий для формирования гибридных полигенетичных языковых формаций. Следы высокоразвитого двуязычия и многоязычия прослеживаются по памятникам Киевской Руси и памятникам XIII–XV вв. Позднее, где бы ни появлялись русскоговорящие,

начинало формироваться двуязычие, причем чаще всего взаимное – так было и за Уралом, и в Сибири и на Дальнем Востоке с XVI в. до первых десятилетий XX в. Даже Аляска не составляла исключений в паритете русского языка и языков коренных жителей: креолы Аляски говорили по-русски или были билингвами: пиджины там неизвестны.

Один из факторов формирования креольских языков – временная дискретность языковых и культурных связей между носителями языков: в языковой и этнополитической ситуации в России связи между русскими и аборигенным населением были непрерывными во времени, а цивилизационное влияние на регионы аборигенов – полнообъемным, что вместе с отсутствием взаимноотчужденных «пиджинов» исключало формирование креольских языков на русской основе. Это еще одно подтверждение того, что креоль может сформироваться только на основе настоящего пиджина, а не на основе выученного варианта идентифицируемого языка.

Бурыкин А.А.
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург
Alexey A. Burykin
Institute for Linguistic Studies St. Petersburg, Russia

К вопросу о «русских пиджинах», или к типологии контактных языковых формаций в контексте российской лингвистической традиции

On “Russian Pidgins”, Or on Typology of the Contact Linguistic Formations in the Russian Linguistic: Tradition Context

Контактная языковая формация на русско-китайской границе в отечественной лингвистике характеризуется как пиджин, хотя китайцы называли ее русским языком и главным отличием ее от пиджина было отсутствие трилингвизма (русский язык – китайский язык – пиджин), обязательного для пиджина (соответствующие оговорки сделаны

Е.А.Хелимским для таймырской «говорки», не квалифицируемой как пиджин). Ввиду того, что для собственно пиджинов в русской контактной лингвистике остается незаполненной лакуна, она заполняется рецептированными формами русского языка (функционально специфичными и не находящими образовательной поддержки), симплифицированными формами русского языка. Кяхтинский «пиджин» – это русская речь китайских торговцев, поддерживаемая китайской письменностью (разговорники и словари), дальневосточный контактный пиджин – русская речь аборигенов Дальнего Востока, «говорка» – русская речь аборигенов Таймыра; торговый язык Анюйской ярмарки – ранняя форма русских старожильческих говоров Якутии и Чукотки; руссенорск («русский норвежский») – проявления пассивного русско-норвежского билингвизма поморов с вкраплениями русской речи (практика пользования руссенорском норвежцев неизвестна). Суржик – украинская речь русских, сходная с речью обрусевших украинцев, трасянка – белорусская речь русских и сходная с ней речь обрусевших белорусов. В дискуссии о пиджинах Дальнего Востока оказался потерянным русский вариант китайского языка – китайская речь русских, в которой не использовались тоны. Подходы к данным проблемам, сложившиеся в российской лингвистике, во-первых, размывают значение терминов или возрождают практику использования терминов в устаревших значениях, во-вторых, оставляют без внимания новые реалии и новые языковые формации, в-третьих, необоснованно ограничивают и факты проявлений билингвизма, и оценку типов билингвизма для граждан России, для которых русский язык был функционально вторым или первым языком. Стабильность билингвизма в контактных зонах исключала условия для формирования креольских языков на русской основе.

Секция I-7. Традиции и инновации в африканском искусстве

Panel I-7. Tradition and Innovation: Insights into African Art

Руководитель: *Сиим А.Ю. (Москвитина)*, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Convener: *Anna Siim (Moskvitina)*, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, St. Petersburg, Russia

СИИМ (МОСКВИТИНА) А.Ю.

Музей антропологии и этнографии им.
Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

Anna Siim (Moskvitina)

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography, St. Petersburg, Russia

Традиции и инновации в африканском искусстве

Tradition and Innovation: Insights into African Art

African arts have long been in the centre of attention of anthropologists and specialists in religious and fine art studies. The powerful influence of African masks and sculptures on the early 20th-century European artists inspired a number of theoretical works about “Negro Art” which positively changed the attitude to the former “pagan idols and fetishes” and gained them a place in museums and private art collections in Europe and Americas. However, this purely aesthetic and generalizing approach lacked insider’s insight and took the art out of its social context. African art studies based on field researches have been providing a deeper understanding of the role of art in everyday life and religious practices of ethnic groups as well as of their aesthetic concepts, sense of beauty, features of numerous regional styles, innovations in traditional art and the evolution of modern trends – applying Western styles and techniques (e.g. painting on canvas) yet demonstrating a strong link with African identity and spirituality. All these factors led to the development of various criteria of provenance and authenticity and methods of

collecting and exhibiting in different museums depending on their specialization, sometimes resulting in dramatic museum reforms and rebrandings. Nowadays, there are more and more projects on African art and spiritual heritage all over the world within the frames of international cultural policies. Russia has its own history of studying, collecting and exhibiting African art. In Moscow and Saint Petersburg, important museum events dedicated to the art of Sub-Saharan Africa have recently taken place and new ones are being organized. The panel focuses on traditions and innovations in African art and its studies, the problems of representing African art and material culture in museums of anthropology, history and fine arts.

Schwartzott Amy

North Carolina A & T State University, USA

Э. Шварцотт

Сельскохозяйственный и технический
университет штата Северная Каролина,
Гринсборо, США

**Запечатлевая войну во имя утверждения мира: трансформационное
влияние конфликта на мозамбикское искусство**

**Sculpting War to Create Peace: the Transformative Influence of Conflict on
Mozambican Art**

Mozambique's protracted history of war began with its battle for independence from Portuguese colonial rule (1962-1975). Almost directly following this conflict, the new ruling party (Frelimo) and resistance movement (Renamo) fought the Mozambican post-independence war (1976/77-1992). Aiming to eradicate the innumerable weapons left behind following Mozambique's past wars, Bishop Dom Dinis Sengulane founded the Transforming Arms into Plowshares/Tranformacao de Armas em Enxadas (TAE) project in Maputo, the capital of Mozambique in 1995. Bishop Sengulane, Anglican Bishop in Mozambique, played an instrumental role in the negotiations leading to the General Peace Agreement, ending Mozambique's last war that took place in Rome

in 1992. TAE's grassroots approach to peace and reconciliation has inspired artists to memorialize the destruction of Mozambican wars through its use of transformed weapons of these wars, which serve as powerful tools of post-conflict resolution in Mozambique. Mozambican Artists who transform tools previously used as tools of destruction into tool designed to promote peace are recycling bits and pieces of their country's history. Inextricably linked to this nation's fraught history of war – through its promotion of peace building - TAE has played an unexpected, yet fundamental role in the widespread growth of recycling as an artistic practice in Mozambique. Beginning with its provision of tools for artists to use as recycled materials as media, artists now continue the practice of utilizing recycled materials as media, as they select diverse natural and man-made materials to transform into artworks. This paper investigates how the impact of war has influenced Mozambican artists, demonstrating how this Nation's past wars and the subsequent development of TAE have been critical in the creation of a distinctly Mozambican style of art. ContemporaryMozambican artists who utilize recycled materials as media are creating artworks that chronicle their society through its discarded histories.

Куценков Петр
ИВ РАН, Москва
Petr A. Kutsenkov
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia

Contemporary Traditional Dogon Art (By the Field Evidence of 2015 and 2016)

Современное традиционное искусство догонов (по материалам полевых исследований 2015 и 2016 гг.)

Доклад основан на полевых исследованиях автора на Нагорье Бандиагара в марте 2015 и январе 2016 г. В ходе поездки был отмечен ряд неточностей, характерных для этнологической литературы. Так, практически всё, что написано об искусстве догонов, относится к деревням, расположенных на скальном уступе Нагорья Бандиагара и в непосредственной близости от него

на нагорье или в долине Сено. Эта территория вошла в 1989 г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Но и она изучена крайне неравномерно: большая часть исследований проводилась в Санга и окрестных деревнях, а их реалии были перенесены на все группы догонов. Между тем, разные культурно-исторические области Страны догонов сильно отличаются друг от друга. Так, знаменитые маски неизвестны во многих деревнях на севере Нагорья Бандиагара; архитектура севера отличается от южной настолько сильно, насколько это возможно при одинаковой технике строительства из сырцового кирпича и камня; скульптура подразделяется на несколько региональных стилей и множество деревенских и индивидуальных подстилей, которые нередко мало похожи на «классические» образцы скульптуры из Санга.

Общепринятой является точка зрения, согласно которой развитие туризма исключительно негативно повлияло и на традиционную культуру догонов в целом, и на их искусство в частности. На основании своего опыта полевой работы автор склоняется к выводу, что туризм действительно оказал большое и подчас негативное влияние на традиционную культуру догонов. Вместе с тем, он же явно способствовал сохранению традиций изобразительного искусства догонов и росту их самосознания.

У автора сложилось впечатление, что за годы туристического бума догоны образовали два рынка традиционного ремесла и искусства: один – «для своих», и другой – «на экспорт», причём, в ряде случаев они существуют практически независимо друг от друга. Туристический также не однороден: наряду с сувенирными поделками на нём попадаются настоящие шедевры. Они могут быть сомнительны с точки зрения этнографа, но несомненны как произведения высокого искусства.

Buckridge Steeve
Grand Valley State University
USA

С. Бакридж
Государственный университет
Гранд Вэлли, Аллендейл, США

Кружева из коры на Ямайке: чудо природы

Lace-Bark in Jamaica: A Marvel of Nature

The focus of this study is on the African custom of lace-bark cloth production and its consumption in the Caribbean. Lace-bark is a form of bark-cloth, obtained from the bark of the fibrous *lagetto tree*. The bark of the tree was valued for the properties derived from its bark for use in industry, agriculture and the home. However, its most common use was in the production of lace-bark cloth. The fibers of the *lagetto bark* were removed by hand and dried, and the end result resembled fine lace or linen that was used by enslaved and freed African women to make exquisite clothing, as well as a substitute for manufactured lace once desired by royalty. Although lace-bark is derived from the bark of a tree, it is different from other forms of bark-cloth. For instance, unlike most bark-cloth such as *tapa*, the bark of the *lagetto tree* was not beaten into malleable cloth. The scientific name for the lace-bark tree is *Lagetta lagetto*; however, common names and spelling vary across regions. I argue that the skill of producing lace-bark was nurtured and retained in the Caribbean by African women and their descendants. Sadly, today the knowledge of lace-bark production has been lost and the tree scarce. This is also a story about the lace-bark tree, once thought to be extinct is now threatened. How can the few remaining trees be protected and is lace-bark sustainable? Can lace-bark production be revived as a viable economic activity in the Caribbean?

Зданевич А.С.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Alexander S. Zdanevich
St. Petersburg State University
Russia

The Man Who Preserved Zanzibar: John Baptist da Silva (1937-2013)

Человек, сохранивший Занзибар: Джон Баптист да Силва (1937-2013)

Достаточно сложно подобрать слова в попытке отразить всю грандиозность той роли, которую сыграл Джон Баптист да Силва в истории острова Занзибар – жемчужины Восточноафриканского побережья Индийского океана, судьба которого на долгие годы слилась в единое целое с жизнью художника, исследователя, историка и подвижника своей родной земли.

Родившийся в португальском Гоа в далеком 1937 году, да Силва переехал с семьей на Занзибар лишь в 1947 году. Семья не бедствовала. Отец Джона служил портным при дворе девятого султана Занзибара – Сейида Халифа II бин Харуба Ал-Сейида.

Потребность в выразительных средствах юноша ощутил не сразу. Лишь в 1958 году работа в местной регистрационной палате свела его с реставраторами, занимавшимися восстановлением католического собора Святого Джозефа, возведенного в 1880-х гг.

В 1964 году кровавая революция безжалостно уничтожила все то, что создавалось на острове столетиями. Да Силва осознал, что традиции султаната Занзибар навсегда ушли в прошлое, но остался город, такой же великолепный и величественный, как и в далеком прошлом – Стоун Таун, и его необходимо было сохранить для будущих поколений.

На острове многое было запрещено, к примеру, фотография. Новой власти было не до сохранения дворцов и купеческих особняков. Да Силва, невзирая на угрозу оказаться за решеткой, тщательно документировал 300-летнее

наследие острова и его столицы, оставленное одиннадцатью султанами династии оманских правителей.

Он ничего не упускал. Делал зарисовки и, когда появлялась возможность, фотографировал. Архитектура занзибарских мечетей, роскошные резные двери арабских и индийских купеческих усадеб, индуистские святилища, наконец, сами жители острова и столицы лёгкой рукой мастера запечатлевались, как оказалось, на века. Итогом многолетней кропотливой работы стало внесение Стоун Тауна в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в 2000 году.

Мастера не стало 20 марта 2013 года. До последних дней, пока позволяло подорванное недугом здоровье, Джон Б. да Силва вёл активную просветительскую работу среди молодежи. Он по-прежнему дорог всем, кому был и остается небезразличен этот загадочный, чарующий мир острова Занзибар.

Семенова В.Н.
МАЭ РАН (Кунсткамера)
Санкт-Петербург
Valeria N. Semyonova
Museum of Anthropology and Ethnography
[Kunstammer], St. Petersburg, Russia

Actual Ethnography of Vladimir Arseniev and Its Embodiment in Objects

Актуальная этнография В. Р. Арсеньева и ее предметное воплощение

В африканском фонде МАЭ РАН хранится девять коллекций, собранных известным этнографом-африканистом В.Р. Арсеньевым (1948–2010). Первые коллекции, привезенные из Республики Мали, были подарены им музею в 1973 г. По составу коллекций и по полевым описям собирателя становится понятным, что молодого специалиста особенно интересовала тема преломления европейской культуры в рамках традиционной африканской. Разрушение стереотипов экзотического восприятия

«туземных» культур, сложившихся в научной антропологической традиции со второй половины XIX в. стало одной из главных задач, которые поставил себе В. Р. Арсеньев. Экспозиционное пространство музея он считал важным этапом на пути преодоления «колониального» взгляда на Африку и культуру народов, ее населяющих. В собирании предметов для музейного фонда прослеживается комплексный подход, который позволяет воспроизвести реальность современного африканца в привычных ему символах и образах. Таким образом, в коллекции оказались такие предметы, как детские игрушки, городские костюмы, образцы современной граффити. Наряду с этим много предметов, отражающих традиционную культуру народов бамбара, догон, бобо – это предметы мелкой пластики, магические вещи, амулеты. Западный Судан предстает в его коллекциях единым историко-культурным пространством. Отдельно стоит сказать, что на предметах В. Р. Арсеньева держатся целые выставочные комплексы постоянной экспозиции МАЭ РАН «Африка южнее Сахары»: «Ткачество», «Игрушки», «Культ плодородия», «Охота» и, собственно, региональный локус «Западный Судан».

Стеблин-Каменский Н.И.

МАЭ РАН, Санкт-Петербург

Nikolay I. Steblin-Kamensky

Museum of Anthropology and Ethnography

[Kunstkammer], St. Petersburg, Russia

Репрезентация Африки в Кунсткамере: история одной коллекции

Representation of Africa in the Kunstkamera Museum: a Story of One Collection

The Russian revolutionary Vladimir Svyatlovskiy moved to Germany in 1882 rescuing himself from prosecution of the tsar's police. He graduated from the Munich University as an economist and moved back to Russia in 1898. Apart from his struggle for the working class he developed a strong interest to ethnography

and in 1907 he travelled to Oceania and Australia and gathered an exceeding ethnographic collection for Kunstkamera museum in St Petersburg. In 1912 he made another contribution to the museum – a rather big African collection from the Berlin Museum of Ethnology. That was the time when under the rule of V. Radlov holdings of the museum were rapidly growing, Kunstkamera had a great relationship with museums in Europe and interchange between them became a common practice.

The collection of Svyatlovskiy (collection № 2026) consists of 714 objects from German East and West Africa and includes cold steel objects, clothes, household goods, bracelets etc. There is a nine-page list of objects in German where tribes or countries are indicated. One can see old German tags on some of the objects, however, they are often very difficult to read.

Svyatlovskiy's collection is a rather chaotic set of items gathered by different people in all parts of German West and East Africa. Perceived as a pure representation of "Africa" it was actually shaped by different historical, personal and economic circumstances. Thus, the story it tells us is no less European than African. Investigation of its formations brings a lot of insights into the creation of the idea of "African art" and an image of Africa in general.

Колупаева П.С.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Polina S. Kolupaeva
St. Petersburg State University
Russia

**The Hausa Culture in the Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkammer): The Exposition-and-Exhibition Aspect and the Problem of
Attribution**

**Культура хауса в МАЭ РАН (Кунсткамера): экспозиционно-выставочный
аспект и проблемы атрибуции**

В докладе анализируются особенности презентации традиционной культуры народа хауса в рамках пространства постоянной экспозиции МАЭ

РАН «Африка южнее Сахары». Хауса – народ, проживающий в Западной Африке (Нигерия, Нигер, Камерун, Гана и др.). Издавна хауса подвергались влиянию извне: приблизительно в X-XI вв. началось распространение ислама. В связи с этим, для традиционного быта характерно большое количество исламских элементов (в одежде, вышивках, традиционных орнаментах).

С прибытием европейцев в Африку возник интерес к традиционному быту и культуре местных народов. Путешественники собирали предметы быта, которые впоследствии хранились как в частных коллекциях, так и в различных музеях. В МАЭ РАН первые предметы по хауса попали в результате обмена с Лейпцигским музеем народоведения через купца Е. И. Александера в 1909 г. Всего было получено 137 предметов. На данный момент в МАЭ РАН (Кунсткамера) хранится более 150 предметов, отражающих традиционную культуру хауса. Следует отметить, что изучение материальной культуры хауса, в основном, ограничивается изучением их письменной арабографичной традиции, тесно связанной с исламом. Помимо этого, целый пласт литературы посвящен описанию оружия и одежды. Именно через эти три аспекта, как правило, культура хауса и преподносится в этнографических музеях. Между тем, очевидно, что культурная среда хауса намного богаче. Полноценный анализ их традиционной жизни на основе имеющихся предметов и сведений еще предстоит. В этом плане интерес представляет предпринятая автором попытка атрибуции и интерпретации вещей на экспозиции МАЭ РАН, отражающих хаусанскую культуру.

Simonson Karina
Lithuanian Culture Research Institute
Vilnius, Lithuania

К. СИМОНСОН
ЛИТОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
ЛИТВА

«Фотографировать темную лошадь при низком освещении»: некоторые проявления расизма и предубежденности на фотопленках (пример ЮАР)

“To Photograph a Dark Horse in Low Light”: Few Stories of Racism and Prejudice in Photographic Films (South African case study)

The aim of the current research is to trace how specific technical characteristics of the photographic film influenced both creative decisions and racial tensions in South African society. I will first briefly present how early film stocks were designed with light skin as the ideal skin standard, and therefore sometimes had problems rendering darker skins. “Shirley cards” were named after a white woman named Shirley dressed in bright clothes and were used as a metric for skin-color balance, which technicians use to render an image as close as possible to what the human eye recognizes as normal, but there lied the problem: With a white body as a light meter, all other skin tones became deviations from the norm. Then I will move on to the Polaroid ID-2 cameras which were efficiently producing images for the infamous passbooks and so indirectly supporting apartheid. The camera included a flash boost button that would result in a deliberate darkening of dark-skinned subjects. They were finally boycotted by Caroline Hunter’s formed Polaroid Workers Revolutionary Movement in 1977. Lastly, I will analyze how this complex history and radical notion that prejudice might be inherent in the medium of photography itself is reflected in two art projects by Adam Broomberg and Oliver Chanarin titled To Photograph the Details of a Dark Horse in Low Light (2012) and The Polaroid Revolutionary Workers (2013).

Марков А.В.
СПбГИКИТ, Санкт-Петербург
Alexander V. Markov
St. Petersburg State University of
Cinema and Television, Russia

Anticolonial Motifs in the Films of Costa Diagne of 1966-1967

Антиколониальные мотивы в фильмах Коста Дианя 1966-1967 гг.

Коста Диань (Costa (Costades) Diagne, 1936 – 1991) - пионер гвинейского кино, обучавшийся во ВГИКе с 1960 по 1966 гг. Антиколониальная риторика его работ как вгиковского, так и поствгиковского периодов имеет особые черты, поскольку формировались вдали от родины под влиянием советского кинематографа и марксистских идей. Вместе с тем, режиссер акцентировал свое внимание на близость эстетике М. Антониони и К. Маркера. В 1971 -1978 гг. Диань находился в лагере Буаро как политический заключенный по обвинению в шпионаже в пользу ФРГ: первая в Гвинее государственная киностудия “Sili Cinema”, ведущим режиссером которой был Диань, сотрудничала с Германией, что впоследствии было интерпретировано властями как пособничество иностранцам, подрывающее основы государства и режима Секу Туре. Большинство фильмов Косты Дианя было уничтожено во время переворота в Гвинее в 1984 г. с приходом к власти Лансаны Конте, возможно, также по политическим причинам. Остались лишь три картины в российских архивах, две из которых и будут анализироваться в данном докладе, а именно "Люди танца" (Les hommes de la dance”, 1966) и "Прошлое, настоящее, будущее" (“Hier, aujourd’hui et demain”, 1967).

Блок II. Экономика **Unit II. Economics**

Секция II-3. Новые технологии для обеспечения устойчивого развития африканских стран

Panel II-3. New Technologies for Sustained Development of African Economies

Руководитель: *Морозенская Е.В.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Evgenia V. Morozenskaya*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

The major topic to be discussed during the panel sessions is the multiplicity of ways new technologies can come to Africa. Among these ways are:

1. UN Goals for the Sustainable Development (2016-2030): the innovations as a base for their implementation in Africa:

- promoting inclusive and sustainable industrialization and foster innovation (Goal 9);

- ensuring access to affordable, reliable, sustainable, and modern energy for all (Goal 7).

2. The cooperation between African enterprises and foreign companies in the framework of global value chains (GVC).

3. The use of IT in the sphere of production and services.

4. Institutional and financial tools for ensuring technological progress in African economies.

Морозов В.П.

Институт Африки РАН

Москва

Valery P. Morozov

Institute for African Studies

Moscow, Russia

**Structural Shifts in the Economy of Sub-Saharan African Countries:
Conditions and Trends**

**Структурные сдвиги в хозяйстве стран субсахарской Африки:
условия и тенденции**

Внешнее негативное влияние кризисных явлений в мировой экономике на страны Африки отчасти нивелируется положительными тенденциями их внутреннего развития и экономической политикой государства. Одним из

драйверов экономического развития стран Субсахарской Африки является устойчивый рост спроса на внутреннем рынке, особенно на промышленные товары. Помимо постепенного увеличения покупательной способности населения важным фактором этого роста становятся социальные и демографические изменения. Ключевым среди них является урбанизация, что свидетельствует о процессе распада традиционных сельских хозяйств и оттоке рабочей силы в более производительные хозяйственные уклады города.

Кроме того, во многих африканских странах темпы экономического роста поддерживаются за счет увеличения объема сельскохозяйственного производства, а также в результате структурной диверсификации хозяйства в целом – расширения сферы услуг (прежде всего в области телекоммуникаций, банковской деятельности), строительства и в меньшей мере – роста обрабатывающей промышленности. В целом рост экономики обеспечивается экспортом сырьевой минеральной и сельскохозяйственной продукции.

В то же время стабилизация роста африканских экономик на текущем этапе во многом зависит от внутренних факторов (увеличение объема производства, частного потребления, развития инфраструктуры, притока частных и государственных инвестиций). Новыми весомыми источниками экономического роста на континенте становятся улучшение деловой среды и расширение региональных рынков. В частности, рост межрегиональной и приграничной торговли создает для африканских производителей дополнительные возможности для диверсификации производства с использованием увеличения его масштаба, а также объема торговли.

Исследование динамики изменения отраслевой структуры хозяйства стран Африки показывает наличие у них разнонаправленных и неоднозначных тенденций. Так, доля сельского хозяйства в ВВП многих африканских стран сократилась, но в ряде из них, напротив, увеличилась. В то же время в посткризисный период (2010–2014 годы) доля

обрабатывающих отраслей производства в ВВП увеличилась лишь в нескольких странах (например, в Нигерии, Нигере, Уганде), но в целом оставалась неизменной или даже снижалась в отдельных странах. Общей тенденцией для большинства стран Африки является опережающая динамика развития отраслей инфраструктуры и сферы услуг.

Морозенская Е.В.
Институт Африки РАН, Москва
Evgenia V. Morozenskaya
Institute for African Studies, Moscow, Russia

African Economy in the Time of New Industrial Revolution: Possibilities for Regulating

Экономика Африки в условиях новой промышленной революции: возможности регулирования

Разворачивающаяся в мире четвертая промышленная революция является, по сути, цифровой революцией. Она включает, прежде всего: стремительное расширение коммуникаций в процессе производства и распределения (доставки) товаров для промежуточного и конечного потребления; осуществление платежей и перевода финансовых средств банками с использованием мобильных средств связи и виртуальной валюты (биткойн); широкое применение нанотехнологий, 3D-сканеров и 3D-принтеров для наделения продукции промышленного и потребительского назначения принципиально новыми качествами; роботизацию, высвобождающую миллионы рабочих мест и упраздняющую тысячи профессий; развитие высоких технологий переработки сырья, прежде всего энергетического, и открытие новейших источников энергии (например, свободного водорода).

В этих условиях перед африканскими странами, особенно наименее развитыми, встают задачи, с одной стороны, поиска возможностей встраивания в указанные процессы, а с другой – приспособления к их последствиям, по сути – выживания в быстро меняющейся ситуации.

Решение как первой, так и второй задачи возможно при условии проведения адекватной промышленной политики и в целом социально-экономического регулирования на национальном, региональном и континентальном уровнях.

От характера проводимой экономической политики зависят возможности достижения африканскими государствами Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН на 2016–2030 годы в реальном секторе экономики, а именно в отраслях, производящих материальные и нематериальные товары и услуги (за исключением финансово-кредитных). Это касается, прежде всего, осуществления инклюзивной и устойчивой индустриализации и поощрения инноваций (Цель 9); обеспечения надежного и непрерывного доступа населения к предоставляемой энергии (Цель 7), воде и санитарии (Цель 6); продвижения поддерживаемого, инклюзивного и устойчивого роста, полной и производительной занятости и подходящей работы для всех (Цель 8). Определенные ориентиры такого регулирования заложены в новой общеафриканской «Стратегии – 2063» и согласующихся с ней стратегиях ряда стран Африки.

Рыбалкин В.В.
Федеральная антимонопольная
служба, Москва
Vyacheslav V. Rybalkin
Federal Antimonopoly Service
of the Russian Federation, Moscow

Ways of Entering New Technologies in Africa within the Global Chains of Value Creation

Пути поступления в Африку новых технологий в рамках глобальных цепочек создания стоимости

Активное развитие глобализации, начиная со второй половины XX века, породило явление, получившее в научной литературе название «глобальные цепочки создания стоимости». Они рассматриваются в

контексте процесса трансформации исходного сырья в готовый продукт в ходе международной торговли.

В последние десятилетия африканские страны все плотнее включаются в глобальные цепочки стоимости на мировых товарных рынках. По данным различных аналитических отчетов, участие Африки в этом процессе принимает в основном форму экспорта сырья в развитые страны, не создавая при этом сколько-нибудь значимой прибавочной стоимости. Так, Западная Африка обеспечивает до 70% мирового производства какао-бобов, но их последующая переработка осуществляется преимущественно за рубежом.

Вместе с тем в Африке производства, относящиеся к средне- и высокотехнологичным отраслям и широко применяющие иностранные технологии, демонстрируют относительно высокие показатели добавленной стоимости. В качестве примера можно привести автомобильную промышленность в Южноафриканской Республике. Эта отрасль представляет собой сборочные предприятия, для которых большая часть материалов импортируется, а местные компании производят лишь небольшую долю компонентов в общем составе готовой продукции.

Некоторые исследователи полагают, что успешное участие африканских стран в глобальных цепочках стоимости зависит, прежде всего, от их способности входить и удерживаться на международных рынках, а также повышать уровень применяемых технологий и переработки сырья. Между тем задачу вхождения на международные рынки и удержания своих позиций они в настоящее время могут решать лишь в ограниченных масштабах – экспортируя необработанное или малообработанное сырье. Что касается усложнения применяемых технологий, то это в значительной степени зависит от инвестиций иностранных корпораций и международных институтов развития.

Таким образом, у африканских стран существуют два источника появления новых технологий. Первым и наиболее простым является импорт готовых иностранных разработок для деятельности предприятий зарубежных

компаний. Второй и более затратный источник – проведение собственных НИОКР за счет национальных правительственных программ и программ международной финансовой и научной помощи.

Брагина Е.А.
ИМЭМО РАН, Москва
Elena A. Bragina
Institute of World Economy and
International Relations, Moscow, Russia

Features of the environment for the training of skilled personnel in Southern Africa

Особенности среды для подготовки квалифицированных кадров в странах Юга Африки

Страны Африки южнее Сахары (АЮС), за исключением ЮАР и частично Нигерии, не прошли еще стадию индустриализации. Социально-экономические показатели свидетельствуют о сохранении в них отсталых форм аграрного производства и преобладании традиционного экспорта сырья. По данным международных организаций, страны региона занимают нижние строчки в мировых рейтингах, определяющих уровень современных типов развития, либо в них отсутствуют. Так, ни одна страна АЮС не представлена в мировом индексе знаний в 2012 г. и в глобальном индексе инноваций в 2015 г.

По доле расходов на НИОКР в ВВП регион Юга Африки занимает последнее место в мире с показателем 0,8% (тот же показатель у Индии, однако надо учитывать большую разницу в численности населения в этих странах и в Индии). По доле государственных расходов на развитие всех уровней образования (4,8%) ЮАР выглядит вполне сопоставимо даже с ведущими развитыми странами. Однако в ЮАР, в отличие от большинства развитых государств, отсутствуют частные расходы по этой статье, что отражает негативное настроение национального бизнеса, его слабость.

С точки зрения перспектив современного экономического развития важнейшим фактором является качество человеческого капитала. В мировом индексе по этому показателю ЮАР заняла 86 место, Нигерия – 114, остальные страны Юга Африки расположены в конце перечня. При оценке этого показателя только для стран этого региона используется термин «низкая жизнестойкость», в котором совмещается относительно короткая продолжительность жизни, плохое здоровье, низкий уровень образования. Это обусловлено недостаточным питанием, постоянными эпидемиями инфекционных заболеваний, недостаточным развитием здравоохранения. Как следствие – сниженная выносливость, неспособность концентрироваться, осваивать новые формы обучения и работы. Комплекс сложившихся социально-экономических условий снижает объективную потребность стран Юга Африки в обновлении/модернизации экономики, в том числе в подготовке национальных кадров.

**Пашкова Е., Лебедев Ю.И.,
Тамбо Робер Талла Херве (Камерун),
Махамат Абакар Али (Чад)**
РУДН, Москва
**Elena V. Pashkova, Yu. I. Lebedev,
Tambo Robert Tallah Hervé,
Mahamat Abakar Ali**
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Structural Shifts in the Economy of Sub-Saharan African Countries: Conditions and Trends

Развитие водных ресурсов и водной инфраструктуры африканских стран при помощи государственно-частного партнерства (ГЧП)

Роль водных ресурсов в решении задач развития и экономического роста трудно переоценить. В Африке на долю сельского хозяйства, самого крупного потребителя воды, приходится 70% общего объема водопользования, промышленности – 20%, коммунально-бытового

потребления – 10%. При этом только 5% посевных площадей орошается водой, а растущие потребности в электроэнергии делают все более актуальным развитие гидроэнергетики, обладающей на континенте огромным потенциалом. Наконец, доступ к источникам питьевой воды, жизненно важной для существования и здоровья людей и животных, имеют только 58% африканцев.

Водораспределение в африканских странах характеризуется высокой стоимостью транспортировки, относительной легкостью хранения и сильной зависимостью от социально-политической ситуации. Высокая стоимость транспортировки, наряду с сильной изношенностью водных и канализационных сооружений, препятствует созданию конкурентного рынка услуг водоснабжения и канализации. Последние относятся к услугам общественного сектора, оказывающим особое влияние на окружающую среду и качество жизни.

Порядок предоставления услуг водоснабжения и канализации жестко регулируется государством. Механизм ГЧП в этом секторе используется давно, однако его реализация наталкивается на трудности: с одной стороны, именно здесь можно получить наибольшие выгоды от использования ГЧП, а с другой – проекты ГЧП в этом секторе являются самыми сложными с точки зрения финансового и коммерческого структурирования.

В Африке продолжает увеличиваться количество людей, не имеющих доступа к улучшенным источникам воды. Соответственно разрастается и неформальный рынок воды, компенсирующий нехватку официальных мощностей. Полагают, что легализация этого рынка может стать промежуточным шагом к расширению водной инфраструктуры.

Финансирование и производительность действующих водных компаний недостаточны. Высокий уровень потерь воды в распределительных сетях (50%), слишком низкие цены на воду, малая эффективность не позволяют компаниям поддерживать действующие и строить новые объекты инфраструктуры. Проекты ГЧП, реализованные в Африке как договоры на

управление, показали, что частное управление может обеспечить адекватное финансирование для расширения водной сети. Между тем уровень частных инвестиций в водный сектор по-прежнему очень низкий, основными инвесторами остаются национальные правительства и международные доноры.

Калиниченко Л.Н.
Институт Африки РАН, Москва
Lyudmila N. Kalinichenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Modern Technologies at the Service of Energy Industry in Sub-Saharan African Countries

Современные технологии на службе энергетики в странах Африки южнее Сахары

Обеспечение населения стран Африки доступной, надежной и современной энергией, как предусматривается в Целях устойчивого развития человечества до 2030 года, невозможно без освоения новых технологий и повышения эффективности использования энергии. Хотя показатель потребления энергии при производстве единицы продукции (энергоинтенсивность) в странах Африки в течение 2000-х гг. имел тенденцию к снижению, он, тем не менее, остается самым высоким в мире, превосходя в 2,7 раза среднемировой показатель, что подтверждает необходимость внедрения энергоэффективных технологий.

Наряду с применением новых методов добычи углеводородов и разработки угольных пластов, все большее внимание уделяется прогрессивным технологиям освоения возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В программе Африканского Союза «Africa Renewable Energy Initiative» ставится цель увеличения генерирующих мощностей, работающих на основе ВИЭ, к 2020 г. на 10 гигаватт, а в дальнейшем значительно расширить их масштабы.

На современном этапе в странах Африки осуществляются проекты строительства гидроэлектростанций (ГЭС) мирового уровня с использованием самых последних технологических достижений. Примером могут служить гидроэнергетические каскады на р. Омо в Эфиопии: одна из плотин этих ГЭС стала самой высокой в мире гравитационной плотиной из укатанного бетона. Другой уникальный комплекс ГЭС возводится на р. Кванза в Анголе. В ЮАР, Нигерии, Руанде и других странах появляются парки солнечных и ветряных модулей, что происходит в рамках политики сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу, поскольку африканские государства выступили с инициативой постепенного перехода к энергосистемам с низким и нулевым карбоновым содержанием.

В Восточной Африке реализуются новые технологии освоения геотермальной энергии, за счет чего правительство Кении планирует существенно диверсифицировать энергобаланс. Обмен опытом и новейшими достижениями осуществляется с Россией и Исландией.

В целом ряде стран (Нигерия, Гана, Малави и др.) активно внедряются проекты производства биотоплива. На основе современных разработок биоэтанол используется в смеси с дизельным топливом и бензином.

Страны континента, осознавая важность инновационного пути развития энергетики, включают это направление в энергетическую стратегию.

Pezoldt, Kerstin
University of Technology, Germany
К. Пецольдт
Технологический университет
Ильменау, Германия

Маркетинг устойчивых энергетических систем в субсахарской Африке

Marketing of sustainable energy systems in Sub-Saharan Africa

Positive economic, social and cultural developments in many countries of Sub-Saharan Africa lead to an increasing involvement by Western companies. This paper deals with the development of a communication concept for a sustainable energy system, an innovative product in need of additional explanation. An extensive analysis of literature with regard to marketing communications in emerging market economies and Sub-Saharan Africa shows that there are relevant differences in the communication of sustainable innovations.

Based on studies on Hofstede's model of cultural dimensions, the paper shows cultural features of emerging markets, such as Sub-Saharan Africa, and implications for the marketing communication for sustainable explanation-needy products. A communication concept is developed on the basis of the identified cultural dimensions by Hofstede (Power Distance, Individualism, Masculinity, Uncertainty Avoidance) with relevance to marketing communication in Sub-Saharan Africa. In the practical part of the paper a communication concept is created for the sustainable consumer product "Solar Home System", which supplies households in Tanzanian rural areas with solar energy.

Kukushkin Vladimir
Institute for African Studies RAS,
В. Ю. Кукушкин
Институт Африки
Москва, Россия

Северная Африка: экономические, технические и экологические проблемы развития энергетического сектора в 2010-е гг.

North Africa: Economic, Technical and Ecological Problems of the Energy Sectors' Development in the 2010s

As of mid-2010s countries with the largest reserves of traditional oil and natural gas (NG) in the North African region – Libya and Algeria – ranked first in Africa and very high globally also as the owners of non-traditional hydrocarbons. Libya is estimated to hold the 5th technically recoverable shale oil resources, while Algeria – the 3rd shale gas resources in the world. These geological coincidences may prove to be very advantageous. The future extraction and utilization of shale oil and gas could rely basically on the same infrastructure (pipelines, etc.), used up to now to handle traditional oil and NG, after necessary modifications and expansions. While infrastructural investments are among the main factors determining high capital intensity of hydrocarbon industrial complexes, all possible economies in this field allow reducing capital expenses significantly.

The experience of USA and Canada, starting and leading the “shale revolution”, proves that besides the above factor minimum three other preconditions determine success: private ownership of subsurface rights that provide a strong incentive for development; availability of many independent operators and contractors with expertise and equipment; the availability of water resources for use in hydraulic fracturing.

The North African countries, mostly Algeria, are trying to make up for the lacking institutional and technical-economic factors by attracting foreign investors. But the gravest issue – acute deficit of sweet water resources in the region – can hardly be compensated for at present. On the contrary it has already turned the

problems of modernizing the Algerian energy sector into increasingly intense political struggle over the controversial national strategy of dealing with the country's limited natural resources (water for irrigation versus shale hydrocarbons' production). Extremely detrimental ecological consequences from foreign investors' fracturing technologies also aggravate social unrest, threatening internal stability in Algeria.

Шарова А.Ю.
Институт Африки РАН
Москва
Anna Yu. Sharova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Mediterranean Countries' Cooperation in Renewable Energy

Сотрудничество в возобновляемой энергетике стран Средиземноморья

Быстрый рост спроса на электроэнергию, а также необходимость обеспечения энергетической безопасности и бесперебойного энергоснабжения остаются основными драйверами развития энергетических комплексов различных стран и регионов мира. В настоящее время к этим стимулам добавляется проблема изменения климата. Принятым на Конференции по климату (Париж, 2015 г.) решением о сокращении выбросов парниковых газов дан мощный толчок к развитию возобновляемых источников энергии, «чистых» технологий и повышению энергоэффективности.

Наличие в странах южного Средиземноморья колоссальных ресурсов для развития ВИЭ, прежде всего солнечной энергии, обусловило появление масштабных проектов (DESERTEC, Medgrid, SuperSmart Grid) в целях создания энергетического суперкольца в бассейне Средиземного моря, выработки электроэнергии на основе неуглеводородных источников и

прокладки подводных кабелей постоянного тока. Эти проекты носят преимущественно проектно-исследовательский характер, однако их реализация может принести взаимные выгоды странам Европейского союза (снижение зависимости от углеводородов и их импорта), государствам Северной Африки и Ближнего Востока (развитие технологичных отраслей экономики, дополнительные доходы от экспорта электроэнергии) и региону Средиземноморья в целом (удовлетворение потребностей в электроэнергии за счет «зеленой» энергетики, снижение выбросов парниковых газов, устойчивое социально-экономическое развитие).

Реализация столь крупных проектов носит долгосрочный характер (не ранее 2050 г.) и требует слаженных действий, направленных на решение следующих проблем: унификация правовой базы в вопросах ВИЭ, инвестиций, сетевого регулирования; проведение государствами региона рыночных реформ в сфере электроэнергетики и создание общего рынка электроэнергии; привлечение инвестиций и финансирование проектов, создание специализированных фондов; развитие инфраструктуры, включая межсистемные линии электропередач с большей пропускной способностью, а также между Европой и Северной Африкой (пока действует одна линия малой мощности).

Для обсуждения и решения этих задач в 2008 г. был создан «Средиземноморский союз» (в продолжение евро-средиземноморского партнерства, известного также как Барселонский процесс). Проекты реализуются в шести приоритетных областях, включая энергетику и изменение климата.

Сотрудничество в электроэнергетике стран Средиземноморья активно развивается и на локальном уровне путем создания совместных предприятий, фондов развития и поддержки ВИЭ, реализации менее крупных проектов.

Mobile Banking in Africa

Мобильный банкинг в Африке

Банковский сектор играет решающую роль в обеспечении устойчивого экономического роста, являясь важным инструментом экономической политики африканских государств. Однако в существующем виде сектор создает серьезные проблемы для экономики стран континента. Это, прежде всего, ограниченный охват банковскими услугами населения и предприятий частного сектора. Большая часть африканского населения не имеет банковского счета из-за отсутствия достаточного количества денег, удаленности банков (особенно в сельской местности), традиционного недоверия к ним и т.п., то есть фактически лишена доступа даже к базовым услугам банков.

Недостаточный доступ мелких и средних предприятий к получению кредитов сдерживает их развитие и ограничивает потенциал экономического роста. Согласно недавним обследованиям Всемирного банка (ВБ), почти 40% малых и средних предприятий в большинстве стран Африки до сих пор называют отсутствие доступа к финансовым услугам основным препятствием для ведения бизнеса.

Вместе с тем в последние полтора десятилетия наметились определенные позитивные перемены в банковской сфере африканских стран. Настоящим прорывом в деле расширения финансовых услуг стало внедрение в банковское дело инновационных технологий обслуживания малоимущих, в частности мобильного банкинга (предоставление услуг с помощью мобильных средств связи). Поразительно быстрый рост использования

сотовой телефонии в Африке за последние 15 лет (с 2 до более 700 млн абонентов) говорит о том, что современные технологии в области телекоммуникаций имеют огромный потенциал по подключению к финансовым услугам лиц, не охваченных банковской сферой, особенно в отдаленных и труднодоступных районах. Внедрение в банковское дело технологий мобильной связи позволяет абонентам осуществлять платежи, перевод и снятие денежных средств со счетов при помощи сотового телефона без посещения банков. Примером может служить первая в Африке мобильная платежная система М-Пеза, внедренная в Кении всего десять лет назад и охватывающая сегодня уже более 40% населения страны.

По оценкам ВБ, Африка южнее Сахары устойчиво лидирует в применении мобильного банкинга (12% взрослого населения, по сравнению с 2% в остальном мире), распространяя его на все новые страны континента.

Новикова З.С.
Институт Африки РАН
Москва
Zinaida S. Novikova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Electronic Commerce as a Perspective Direction for the Development of Business in Africa

Электронная коммерция как перспективное направление развития бизнеса в Африке

Электронная коммерция представляет собой одно из самых перспективных и эффективных направлений развития бизнеса в Африке. Благодаря внедрению информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в бизнес-процесс расширяется участие африканских стран в мировой торговле и в качестве продавца, и в качестве покупателя. Об этом свидетельствует возрастание их доли в общемировом товарообороте. По

оценкам электронная коммерция может составить 10% от всей торговли в странах континента.

Определяющими условиями для развития электронной торговли являются: распространенность сетей мобильной связи, пользование Интернетом, обеспеченность безопасными серверами, возможность расчетов по электронной карте, развитие услуги доставки почтой. Современная Африка характеризуется высокими темпами развития мобильной телефонии и мобильного интернета, опережающими темпы их роста в других регионах мира.

Главные препятствия для развития электронной коммерции в Африке – неполный охват территории информационно-коммуникационной инфраструктурой и низкий показатель проникновения Интернета, ограниченность пользования электронными картами, невысокая покупательная способность местного населения. Немаловажным фактором является ненадежность и высокая стоимость электроснабжения.

Трудности в развитии электронной коммерции обусловлены причинами политического и социально-экономического характера. Государственная и этническая раздробленность, языковые и культурные различия осложняют взаимодействие между продавцом и покупателем. Невысокий уровень интернет-грамотности и знаний, связанных с интернет-торговлей, ограничивают возможный охват ею населения. Слабая нормативно-правовая база влияет на степень доверия к сетевым операциям.

Рост электронной торговли связан с внедрением инноваций в банковскую систему. Ее информатизация облегчает доступ населения к кредитным ресурсам, упрощает осуществление денежных переводов, предоставляет возможность безналичных платежей в банкоматах и кассовых терминалах с помощью платежных карт. Услуга мобильных платежей и трансфертов включает в систему финансового оборота большую часть африканского населения, не являющегося банковскими клиентами.

Успешное будущее развитие электронной коммерции требует выработки целенаправленной национальной стратегии в этой области. В условиях Африки важно уделить особое внимание сетевой торговле малых и микро-предприятий. В числе необходимых мер – дальнейшее развитие инфраструктуры ИКТ, разработка нормативно-правовой базы, расширение системы электронных платежей, подготовка специалистов.

Матвеева Н.Ф.
Институт Африки РАН, Москва
Natalia F. Matveeva
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Information Technologies in Transport Logistics in the East African Countries

Информационные технологии в транспортной логистике в странах Восточной Африки

Создание эффективно функционирующей транспортной системы является одним из важнейших составных элементов национальных и региональной стратегий долгосрочного развития стран Восточноафриканского сообщества (ВАС), предусматривающих рост их интеграционного взаимодействия и инвестиционной привлекательности региона за счет эффекта масштаба. Реализации этих целей во многом способствуют постоянное увеличение в каждой из стран Сообщества государственных ассигнований в отрасль, а также привлечение иностранных инвестиций.

Наряду с проектами по общему развитию транспортной материальной базы страны ВАС предпринимают шаги по решению накопившихся логистических проблем в нынешней существующей системе обслуживания перевозок. Наиболее остро они проявляются в сегменте транспортировки грузов по главным транзитным коридорам субрегиона (отправные пункты –

морские порты в Момбасе и Дар-эс-Саламе), на которые приходится основной объем внешнеторговых операций входящих в него стран.

Одним из перспективных направлений решения этих проблем является налаживание системы регулирования грузопотоков с помощью инновационных логистических технологий. Так, в 2016 г. был произведен запуск общей для всех стран ВАС электронной системы обработки таможенных данных AUSCUDA (Automated System for Custom data); в Танзании, Бурунди и Руанде осуществляется экспериментальный проект по выявлению «узких» мест в транспортной цепочке с помощью электронных датчиков, определяющих соотношение показателей в триаде «время/стоимость/расстояние»; планируется создание на трансграничных блокпостах указанных транзитных коридоров пунктов «одного окна» для досмотра грузов и т. д.

Использование в транспортной логистике современных IT-систем позволит без относительно больших затрат ускорить время безостановочного прохождения грузов, обеспечить безопасность на дорогах, при увеличении грузооборота снизить стоимость транспортных операций, повысить качество их обслуживания и конкурентоспособность транспортной отрасли в целом.

**Секция II-4. Неформальная экономика и взаимопомощь в
Африке в эпоху неопределенности**
**Panel II-4. Popular Economies and Mutual Aid in Africa in the Era
of Uncertainty**

Руководители: *Зеленова Д.А.*, Институт Африки РАН, Москва; *Кручинский В.В.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Daria A. Zelenova*, Institute for African Studies, Moscow, Russia;
Vladislav Kruchinsky, Institute for African Studies, Moscow, Russia

Over the course of the 20th century, unregulated economic activities in forms of various mutual aid groups served as the main economic safety cushion for the African urban poor. In the last twenty years, after the introduction of economic practices and ideologies of neo-liberalism in many African countries, the idea of “self-help” and economic empowerment associated with social uplifting of the poor has become a dominant concept and essentially the backbone of many state policies. In the academic literature a popular vision of contemporary African urban poor as “heroic entrepreneurs” (de Soto 2000) which should take their destiny in their own hands is challenged from the left and Marxist thinkers who find it unfair to place responsibility on the poor to solve the problems of structural unemployment, exploitation and inequality which were caused by neoliberal policies (Ballard 2016). At this panel we would like to foster the debate which looks closer at this dilemma and discuss informal and semi-formal money making practices of the urban poor in different African contexts. We encourage ethnographically and theoretically informed contributions dealing with the contemporary popular economic practices in the African cities. Key issues to be discussed at the panel:

- Informal money making (ponzi schemes, gambling, multi-level marketing schemes): between economic opportunism and survival strategy;
- Risk-taking as an economic strategy: survival or enrichment?
- The changing role of the ‘classical’ mutual aid schemes and Rotating Credit and Savings Associations in the context of the global financialization, precarization and uncertainty;
- The role of the state in economic mutuality practices of the poor;
- The dichotomy of formal (visible) and informal (invisible) in considering everyday economic activities of the urban poor.

Охана Ivanchenko
Institute for African studies
of Russian Academy of Sciences
Moscow
Иванченко О. В.
Институт Африки, Москва
Россия

Формальные и неформальные основы доверия в группах взаимопомощи жителей Дар-эс-Салама (Танзания)

Formal and informal foundations of trust in mutual help groups of Dar es Salaam (Tanzania) residents

The report is devoted to mutual help practices, which are quite common in the largest economic center of Tanzania, Dar es Salaam. The main aim is to discover the basis of mutual trust of the members of such communities to each other, to leaders of their organizations and to such institutions as a whole.

The report is based on field research, which took place in September 2013 and in the end of September — beginning of October 2015 mainly in two districts of Dar es Salaam — Gongo la Mboto and Mbagala, with the support of the Russian Foundation for Humanities grant №13-31-01284. Both of these areas are *uswahilini* (Swahili — «African quarter»), meaning traditional African areas. *Uswahilini* are often described as informal settlements. In *uswahilini* districts, mutual help practices are especially popular due to the lack of sufficient support of the citizens from the state, difficult living conditions, the lack of "official" employment etc. In the course of interviews we noticed that almost all our respondents mentioned that they had heard that in some group the whole mutual aid fund was stolen. None of them could tell us any specific details, however it was clear that such incidents happen sometimes and people are aware of that.

Thus, a question arose: what do members of such groups do to make themselves safe from swindle, stealing and failures to return loans? What makes people trust each other in such communities?

Kathleen O'Mara
State University of New York
USA

К. О'Мара
Университет штата Нью-Йорк
Онеонта, США

**Дважды маргинализированные работающие бедняки Аккры:
политическая экономия сексуальной инаковости**

**Accra's Doubly Marginalized Working Poor: a political economy of sexual
alterity**

This paper examines the economics of everyday life among urban Ghanaians who weave together a 'human infrastructure' (Simone, 2004) of collaboration, money making, and resource sharing based on 'kin' networks they construct of same sex intimate women and men. I apply AbdouMaliq Simone's notion of 'people as infrastructure', which emphasizes economic collaboration among those socially marginalized and 'immiserated by urban life'. Although infrastructure commonly describes systems of highways, pipes, drains or wires which enable productivity and position people to deploy their labor, Simone extended the notion to people's socio-economic activities characterized by flexible, mobile, and provisional intersections. These intersections depend on the ability of citizens to engage with complex combinations of objects, spaces, persons, and practices.

In examining same sex networks, I demonstrate that social exclusion and public hostility pushes individuals to collaborate with peers of varied ethnicity, both imagined kin and blood kin. The social conjunctions become an infrastructure—a platform providing for and reproducing life in the city, creating income making actions which anchor their livelihoods and their transactions with one another. In brief, they create flexible alternate kin networks, e.g., sugar mommies, same-gender spouses, junior female brothers, gay sons, which facilitate income generation through self-employment in trade (food, textiles, crafts) and services (illegal currency trade, entertainment). These networks and their connections

whether susu/loan officers, traders, foreign suppliers, musicians, IT specialists comprise the platform. The outcomes of their reciprocal practices are open, flexible, and provisional, mimic older mechanisms (rotating credit, ethnic networks) and reveal innovations. With the infrastructure of marginalized households, an economy of collaborative practice is constituted which enables its members, employed in the informal sector, to support themselves, and construct ‘homes’ of affection and social networks which mitigate the precarity of living.

Daria Zelenova
Vladislav Kruchinsky
Institute for African studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow
Зеленова Д. А.
Кручинский В. В.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

Оцифровывающая Стоквел: экономическая взаимопомощь в современной ЮАР

Digitalizing the Stokvel: Economic Mutual Aid in Contemporary South Africa

This paper examines the phenomenon of South African stokvels and the transformations these associations are currently undergoing. Drawing on the socio-culturalist analysis of economic action (Neves, du Toit, 2012: 131, van Donge, 1992), we approach the topic of mutuality through looking at the contemporary developments in South African Rotating Savings and Credit Associations (ROSCAs).

These developments are mostly characterised by ‘formalisation’ and digitalisation (Bähre, 2007) of the conventional ROSCAs. Stokvels, burial societies and the social clubs are becoming a feature of the middle classes, while the urban poor increasingly resort to the digital ‘get rich quick’ schemes such as Sergey Mavrody’s «MMM».

The paper is based on an extended study of contemporary South African urban informality carried through 2011–2016. Based on a large number of in-depth interviews and participant observation sessions, we analyse the shifting role of the stokvel and attempt to provide an anthropological perspective on the current developments in South African ROSCAs.

Блок III. Глобальные проблемы Unit III. Global Issues

Секция III-1. Африка в глобальном климатическом измерении Panel III-1. Africa in the Global Climatic Measurement

Руководитель: *Гусаров В.И.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Vladilen I. Gusarov*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

During the work of the panel, it is intended to discuss the global and continental problems of Africa, as well as regional and national issues related to the panel's general topic. Among them, there would be problems of the influence of the African continental, as well as global, climatic changes on individual countries and on different spheres of life and activities of the African peoples.

Гусаров В.И.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

Африка в глобальном климатическом измерении

После достижения государственной самостоятельности многие страны Африки постоянно пытались и стремятся в настоящее время решать свои связанные с климатическими изменениями экологические проблемы. В особенности это относится к тем из них, которые самым непосредственным образом воздействуют на социальную сферу и экономическую обстановку в этих странах.

В большинстве случаев их усилия предпринимаются в национальных рамках и реже – в региональных совместно с соседними государствами. Однако этих усилий, как правило, оказывается недостаточно главным образом из-за ограниченности финансирования предлагаемых природоохранных и экологических проектов.

К рубежу веков многие климатические и экологические проблемы Африки обострились настолько, что потребовали внимания мирового сообщества и участия в их решении международных экономических организаций.

Реальными свидетельствами этого участия стали две международные конференции, посвященные глобальным климатическим изменениям и месте африканских стран в их работе. Первая из них состоялась в Париже в ноябре-декабре 2015 г., вторая – в марокканском городе Марракеш в ноябре 2016 г.

Африканские дебаты в Париже были сосредоточены вокруг четырех ключевых тем: 1) обеспечение доступа к возобновляемым источникам энергии; 2) развитие экономического потенциала бассейна реки Нигер; 3) раскрытие потенциала региона озера Чад; 4) проект «Великой Зеленой стены», призванный остановить процесс продвижения пустыни Сахара южнее нынешних границ.

Этот проект состоит в создании полосы древесной растительности от Сенегала до Джибути шириной 15 км и длиной 7776 км. В проекте участвуют 11 африканских государств.

В выступлениях на конференции представители африканских стран подчеркивали, что всецело разделяют стремления ведущих держав к ограничению вредных выбросов и разработке альтернативных источников энергии. При этом, указывали они, многие догоняющие страны уже сейчас задумываются о том, что тот путь развития, который, в итоге, привел к нынешним экологическим проблемам, решительно им не подходит.

Участие в дебатах, посвященных экологическим проблемам Африки, приняли лидеры более двух десятков государств и представители международных организаций. Возглавил встречу президент Франции Франсуа Олланд. В своем выступлении он, в частности, сообщил, что Франция выделит 2 млрд. евро странам Африки на развитие возобновляемых источников энергии в период с 2016 по 2020 годы. Эти инвестиции пойдут на развитие программ по использованию солнечной, ветряной и

гидроэнергетики. Еще около 1 млрд. евро Франция выделит для борьбы с опустыниванием в странах Африки. Средства будут направлены в рамках проекта Африканского союза «Великая Зеленая стена».

Вопрос финансирования, главным образом, проектов по сокращению выбросов, стал одним из наиболее обсуждаемых. В ходе переговоров было решено продлить действие обязательства по привлечению 100 млрд. долл. в год на поддержку мер по сокращению выбросов в развивающихся странах до 2025 г. с перспективой постановки более амбициозных целей в будущем. Развитые страны вышли с коллективным предложением направить 19 млрд. долл. для развития проектов по сокращению выбросов в развивающихся странах Африки и других континентов.

В конференции в Марракеше, которой посвящен отдельный доклад нашей секции, приняли участие около 20 тыс. делегатов из 196 стран, включая глав государств и правительств, в т.ч. 30 стран Африки. Поэтому здесь лишь отметим, что основной задачей этой конференции стала выработка конкретных мер по реализации положений названного выше Парижского соглашения по климату, подписанного 12 декабря 2015 г. и вступившего в силу 4 ноября 2016 г.

Климатическим изменениям и их воздействию на самые разные сферы африканской действительности как в региональных, так и в континентальном аспектах посвящены представленные в секцию доклады участников.

Vladilen I. Gusarov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Africa in the global climatic measurement

After achievement of the state independence many African countries have tried and are seeking now to solve their ecological problems connected with

climatic changes. In particular this is related to these of them, that are influencing directly on the social sphere and the economic situation in those countries.

In most cases their efforts are being undertaken within national framework and rarely – in the regional framework with the neighbouring states. But as a rule those efforts are not enough mainly because of the limited financing of the intended natural preservation and ecological projects.

By the boundary of the centuries many climatic and ecological problems of Africa have aggravated thus much, that have demanded the attention of the world commonwealth and the participation of the international economic organizations in their solution.

Two international conferences, dedicated to the global climatic changes and to the role of the african countries in their work became the real evidences of this participation.

The first of them took place in Paris in November-December 2015, the second – in the marocccain city Marracesh in November 2016.

The african debates in Paris were concentrated upon four key positions: 1) the securing of the access to the resumebal sources of energy; 2) the development of the economic potencial of the basin of Niger-river; 3) the opening of the region of Chad-lake; 4) the project of the “Great Green Wall” called to stop the process of the advancement of the Sahara – desert to the south of the modern borders.

This project consists in the creating of the strip of wooden vegetation from Senegal till Djibouti 15 km wide and 7776 km long. 11 african states are participating in this project.

The representatives of the african countries noted in their reports of the conference, that they completely share the aspirations of the leading powers for the limitation of the harmful emissions and the development of the alternative sources of energy. They noted at the same time, that many chasing countries are thinking already now, that the way of the development, which as the result, brought to the modern ecological problems, does not fit them absolutely.

More than two dozen leaders of the states and representatives of the international organizations took part in the debates dedicated to the African ecological problems. At the head of the meeting was the president of France François Hollande. In his report he informed, in particular, that France would provide the African countries 2 bln. euros for the development of the renewable sources of energy in the period of 2016-2020. Those investments would be directed to the programs of using solar, wind and water energy. Additionally France will pay 1 bln. euros for the struggle against the desertification in the African countries. The means would be directed within the framework of the project “The Great Green Wall”.

The question of the financing mainly of the projects for reduction of emissions became one of the most under discussion. During the negotiations it was decided to extend the term of the obligation for raising 100 bln. doll. yearly for the supporting measures of the reduction of the emissions in the developing countries of Africa and other continents.

About 20 thousand of the delegates from 196 countries, including the heads of states and the governments, among them from 30 African countries, took part in the conference in Marrakesh to which a special report of our section is dedicated. That is why we only may note here, that main task of this conference became the elaboration of the specific statements for the realization of the official standings of the Paris climate agreement, mentioned above, signed on the 12 December 2015 and came into force on 4 November 2016.

The presented reports of the participants of our section are dedicated to the climatic changes and their impact on the various spheres of the African reality as in the regional, as well in continental aspects.

Глобальные риски: климатические изменения и страны Африки

В последние десятилетия постоянно возрастают глобальные риски, связанные с климатическими изменениями. В западных странах принимаются решения о развитии производств, приводящих к росту выбросов парникового газа в атмосферу, а риски от антропогенных изменений климата несут на себе другие – страны Африки. Если прогнозируемые последствия глобального потепления (повышение среднегодовой температуры, уровня Мирового Океана) – вопрос будущего, то неблагоприятные последствия климатических изменений страны Африки испытывают уже сегодня. Африка признана самым уязвимым в этом отношении регионом. В соответствии с индексом Climate Change Vulnerability Index компании Maplecroft на 2015 г., из 10 стран, максимально уязвимых к воздействию климатических изменений, семь находятся в Африке: Сьерра-Леоне, Южный Судан, Нигерия, Чад, Эфиопия, ЦАР, Эритрея.

Менее развитые страны с низким уровнем ВВП более уязвимы вследствие природных катаклизмов, поскольку они не имеют ни достаточных финансовых ресурсов, ни технологических возможностей. Среди неблагоприятных климатических изменений можно указать, с одной стороны, сокращение количества осадков, засухи (Восточная Африка; страны Сахеля). Сахара «движется на юг». Песчаные бури приходят в Сенегал, через океан доходят до Кабо-Верде. С другой стороны, частыми стали наводнения. Более высокие температуры и изменившиеся условия влажности благоприятны для переносчиков инфекционных заболеваний, происходят нашествия сельскохозяйственных вредителей (например,

саранчи, «грилей», в Гвинее-Бисау). «Волны жары» вызывают обострение различных заболеваний, особенно страдают дети, пожилые люди, женщины.

Последствия климатических изменений можно сравнить с «эффектом домино»: из-за сокращения количества осадков и засухи в одних местах и наводнений в других сокращаются урожаи сельскохозяйственных культур, продуктивность и поголовье скота, значительная часть африканцев занята в сельском хозяйстве, их доходы падают. В результате усугубляется недоедание, происходят вспышки голода, в силу этого люди покидают места проживания, вынужденно становятся перемещенными лицами, некоторые из них – беженцами. Как следствие, усиливаются политическая нестабильность, конфликты, перерастающие в войны. Цепочка может идти и в обратном направлении: климатические изменения особо опасны для стран, истощенных конфликтами.

Глобальные риски требуют глобальных ответов международного сообщества.

Nina N. Tsvetkova
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia

Global Risks: Climate Change and African Countries

Global risks due to climate change increase. Decisions on production resulting in «greenhouse» effect are taken in the West and African countries are compelled to bear the risks caused by anthropogenic climate change. Though global warming effects (mean surface temperature increase, sea level rise) are a problem of the future, African countries feel the impact of climate change today. Africa is considered the region that is most vulnerable to climate changes. According to Maplecroft Climate Change Vulnerability 2015 Index, 7 out of the first 10 affected countries are in Africa: they are Sierra Leone, South Sudan, Nigeria, Chad, Ethiopia, C.A.R., Eritrea. Less developed countries lack financial

resources and technologies required to handle climate challenges. On the one hand, African countries suffer from emissions reduction, droughts. Sand storms come even to the Cape Verde islands. On the other hand, African countries suffer from frequent floods.

The consequences of climate change could be compared to the “domino effect”. Due to droughts in some countries and floods in the other ones, agricultural production is reduced. Many Africans are employed in agriculture, their incomes fall, malnutrition and famine take place, many people leave their homes, some of them become refugees. As a result there are political instability, and even armed conflicts. Global climate risks require global responses from the international community.

Дмитриев Р.В.
Институт Африки РАН
Москва

Климатические изменения как фактор дестабилизации эпидемиологической обстановки в странах Восточной Африки

Один из основных климатических факторов, оказывающих влияние на эпидемиологическую обстановку в Восточной Африке – периодические изменения температуры поверхностного слоя Мирового океана, проявляющиеся в противоположных фазах Южной осцилляции (Эль-Ниньо и Ла-Нинья). Последние имеют своим выражением чередование соответственно экстремально влажных и экстремально сухих сезонов в данном субрегионе – особенно в Кении, Уганде и Танзании. В обоих случаях наблюдается снижение доступа значительной части населения этих стран к источникам чистой питьевой воды, что ведет к распространению таких инфекционных заболеваний как холера. В случае наступления Эль-Ниньо ее может сопровождать также малярия вследствие расширения ареалов распространения комара рода *Anopheles*.

Исследование показало высокую степень положительной временной корреляции между уровнями развития Эль-Ниньо и заболеваемости населения Восточной Африки холерой и малярией. При этом, принимая допущение о повышении с течением времени доли официально фиксируемых случаев заболеваемости в их общем числе, можно констатировать существенно больший прогресс в борьбе с холерой (число случаев в периоды максимальной активности Эль-Ниньо – в 2014-2016 гг. по сравнению с 1997-1998 гг. – неуклонно снижается). Эпидемиологическая обстановка по малярии из года в год продолжает оставаться острой.

Ruslan V. Dmitriev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Development of the epidemiological situation in Eastern Africa under the influence of climate change

One of the most important factors affecting the epidemiological situation in Eastern Africa is the periodic change in Ocean sea surface temperatures. El Niño and La Niña are characterized by a very wet season alternating with a very dry season, particularly in Kenya, Uganda and Tanzania. In both cases people lose access to improved drinking-water sources: it may lead to the spread of infectious diseases such as cholera. In case of El Niño it may also be accompanied by malaria as a result of rapid increase in the number of mosquitoes of the genus *Anopheles*.

A positive temporal correlation between the El Niño events and the level of morbidity in Eastern Africa was detected. It is much higher in case of malaria than cholera: the epidemiological situation of malaria continues to stay sharp year after year.

Африканские леса в контексте климатических перемен

Сохранение и воспроизведение лесного покрова Земли сегодня стали насущными задачами экологов, экономистов и представителей общественных организаций различных уровней.

Последнее столетие отмечено всё большим нарастанием хищнической эксплуатации и уничтожения лесов в африканских странах, но национальные правительства не в состоянии решить эту проблему.

Сокращение лесных массивов способствует глобальному потеплению и считается одной из главных причин усиления парникового эффекта. Специалистами доказано, что ущерб, наносимый экологическим системам, понижает уровень жизни незащищенных слоев населения вдвое. В этой связи борьба за сохранение и воспроизведение африканских лесов становится частью глобальной задачи по искоренению бедности в странах континента.

Nina V. Grishina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

African forests in the context of climate change

Preservation and reproduction of forest cover of the Earth today have become urgent tasks of ecologists, economists and representatives of public organizations of different levels.

The last century marked increasing growth overexploitation and deforestation in African countries, but national governments are not able to solve this problem.

The reduction of forests contributes to global warming and is considered one of the main causes of the enhanced greenhouse effect. Experts have proven that

damage to ecological systems, lowers the standard of living of disadvantaged segments of the population doubled. In this context, the struggle for the preservation and reproduction of the African forests become part of a global effort to eradicate poverty in the continent.

Львова Э.С.
ИСАА МГУ, Москва

Опыт преподавания проблем экологии в высшей школе

Борьба с угрозой грядущего экологического кризиса имеет две стороны. Безусловно, это практические действия правительств и поиски новых технологий. Однако и, видимо, первоочередной задачей является осознание сложной современной экологической ситуации и изучение опыта предыдущих поколений человечества в преодолении бывших в прошлом экологических кризисов и практики предупреждения таковых. В этом смысле особую роль приобретает необходимость преподавания этих проблем в высшей школе.

Автор в течение ряда лет читал курс «Этнической экологии» в Московском Независимом Экополитологическом Университете (МНЭПУ) и ныне ведет спецсеминар в ИСАА МГУ «Экологические проблемы Африки». В первом случае читался семестровый курс, рассматривался как традиционный опыт хозяйствования с сохранением природного баланса у разных народов мира, так и современные практики. Был подготовлен и выпущен учебник «Этническая экология». Курс читался по кафедре «Экология человека».

В Институте стран Азии и Африки МГУ спецсеминар проводится на 4-ом курсе бакалавриата либо 2-ом курсе магистратуры. Другой вариант – проблемы в сокращенном виде рассматриваются в составе более широкого спецкурса «Актуальные проблемы развития в современной Африке», наряду

с политическими, экономическими, гендерными, конфессиональными и иными. В процессе общения со студентами сочетаются разные виды работ: собственно лекции, обсуждение прочитанных статей и монографий, изучение фото- и видеоматериалов, сообщений Интернета и т.д., подготовка и обсуждение студенческих рефератов. В зависимости от изучаемого языка (а на кафедре африканистики преподаются суахили, хауса, фула, амхарский, африкаанс, зулу) и специализации по определенному региону Африки южнее Сахары (Северо-Восточной, Восточной, Западной, Южной Африке) студенты готовят доклады о ситуации в отдельных странах или целых регионах.

Eleonora S. Lvova
Lomonosov Moscow State University
Russia

Ecological Problems Teaching Experience at Higher School

There are two sides in a fight with a forthcoming ecological crisis. Doubtless those are practical governmental actions and search of new technologies. However and obviously the prime task is realization of the complex current ecological situation and research of experience of previous generations of mankind in overcoming of prior ecological crises and the practice of their prevention. Therefore the necessity of teaching of such issues at higher school will acquire the particular role.

The author for a number of years has been teaching a course of Ethnic Ecology at Moscow Independent Ecopolitological University and currently is teaching a course/ special seminar at Moscow State University College of Asian and African Studies "African Ecological Problems". In the first instance it was one semester course where both traditional method of economic management by various peoples of the world with preservation of natural balances along with

modern practices were considered. Ethnic Ecology text book has been put together and issued. The course has been taught at Human Ecology department.

At Moscow State University College of Asian and African Studies the special seminar is held at the 4th year of Bachelor studies or at the 2nd year of Master's. Another option is that the problems are considered within the context of a broader special course "Actual Development Problems in Modern Africa" along with political, economic, gender, confessional and others. During the course of discussions with students there are a variety of methods incl. lectures, discussions regarding articles and studies read, photo, video materials and internet materials research, preparation and discussions of students' papers. Depending upon the language major (suahili, housa, fula, amkharic, afrikaanas, zulu languages are being taught at African Studies department) and specialization at particular African region South of Sahara (North East, East, West and South Africa) students do prepare reports about situations in particular countries or whole regions.

Громова О.Б.
Институт Африки РАН,
Москва

Международное сообщество против угроз глобального изменения климата

Всемирная конференция ООН по вопросам изменения климата (7-18 ноября 2016 г., г.Марракеш, Марокко) явилась свидетельством растущей озабоченности международной общественности воздействием глобальных климатических изменений на жизнь миллионов людей в разных частях планеты. В работе конференции приняли участие 20 тыс. делегатов, в том числе главы государств и правительств из 30 африканских стран.

Особое внимание было обращено на негативные последствия изменения климата для стран Африки, которая в 2015 г. больше всего пострадала от чрезвычайных климатических явлений.

Был затронут широкий спектр вопросов. В работе конференции были, в частности, отмечены риски загрязнения окружающей среды, истощение водных ресурсов и дефицит безопасной чистой питьевой воды, сокращение лесных массивов, деградация пригодных для земледелия территорий и пр.

Дальнейшие климатические изменения влекут за собой тяжелые экономические последствия, особенно для аграрного сектора. В центре внимания – пути обеспечения продовольственной безопасности, меры по адаптации сельского хозяйства и новым экологическим вызовам, а также пути решения проблемы вынужденной миграционной активности под влиянием серьезных климатических нарушений.

Ухудшается ситуация со здоровьем населения континента из-за снижения качества воды, распространения тропических болезней, переносимых комарами, появления ранее неизвестных вирусов и болезней.

Государства – участники Конференции условились не допустить повышения средней температуры на планете к 2100 г. более, чем на 2° Цельсия по сравнению с доиндустриальной эпохой; претворить в жизнь Парижское соглашение (декабрь 2015 г.), направленное на борьбу с потеплением климата.

Olga B. Gromova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

World Community against Climate Change threats

UN Climate Change Conference, which took place in November 2016 in Marrakesh (Marocco), was the obvious illustration of international community's growing anxiety by the Climate Change threats and negative consequences worldwide.

Particular attention and interest of 20 thousand participants, including the states and governments heads from 30 African countries, were given to Africa –

being most vulnerable for the impact of Climate Change suffered from the extreme weather events most of all. They stressed on the Great Climate Change danger for African sustainable development and Sustainable Development Goals.

The Conference Programme included such problems as ensuring food security, taking stringent action to deal with Climate Change challenges in agriculture, the cutting down the water resources, shortening of large forest tracts, the degradation of suitable for agricultural land territories. There also discussed the uncontrolled spontaneous migration of population problem because of serious climate phenomena.

The Conference called for the highest political commitment to combat Climate change as a matter of urgent priority. It has marked a new step in the commitment to bring together the whole international community to tackle one of the greatest challenge of our time.

Садовская Л.М.
Институт Африки РАН,
Москва

Проблемы устойчивого развития малых островных и прибрежных государств Африки в свете климатических изменений

Наиболее острые формы прямого влияния климатических изменений на общественно-политические процессы испытывает Африканский континент, особенно его прибрежные и малые островные государства. 6 из 10 африканских крупнейших городов расположены именно на побережьях. В Западной Африке 49% населения живет в прибрежных городах. Кроме того, под сельскохозяйственное производство в некоторых странах континента (в Кении, Бенине, Гвинее, Нигерии, Сенегале и др.) используется 75% прибрежных земель. Подъем уровня моря на этих участках земли в первую очередь скажется на продовольственной безопасности.

Для 52 островных государств (из них 6 находятся в Африке) также характерна сильная концентрация населения и его социально-экономическая деятельность вдоль береговых зон, включая инфраструктуру. Климатические изменения создают прямую угрозу затопления отдельных островов.

В подавляющем большинстве случаев сложно вычленить климатическую составляющую в тех или иных политических явлениях или событиях, имеющих там место. Тем не менее теоретически в общих чертах можно обосновать то, как климатические изменения воздействуют на сферу политического и экономического развития этих государств, в частности, с помощью анализа явлений миграции. Взаимосвязь миграции с процессами климатических изменений прослеживается достаточно четко. Появилось даже понятие «климатические беженцы».

Дестабилизирующее влияние миграции, угрожающее устойчивости политической системы, наблюдается не только в стране, непосредственно задетой ею, но и на более широком региональном и даже международном уровне.

Для решения проблемы необходим полномасштабный, комплексный подход к оценкам уязвимости, которые включают в себя взаимодействие различных биофизических параметров, а также дальнейшую разработку стратегий адаптации со стороны международного сообщества для этих государств.

Lyubov M. Sadovskaya
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Problems of sustainable development of small island and coastal states of Africa in the light of climate changes

The most severe direct impacts of climate changes on social and political processes experienced by the African continent, especially of the coastal and small

island states. 6 of the 10 largest African cities are located on coasts. In West Africa, 49% of the population lives in coastal cities. In addition, under agricultural production in some countries of the continent (Kenya, Benin, Guinea, Nigeria, Senegal, etc.) is used 75% of coastal land. The sea-level rise on these areas of land will primarily affect food security.

For 52 island states (6 of them are in Africa) the strong concentration of population and its socio-economic activities along the coastal areas is typical, including infrastructure. Climate changes poses a direct threat of flooding of individual islands.

In the vast majority of cases it is difficult to isolate the climate component in those or other political phenomena or events taking place there. However, theoretically, in general terms, we can prove how climate changes affect the scope of political and economic development of those states, in particular, through the analysis of the phenomena of migration. The relationship of migration with the processes of climate changes can be clearly seen. There was even the concept of "climate refugees".

The destabilizing effects of migration, threatening the stability of the political system, is observed not only in the country, directly affected her, but also on the wider regional and even international level.

To solve the necessary full-scale, integrated approach to vulnerability assessments that include the interaction of various biophysical parameters, as well as the further development of adaptation strategies by the international community to these states.

Влияние состояния водных ресурсов на обеспечение продовольственной безопасности в странах Северной Африки

Вопросы, связанные с продовольственной безопасностью людей в связи с ограничением водных ресурсов, чрезвычайно важны.

В Северной Африке наблюдается устойчивый рост спроса на продукты питания из-за быстрого роста численности населения и процесса урбанизации. Также в регионе существует серьезная нехватка воды, очень остро стоят проблемы ирригации, бытового и промышленного водоснабжения. Большая часть земель в Северной Африке – пустыни. Постоянные реки либо отсутствуют, либо заполняются лишь в сезон дождей. Единственной крупной водной артерией региона является река Нил.

Однако, благодаря принятым мерам технологической кооперации со странами ЕС, в частности с Германией, в управлении водными ресурсами некоторым североафриканским странам удалось повысить экономическую эффективность своего сельского хозяйства. Разрабатываются новые методы очищения, вторичного использования и опреснения воды, особое значение приобретают подземные воды, найденные в Алжирской Сахаре и Ливийской пустыне.

В дополнение к перечисленным мерам, на наш взгляд, заслуживают внимания инновационные проекты обеспечения продовольственной безопасности, которые включают в себя приобретение земель в богатых водными ресурсами странах, а в случае государств Северной Африки можно вернуться к давним проектам кооперации: использование водоносных земель Судана (теперь Южного) в развитии сельского хозяйства.

Тем не менее, положение с водными ресурсами остается крайне тяжелым, и прогнозы на будущее неутешительны. Для удовлетворения

нынешних потребностей стран этого региона при достигнутом ими технологического уровня производства продовольствия нужен еще один Нил.

Nailya Z. Fakhrutdinova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The impact of the state of water resources on food security in North Africa

Issues related to food security of people in connection with water resources limitation are extremely important.

In North Africa, there has been a steady increase in food demand due to rapid population growth and the urbanization process. Also in the region there is a serious shortage of water, the problems of irrigation, domestic and industrial water supply are very acute. Most of the land in North Africa is desert. Constant rivers are either absent or filled only during the rainy season. The only waterway in the region is the Nile River.

However, thanks to the adopted measures of technological cooperation with the EU countries, in particular Germany, in the management of water resources some of the North African countries managed to increase the economic efficiency of their agriculture. New methods of purification, recycling and desalination of water are being developed, of particular importance are the underground waters found in the Algerian Sahara and the Libyan desert.

In addition to the above measures, in our view, innovative food security projects that include the acquisition of land in water-rich countries deserve attention, and in the case of the states of North Africa, it is possible to return to long-standing cooperative projects: the use of the Sudan (now Southern) in the development of agriculture.

Nevertheless, the situation with water remains extremely difficult, and forecasts for the future are disappointing. To meet the current needs of the

countries in this region, with the technological level of food production they have achieved, one more Nile is needed.

**Мигалева Т.Е.,
Сонкин Н.В.**
РЭУ им. Г.В. Плеханова
Москва
T. E. Migaleva, N. V. Sonkin
Russian Economic University, Moscow

“Green” Modernization of the African Countries’ Economies

«Зеленая» модернизация хозяйства стран Африки

Во многих странах Африки сохраняются заложенные в колониальный период дуализм хозяйства (современный – традиционный сектора) и структурная диспропорция производства при доминировании низко-технологичных отраслей, ведущих разработку природных ресурсов. В этих условиях структурные преобразования хозяйства африканских стран затрагивают экологические аспекты модернизации производства. В этой связи Экономическая комиссия ООН по Африке (ЭКА) и в свете решений Конференции ООН по изменению климата в Париже (декабрь 2015) разработала стратегию экологизации процесса индустриализации в странах континента. ЭКА подчеркивает, что «зеленая» индустриализация на практике является важным источником экономического роста, например, путем улучшения торгового баланса стран за счет сокращения импорта энергоносителей и увеличения экспорта экологических товаров и услуг (экологический туризм). Для африканских стран, имеющих общие экологические проблемы, «зеленая» индустриализация способна укрепить их региональную интеграцию и сотрудничество.

Для стран Африки «зеленая» индустриализации – необходимое условие для качественного и устойчивого роста экономики, основа для новых структурных преобразований хозяйства и создания рабочих мест, повышения

эффективности использования природных ресурсов и увеличения степени и качества их переработки. При этом инвестиции в экологические стандарты и проекты следует рассматривать как фактор повышения конкурентоспособности производства.

ЭКА выделяет основные составляющие процесса «зеленой» индустриализации – развитие энергетической инфраструктуры (в особенности возобновляемых источников энергии) и водных ресурсов, наращивание инвестиций в экологические проекты. В промышленном секторе важны рыночный потребительский спрос на экологически чистую продукцию, а также государственное стимулирование «озеленения» производственных звеньев создания добавленной стоимости. Это создает основу для перехода от существующих хозяйственных структур низко-технологичной переработки и поставок природного сырья на внешние рынки к обрабатывающему сырью производству и выпуску на рынок продукции с добавленной стоимостью, что способствует диверсификации экспорта африканских стран в целом.

Нефедова Л.В.
МГУ

Иванов М.Г.
МГИМО МИД

Lyudmila V. Nefyodova

Lomonosov Moscow State University, Russia

Mikhail G. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations
[University], Russia

Prospects for Using Renewable Energy in Africa for Sustainable Development and Reducing Greenhouse Gas Emissions in the Light of the Decisions of the 2015 Paris Agreement

Перспективы использования возобновляемых источников энергии в странах Африки для устойчивого развития и снижения эмиссии парниковых газов в свете решений Парижского соглашения 2015 г.

Страны Африки южнее Сахары являются одним из проблемных регионов мира в плане крайне низкого доступа населения к электричеству, неразвитости инфраструктуры и электросетей, а также широкого использования сжигания биомассы для приготовления пищи и обогрева, приводящего к сведению лесов. В 30 странах региона доступ населения к источникам электроэнергии составляет от 11 до 39%, а в 10 странах – менее 10%. Согласно оценкам МЭА для достижения полного подключения к электроэнергии всего населения в данном регионе к 2030г. в соответствии с инициативой ООН «SE4All» требуется 756 млрд долл. США, то есть ежегодные инвестиции в сумме 50 млрд долл. США. Необходимо принятие активных мер по изменению структуры энергоисточников, иначе рост численности населения в регионе приведет к увеличению потребления энергетического сырья из биомассы, в особенности древесного топлива, на 40% к 2040г. и к сведению лесных массивов. Ряд международных структур и финансовых фондов, обеспечивает поддержку развития современных энергетических технологий, в том числе и возобновляемой энергетики, в регионе. Большинство стран Африки имеют к настоящему моменту долгосрочные планы по освоению ВИЭ, так в Кении к 2030г. запланировано увеличение суммарной мощности ЭС в шесть раз до 14500 МВт с выработкой более 70% энергии на ВИЭ, что позволит избежать ежегодно выбросов в атмосферу около 10 млн. т CO₂. Важной проблемой для Африки в связи с растущей урбанизацией является переработка мусорных отходов. Так, например, в столице Эфиопии построена БиоЭС 50 МВт на лэндфилл газе крупнейшей свалки. На особый уровень выходит решение проблем развития безуглеродной энергетики в Африке после решения Парижской конференции по климату 2015г. о создании мировым сообществом фонда в 100 млрд долл. США на освоение ВИЭ в развивающихся странах и ежегодном распределении средств с 2020г. В результате Соглашений в Париже была образована Африканская Инициатива по возобновляемой энергетике (AREI), которая будет координировать процесс освоения ВИЭ на континенте, как

одну из основных проблем современности, вследствие особой уязвимости региона к последствиям изменения климата.

Рыбалкина И.Г.
Институт Африки РАН, Москва
Inna G. Rybalkina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Impact of Climate Changes on African Reserves

Воздействие климатических изменений на африканские заповедники

Африка – континент исключительного биоразнообразия, где сконцентрированы одна пятая всех известных в природе растений, млекопитающих, птиц и одна шестая всех земноводных и рептилий. Уникальность африканской флоры и фауны правительства и специалисты-биологи пытаются сохранить, создавая биосферные заповедники и иные природоохранные территории.

В проведении экологической политики специалисты сталкиваются с множеством проблем и препятствий, одно из них - влияние изменения климата на окружающую среду и заповедные территории. Повышение среднегодовых температур и уровня мирового океана вследствие «парникового эффекта» и таяния ледников оказывают губительное воздействие на природу континента, ускоряя процессы обезлесения и опустынивания. Международное сообщество предоставляет научно-практическую и материально-финансовую помощь африканским народам для сохранения неповторимого природного биоразнообразия. В 2010 г. Организация Объединенных Наций объявила период с 2011 по 2020 гг. Десятилетием биоразнообразия. Тем самым подчеркивается возрастающая необходимость природоохранной деятельности народов и правительств на всех континентах не только для спасения богатств флоры и фауны, но и для

сохранения качества экосистем (воды, воздуха, почвы и т.д.) для жизни человека и в т.ч. обеспечения продовольственной безопасности.

Подавляющее большинство африканских биосферных заповедников и национальных парков для защиты местной уникальной флоры и фауны было создано сравнительно недавно, во второй половине XX в.

ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде - *United Nations Environment Programme*) и ЮНЕСКО ООН выделяют средства для научных проектов по разработке общеафриканской региональной системы наблюдений за влиянием климатических изменений на флору и фауну заповедников. Международная общественность и организации – научно-практические, финансовые (Всемирный банк) и правительственные круги ведущих государств мира (США, ФРГ, Японии, Великобритании, Франции, Голландии и др.) вносят вклад в усилия африканских народов по сохранению неповторимого биоразнообразия континента.

Бутовская М.Л.
Институт Этнологии и антропологии РАН, Москва
Бутовский Р.О.
ВНИИ «Экология» Минприроды РФ, Москва

Охраняемая территория Нгоронгоро северной Танзании и климатические изменения

В Танзании одной из самых заметных этнических групп являются скотоводы масаи, численность которых оценивают в 430 тыс. чел. Охраняемая территория Нгоронгоро (ОТН) (Ngorongoro Conservation Area (NSA) площадью 8 300 км² с 1979 г. является территорией мирового наследия ЮНЕСКО и находится на расстоянии 180 км от г. Аруши в Северной Танзании. Географически ОТН представляет собой часть экосистемы Серенгети, на северо-западе плавно переходит в южные равнины, а на севере доходит до неохраняемой территории Лолиондо. ОТН имеет многоцелевое назначение, причем это единственное место в Танзании,

где одновременно охраняются дикие животные и проживают представители племени масаи (до 100 тыс. по экспертным оценкам). Для предотвращения негативного воздействия на популяции диких животных администрация ОТН запрещает земледелие и ограничивает количество скота, т.к. домашний скот конкурирует с дикими животными за сходные кормовые ресурсы и воду. Скотоводство является неотъемлемой частью существования масаев, которые ведут кочевой образ жизни, в целом совместимый с природоохранными целями, поскольку теоретически не допускает перевыпаса и способствует возобновлению растительного покрова. Обычно масаи постоянно перемещаются со скотом в регионы с богатой кормовой базой и доступной водой и остаются на этой территории, пока ресурсы не начинают истощаться. Дикие животные также выигрывают от отсутствия конфликтов, нарушения путей миграций, отсутствия перевыпаса и снижения интенсивности передачи болезней диких животных (гну) домашним. Этот жизненный уклад был существенно нарушен при концентрации масаев на территории ОТН, что привело к возникновению конфликтов между масаями и администрацией охраняемой территории, поскольку масаи стали более оседлыми. Ключевыми проблемами являются запрет земледелия и рост населения при снижении численности скота. Рассмотрены возможные сценарии развития территории, взаимодействия домашнего скота и диких животных в условиях изменения климата и пути решения природоохранных конфликтов.

Marina L. Butovskaya

Institute of Ethnology and Anthropology

Moscow, Russia

Ruslan O. Butovsky

Ecology Institute, Moscow, Russia

Ngorongoro Conservation Area of Northern Tanzania and climate change

Masaai people is one of the most recognizable pastoralist groups in Tanzania and their population is estimated as 430,000 people. The Ngorongoro Conservation Area (NCA) encounters 8 300 km² being located 180 km from the

city of Arusha and since 1979 is recognized as UNESCO world heritage site. Geographically NCA belongs to Serengeti ecosystem, while the north-western areas are gradually transformed to the southern plains, and the northern areas border the non-protected Loliondo territory. NCA has a multi-purpose mission, and this is the only place in Tanzania, where the Maasai people (up to 100, 000 by expert opinion) live together with the protected wildlife. To prevent the negative impact on the wildlife populations the NCA administration restricts the agricultural activities and limits the livestock abundance, as livestock do compete with wildlife for the similar food and water resources. The pastoralism is the integral part of Maasai welfare, who are used to migrate, and in general this type of land use is compatible with the nature protection goals, as in theory it does not enable the overgrazing and facilitate the renewal of grass cover. Traditionally the Maasai people migrate with the livestock to the regions enriched with food and water and stay there until the resources start to deplete. The wild animals also win from the lack of conflicts, disturbance of their migration routes, lack of over-grazing and decrease of the intensity of transmission of diseases from wildlife (wildebeest) to the livestock. This way of life was significantly disturbed after the concentration of Maasai in NCA, leading to the conflicts emergence between Maasai and administration, as Maasai became more sedentary. The key problems are the agriculture ban and the increase of population density with the decrease of the livestock abundance. The possible scenario of the NCA development, the interrelations of the livestock and wildlife under global climate change conditions and the possible solutions of the ecological conflicts are discussed.

Секция III-2. Глобализация и Африка: вклад глобальной экономической интеграции в развитие Африки в XXI в.

III-2. Globalization and Africa; The Impact of Global Economic Integration on Africa in the 21st Century

Руководители: *М.О. Окоме*, Университет Нью Йорка, США; *П. Адебайо*, Э. *Оджо*, *А.Т. Адевале*, Университет Илорина, Нигерия

Conveners: *Mojúbàolú Olúfúnké Okome*, City University of New York, USA; *Peter Adebayo*, University of Ilorin, Nigeria; *Emmanuel Ojo*, University of Ilorin, Nigeria; *Adepoju Toyin Adewale*, Tai Solarin University of Education, Ijebu Ode, Nigeria.

Globalization and Africa (proposed by Mojúbàolú Olúfúnké Okome)

As a result of globalization, the movements of Africans from one country to another with the aim of permanent settlement have been on the increase. The most compelling motivation leading African people to uproot themselves from their native lands and to emigrate towards foreign shores has been the desire to find greater opportunity and security somewhere else. In the last two decades, the nature and scope of African immigration has changed dramatically due to the processes of globalization and neoliberal democratization. The quest for security has taken on more urgency, and the popular response in host countries such as the United States reveals much of the limits of globalization as a win-win situation where we all co-mingle in an infinitely permeable and all-embracing global village. There are many reasons why a person laboring under the burdens and tedium of life would desire immediate exit from her/his home country. However, there are as many, or even more reasons to stay home if the opportunity exists because there may be more job satisfaction in an African workplace than in an American one. There are numerous intangible elements that make for a rich life - friends, family, the familiar routines and activities of daily life, even the predictability of a recognized bully's oppressiveness. To depart is to leave these things behind, a process that could generate a feeling of rootlessness and disconnectedness. In a sense then, to leave is to become homeless, or at least unmoored, and to be condemned to wandering hither and thither, condemned to a perpetual cycle of arrival and departure, all the while not feeling comfortable anywhere. Education also features prominently. Many young Africans hanker after a foreign education, believing it to be of better quality than the homegrown variety. Together with the dreams of accessing such education are grand dreams of "making it." Many firmly believe that such progress can never be found in their own countries. We can see then, future trends toward increased outmigration from the African continent by those more able to do so. Scholars have pointed out the dangers of this brain drain to the development of the African continent. Others claim that brain drain can be turned around and converted to either brain circulation or brain gain. Yet, white dominance and xenophobia thrive in the most

avored destinations—Europe, the United States of America, and current political trends reveal more open expressions by nationalist movements that reject migration, particularly from non-white regions of the world, including Africa. This panel will consider the causes, consequences, and implications of these phenomena for Africa and Africans.

The Impact of Global Economic Integration on Africa in the 21st Century
(proposed by Peter Adebayo, Emmanuel Ojo, and Adepoju Toyin Adewale)

This panel is to provide answers to the following questions: Has global economic integration in the 21st century raised the hope of Africa beyond the traditional approach of providing aid to help her end poverty? Are there remarkable differences in the approaches of some regional economic bloc like BRICS, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) and multi-lateral groups such as IMF, World Bank etc. towards Africa? What has been and should be the basis of bilateral or even, multilateral development relationships between these groups and Africa? To answer the questions, the study explores a comparison of the philosophies behind the donor-recipient and equal-partners approaches to development. It juxtaposes the depredatory effects of the socio-political and economic conditionality that the West has inflicted on Africa (ranging from integrated rural development in the 1970s, to policy reform (structural adjustment programmes) in the 1980s, to governance in the 1990s, and respect for human rights in the 2000, especially the gay right movement and so on) and alternative models. In drawing comparisons, it observes that the burden of foreign aid, loan agreement, economic and technical cooperation agreement, debt sustainability and similar indices have deepened Africa's vulnerability rather than brighten its prospects in a globalised market place. By hinging its argument on the assumption that any global economic integration that imposes political and economic conditionality in exchange for aid is anti-development, this paper further submits that African countries should be free to negotiate their own pathway out of poverty as equal partners in development. It further posits that only by comparing and exchanging views, rather than tutorials, on lessons learned and approaches to aid and cooperation, that more useful engagement between Africa and the rest of the world could become possible. It concludes that mutually-beneficial relations between Africa and economic cooperation blocs such as BRICS will, however, become possible if and only if African governments can take hold of the encounter in ways that will benefit their people. It recommends that Africa governments should focus on win-win approach that is not about aid but business.

Peter Adebayo, Emmanuel Ojo
University of Ilorin,
Ilorin, Nigeria
Adepoju Toyin Adewale
Tai Solarin University of Education
Nigeria
П. Адебайо, Э. Оджо
Университет Илорина, Нигерия
А. Т. Адевале
Педагогический университет
им. Тая Соларина, Иджебу-Оде, Нигерия

Воздействие глобальной экономической интеграции на Африку в XXI в.

The Impact of Global Economic Integration on Africa in the 21st Century

This paper provides answers to the following questions: Has global economic integration in the 21st century raised the hope of Africa beyond the traditional approach of providing aid to help her end poverty? Are there remarkable differences in the approaches of some regional economic bloc like BRICS, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) and multi-lateral groups such as IMF, World Bank etc. towards Africa? What has been and should be the basis of bilateral or even, multilateral development relationships between these groups and Africa? To answer the questions, the study explores a comparison of the philosophies behind the donor-recipient and equal-partners approaches to development. It juxtaposes the depredatory effects of the socio-political and economic conditionality that the West has inflicted on Africa (ranging from integrated rural development in the 1970s, to policy reform (structural adjustment programmes) in the 1980s, to governance in the 1990s, and respect for human rights in the 2000, especially the gay right movement and so on) and alternative models.

In drawing comparisons, it observes that the burden of foreign aid, loan agreement, economic and technical cooperation agreement, debt sustainability and similar indices have deepened Africa's vulnerability rather than brighten its prospects in a globalised market place. By hinging its argument on the assumption

that any global economic integration that imposes political and economic conditionality in exchange for aid is anti-development, this paper further submits that African countries should be free to negotiate their own pathway out of poverty as equal partners in development. It further posits that only by comparing and exchanging views, rather than tutorials, on lessons learned and approaches to aid and cooperation, that more useful engagement between Africa and the rest of the world could become possible. It concludes that mutually-beneficial relations between Africa and economic cooperation blocs such as BRICS will, however, become possible if and only if African governments can take hold of the encounter in ways that will benefit their people. It recommends that Africa governments should focus on win-win approach that is not about aid but business.

Olawale R. Olaopa

Victor Ojakorotu

North-West University

South Africa

О. Р. Олаопа, В. Оджакороту

Северо-западный университет

Мафикенг, ЮАР

Использование знаний коренных народов для развития и управления добычей минеральных ресурсов в Африке во имя повышения уровня жизни и создания рабочих мест: возможности, проблемы и рекомендации по проведению политики

Harnessing Indigenous Knowledge for Mineral Resources Development and Management in Africa for Wealth Creation and Employment Generation: Opportunities, Challenges and Policy Recommendations

The inadequacy and unsustainability of the business-as-usual pattern and paths of development exemplified by its inability to resolve some world's development challenges as well as the dangers and pressures they pose to environmental resources and governance is apparent. While the global discourse and plethora of academic researches concentrated on the issue of resource-curse in

resource-rich African countries, majorly the metallic and energy resources, little has been done on solid minerals that are most necessary for transformational development and are less sensitive to global market forces. Africa is endowed with a huge and vast array of solid mineral resources. Of the total world mineral resources, Africa mines 90% of the diamond marketed, 81% of cobalt, 62% of platinum, 70% of gold, 50% of magnesium and chromium, and 30% of copper in addition to its rich reserves of coal, oil and iron ore. In spite of these, Africa contributes only 2% of the total industrial output of the world's market economies, the economies remain poor and underdeveloped with its accompanying high level of debts and unemployment rate. This confirms the fact that, possession of abundant natural resources does not determine the greatness or competitiveness of a nation but the availability of knowledge, talent and creativity that is adequately applied for adding value to the endowed resources for wealth creation and employment generation, and how fast it can learn new things. The author is motivated to bring into limelight and discuss the efficacy and propensity of indigenous knowledge (IK), an important component of global knowledge on development issues but an underutilized and undervalued resource in Africa, to catalyse sustainable development. This is with a view to correcting the various misconceived opinions about IK of Africa at international discussions and in modern literature regarding its role in resource development, management, wealth creation and employment generation. Against this background, this paper relies on qualitative and historical method of analysis as well as informal discussion with some Nigerian in order to examine the key opportunities and challenges in harnessing Indigenous Knowledge for solid mineral resources development and management for sustainable development. Thus, it is majorly a review of very essential literature flavoured with statistical information and citations from journals, published books, unpublished reports and other grey material. It concludes with the recommendation of policy strategies for harnessing IK practices and incorporating it into the African Union's development blueprint - Agenda 2063 for effective solid mineral resources development and management in Africa.

**Буркова В.Н.,
Бутовская М.Л.**
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва
**Valentina N. Burkova
Marina L. Butovskaya**
Institute of Ethnology and Anthropology
Moscow, Russia

Modernization of Traditional Types of Houses in Tanzania under the Influence of Globalization

Модернизация традиционных типов домов в Танзании под влиянием глобализации*

Республика Танзания представляет собой регион, в котором в условиях всеобщей глобализации и активной пропаганды ценностей западной цивилизации до сих пор продолжают сохраняться традиционные представления в самых разных сферах жизни. В данном докладе будут представлены результаты многолетних полевых наблюдений и опросов среди охотников-собирателей, скотоводов, земледельцев и городских жителей. Английский исследователь В. МакКим в результате полевых исследований в 1964-65 гг. выделил пять базовых типов традиционных домов в зависимости от формы, строительных материалов, этнического происхождения, которые он наблюдал в Танзании (McKim 1985). В наши дни традиционные постройки продолжают сохраняться лишь в отдаленных районах Танзании и у тех этнических групп, которые в силу образа жизни и типа хозяйствования не так привязаны к месту и у которых более сохранены традиционные представления во всех сферах жизни – охотники-собиратели и скотоводы. Наиболее подвержены современным трансформациям земледельческие группы Танзании. К сожалению, в Восточной Африке типы используемых материалов, термиты и сезоны дождей лимитируют срок годности проживания в традиционных домах, что приводит к тому, что если

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00223)

этническая группа меняет тип своего дома, остатки старого традиционного жилья исчезают в течение около 25 лет. Экономические условия, в том числе доступность строительного материала и срок использования новой постройки, иноэтническое окружение, активная миграция населения ведет к трансформациям в организации дома и утере традиционных элементов жилища.

Maria Kolesnikova
St.Petersburg State
University, Russia
Колесникова М. А.
СПбГУ, Россия

**Африка в контексте глобализации: «турецкая модель» как
альтернативный план развития для континента**

**Africa within the Context of Globalization: The “Turkish Model” as
Alternative Development Plan for the Continent**

In the light of review of Ankara's foreign policy strategy in line with the new realities of the world political order and, as a consequence, the gradual intensification of Turkish activity in Africa, it is stated that a special "Turkish model" is being formed as a valid alternative to the presence of traditional actors in the continent.

Realization of vast Turkish plans of penetration the African continent are connected with the leading role of the Justice and Development Party (JDP). Since 2005, which was claimed The Year of Africa in Turkey, Recep Erdogan has visited number of African states and became the first Turkish prime-minister who visited Ethiopia and the Republic of South Africa.

The main objectives of the Turkish Foreign Policy with regard to Africa are defined as follows:

- to create a new platform for the implementation of Turkish foreign policy ambitions with use of all the geopolitical features of the African continent in the long term;

- to strengthen its position on the African market , becoming a major partner for the leading African countries notably in the energy sector, mining;

- to create favorable conditions for the Islamic sector of the Turkish economy, ensuring the sustainable development of its business in African countries and thereby strengthening the position both ruling political authorities and their supporters.

Interaction between Turkey and Africa is developing in different directions: political, economic, humanitarian and cultural.

With impressive success of Turkey in Africa in four designated areas, there are a number of difficulties associated with the peculiarities of the geopolitical situation on the regional and global levels, domestic political controversy in Turkey, as well as the objective economic problems. However, Turkish cooperation with Africa has huge potential opportunities and holds great promise for building a full-fledged mutually beneficial cooperation.

Mohamed Hamchi

University of Oum El Bouaghi, Algeria

М. Хамчи

Университет УМ-эль-Буаги, Алжир

**Чем более регионализована, тем меньше глобализована:
девиктимизация Африки в эпоху глобализации?**

The More Regionalized the Less Globalized: Devictimizing Africa in the Age of Globalization?

Since the last quarter of the twentieth century, the world – including Africa – has been witnessing a rapid and constant process of globalization. Simultaneously, many parts of the world – not including Africa – have tended to initiate processes of (economic) regionalization, processes that have been diverse in their types and their scope of ambition as well. However, the most common about those regionalization processes – known also as regionalisms – has been their self-representation as a response to globalization’s *bad* impact(s). Assuming that both

types of processes, regionalization and globalization, are counter-balancing one to the other, this paper debates two main argumentations. First, it argues that regional integration, if designed so as to respond to local norms as well as to regional/cross-border challenges, offers efficient opportunities to globally-integrate safely. Second, it argues that postcolonial Africa is still a *region without regionalism(s)*, and one of the most dilemmatic reasons for such a historical delay is the persistent – and yet unproblematized – discourse that victimizes Africa, meaning representing the continent as a double-victim of both colonialization and globalization. The paper is divided into three sections. The first one offers a theoretical introduction to globalization and regionalization/regionalism concepts and the interconnectedness among them. The second section examines a brief state-of-affairs of regionalism(s) in Africa. Finally, the third section attempts to *self-critically* deconstruct the discourse of Africa victimization *vis-à-vis* globalization dynamics. Then, it reflects on what should be done to make the engagement among a *regionalized* Africa and a globalized world more positive for the continent.

Секция III-3. Стратегические коммуникации в эпоху глобальных информационных войн: на примере Афразийской зоны нестабильности

Panel III-3. Strategic Communications at the Age of the Global Information Warfare: Afraasian Zone of Instability Issues

Руководитель: *Панцеров К.А.*, СПбГУ, Санкт-Петербург

Convener: *Konstantin A. Pantserev*, St. Petersburg State University, Russia

В современном мире, когда знание и информация становятся неотъемлемым компонентом жизнедеятельности человека, главным инструментом, обеспечивающим устойчивое социально-экономическое развитие нации, представляется очевидным, что информационные технологии при определенном стечении обстоятельств могут играть и деструктивную роль. Это обусловлено тем, что с приходом в нашу жизнь интернета люди стали жить иначе. Всемирная сеть для многих — это и магазин, и заработок, и самообразование, и творчество, и развлечение. Когда необходима какая-то информация или возникает вопрос, мы уже не бежим к друзьям или специалистам за советом, а «спрашиваем у Гугла». Ведь почти всё можно найти в готовом виде в интернете. Это очень удобно. Однако за это «удобство» порой приходится платить слишком высокую цену. Принимая во внимание данное обстоятельство, сегодня никто не может себе представить проведение эффективных операций без четко определенной и хорошо продуманной стратегической коммуникации. Это значит, что информационные технологии, в случае своего эффективного использования, способны разрушить устоявшийся мировой порядок, привести к краху политические режимы, которые ранее считались достаточно стабильными и влиятельными. Информация, таким образом, является сегодня орудием защиты и нападения в системе международных отношений. С одной стороны, государства выстраивают стратегии по защите своего национального медийного поля, Интернет-сферы, а с другой, — создают механизмы влияния на зарубежные общества при помощи пропаганды, стратегий «мягкой силы» и публичной дипломатии. В этой связи сам собой напрашивается вывод о том, что государству следует в своей информационной политике не только уделять большое внимание непосредственно развитию информационных технологий, но и защищать свои интересы в информационной сфере, обеспечив безопасность общества, личности и государства. Наиболее ярким примером будет являться прокатившаяся, начиная с 2011 г. по целому ряду стран Северной Африки и Ближнего Востока череда революций, известная как «арабская весна». Однако эти революции также именуют еще и «твиттерными» революциями, что указывает на ту роль, которую сыграли информационные технологии и западные массмедиа в организации волнений широких народных масс и дискредитации высшего руководства охваченных волной массовых

беспорядков стран. В силу этого, работа данной секции направлена на анализ современных тенденций в обеспечении информационной безопасности на глобальном и региональном уровне, а также проведения сравнительного анализа информационно-психологических операций, которые активно применяются в странах, формирующих собой Афразийскую дугу нестабильности.

In the modern world when knowledge and information become an integral part of our everyday life, key instrument which can ensure the sustainable social and economic development of the nation, it becomes evident that information technologies also can play a destructive role. One can explain this situation by the radical change in the peoples' life due to the active implementation of the Internet. Nowadays the Global Network is considered as a shopping, emolument, self-education, creativity and leisure. When one need information of any kind or has any question he doesn't ask friends or specialists but goes to Internet and asks Google. It is very convenient. But for such convenience sometimes we need to pay very high price. Taking to the account this fact, nowadays it's hardly to imagine the organization of effective operations without well determined and well thought strategic communications. It means that information technologies when used effectively can destroy a current world order and put an end to regimes which used to be rather stable and influential. As a result, the information has become the instrument of defense and offensive. The states build strategies to protect its national media and the Internet sphere from outside attacks, and, at the same time, to make its influence in other countries with the aid of propaganda, soft power strategies and public diplomacy. That's why it is possible to conclude that the State when realizing its information policy should not only pay the attention to the development of its ICT-sector but also to think how to secure its interests at the informational field and ensure the security of the society, individual and the State. As an example we'd like to show protest movements which took place in North Africa and Middle East starting from the year 2011. Those movements are known as "Arab spring". But they are also known as "Tweeter revolutions" which points the role of the information technologies and Western mass media in the organization of protests and the defamation of the heads of those States. Thus the mission of the panel is to analyze up-to-date trends in the ensuring of the information security both in global and regional levels and the organization of the comparative analyses of informational and psychological warfare issues in the countries which compose the Afraasian zone of instability.

**Strategic Communications in the Age of the Global Information Warfare:
Some Theoretical and Practical Issues**

**Стратегические коммуникации в эпоху глобальных
информационных войн: некоторые вопросы теории и практики**

В современном мире, когда знание и информация становятся неотъемлемым компонентом жизнедеятельности человека, главным инструментом, обеспечивающим устойчивое социально-экономическое развитие нации, представляется очевидным, что информационные технологии при определенном стечении обстоятельств могут играть и деструктивную роль. Это обусловлено тем, что с приходом в нашу жизнь интернета люди стали жить иначе. Всемирная сеть для многих — это и магазин, и заработок, и самообразование, и творчество, и развлечение. Когда необходима какая-то информация, мы уже не идем в библиотеку или к специалисту, а стараемся найти ответ на интересующий нас вопрос в сети Интернет. Это очень удобно. Однако за это «удобство» порой приходится платить слишком высокую цену. Принимая во внимание данное обстоятельство, сегодня никто не может себе представить проведение эффективных операций без четко определенной и хорошо продуманной стратегической коммуникации. Это значит, что информационные технологии, в случае своего эффективного использования, способны разрушить устоявшийся мировой порядок, привести к краху политические режимы, которые ранее считались достаточно стабильными и влиятельными. Информация, таким образом, является сегодня орудием защиты и нападения в системе международных отношений. С одной стороны, государства выстраивают стратегии по защите своего национального медийного поля, Интернет-сферы, а с другой, — создают механизмы влияния на зарубежные

общества при помощи пропаганды, стратегий «мягкой силы» и публичной дипломатии. В этой связи сам собой напрашивается вывод о том, что государству следует в своей информационной политике не только уделять большое внимание непосредственно развитию информационных технологий, но и защищать свои интересы в информационной сфере, обеспечив безопасность общества, личности и государства. В этой связи, настоящий доклад посвящен, с одной стороны, анализу некоторых примеров информационно-психологических операций, которые проводят в афразийской зоне нестабильности, как западные страны, так и террористические организации (ДАИШ) а с другой, попыткам стран региона выработать эффективные механизмы защиты своего информационно-коммуникационного пространства.

Пашенцев Е.Н.

Дипломатическая академия МИД РФ
Москва

Evgeny N. Pashentsev

Diplomatic Academy, Moscow, Russia

The US Strategic Communication in the Middle East under Donald Trump: Continuity and Changes

Стратегическая коммуникация США на Ближнем Востоке при Д. Трампе: преемственность и перемены

Стратегическая коммуникация США при Д. Трампе продолжает следовать глобальным интересам ведущих североамериканских корпораций, и в этом плане никакой революции (о которой не раз заявляли видные сторонники нового президента) в стране не произошло. Но нарастание противоречий внутри правящей элиты на фоне падения ее влияния на мировые дела привело к власти человека, ставящего своей целью существенные перемены в государственном курсе.

Соединенные Штаты еще располагают для осуществления стратегической коммуникации целым рядом конкурентных преимуществ: экономическим, военным и научным преобладанием в современном мире (хотя оно все быстрее исчезает); глобальной системой подконтрольных военно-политических и экономических союзов; преобладанием в сфере массовой культуры в общественном сознании Земного шара над культурным влиянием других держав; превосходством в глобальных СМИ над любой другой страной мира и др.

Однако все эти преимущества в силу корыстных или ошибочных решений в прошлом и настоящем породили на Ближнем Востоке (и не только) устойчивые и небеспочвенные стереотипы восприятия США как «державы-агрессора», «внешней угрозы», «главной опоры реакционных сил» в сознании значительной, а где-то и преобладающей части населения.

В докладе анализируются основания для преемственности стратегической коммуникации США в регионе с возможностью ограниченных мер коррекции наиболее негативных решений прошлых лет. Рассматриваются первые шаги новой администрации на Ближнем Востоке и особенности их коммуникационного сопровождения, дается предварительная оценка успешности принимаемых решений.

Базаркина Д.Ю.
Институт Европы, Москва
Daria Yu. Bazarkina
Institute of Europe, Moscow, Russia

Communication Support of the Fight against Terrorism as a Part of Strategic Communication: The Possibilities to Oppose ISIS

Коммуникационное обеспечение борьбы с терроризмом как часть стратегической коммуникации: возможности противодействия ИГИЛ

В результате деятельности ИГИЛ террористическая группа впервые в XXI в. получила возможность образования государства. Если применить к

действиям ИГИЛ концепцию стратегической коммуникации как синхронизации слов, дел и образов и их воздействие на массовое сознание, то попытка создания собственного государства может являться сама по себе главным сообщением организации, которое стало центральным в публикациях периодического издания *Dabiq*. Можно привести материалы, в которых перечисляются, главным образом, «дела» – создание и деятельность структур, выполняющих функции государственных институтов.

Вызов со стороны такого противника требует от антитеррористических структур налаживания коммуникационного обеспечения своей работы на принципах стратегической коммуникации. Коммуникационное обеспечение определяется автором как разработка и реализация мер, обеспечивающих деятельность организации коммуникационными средствами, включая управленческие решения, механизмы распределения информации внутри организации, формирования и трансляции сообщений на внутренние и внешние целевые аудитории с целью искомого воздействия на них.

На этом направлении крайне важен переход к позитивным, действительно стратегическим целям в интересах общества (в противовес сегодняшним, направленным на геополитические цели). Противодействие пропаганде ИГИЛ при этом предполагает наличие базовых целей и ценностей, позволяющих опровергать положения идеологии квазирелигиозного терроризма. Одно из перспективных направлений – сравнение идеологий репрессивных режимов прошлого (фашизма, нацизма) и идей сегодняшних террористов, что позволяют сделать имеющиеся источники. Важно не только убедительно демонстрировать деструктивность положений пропаганды ИГИЛ, но и альтернативный, прогрессивный вариант организации общества, действующий на практике. Поиск этого варианта будет более успешным при налаживании сотрудничества стран и межгосударственных образований, борющихся с угрозой ИГИЛ. Однако это сотрудничество серьезно затруднено сегодня в силу таких проблем, как

узость полномочий антитеррористических структур, их зависимость от политического курса правящих партий, межгосударственные разногласия.

В докладе проанализированы основные положения стратегической коммуникации ИГИЛ и рассмотрены варианты контрмер.

Панченко В.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Valery V. Panchenko
St. Petersburg State University, Russia

The “Islamic State”’s Media Empire: How an Archaic Society Pulls the Threads of Postmodernism

Медиа-империя «Исламского государства»: как архаичное общество дёргает за нитки постмодерна

Метаморфозы общественных отношений в современном мире обусловлены новыми способами восприятия реальности. Описанный Жаном Бодрийяром и другими философами постмодерна мир знаков и брендов всё больше представляет собой гиперреальность, которой умело манипулируют маркетологи, PR-менеджеры и политтехнологи. В эту гиперреальность всё глубже погружаются новые и старые акторы международных отношений, переживающие процессы транснационализации и гибридизации. В эпоху инфокоммуникационных технологий борьба за власть происходит уже не только и не столько на полях сражений или в дипломатических кулуарах, сколько в умах простых граждан, и группировка Исламское государство (запрещена в России) – активный участник этой борьбы.

Если рассмотреть коммуникационную стратегию Исламского государства (ИГИЛ) с помощью популярных сегодня в сфере PR моделей, станет ясно, что боевики активно и успешно используют самые разные сферы инфосреды: социальные сети, собственную медийную инфраструктуру, а косвенно – и классические СМИ, то есть телевидение, радио и печатные издания, которые в погоне за рейтингом своими красочными и

эмоциональными материалами о террористических актах неосознанно делают для рекламы ИГИЛ больше, чем сами боевики. Жертвы этой пропаганды – молодые люди, в основном арабоязычные, которые бегут от своей часто бессмысленной и бедной жизни в европейских (и не только) странах, чтобы присоединиться к якобы полной перспектив и героизма жизни воинов джихада.

Принимая во внимания вышесказанное, необходимо выработать жёсткую стратегию ведения информационной войны с использованием всех возможных средств, которыми уже во всю пользуются террористы.

Булгару Д.И.
Дипломатическая Академия МИД РФ
Москва
Dmitry I. Bulgaru
Diplomatic Academy, Moscow, Russia

The US Middle Eastern Programs for Advancing Democracy as a Tool for Strategic Communication

Ближневосточные программы США по продвижению демократии как инструмент стратегической коммуникации

Низкая эффективность и значительные потери военного контингента в военной операции США в Ираке заставили администрацию Дж. Буша-мл. обратить внимание на невоенные инструменты воздействия – продвижение демократических ценностей посредством стратегической коммуникации. Ключевыми элементами этого процесса являются программы США на Ближнем Востоке по продвижению демократии. В результате реализации данных программ проходили обучение будущие лидеры протестов “Арабской весны”.

Исследование посвящено анализу таких доктринальных документов США, как Инициатива ближневосточного партнерства (MEPI), соглашение по Большому Ближнему Востоку и Северной Африке (BMENA), а также

соглашение о свободной торговле на Ближнем Востоке (МЕФТА). В этом же контексте затрагиваются законодательные инструменты продвижения демократии – Акт о демократии 2007 года (ADA) и президентская директива по национальной безопасности (NSPD). Эти инициативы стали основой для подготовки будущих реформаторов и оппозиционных НКО, которые получали финансирование и подготовку от американских организаций, таких как (USAID), Национальный фонд поддержки демократии (NED), и другие. Суть данных программ и механизм использования стратегической коммуникации в продвижении демократии будут представлены в докладе. Методологическую основу данного исследования составляет системный подход к изучению доктринальных документов. Сравнительный анализ методов стратегической коммуникации в контексте вышеперечисленных документов является ключевым элементом исследования.

Ломова А.
Дипломатическая Академия МИД РФ
Москва
Lomova Anastasia
Diplomatic Academy of
Russian Ministry for Foreign Affairs

China's strategic communication in Africa: practical results

Стратегические коммуникации Китая в Африке: практические результаты

That type of communication that was called as “strategic communication” we can see in China’s foreign policy instruments towards African countries. China’s interest in Africa is due to the continent’s resource and political potential.

Because of the strong economic and political competition among China and Western countries in Africa, the theme of informational warfare plays an important role there. China displaces traditional powers such as the US and European countries who made a lot of mistakes in the region. So in the light of these powers

China seems as the least bad solution. But the question is: do the African countries perceive Chinese “words and actions” as it was supposed to. The aim of the research is to consider how the China’s activities are seen by the African nations and whether it “hit the target”

Хижняк М.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Maria V. Khizhnyak
St. Petersburg State University, Russia

China’s Information-and-Communication Strategy in Africa

Информационно-коммуникационная стратегия Китая в Африке

За последнее десятилетие информационно-идеологическая экспансия Китая в Африку достигла беспрецедентных масштабов, сопровождая торгово-промышленное вторжение экономического гиганта стремлением создать новый благоприятный имидж КНР на континенте инструментами «мягкой силы». Такая внешнеполитическая стратегия обусловлена стремлением реализовать «китайскую мечту» - масштабный план развития страны, реализующийся в рамках концепции «Один пояс – один путь». «Путь и пояс» охватывают весь «мировой остров» - от Азии до Европы, проходя через страны Северо-Востока Африки. Этот проект играет ключевую роль в информационном наступлении Китая нынешнего тысячелетия.

Стремление китайских лидеров усилить свою дискурсивную власть воплотилось в активизации экспансии ведущих китайских СМИ в Африканском регионе. Начавшись еще в 1960-х, когда Beijing Review и другие китайские журналы стали активно распространяться в книжных магазинах Танзании, ЮАР и Египта на местных языках, а радио «Radio Peking» стало серьезным конкурентом таких западных гигантов как BBC, Voice of America, информационное наступление Китая сегодня достигло небывалого размаха.

Только за 2011 год информационное агентство Китая «Синьхуа» расширило свое присутствие в Африке на 5 новых филиалов, добавив их в свою уже существующую сеть штаб-квартир и 18 филиалов. С 2012 года крупнейшая китайская газета China Daily еженедельно выпускает 24-страничное издание в ряде Африканских государств. В 2006 году Международное радио Китая открыло свою первую зарубежную радиостанцию в Кении, а в 2012 году была запущена Африканская версия международного телеканала «Центрального телевидения Китая» (CCTV Africa).

Распространение китайского влияния в Африканской информационной сфере происходит в различных направлениях – от производства и распространения контента до прямых инвестиций в инфраструктурные проекты, развитие региональных СМИ и обучения африканских журналистов. По мнению ряда специалистов, подобные инвестиции напрямую связаны с мощными политическими и экономическими интересами Китая, и не могут способствовать независимому представлению информации. Другие смотрят на это более оптимистично, полагая, что китайский опыт будет способствовать оздоровлению африканской системы масс-медиа. Но в целом, как показывают исследования, не смотря на возникающие страхи перед усилением китайского влияния, африканское медиа-сообщество пока не видит реальной угрозы со стороны «китайского дракона».

Это говорит об эффективности стратегической коммуникации Китая. Используя широкую информационную сеть по всему континенту, Китай получил мощный механизм убеждения и формирования необходимого имиджа. Обладание таким значительным потенциалом для вторжения в информационно-телекоммуникационный сектор позволяет полагать, что Китай надолго задержится в Африке.

Секция III-4. Исламистские движения в афразийской зоне неустойчивости (в геополитическом и геочивилизационном измерении)

Panel III-3. Strategic Communications in the Age of the Global Information Warfare: Afraasian Zone of Instability Issues

Руководитель: *Саватеев А.Д.* Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Anatoly D. Savateev*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

Revolution in the Arab world that began in 2011 under the democratic slogans of the struggle for the overthrow of the dictatorial, corrupt regimes and the establishment of forms of government of the Western type, the rule of law and equality of citizens before the law, very soon found a new focus, was replaced by a different content: the forebearers of the traditional movements, representatives of fundamentalist currents in Islam came for. They have identified a new face of revolutions in the Arab world, and it was the face of radical Islam, demanding compliance with all the Quranic norms not only in the domestic and cultural life, but also in political life – the transition from the idea of the Caliphate (al-Qaida, banned in Russia) to its practical implementation (the Islamic State – an organization banned in Russia). Driving forces for implementation of this idea, along with extremist groups, which aimed to establish a worldwide Caliphate through military Jihad, in the epicenters of the Islamic world (Iraq, Syria) were former officials of the banned Baath party and dismissed officers of the Iraqi army, which ensured the success of the army of IS in 2014-2015. What are the main features of the current Islamist movements? First, a strong desire to realize the idea of a worldwide Caliphate. Second, the collapse of national States, the political type with the replacement of consolidation of the foundations of the religious-political. Thirdly, an unprecedented expansion of their influence in the Muslim world and the minds of Muslims. Fourth, the transformation of the religious factor being the factor of geopolitics, supported by moral, political, economic, spiritual and religious support of the Ummah in almost all countries, even with minimal presence of Muslims. Fifthly, the difference of this stage lies in the fierce desire to not only give back, but to defeat the collective West and other States, including Russia, in the struggle for the right to exist. So, the effect of the clash of civilizations takes place. Sixthly, extremist movement has created a real threat to the internal integrity of Islamic civilization. However, the important question is – what are the social composition, attitudes and expectations of participants of the movements, which can be hardly reduced to simple "terroristic". Especially difficult to analyze is the wide range of issues concerning religious, socio-cultural, geopolitical and geo-economic situation in the countries of the greater Middle East, North and sub-Saharan Africa, Central Asia in light of the global spread of Islamist ideas and movements. However, the list of named regions of the Islamist

movement is not limited – the same ideas can develop themselves in Europe and Southeast Asia, not to mention Russia, where Islamism has its roots. The main questions (which do not necessarily cover all problems) are:

- The nature, background and causes of Islamist movements becoming global, their features and qualitative contrast to previous Islamist groups.
- Civilizational content of a global Islamist projects of our day in social, cultural, religious, political and economic dimensions; the general and the particular in these projects.
- IS and al-Qaeda as evidence of geopolitical and geocivilizational shift in afroasiatic space. Do they have a future?
- The fate of Islamic civilization in the light of the global expansion of jihadist movements and the deterioration of relations Sunni and Shiite branches of the Ummah. Trends and prospects of escalating religious conflicts in Africa as an expression of inter-civilizational contradictions.
- The aggravation of contradictions on the world stage as a result of geopolitical and geocivilizational shifts under the influence of Islamist movements. Risks and threats the emergence of a global military-political crisis and world war.
- Quranic humanism, religious education, and other ideological and civilizational, political and cultural-philosophical trends and ways of combating extremism in Islam.
- Russia in the face of global halftime: its interests, and proposed solutions to the Islamist problem inside the country and internationally, scenarios and forecasts their implementation in Africa and other regions of the Muslim world.

Следзевский И.В.
Институт Африки РАН
Москва
Igor V. Sledzevski
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Muslim Civilizational Projects and the Problem of Its Implementation in the Contemporary Radical Islamist Movements

Исламский цивилизационный проект и проблема его реализации в движениях современного радикального исламизма

Подъем с конца XX в. исламистских радикальных движений актуализирует проблему способности исламистской политической идеологии мобилизовать цивилизационное самосознание широких масс населения в мусульманских странах. В контексте попыток исламских радикалов

пробудить анти-западную по своей направленности революционную сознательность масс в мусульманских странах научную и практическую значимость приобретает вопрос об идеологии джихадизма – священной борьбы мусульман за дело Божие как цивилизационном проекте, направленном против проекта глобального наступления ценностей и идеалов западной секулярной цивилизации.

В основу разработки темы доклада положена идея перехода цивилизационных процессов в современную глобальную эпоху от стихийного и слабо контролируемого взаимодействия исторически сложившихся и самобытных локальных цивилизаций к конкуренции систем идейных – политических и культурных представлений. Им придается значение альтернативных проектов глобализации, способов внутренней консолидации локальных и региональных сообществ на основе возрождения и культурной эмиссии собственных цивилизационных идеалов и ценностей. Учитывается разработка этой идеи в концепции цивилизационных проектов как осознанной, целенаправленной консолидации локальных культурных миров, объединения их на основе четкой культурной самоидентификации универсалистского типа, придания высшим духовным ценностям и формам культуры значения программ обеспечения культурной и государственной самостоятельности (В.П. Визгин, А.В. Коротаев, А.В. Малашенко, А.В. Смирнов и др.).

Рассматриваются следующие вопросы: 1) исторические и культурные предпосылки возникновения современного исламского проекта (система исламского вероучения и мировоззрения, исламское самосознание как особый культурно-психологический цивилизационный феномен), динамика классического ислама как особого цивилизационного проекта; 2) кризис привнесенной извне вестернизаторской модели государственного устройства и социально-экономического развития; 3) рост исламского самосознания и подъем исламских политических теорий как духовное основание формирования современного исламского цивилизационного проекта,

исходная точка его практической реализации – Иранская исламская революция 1978 г.

Последний и ключевой вопрос доклада – связь современного исламского радикализма с усилением заинтересованности различных групп и слоев мусульманского населения в собственном цивилизационном проекте. Рассматривается способность радикальных исламистских движений и их лидеров успешно осуществить такой проект исключительно в рамках идеологии политического ислама – восстановления старых форм исламского политического устройства общества.

Саватеев А.Д.
Институт Африки РАН
Москва
Anatoly D. Savateev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Islamist Movements: From Islamic Revolutions to a Global Project?

Исламистские движения: от исламских революций к глобальному проекту?

Революции в арабском мире, которые начинались в 2011 г. под демократическими лозунгами борьбы за свержение диктаторских, коррумпированных режимов и создание западного типа демократии, установление господства закона и равенства граждан перед законом, вскоре обрели новую направленность, наполнились иным содержанием: на первый план вышли носители традиционных начал, представители фундаменталистских течений в исламе. Они определили новое лицо революций в арабском мире, и это было лицо радикального ислама, требовавшего соблюдения коранических норм не только в бытовой и культурной жизни, но и в политической жизни – перехода *от идеи* халифата в лице Аль-Каиды (запрещена в РФ) к ее *практическому воплощению* – Исламскому государству (организация, запрещённая в РФ). Движущими

силами реализации этой идеи в Ираке и Сирии наряду с экстремистскими группировками, провозгласившими своей целью создание всемирного халифата путем военного джихада, в эпицентрах исламского мира стали бывшие чиновники запрещенной партии Баас и уволенные кадровые офицеры иракской армии. Они и обеспечили успех армии ДАИШ в 2014–2015 гг.

В чем состоит особенность нынешних исламистских движений? Во-первых, ярко выраженным стремлением воплотить в жизнь идею всемирного халифата. Во-вторых, в обрушении государств национального, политического типа с заменой консолидирующих основ религиозно-политическими. В-третьих, в беспрецедентном расширении их влияния на мусульманский мир и сознание мусульман. В-четвертых, в превращении из фактора внутриконфессионального бытия в фактор геополитический, подкрепленный моральной, политической, экономической, духовно-религиозной поддержкой Уммы практически во всех странах, даже с минимальным наличием мусульман. В-пятых, отличие данного этапа заключается и в яростном стремлении не только дать отпор, но нанести поражение коллективному Западу и другим государствам, включая Россию – возникает эффект столкновения цивилизаций. В-шестых, экстремистские движения, направляя свою энергию и против традиционного «народного» ислама, уже создали реальную угрозу раскола исламской цивилизации. Раскол углубился и по линии суннизм – шиизм.

Однако существенную роль играет вопрос о социальном составе, настроениях и ожиданиях участников движений, которые едва ли возможно свести к однозначно «террористическим». И особенно сложным представляется возникающий спектр вопросов по геочивилизационной (религиозной, социально-культурной) и геополитической ситуации в странах Афразийской зоны нестабильности, о соотношении между глобальным, региональным и локальным. Однако названными регионами исламистские движения не ограничиваются: экспорт тех же идей в Европу и Юго-

Восточную Азию, Россию и теракты в этих частях мира говорят о глобальном характере их распространения.

Воронин С.А.
РУДН, Москва
S. A. Voronin
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow

Phenomenology of the ISIS

Феноменология ИГИЛ

Современная европейская цивилизация столкнулась с серьезным вызовом в лице ИГИЛ. Она была атрибутирована как жестокая террористическая организация, связанная с сирийскими и иракскими радикалами, а это значит, что логика ответных действий – уничтожить.

Но почему в Ираке армия фактически не сопротивлялась наступлению ИГИЛ? Почему в ИГИЛ так много европейцев? За что они взрываются? Именно парадоксальная привлекательность ИГИЛ для европейцев остро ставит главный вопрос – о природе ИГИЛ, о его идеологии и ценностях, которые сегодня совершенно непонятны. А пока ИГИЛ представляют «скопищем террористов», эта же привлекательность делает «Исламское государство» силой, рядом с которой «Аль-Каида» скоро может показаться пустяком.

Считают, что в конце мая 2016 г. в рядах боевиков было 12 тыс. человек из 81 государства, среди них 3 тыс. с Запада. При этом стоит отметить, что только небольшая часть боевиков с Запада являются новообращенными мусульманами. Часто такого рода действия объясняются желанием молодых людей убежать из дома и найти свою истинную идентичность.

ИГИЛ сегодня олицетворяет вызов западному образу жизни, предрекая глобальный конфликт цивилизаций. Не случайно ИГИЛ не ограничивается

лишь вооруженным противостоянием, но активно обсуждает вопросы социальной справедливости, богословия, состояния современного мира.

Все это значительно осложняется тем, что европейский носитель идеологии ИГИЛ практически невидим в западном обществе. Но тогда оказывается, что Европа открыта и для принципиально нового типа терроризма, с которым будет невероятно сложно бороться: «они уже среди нас»!

ИГИЛ есть выражение принципиально новой религиозности, условия для возникновения которой складывались последние несколько десятилетий, в течение которых Европа последовательно себя разоружала через протестантскую теологию «христианства без религии». Важнейшим из указанных выше условий явилось наступление эпохи «десекуляризации» в целом, без конфессиональных различий и вытеснения ее на обочину социальной и политической жизни. В ходе событий на Ближнем Востоке можно было видеть, как светские режимы в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии или пали под ударами исламских радикалов, или испытали их сильное давление.

ИГИЛ сегодня бросает вызов и Исламу и Христианству, его адепты подчеркивают, что христианство ушло сейчас в глубокую оборону, а ислам одерживает победу за победой. Это значит, что Европа и Америка уже морально, стратегически проиграли ИГИЛ. Именно поэтому особенно необходимо понять, что такое ИГИЛ.

Долгов Б.В.
ИВ РАН, Москва
Boris V. Dolgov
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia

The Islamist Movements in Global Dimension: Internal and External Causes of Emergence

Исламистские движения в глобальном измерении: внутренние и внешние причины возникновения

Глубинные причины возникновения исламистского движения в мусульманском обществе обусловлены социально-экономическими, политическими, демографическими, культурно-историческими и цивилизационными аспектами развития мусульманского социума. Вместе с тем феномен исламистского движения произрастает из специфики исламской религии, во многом ставшей для исповедовавших ее образом жизни.

На протяжении веков своего существования ислам выработал незыблемые морально-этические ценностные ориентиры и нормы поведения в повседневной жизни и общественно-политической практике. В то же время в области идеологии мусульманская религия не создала единое ортодоксальное вероучение. Различные направления ислама, движения, секты, отдельные мусульманские деятели, исламистские идеологи могли провозглашать себя блюстителем «подлинного ислама», «людьми истины».

В условиях продолжавшегося социально-экономического кризиса во многих странах арабо-мусульманского мира и в регионах, где представлены мусульманские сообщества, исламистская идеология и исповедовавшие его движения являлись наиболее доступной и понятной для значительной части мусульман формой социального, политического и, отчасти, цивилизационного протеста. Исламистские движения значительно усилили свое влияние в ходе социальных протестов «арабской весны» 2010- 2013 гг., приведших к краху правящих режимов в ряде арабских стран. На фоне подъема исламистских движений значительно усилились их радикальные

группировки, прежде всего ИГИЛ. В данном процессе немаловажную роль также сыграли внешние силы, пытавшиеся использовать исламистов в своих глобальных целях.

С другой стороны, исламские общества, ассоциации в Западной Европе усилили свою роль в религиозной и социально-культурной сферах. При этом значительная часть мусульман сохранила свою исламскую идентичность. На фоне нарастания социально-экономических проблем, обострения критического отношения к западному обществу и под влиянием ряда внешних факторов среди части европейских мусульман получила распространение исламистская идеология, в том числе, ее радикальные течения. Предлагаемая его идеологами концепция создания «справедливого миропорядка» в форме государства, основанного на законах Корана, пользуется определенной поддержкой среди части мусульман. Поэтому оно и в будущем продолжит играть важную роль в общественно-исторической динамике мусульманских социумов, а также оказывать значительное влияние на глобальные процессы исторического развития в целом.

Кондорский Б.М.
НПФ «Синбиас»
ДНР, г. Донецк
Boris M. Kondorsky
“Sinibas”, Donetsk

Some Aspects of the Appearance and Development of Radical Islamism in the Middle East

Некоторые аспекты появления и развития радикального исламизма на Ближнем Востоке

Феномен радикального исламизма на Ближнем Востоке и других мусульманских регионах многогранен. Но в то же время эти регионы объединены состоянием революционности. Революции в одной стране составляют РП как целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции лишь проявление этих процессов. Если в большинстве

европейских стран РП закончился после Второй мировой войны, а в основных странах третьего мира (включая Россию и Китай) ограничился рамками XX в., то в арабских странах РП только начался после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в.

В революционный период все политические режимы в той или иной степени наделены чертами диктатуры. Попытки демократизации в этот неустойчивый период, как правило, ведут к радикализации режима. Попытки же экспорта демократии в арабские страны выявили преобладание традиционных духовно-религиозных, т.е. цивилизационных факторов, засвидетельствовали, что действие законов политической и экономической систем сведено к минимуму.

В результате произошла резкая активизация традиционного социального сознания, глубинная основа вылилась в форму строгого монотеизма. Идея халифата по степени своего влияния сейчас доминирует в мусульманском обществе, и в этом качестве, может быть, приближается к христианству.

Если экстремистские группировки в исламе угрожают безопасности сложившейся политической (экономической) системы и не встречают должного отпора, то рано или поздно такой процесс проходит «точку невозврата». Он вовлекает всё новых сподвижников. Если в начале данную проблему, как, например, в Алжире в 1990-е гг. оказалось возможным решить относительно «малой кровью», то после перехода это потребует уже значительно больших сил и жертв. Обычно это заканчивается разрушением существующей системы. Для мусульманского мира сейчас наиболее актуальным является вопрос: сможет ли он преодолеть внутренний раскол, созданный радикальными суннитскими группировками?

Царегородцева И.А.
НИУ ВШЭ, Москва
Irina A. Tsaregorodtseva
National Research University –
Higher School of Economics
Moscow, Russia

The (De)Construction of Salafism? An Academic Opinion

(Де)конструирование салафизма? Академическое мнение

В последнее время появляется все больше академических работ, посвященных салафизму. Это понятие указано в заглавии работ и/или описывается в их содержании. Обилие подобных работ, казалось бы, должно было привести к формированию более-менее устойчивого академического взгляда на содержание и границы салафизма. Однако этого не происходит. Более того, различные попытки дать определение салафизму, напротив, только осложняют понимание предмета.

Как правило, в академической литературе выделяются следующие «типичные черты» салафизма:

- идеализация жизни «праведных предков» (*салаф салих*),
- отказ от «нововведений» (*бида*),
- неприятие традиции следования учению *мазхабов* (*таклид*)

и некоторые другие, в том числе, связанные с особенностями внешнего вида «салафитов».

При этом при ближайшем рассмотрении оказывается, что:

- всем или почти всем мусульманам свойственна идеализация периода раннего ислама,
- «нововведения» определяются «салафитскими» богословами совершенно по-разному,
- *таклид* неприемлем далеко не для всех «салафитов»;

не говоря уже о том, что в современном глобализирующемся мире определять какие-либо религиозные группы через внешние признаки – крайне ненадежное занятие.

Несмотря на обилие работ по салафизму, в большинстве из раза в раз повторяются те же самые его «характерные особенности». Более того, когда исследователи пробуют классифицировать салафизм, выделяя в нем различные течения, впоследствии оказывается, что все они не сводимы к единому знаменателю.

Наконец, объяснения тех людей, которые причисляют себя к «салафитам» о том, кто же они такие на самом деле, также не проясняют ситуацию. Академическое изучение салафизма, по-видимому, зашло в тупик. Все это наводит на мысль о том, что салафизма как предмета академических исследований не существует, а вместо него мы имеем дело с искусственными конструктами.

Ягья В.С.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Vatanyar S. Yagya
St. Petersburg State University, Russia

Institutionalization in the Muslim World vs Global Jihadism

Институционализация в исламском мире vs глобальный джихадизм

В исламском мире идет процесс институционализации цивилизационных сил. Есть крупная, влиятельная Организация исламского сотрудничества, до недавнего времени называвшаяся Организация Исламская Конференция. Она объединяет несколько десятков стран, Другой влиятельной организацией является Организация экономического сотрудничества (ОЭС), включающая десять исламских государств. До 1985 г. она называлась «Региональное сотрудничество ради развития» и состояла первоначально из трех стран: Пакистана, Ирана и Турции. После распада Советского Союза в неё вошли еще 7 государств:

Азербайджан, Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Имеется также Организация Арабских стран Персидского Залива, ориентированная на Саудовскую Аравию, с выраженной антииранской направленностью.

ОЭС особенно важна для Пакистана, пользующегося внешнеполитической и экономической поддержкой Китая и США. Конечно, каждая страна, входящая в ОЭС преследует свои национальные интересы. Так, Турция исповедует антииранские взгляды в этой организации. На её последнем саммите в феврале 2017 г. президент Эрдоган осудил Тегеран за «дестабилизацию обстановки в регионе». Пакистан же использует свое участие в ОЭС для выражения своей антииндийской политики. Он не раз обвинял Индию в антимусульманской деятельности.

Значительна роль в миролюбивых действиях на Арабском Востоке Лиги арабских государств. Несколько благопристойных организаций есть в США (например, Совет мусульманских отношений Америки).

Перечень межгосударственных территориальных споров и взаимных претензий у членов ОЭС, ОИК и др. достаточно широкий. Однако ни одна из этих организаций не в состоянии предотвратить противоречия, конфликты и даже войны между ее членами. И это – несмотря на признание ими всеми коранических постулатов добра, мира и взаимопомощи.

К подобным ссылкам прибегают и радикально-исламистские группировки типа ИГ, «Аль-Каиды», «Талибан», «Братья-Мусульмане» и др. Но их экстремизм, вооруженные нападения на мирные объекты, террористические акты прямо свидетельствуют об отсутствии у них истинного исламского вероисповедания. Существующие исламистско-интеграционные объединения находятся между собой в контакте, берут порой друг у друга боевиков как бы «взаймы». Яркий пример – теракты радикал-исламистов в Бостоне, Сан-Бернардино и других городах США.

Исламизм проник и в Латинскую Америку. Джихадистский хаос распространяется в Африке.

Все эти джихадистские движения, группировки, объединения антиисламского содержания превратились в фактор мировой повестки дня. К сожалению, порой более значимые, чем исламо-государственные интегрированные сообщества.

Сальников В.И.

Воронежский государственный университет

V. I. Salnikov

Voronezh State University, Russia

DAESH as a Threat to the National Security of Russia and Factor of Destabilization in the Afro-Asiatic Zone

ДАИШ как угроза национальной безопасности России и фактор дестабилизации Афразии

ДАИШ – это террористическая организация нового типа, которую специалисты характеризуют как «весьма гибкую, относительно жизнеспособную и быстро восстанавливающуюся в критических условиях структуру. Она имеет горизонтально-сетевую конструкцию», использует идею «халифата» для обоснования легитимности своего господства на контролируемых территориях. Это идеальная, согласно исламской суннитской теологии, модель политического устройства, управляемая прямым потомком Пророка на основе шариата. Данная идея придает этому теократическому квазигосударству альтернативный современному миропорядку характер, привлекая на его сторону десятки тысяч сторонников, причем не только мусульман. Эксплуатируя идею халифата, ДАИШ продолжает череду «токсичных государств» (А. Неклесса), бросающих вызов современному им миру, мобилизующих своих сторонников на «последний и решительный бой»... Как и другим подобного рода «токсичным политиям», «заточенным» на тотальную войну с «неверными» и вовлекающим в свои ряды тысячи экзистенциальных противников современного им мира, ДАИШ не достаточно нанести военное поражение. Потерпев неудачу в одном месте,

оно может в силу гибкой сетевой структуры, создавать новые очаги сопротивления, используя тактику гибридной «мятежевойны».

Множество политических, этно-конфессиональных, социально-экономических противоречий способствовало расцвету исламизма в начале XXI в., стало питательной средой для выживания ДАИШ. Что, по мнению ученых, создает благоприятные условия для дестабилизации афрозийского региона и переноса активности джихадистов в Афганистан, Центральную Азию и другие регионы, где проживают мусульмане. Расширяя, таким образом, зону военно-политической турбулентности, которой традиционно является Ближний Восток, где десятилетиями ведутся т.н. «гибридные войны», – до глобальных масштабов.

Для Российской Федерации, где ислам является второй после православия по количеству сторонников религией, распространение джихадизма, в том числе и на сопредельных территориях, является угрозой национальной безопасности (см. «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года, п.18). Поэтому борьба с экстремизмом и международным терроризмом, как на территории страны, так и за ее пределами – необходимое условие безопасности общества и устоев российской цивилизации.

Нефляшева Н.А.

Институт Африки РАН
Москва

Naima A. Neflyasheva

Institute for African Studies, Moscow, Russia

Experience and Problems of the Muslim Youth's Deradicalization in Russia

Опыт и трудности дерадикализации мусульманской молодежи в России

Несмотря на снижение количества террористических актов в проблемных регионах (Северный Кавказ, менее – Поволжье) в 2013-2016 гг., статистика, демонстрирующая отток молодых людей в ИГ (запрещена в РФ),

выглядит тревожной. Президент РФ Путин заявил о числе россиян, воюющих в ИГ: «...счет идет на тысячи: по данным ГРУ Генштаба и других спецслужб, например ФСБ, это до 4000 из России и тысяч пять из республик СНГ». Средний возраст сторонников ИГИЛ – 18-25 лет, среди них женщины с детьми и молодые девушки.

Радикализация молодежи связана с несколькими факторами. Во-первых, высокая безработица и отсутствие социальных лифтов. Они обостряют чувство справедливости, особенно развитое у молодежи. Не менее важным фактором радикализации является снижение качества образования, как светского, так и религиозного. Светские вузы, в основном, не дают качественных системных знаний, выполняя социальную, но не образовательную функцию. Не лишено проблем и высшее исламское образование: налицо недостаток креативных идей в распространении аргументации, купирующей радикальные идеи. Хотя само по себе качественное исламское образование создает иммунитет к восприятию радикальных идей. Образованные умеренные фундаменталисты способны объяснить молодым людям несоответствие исламу и шариату идей и практики ИГИЛ. Необходимо использовать их опыт.

Определенную роль играют проблемы методологического свойства: дискурс «официального ислама» в настоящее время уже недостаточен для осмысления процессов, происходящих в российской Умме.

В России накоплен позитивный опыт дерадикализации в республиках Северо-Кавказского Федерального округа в 2009 – 2010 гг. Ситуацию удалось переломить за счет применения практик «мягкой силы», предусматривающих выведение умеренных салафитов с периферии общественной жизни. В эти годы в Дагестане, КБР, КЧР, Ингушетии появлялись Комиссии по адаптации боевиков, желающих вернуться к мирной жизни. Они оставались единственным каналом, способным вывести из подполья молодого человека, не совершившего преступления.

В процессах дерадикализации можно использовать обращение к традициям, провозглашающим приоритет семьи, заботу о родителях. Наконец, должен быть осмыслен опыт Российской империи и советских вооруженных сил по адаптации мусульман через систему военной службы, культурные и образовательные проекты.

Харитоновна Е.В.
Институт Африки РАН
Москва
Elena V. Kharitonova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

On the Causes of the Afro-Asiatic zone of Instability's Emergence (Two Scenarios)

К вопросу о причинах возникновения афразийской зоны нестабильности (два сценария)

Два концептуальных проекта современности: первый – проект Западной (англо-саксонской) гегемонии, реализующийся в мире под прикрытием борьбы за демократию, прав человека и проявляющийся в форме свержения «диктаторских режимов» в различных регионах мира, и второй – проект создания/возрождения Исламского Халифата – имеют свои интересы в регионе, который в настоящее время находится в таком состоянии, что получил название «Афразийской зоны нестабильности». Получилось так, что именно деятельность ливийского лидера полковника Муаммара аль-Каддафи вошла в противоречие сразу с обоими названными «проектами» и мешала их дальнейшему продвижению в регионе. Каддафи сделал попытку объединения и усиления стран Африканского континента, что угрожало интересам англо-саксонского мира, а также построил на территории континента сильное светское государство с чрезвычайно успешной идеологией и социальной системой, что не нравилось сторонникам исламизации региона и представителям радикальных исламистских группировок. Политика Каддафи

– его социалистические идеи, построение светского государства – противоречила интересам монархий Персидского залива - Саудовской Аравии, Катару, Иордании, Бахрейну. Именно Катар является первой ближневосточной страной, которая открыто выступила против Муамара Каддафи на стороне Запада. Катарские власти заявили о готовности быть посредниками по продаже ливийской нефти, для того, чтобы помочь террористам получать гуманитарную помощь. Таким образом, интересы противников Каддафи в определенный исторический период совпали, что сыграло роковую роль в судьбе Ливийской Джамахирии и ее лидера Муаммара аль-Каддафи, а в дальнейшем привело к хаотизации в стране. Плодами ее и пользуются исламистские группировки.

Разумный В.В.

Донецкий национальный университет
ДНР, Донецк

V. V. Razumny

Donetsk National University

Prospects for the Growth of Extremism in the Arab Countries of the Middle East and North Africa

Перспективы развития экстремизма в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки

В начале XXI в. страны Ближнего Востока и Северной Африки превратились в очаги нестабильности. Этому способствовал целый комплекс причин: нерешенные социально-экономические проблемы, коррупция, негативное влияние внешних факторов и противоречивый характер реформ. Но особую роль сыграл религиозно мотивированный экстремизм, который стал важнейшим фактором дестабилизации всего региона. Бунт исламских экстремистов превратил в хаос жизнь таких арабских стран как Ливия, Сирия, Ирак. Об этом пророчески предупреждал еще в 2002 г. ливийский лидер Муамар Каддафи в статье «Война против террора», опубликованной в журнале «Азия и Африка сегодня».

С другой стороны, благодаря непродуманной, а чаще провокационной политике стран Европы и США, в исламском обществе сформировался устойчивый стереотип врага в лице западной цивилизации, с которой не может быть компромиссов!

Необходимо подчеркнуть, что глобальный характер противостояния исламского экстремизма и Западного мира в итоге бумерангом ударит и по государствам Европы. Разрушив режимы в Северной Африке и Ближнем Востоке, США и их союзники спровоцировали многотысячные потоки беженцев, которые несут в том числе идеи радикализма, привели группы шахидов, устраивающих террористические акты на улицах прежде спокойных городов.

Значительную часть радикалов составляют молодые люди из бедных городских кварталов. Отсутствие жизненных перспектив, безработица только усиливает их радикализм. Примером тому служат события 2011 года в Тунисе. Тем легче они воспринимают идеи создания исламистских джамаатов, ассоциаций, где «царят» обычаи взаимопомощи. Эти обещания подкупают молодых людей, ставших членами экстремистских организаций и принявших участие в джихадистских походах против национальных государств, западной культуры и демократии.

Для религиозных экстремистов светские государства являются основными противниками. Именно они стоят на пути распространения экстремистских идей и создания единого квази-государства, основанного на принципах халифата. Наиболее устойчивыми к действиям экстремистов оказались монархические режимы Ближнего Востока и Северной Африки. Там удалось свести к минимуму деятельность религиозных радикалов и стабилизировать политическую ситуацию.

Можно предположить, что в ближайшем будущем активность религиозно мотивированных экстремистов будет и дальше создавать серьезную угрозу для мусульманской Уммы и государств Европы и Азии.

Неклесса А.И.
Институт Африки РАН
Москва
Alexander I. Neklessa
Institute for African Studies
Moscow, Russia

“Islamic State” as a Phenomenon of Stat-Organization

«Исламское государство» как феномен государства-организации

1. Параметры исследования:

1.1 Гипотеза: ИГ/ИГИЛ/ДАИШ это

- * постсовременный/неоархаичный извод феномена государства-организации;
- * подвижное политическое образование, пытающееся воплотить утопию;
- * феномен, развивающийся в контексте имперской деконструкции, стимулируемый постнационально-государственной перестройкой мира.

2. Феномен «Исламского государства»

2.1 «Исламское государство» – легальная манифестация экстремистских исламистских практик, политически и территориально обустроенная в государственном формате, не являющемся характерным для Нового времени типом государственности.

2.2. Деятельная утопия, развивающаяся на трещинах миропорядка как постмодернистский/неоархаичный политконструкт.

2.2. Интернациональная организация, обладающая образом будущего, финансово и ресурсно обеспеченная, активно абсорбирующая адептов и неофитов, использующая современную технику и технологии в военной, финансовой, информационно-пропагандистской, логистической сферах.

2.3. Религиозно ориентированная организация, имеющая подвижную территориальную и виртуальную локализацию, склонная к экспансии, насилию, обладающая доступом к техническому инструментарию и кадровому потенциалу, использующая методы конфессионального доминирования и корпоративной автономии.

3. Государство-организация как Soft state

3.1. Тип властной популяция, возникающий в ареалах несостоявшейся/хрупкой государственности.

3.2. Государство-организация как партийное образование и/или государство-корпорация (централизм, приватизация суверенитета, суверенитет управленцев как «совета директоров», устремленность в глобальное пространство).

3.3. Влиятельная организованность, обладающая продекларированным амбициозным проектом, территорией с неопределенными границами, распределенным множеством анклавов и социокультурно мотивированным населением.

3.4. Совокупность подвижных квази-государств образует собственную нестационарную систему мировых связей, фиксируемую динамичной картографией как сумма переменчивых взаимодействий в формате социальной сети.

4. Характерные черты политикума:

4.1. авторитарная структура власти, возглавляемая профетическим лидером;

4.2. деятельный утопизм как инструмент управления (конфессиональный, идеологический, имперский, этно-национальный, расовый аттрактор);

4.3. обязательная официальная/государственная (политическая, религиозная) идеология, претензия на обладание истиной (тоталитаризм);

4.4. амбиция реконструкции миропорядка; универсальность устремлений и глобальность притязаний (экспансионизм);

4.5. террор, компенсирующий нереализуемость деклараций расширением охвата и ужесточением рестрикций;

4.6. религиозно-интуитивный стиль мышления;

4.7. фанатизм, воинственность, культ силы и лидера, антигуманизм, крайние формы принуждения, культурно-конфессиональный антагонизм, преследования инакомыслящих, преступления против человечности;

4.8. уничтожение культурного наследия, ценностей других культур.

5. Феноменология государства-организации

5.1. Типы: версии государства-организации ИГИЛ (конфессиональные, идеологические, сепаратистские, постмодернистские), затронутые в исследовании.

* Конфессионально ориентированные утопии.

* XX век – идеологически-ориентированные утопии.

* XXI век – психологически и конфессионально ориентированные сообщества.

* В современном мироустройстве: подвижная, распределенная государственность ИГИЛ, конфессионально/идеологически мотивированный сепаратизм, включая Африканский континент: Боко харам, Lord's Resistance Army и т.п.

Секция III-5. Воинственный экстремизм и социальный (бес)порядок в Африке; Африка и глобальный терроризм: ситуация в Сахеле

Panel III-5. Violent Extremism and Social (Dis)order in Africa; Africa and Global Terror: Dimensions of Terrorism across the Sahel

Руководители: *Н. Мачику Нгамени*, Камерун; *А. Иокки*, *К. Касола*, Университет Неаполя «Л'Ориентале», Италия

Conveners: *Nadine Machikou Ngameni*, University of Yaounde II, Cameroon; *Alessio Iocchi*, University of Naples “L’Orientale”, Italy; *Camillo Casola*, University of Naples “L’Orientale”, Italy

Extremism and Social (Dis)order in Africa (proposed by Nadine Machikou Ngameni)

The relationship between violent extremism and poverty is well established. It has been underscored that Boko Haram, AQMI, or Al Shebab initially recruit both in Nigeria, Northern Africa, Mali, Cameroon and Kenya, from the pool of vulnerable, unemployed youths and Almajiris (street children begging in exchange of acquiring Quranic and moral teachings in Cameroon and Nigeria). For the Almajiris and the unemployed young people, without employable skills and the connections to get jobs, the mosque and the madrassa promises food and shelter (Davis 2012). This explanation has to be articulated around push-pull factors such as reputation (hero for defending country and religion), mental manipulation, fighting Islam’s enemies, obtaining paradise (Hassan 2012), etc. These various factors can be linked to a profound transformation of the pattern of social order in the four countries. These transformations are related both to changes of position of the youth, one of the most important segments of social cadets (with the women and the poor, to use the expression of Jean-François Bayart) as against the strong (old, male and wealthy). Marchal (2011) led emphasis on three main tools used by the al-Shabab in the recruitment process. The first one is da’wa and muhadara (orientation) which has a strong impact on the youth because of their age and their lack of religious knowledge. A second important point is the economic reward for killing people. A third tactic is a smart process of de-socialisation/re-socialisation of the young recruits. This has a number of consequences that could be positive (unifying the militias) or negative (provoking more resentment from the lay population) for the violent organisation. (Marchal 2011: 35). In the process, challenging generational privileges is very important and has been underlined by Muhsin Hassan in the driving factors (Hassan 2012). The identity of the youth is also very important in the radicalization process as Abdullahi (2013) rightly argued in the case of northern Nigeria, pointing to suppressed identities and resentments that were dormant during decades of military dictatorship and that emerged with the wave of democratization and have been brought to the forefront of identity contestations especially in the struggle for rights, power, privileges and resources. From 1999 up to now, a large part of generational (youth) identities which hitherto

were at the backstage of events, suddenly rose to prominence, stimulating militancy in the South and insurgency in the North of the four countries. This panel intends to question the complex relationship between violent extremism and the quest for a moral, social and religious order on the one hand, and the production of disorder in Africa on the other hand. Presentations focused on socio-cultural reproduction, the fight against violent extremism and social order and disorder in various parts of Africa will be welcome.

Africa and Global Terror: Dimensions of Terrorism across the Sahel (proposed by Alessio Iocchi and Camillo Casola)

During the last fifteen years Africa has emerged as a relatively new battlefield for the so-called Global War on Terror (GWOT). The rise of Jihadi-Salafi organizations with different domestic and regional agendas represents a crude reality for many African countries, especially in the Sahel: Al Shabaab in Somalia, Al Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM) in Mali along with smaller allied groups and splinter cells, the so-called Boko Haram organization in Nigeria and the Lake Chad Basin; moreover it is possible to observe a rise of countless minor groups. Apart from the often misleading labelling under the “Jihadi-Salafi” category, these organizations share very few features: they resort to a variety of different ways to wage war (guerrilla-style, full-scale war, bush ambushes, etc.) and to support themselves, by exploiting existing trafficking routes, hijacking economic activities and assaulting villages and towns. Meanwhile, at a global level, the call for global Jihad has become more complex, giving place to an effective dichotomy in terms of ideology and strategy: the progressive decline of Al Qaeda and the contemporary rise in importance of Al Dawla Al Islamiyya (Islamic State, IS, banned in Russia and many other countries) represents a further element of destabilization and a sprawl of inner divisions and factional fights. In Africa, the continuing shifting in methods, tactics and strategies bears witness to an increased economic and military capacity of adjustment face to the various State-led responses. This configuration contributes to progressively redefine the evolving role of States and Jihadi-Salafi organizations in the present time. In light of the long academic discussions about the eventual decline of the State in Africa and about the formation of “buffer zones” of discontinuous sovereignty in border and peripheral areas, this panel welcomes papers that examine the current security situation and field practices adopted by both State and non-State actors in different Sahelian and Sub-Saharan countries in relation to terrorist concerns. In which way are those mainly Sahelian states reacting to this relatively new political situation? Which strategies are employed? Which have proved to be more efficient? What is at stake in those peripheral areas? What is effectively at stake in the each State political arena? The panel aims to gather paper which propose to contribute with insights about political and military governance in States facing terrorism activities, about the connection between Jihadi-Salafi organizations and informal (as well formal) actors and about the practices put in place by State and non-State actors to cope with the ensuing humanitarian crisis which terrorism unavoidably

provokes.

Camillo Casola

University of Naples "L'Orientale"

Napoli, Italy

К. Касола

Университет Неаполя «Л'Ориентале», Италия

Проблематизация безопасности в зоне Сахеля: Франция и региональные акторы в малийском кризисе

Problematizing security in the Sahel region: France and regional actors in the Mali crisis

Nowadays, the security situation in West Africa is characterized by the coexistence of a plurality of actors, with competing strategies and aims. France directly engaged in the Mali crisis in 2013, with the deployment of the Operation Serval, then replaced by the Operation Barkhane in 2014. The Sahelian member states gave birth to the G5 Sahel, a regional network constituted in 2014 to coordinate the security policies of Mali, Niger, Burkina Faso, Mauritania and Chad. Others relevant regional actors, such as Morocco and Algeria, play a central role in the security Sahelian scenario, within the framework of bilateral cooperation deals. Last, the terrorist groups linked to Al Qaida (AQIM, Al Murabitun, Ansar Al Din), recently merged in a new jihadist organization under the leadership of Iyad Ag Ghali, identify the main security threat to the stability of the whole west Africa region. The French military, political and diplomatic presence in the Sahel shapes the regional environment. France keeps a huge influence over the construction of regional actors' security strategies, and a strong capacity of conditioning the political leanings of African decision and policy-makers. The African terrorist threat seems to have legitimated internationally the role of France in Africa, allowing the French power to follow the political task of reinforcing its grandeur in the international arena and the status of great power, as

the only western State really able to limit the expansion of the radical islamism in the Subsaharian Africa, the new front of jihad and of “global war on terror”. We’ll try to problematize the security issues in the Sahel region, explaining the dimensions of French counterterrorist engagement with specific reference to the Malian case study, and also exploring the relation between France and all other actors – national or transnational – in the regional security environment.

Sergey V. Kostelyanets

Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Костелянец С. В.
Институт Африки, Москва, Россия

Иностранное военное присутствие в Сахеле: актив или ответственность?

Foreign Military Presence in the Sahel: an Asset or a Liability?

Retrospectively, the expansion of terrorism served as the justification for a number of interventions of Western countries in Africa. In the 1980s-1990s there were relatively few cases: the 1986 Berlin attack led to an American bombing campaign against Libya; the US bombed Sudan after attacks in Kenya and Tanzania in 1998. Since the 2000s, however, and within the context of the War on Terror, there began a rapid expansion of Western – primarily American and French – military involvement in Africa. There have been dozens of new training programs, hundreds of joint exercises, and even increased military presence on the ground. Anti-terrorist operations of the US focused on the key strategic regions: the Sahara/Sahel, the Horn of Africa, and the Gulf of Guinea. In 2007, these were placed under the umbrella of Africom. While formally there is one US military base in Africa – in Djibouti – there are US drone bases in Burkina Faso, Cameroon, Chad, Niger, etc. This network, especially in the Sahel region, is

constantly expanding. The French counter-terrorism effort in Africa is mostly limited to its former colonies in the Sahara/Sahel and the Gulf of Guinea. The initiative in the Sahara/Sahel is dubbed Operation Barkhane and involves cooperation with Burkina Faso, Chad, Mali, Mauritania and Niger. Some 3000-3500 French soldiers are deployed to the two main bases in Chad and Mali and to smaller bases elsewhere in the region. Yet the claim that foreign interventions have not just failed to eliminate terrorism in Africa but actually generated additional terrorism and instability seems to be more and more accurate. This study attempts to explain the phenomenon on the example of the Sahel region and raises the question of whether the Africans should rely on foreign militaries to ensure their security.

Asiya Khalitova

Institute for African Studies, RAS

А. Р. Халитова

Институт Африки, Москва, Россия

Военная и политическая стратегия Франции в Сахеле: война с терроризмом или попытка укрепить свое военное присутствие в Африке?

French military and political strategy in Sahel: fight against terrorism or tentative to strengthen its military presence in Africa?

The author examines the French strategy in fighting against terrorism in Sahel. Ensuring security in Africa is one of the key issues of its African policy. Before the end of the Cold war its policy was to protect the political regimes of its loyal African allies, at present France officially demonstrates its commitment to policy of nonintervention. Nevertheless, its strategy is aimed at ensuring security of French citizens and its business interests in Africa. First of all, its security policy is based on new global challenges such as terrorist threat and spread of asymmetrical conflicts in its key zone – the Sahel region. The French antiterrorist strategy in Africa focuses on its interregional and regional dimension –

establishing of common system of French deployment and conducting military operations under the common regional command. The major French antiterrorist operation in Africa called “Barkhan” (successor of “Serval” in Mali) is spreading overall the Sahel region and has the same command as in fighting against the Boko Haram group. At the same time France declares its key purpose as establishing efficient African national armies and their relative independence from Western partners. According to the author, this new French concept is only declarative, but actually African armies and security policies depend on their French command control. Path dependence is proved not only by such programs as RECAMP aimed at creating identical armies formed by the French military trainers but also by initiating loyal regional interstate groups as antiterrorist G5 or the Group of Five Sahel.

Kira Meshcherina

Илья Васкин

National Research University Higher School of Economics

Moscow, Russia

Мещерина К. В.

Васькин И.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

«Террористическая зима» в эпоху после «Арабской весны» и ее влияние на международную безопасность*

Terrorist Winter in the post-Arab Spring Era and its Impact on International Security

Protests which began in 2010 became known as the “Arab Spring” against authoritarian government in Tunisia quickly spread to another Arab states in North

* The research has been supported by Russian Foundation for basic research. Project № 17-06-000476 “Quantitative analysis and computer modeling of the processes of destabilization of modernizing socio-political systems”

Africa and the Middle East (MENA). The Arab Spring has led to a period of political uncertainty in the affected countries and provided the opportunity to political instability in the Sahel and Sub-Saharan Africa. The fragility of states in Africa created the platform for immediate activity of non-state armed actors in the Sahel and Sub-Saharan Africa, which ultimately impacts negatively on the region. There has been an extraordinary increase in terrorist attacks by Islamic extremist groups connected to al-Qaida and Islamic State in Iraq and Syria (ISIS) across Africa ranging from Nigeria, Burkina Faso to Somalia over the recent years. In addition, terrorism has made it possible for all kinds of criminal activities to thrive in the region. The conflict in Syria 2011 which became increasingly violent resulted in that the ISIS, radical and well-organized Islamist organization, rose to power. ISIS has conquered territory in Iraq and Syria for purposes to establish a renewed caliphate. Thousands of radicalized fighters from around the world, have traveled to Iraq and Syria to join ISIS. Particularly the end of the regimes in some countries like Libya made an access for rebels and terrorist groups to small arms and light weapons, which naturally found their way to the Sahel and other African countries. As an example, the terrorist group Boko Haram which grabbed the attention of the world in 2014 when its members kidnapped over 270 schoolgirls from a government secondary school in Chibok, Nigeria. A year after it pledged its allegiance to ISIS group. Terror attacks raise concern of a new wave of violent Islamic extremism intensifying and spreading in Africa, it also brings into question the capacity of African states to contain the threat, which has wider security implications. Moreover, the terrorist winter as it can be called has undermined the international security. As an example, the recent deadly terror attacks across Europe can make a danger of long-term global destabilization and insecurity.

Alessio Iocchi

University of Naples "L'Orientale"

Napoli , Italy

А. Иокки

Неаполя «Л'Ориентале», Италия

Война, государство и гуманитарная помощь в районе озера Чад: итоги войны без фронта

Visions of war, state and humanitarian aid in the Lake Chad Region: outcomes of a frontless war

From 2013 the Boko Haram crisis resulted in a vast displacing movement of more than 2 million people in the Lake Chad area. A great afflux of more or less 200,000 internally displaced persons (IDPs) and refugees has interested the Lac region of Chad. This region is experiencing a prolonged food insecurity, influenced by drought and repeated crop failures, which has been greatly aggravated by the closing of transborder trade with neighbouring countries. Meanwhile the military deployment disposed by the Lake Chad Basin Commission all over the lake has greatly accelerated the pattern of displacement of several thousands islanders, mainly Buduma, which have found a new home in temporary settlements in the mainland. These shelters have now fostered a resettlement process linked to the provision of services by NGOs: medical services, formal and informal schooling and the assignment of food vouchers and pocket money. This situation has produced a double dynamic: while many IDPs and refugees seek to exploit as long as possible the opportunities provided by NGOs and the relatively easy access to urban centres hitherto unknown, many see their living conditions very limited by the humanitarian machine's constraints. Drawing from fieldwork conducted in six different IDPs and refugees sites in the Mamdi prefecture of Lac Tchad region, this contribution aims to reflect on local perception of State and NGOs interventions, about the progressive redefinition of competences between State and non-State

actors and about the evolution of the so-called Boko Haram war in the wide Lake Chad area.

Abubakar Babajo Sani

Umaru Musa Yar'aduwa University

Katsina, Nigeria

А. Б. Сани

Университет им. У. М. Яр-Адуа

Кацина, Нигерия

Сравнительное исследование выборки исламских антиколониальных и антизападных протестных групп (ок. 1890-х – 2017 г.)

A Comparative Study of Selected Muslim Protest groups against Colonialism, Western Norms and Values in West Africa, ca. 1890s-2017

Since time immemorial West African Muslim communities have been reacting in various ways against the imposition of European rule, Western type democracies, norms and values. This research sees these reactions as protest patterns against institutions that the Muslims deemed novel and therefore protested in various ways. The dimension of these protests is routed in the doctrinal disposition of the Muslim groups. Therefore, what is today seen as radical Islamist and terrorists movements are in reality a form of protests against imposition of European rule, Western norms and values which are considered by the proponents of these movements as un-Godly and un-Islamic. This paper examines and compares the under-pinning doctrinal thoughts, religious practices, relationship of the movements with other Muslims, non Muslim groups and the constituted authorities. The research is streamlined on three laid down principle of reaction in Islamic code regarding colonial conquest, and imposition of alien norms and values: *Jihad* (Holy war) and *Shahada* (martyrdom); *Hijra* (flight); and *Taqiyya* (prudence). All patterns are supported by Islamic ideological positions in a given situation. Example of those groups who chose to protest through violence (*Jihad*

Holy war) and (*Shahada*) are the *Satiru* revolt of 1906 in Sokoto, the *Sanusiyya* inclined protest movement of the Tuareg in Niger under Ag Kaoccen in 1916, the series of *Mahdist* (“messianic”) protest movement under Jibril Gaini and his teacher Hayyat Ibn Sa’id in the Northern Nigeria in the first decade of British rule. There were other *Mahdist* movements such as that of Malam Njidda of Bima hill (1949) in Northern Nigeria; Hanafi of Gwandu in Kebbi kingdom (1965) in Northern Nigeria. All of these had similarity in their protests, by claiming and professing to be “mesiahs”–[*Mahdi*] of their people from oppression and misrule. However, some of them differed a little further, like Hanafi of Gwandu, whose messianic proclamation and doctrine was more violent and extreme. Also included in this category are the *Maitatsine*, *Kala Kato* in Kano, Gombe, Borno, Kaduna in Northern Nigeria in the 1980s and 1990s, *Boko Haram*, the *Ansaruddeen* and other *Al-Qa’ida* groups in Nigeria, Niger and Mali more recently. These categories pursued their protests through extreme violence and considered the attainment of *Shahada* (martyrdom) as ultimate in their agenda. The other form of protest was sometime a combination of *Hijra* (migration) and *Taqiyya* (prudence). This position was largely undertaken by the majority of Muslims in some parts of West Africa. For instance, there were those who migrated physically from their homes during the advent of the colonialists. This was the case of the Tokolor (*Fergo Nioro*), who migrated from the Senegal valley to Sokoto Caliphate in reaction to French conquest; the migration of a large number of Muslims from areas of the Sokoto Caliphate in the first decade of the 20th century to Sudan. However, there were others who resorted to isolationist protest like *Salihawa*, *Digawa* in areas of Northern Nigeria. The *Salihawa* and *Digawa* groups have many similarities with *Maitatsine* creed. The doctrinal thought and religious ideology of the *Salihawa* and *Digawa* groups is traced back to *Mahdism* (messianic belief). Like most *Mahdist*, *Salihawa* and *Digawa* avoid over indulgence in materialism, they therefore avoid welfare facilities from the government, like social infrastructures. Because of their belief on the expectation of the *Mahdi*, *Salihawa* and *Digawa* do not indulge in material acquisition, since they believe the time for the end of the world is near.

They reside mainly in the peri-urban areas not in major towns. *Salihawa* and *Digawa* also build their houses in corn stalk, reeds and hay; they rarely live in mud buildings. The *Salihawa* consider the modern government and all its agencies, and in fact, all modern institutions as un-Islamic or pagan. One general observation also, is that there seems to be similarity in the doctrines of *Salihawa*, *Digawa*, *Maitatsine*, *Boko Haram* and *Ansaruddeen*. Therefore, there seems to be an overlap in the protest patterns and they often convert easily into one another's group. Also it is generally observed that the areas that experienced the *Mahdist* inspired protests in the 20th and 21st century has been the areas that had witnessed the prevalence of such protests since the 19th century.

Maryam Auwalu Yadudu

Hadiya Aliyu

Hajara Garba Magashi

Bayero University, Kano, Nigeria

М. А. Ядуду

Х. Алию

Х. Г. Магаша

Университет им. Байеро, Кано, Нигерия

**Религиозные ассоциации и внутрирелигиозный экстремизм в Нигерии
(на примере Исламского движения)**

**Religious Association And Intrafaith Extremism In Nigeria: A Case Study Of
The Islamic Movement Of Nigeria**

Freedom of Association and Religion as a realm of Fundamental Human Right has been an integral part of modern democracy. Democracies of the world provide their citizens with a secure and stable practicing ground for people of similar ideologies and religious beliefs to associate freely. In recent years, these freedoms have posed great risk to the sovereign integrity of several states. Religious sects are formed to propagate intra and inter faith beliefs, and at times, go as far as creating a state within a state. In Nigeria the Islamic Movement of

Nigeria popularly known as Shi'a sect have been accused of intrafaith propaganda and attacks. The sects are alleged to have a coordinated militia and independent finance thereby, posturing a threat to the military power and sovereign integrity of the state. In fact there has been a series of clash between the sect members and either the Nigerian Military or the Police resulting to the death of hundreds of people. On the other hand, the government has been suspected of denying the followers of this sect their right to freedom of association and religion. This paper seeks to employ a critical approach to look at the freedom of religion vis-à-vis state sovereignty and to explore the challenges and intrigues faced by the state against the backdrop of these freedoms. The paper suggests intra faith dialogue as a soft approach in combatting extremism in Nigeria.

Olatunji A. Olateju

Lagos State Polytechnic

Lagos, Nigeria

О. А. Олатеджу

Политехнический университет
штата Лагос, Икороду, Нигерия

Мятеж Бoko Харам как следствие слабости федерализма в Нигерии

Boko Haram insurgence as a consequence of faltering federalism in Nigeria

The issue I have chosen to examine here, through critical examination of existing literature and through the weight of evidence is how Nigeria's faltering federalism coupled with poverty, social exclusion, corruption and crisis of governance remain the chief factors of the Boko Haram insurgence in the North-eastern region of Nigeria. This is done by the people as an attempt at displaying their discontents with the Nigeria project and to affirm their socio-cultural identity. The analysis herein is situated within a pluralistic theoretical framework of ethnic identity and class analysis. This framework, which I refer to as national question

determinism is considered to be broader than economic determinism that only concentrates on economic relationship to explain the social processes that shape society and history. The fact that the national question determinism provides the historical explanatory tool for the interplay of social forces that combine with economic relationship to propel the national question and socio-economic processes that shape society and history, and doing so in the context of political, cultural and environmental processes makes it more appropriate for our understanding of the Boko Haram insurgency. It is opined here, that we can only correctly capture the genesis of Boko Haram crisis in this theoretical context through the history, identity, economy and degree of independence of the North eastern region in relation to other regions in Nigeria. It is considered as well that the root of any social situation or conflict does not necessarily lie only, as identified by Marx and Engels in the economic relationship but when such relationship combines with the difficulties of other social forces such as unequal treatment or tyrannical suppression of the people and opposition.

Tatiana Smirnova

CESSMA, Paris

Смирнова Т.

Центр африканских, американских
и азиатских исследований
Париж, Франция

**Гуманитарная помощь и война с Бoko Харам: взгляд с точки зрения
международных исламских и «западных» НГО в Нигере**

**Humanitarian relief and Boko Haram war through the lens of International
Islamic NGOs and their “western” counterparts in Niger**

The Boko Haram war provoked a disaster in the Lake Chad Region leading to the displacement of more than two hundred people in the south-east of Niger, supported by numerous Non-Governmental Organizations (NGOs), European Union programs as well as by different UN agencies. The phenomenon of NGOs

assistance is far from being new in Niger: first international NGOs came to Sahel with the famine relief in the beginning of the 1970s; they rapidly became important actors in the humanitarian and development arena through 1990s - 2000s. Nevertheless, the overwhelming presence of “western” secular and Christian agencies in the context of war against Boko Haram, organization calling itself the “Group of the People of Sunnah for Preaching and Jihad” and thus explicitly referring its religious dimension - could not be taken for granted. On the contrary, the absence of international Islamic NGOs in the southeast of Niger should be questioned. In fact, given the gravity of the humanitarian disaster caused by Boko Haram and growing opportunities for funding connected to the internationalization of the “Lake Chad crisis”, one would have expected Islamic NGOs to be actively involved in the humanitarian response, as well as their “western” counterparts are. Moreover, the coexistence between “traditional” and “western” types of humanitarian aid had already taken place during two major food crisis in 2005 and 2010 when Islamic-faith-based organizations, like Qatar Aid and Islamic Relief prompted important assistance while acquiring at the same time a substantial experience in “translating” aid programs to beneficiaries in Islamic terms. Nevertheless, in the context of war on Boko Haram it was not the case: international Islamic NGOs are not present in a visible way in the region of Diffa that has been served as a sanctuary for Boko Haram. Were they intentionally marginalized by “Western” actors, because of the mistrust followed by presuming connections of Islamic associations with “jihadist” activities? Or, did they censor themselves in order not to be accused in the connections with transnational “terrorist” funding? The objective of the contribution is to question the construction of the humanitarian governance in Niger through the interaction between “western” humanitarian actors, Islamic actors and the State in the context of struggle against Boko Haram.

Ibrahim Ndzesop

University of Paris

И. Ндзесоп

Университет Парижа-1
Пантеон-Сорбонна, Франция

Рекрутирование в Бока Харам в Камеруне: возможности и ограничения

Recruiting into Boko Haram in Cameroon: Opportunities and Constraints

Terrorist groups, like all other armed legitimate and illegitimate organizations, face the challenge of militant manpower. Mobilizing this manpower is a vital need which though revered by policy maker, has attracted a huge literature. Most publications in the last decade on recruitment methods into terrorist organisations have focused on the use of modern technology, especially social media. However, the recruitment of young people in the ranks of Boko Haram in Cameroon has remained tradition, using tribal and peer channels. This paper is based on field research in the north of Cameroon where a war against Boko Haram has been raging since 2014 and where most candidates for recruitment live. The paper examines the motivation for youths who have been recruited and assesses the mechanisms set up by stakeholders to deter candidates from recruitment. The paper concludes that most recruits do not have any ideological/religious impulses, their basic motivation being socio-economic. The paper also notices that government strategies of deterrence has mainly been military, thereby creating a dichotomy between the motivations of recruitment and the solutions of deterrence.

Блок IV. История Unit IV. History

Секция IV-1. Современные проблемы изучения истории Африки Panel IV-1. African History Studies: The State of the Art

Руководители: *Давидсон А.Б.*, НИУ ВШЭ, Москва; *Сидорова Г.М.*, Институт Африки РАН, Москва

Conveners: *Apollon B. Davidson*, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia; *Galina M. Sidorova*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

На заседании секции планируется рассмотреть вопросы, связанные с новыми проблемами современности относительно изучения истории Африки. Будут затронуты вопросы изучения этих проблем в неразрывной связи с традициями прошлого, установлением связи времен. Учитывая это, важно хранить память о тех людях, которые стояли у истоков африканистики, знать трагические судьбы первых советских африканистов, заложивших основы африканистики как науки. Большинство из них так или иначе пострадало в годы сталинских репрессий.

В XXI веке изменились международные отношения. Изменилась и Африка во всем ее многообразии. Голос Африки все больше звучит с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, в СБ ООН и других международных организациях. В этих условиях надо ставить новые задачи, которые должны быть связаны с опытом отечественной африканистики, как позитивным, так и негативным. Без знаний исторического прошлого Африки трудно понять и разобраться в современных процессах, происходящих на континенте.

In the panel session it is planned to consider the question which are related to new problems (issues) of modernity about the historical studies of Africa. Studies of the problems will be covered with inextricable connection with the traditions of the foretime, connection establishment of the times. Considering it, it is necessary to cherish the memory of those people who stood at the origins of the African Studies, to know the tragic fates of the first Soviet Africanists, having formed the basis of the African Studies as a science. Most of them got hurt one way or another in the years of the Stalinist repressions. In the 21st century the international relationships have changed. Also Africa has changed with its varieties. The voice of Africa rings from the tribunes of General Assembly of the UN, in the United Nations Security Force and in other international organizations. Within these conditions it is essential to assign the new tasks which should have relation with the both positive and negative experience of the Soviet African Studies. Without knowledge of the historical past of Africa it is difficult to

understand and make sense of the modern process, happening in the continent.

Балезин А.С.
ИВИ РАН, Москва
Alexander S. Balezin
Institute of World History
Moscow, Russia

Russian Translation of the Book by Paul von Lettow-Vorbeck “My Memories of East Africa and Its Significance

Русский перевод книги П. фон Леттов-Форбека «Мои воспоминания о Восточной Африке» и его значение

Автор книги – немецкий генерал, командовавший колониальными войсками Германии в Германской Восточной Африке (Танганьике) в годы первой мировой войны. По-немецки книга была издана в 1920 г, а в 1927 г. вышел ее русский перевод.

В СССР книга была издана в издательстве «Военный вестник», поскольку по мнению военных специалистов Красной Армии, представляла ценный, достойный изучения опыт ведения малой партизанской войны с превосходящими силами противника.

Однако значение русского перевода книги значительно шире. Она давала читателю интересные и практически не известные сведения о Танганьике. И это касается не только жизни немецких поселенцев, но и экстрарелигиозной миссионерской деятельности, например, по повсеместному распространению европейских ремесел, о чем даже специалисты не всегда были осведомлены.

Советский читатель мог найти в этой книге и интересные заметки о коренном населении Танганьики, например о высоком уровне развития традиционных ремесел – кузнечного, ткацкого, плетения корзин. Есть яркое описание масаев, сведения об одном из видных героев антиколониального сопротивления народов Восточной Африки – Мкжавы.

Таким образом, советский читатель, не избалованный в те годы сведениями а внутренних районах Африки, тем более из первых рук, получил

ценную информацию о нынешней материковой части Танзании.

The author is a German General, the commander of German colonial troops in East Africa (Tanganyika) during the World War 1. In German the book was published in 1920 in Leipzig, and in 1927 in Moscow was published its Russian translation.

In USSR the book was published by the publishing house "Voyenni Vestnik" (Military messenger), as in the opinion of military experts of the Red Army, it gave a valuable experience of a small guerrilla war against the superior forces of enemy.

However, the significance of the Russian translation of the book is much wider. It gave the reader interesting and practically unknown details about Tanganyika. And this applies not only to the life of the German settlers, but to extra-religious missionary activities, for example, in teaching Africans in European handicrafts.

The Soviet reader would find the book interesting notes about the indigenous population of Tanganyika, for example about the high level of development of traditional crafts – blacksmithing, weaving, basketry. There is a vivid description of the Masaya people, information about one of the prominent heroes of anti-colonial resistance of the peoples of East Africa – Mkwawa etc.

Thus, the Soviet reader, having in those years but very little data about the interior parts of Africa, especially first hand, received valuable information on what is called now Mainland Tanzania.

Мазов С.В.

ИВИ РАН, Москва

Sergey V. Mazov

Institute of World History

Moscow, Russia

The USSR and the Congo Crisis (1960-1964): Causes of Failure

СССР и конголезский кризис (1960-1964): причины поражения

Конголезский кризис (1960-1964 гг.) – единственный кризис в истории холодной войны, который закончился полной победой Запада. Вопрос о причинах советских неудач в Конго остается дискуссионным. Их объясняют как субъективными («авантюризм» Н.С. Хрущева, или, напротив, «циничный прагматизм» советского лидера), так и объективными (обреченность на военное поражение в далекой африканской стране при отсутствии авианосцев и возможностей создать воздушный мост) факторами. Слабо исследована проблема «качества» советских партнеров в Конго. Премьер-министра Патриса Лумумбу, его преемника Антуана Гизенгу, президента Ганы Кваме Нкруму часто зачисляют в союзники СССР, замалчивая факты, которые не вписываются в «союзническую» схему.

На основе отечественных и британских архивных документов автор показал, что одной из главных проблем, с которой СССР столкнулся в Конго, было отсутствие там надежных союзников. Для Лумумбы альянс с СССР был в определяющей степени ситуационным и вынужденным как единственный шанс сохранить территориальную целостность Конго. Яркая личность и блестящий оратор Лумумба оказался несилён в реальной политике: был импульсивен и эмоционален, склонен к романтизму, доверчив на грани наивности, плохо просчитывал последствия своих действий. Адекватно ответить на многочисленные внутренние и внешние вызовы он не сумел. Гизенга не обладал харизмой Нкрумы, был излишне осторожен, нерешителен. Стратегия Нкрумы состояла в лавировании между СССР и

США для получения от обеих сверхдержав максимальных средств на задуманную им форсированную индустриализацию Ганы. Планы африканизации урегулирования кризиса, создания Африканского командования, широко Нкрумой пропагандируемые, были не фундаментальными константами его конголезской политики, а предметом торга в переговорах с СССР и США. Сложившийся июле-августе 1960 г. на почве поддержки правительства Лумумбы советско-ганский альянс в Конго был ситуационным, не союзническим. Он распался в феврале 1961 г., когда стало понятно, что Советский Союз не готов эффективно противостоять Западу в Конго.

Андреева Л.А.
Институт Африки РАН, Москва
Larisa A. Andreeva
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Study of “Southern Christianity” in Tropical Africa in the 21st Century

Проблема изучения феномена «южного христианства» в Тропической Африке в XXI в.*

Рассматривается проблема изменения традиционной этническо-географической локализации христианства в начале XXI века, перемещение мирового центра христианства с «глобального Севера» в страны «глобального Юга» и как следствие формирование нового течения в христианстве – «южного христианства». Для анализа религиозности «южных христиан» был выбран один из регионов глобального Юга – Тропическая Африка, которая демонстрирует внушительные темпы роста числа мировых христиан и к 2050 году прогнозируемо станет мировым центром «южного христианства». Согласно прогнозам «Будущее мировых религий» в период

* Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00148 «Православные и старообрядцы в Уганде: социокультурные процессы в африканских христианских общинах».

между 2010 и 2050 годами крупнейший рост христианского населения в процентном выражении произойдет в Африке к югу от Сахары (115%). Этот регион, как центр формирования южного христианства важен еще и по той причине, что здесь самое молодое христианское население, которое будет формировать и определять «южное христианство».

На основании анализа религиозности «южных христиан» были сделаны выводы, что в «южном» христианстве мы видим не только географические, но и глубокие качественные его отличия от христианства Запада – «северного» христианства, что позволяет определять его как нарождающуюся новую глобальную реальность, как «следующее христианство». Христианство стремительно перемещается от образа жизни по европейскому образцу (антропоцентризм, мировоззренческая толерантность, демократия, права человека, общество потребления) за пределы устоявшихся веками институциональных форм и традиций. «Южное христианство» - это религия бедных и обездоленных, для которых евангельская бедность не является метафорой. Все особенности, присущие «южному христианству», именно: религиозный фундаментализм, как вера в божественный правопорядок, восприятие истин откровения в буквальном смысле, как если бы это были рекомендации к социальной активности, реальное, а не метафорическое ожидание чудес, теократия как единственно правильное устование земного «должного», симбиоз традиционного христианства и традиционных религиозных культов, что ведет в восприятию Христа как предка, целителя, великого знахаря, все это вряд ли позволит объединить его с традиционным христианством т.н. «глобального Севера». С другой стороны, если христианство сможет обновиться и обрести жизненную силу, то это может стать следствием того, что христианство вышло за рамки традиционного христианского мира.

The paper is on the problem of changing the traditional ethnic and geographical localization of Christianity at the beginning of the 21st century (i.e. the transfer of the world center of Christianity from the "Global North" to the countries of the "Global South" and, as a consequence, a formation of the new trend in Christianity - "southern Christianity"). Tropical Africa was selected for an analysis of religiosity of the "southern Christians" because it demonstrates the impressive growth of the number of World's Christians, and it is to become (predictably) the world center of "Southern Christianity" by 2050. In accordance to forecasts, called "The future of world religions", between 2010 and 2050 the largest increase in the Christian population in percentage will occur in sub-Saharan Africa (115%). This region, as the center of the formation of southern Christianity, is also important because there is the youngest Christian population that will form and define "Southern Christianity."

We can notice not only geographical but also profound qualitative differences between "Southern" Christianity and the Christianity of the West ("northern" Christianity), So we can define "Southern" Christianity as a nascent new global reality, "The Next Christianity." This conclusion is based on the analysis of the religiosity of the "Southern Christians".

Christianity is rapidly shifting from the way of life that is based on the European model (i.e. anthropocentrism, ideological tolerance, democracy, human rights, consumer society) beyond the centuries-old institutional forms and traditions. "Southern Christianity" is a religion of the poor and disadvantaged people. Evangelical poverty is not a metaphor for them. There are specific features of "Southern Christianity", namely: religious fundamentalism as faith in the divine legal order; the perception of the truths of revelation in its literal sense, as if they were recommendations for social activity; real rather than metaphorical expectation of miracles; theocracy as the only rightful method of organization of Earthly order; the symbiosis of traditional Christianity and traditional religious cults, which leads to the perception of Christ as an ancestor, great healer. It is unlikely that all these unite "Southern Christianity" and the traditional Christianity

of the "Global North." On the other hand, if Christianity is able to be renewed and gain vitality, it might be a consequence of the fact that Christianity has transcended the traditional Christian World's limits.

Антошин А. В.
УГФУ, Екатеринбург
Alexey V. Antoshin
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Formation of Ideas about the Countries of West Africa in the Population of the USSR in the Conditions of the Cold War (On the Materials of the Southern Urals)

Формирование представлений о странах Западной Африки у населения СССР в условиях холодной войны (на материалах Южного Урала)

История советской политики в Западной Африке уже становилась объектом специального изучения (в первую очередь здесь следует упомянуть, конечно, известную монографию С. В. Мазова). Однако возникает вопрос: какое представление имели о данном регионе Африки жители советской «провинции»? Какими методами осуществлялась государственная политика по формированию «идеологически правильного» образа Западной Африки? Как показывают привлеченные автором архивные материалы из фонда Оренбургского (Чкаловского) обкома ВКП (б) – КПСС, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО), а также региональная пресса, советский пропагандистский аппарат уделял некоторое внимание формированию у населения определенных взглядов на ситуацию в Африке (в том числе и Западной). Население советской «провинции» получало возможность ознакомиться с базовыми фактами, характеризующими обстановку в регионе. Естественно, что эти факты носили определенную идеологическую окраску, основное внимание уделялось успехам «социалистического строительства» в Гане, Гвинее, Мали и т.д. Развивались региональные экономические связи, в которых участвовали и предприятия Оренбургской области. Гана и Мали,

например, получали промышленное оборудование, произведенное на Бузулукском и Орском заводах. Среди тех советских специалистов, которые работали в странах Западной Африки, были и жители Южного Урала. Их свидетельства о пребывании на Черном континенте публиковались в региональной прессе и также способствовали формированию некоторых представлений об Африке у населения Оренбуржья.

History of Soviet policy in West Africa was already an object of special analysis (we can note particularly well-known monograph by Sergey Mazov). But there is a question: what ideas about Africa had population of Soviet “province”? What methods used Soviet officials to form needed image of West Africa? The author uses materials of the Orenburg (Chkalov) committee of Communist Party (deposited at Orenburg regional archive) and regional press. These materials show us that Soviet propaganda apparatus paid some attention to Africa in its activity. Population of Soviet province received some information about situation in this region. Certainly, such information had ideological character, the main attention was given to the “socialist tendencies” in economy of Ghana, Guinea, Mali etc. There was regional economic cooperation between Africa and Orenburg. For example, Ghana and Mali received industrial machines made in Buzuluk and Orsk factories. Some specialists from Southern Urals worked in West Africa in 1960s-1970s. Their memoirs about Africa were published in regional press and also helped Orenburg population to form some ideas about Africa.

The Cultural Policy of Three Ethiopian Monarchs (1682-1755)

Культурная политика трех императоров Эфиопии – Иясу (1682-1700), Давида III (1716-1721) и Иясу II Куарийца (1730-1755)

1. В конце XVIII в. все важнейшие эфиопские центральные, южные и северные провинции Эфиопии, находящиеся во враждебных отношениях друг с другом, были объединены императором Иясу I, за что тот был назван Великим. Частью его культурной политики было основание новых монастырей и строительством церквей.

В соответствии с традицией Иясу I основал прекрасный монастырь Дэбрэ-Бырхан Селассие, который стал одним из центров интеллектуальной жизни страны. Однако Иясу I интересовали не только храмы, но и религиозная литература. Расцветает поэзия, активно пишутся биографии эфиопских правителей.

2. Культурная политика Давида III (1716- 1721) : император был большим любителем песен и танцев, за что получил прозвище «певец». В Гондаре по велению Давида был возведен единственный в своем роде в средневековой Эфиопии «концертный зал» для исполнения песен и танцев.
3. Иясу II Куариец (1730-1755) занимал особое место в истории эфиопской культуры. Он придавал большое значение развитию образования и был первым в стране, кто пытался стимулировать его развитие. Так, он устраивал званые обеды для тех, кто не только приобщался к науке чтения и письма, но и переходил на следующие стадии обучения, вплоть до искусства стихосложения, за что получал более изысканные яства.

4. Вскоре Гондар превратился в центр интеллектуального развития страны. Иясу учредил также пенсии и взял на себя содержание ученых, занятых переводом книг с арабского на геэз. Эти переведенные книги император распределял затем между различными монастырями. Самое большое число книг было собрано им в построенном на одном из островов оз.Тана, монастырь Св.Габриэля (Гавриила).
5. Наряду с литературой и культовой архитектурой , большое развитие получила живопись, в особенности искусство книжной миниатюры и настенной фрески.
6. Стили и содержание живописи Гондарского периода заметно отличались от прежних образцов средневекового искусства.
7. Время с XVIII до начала XIX в. в Эфиопии явилось одним из самых плодотворных периодов ее культурного развития.

Коробов С.А.
ИАФР РАН, Москва
Simeon Korobov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The “Ventimila” – A Page in the History of the Italian Colonization of Libya

«Двадцатитысячники»: из истории итальянской колонизации Ливии

История итальянского империализма в немалой степени является также и историей неудачного колониализма. Несмотря на то, что каждый год, десятки тысяч итальянских крестьян покидали свою страну в поисках лучшей судьбы и несмотря на то, что фашистское правительство Италии с самого начала своего существования определяло так называемый «крестьянский колониализм» как один из своих приоритетов в своей колониальной политике, Италия никогда не достигла сколь-нибудь масштабных успехов в деле перенаправления потока переселенцев в собственные колонии. К концу

колониального владычества в итальянской восточной Африке, включающей как старейшие колонии Италии (Эритрею и Сомали) как и новейшую (Эфиопию), в эту колонию переселилось около 165 тыс. итальянских колонистов, из которых многие рассматривали ее как временное пристанище. Более успешной была политика заселения Ливии, которую многие итальянские публицисты и пропагандисты даже называли четвертым берегом Италии. Успех тем более заметен, учитывая тот факт, что Ливия пустынна и большей частью негодна для заселения. Особенно следует отметить так называемых «двадцатитысячников», сельских переселенцев, которые колонизировали некоторые районы Киренаики в конце 1930-х. Политика нового, решительного и авторитетного генерал-губернатора Ливии, Итало Бальбо, не могла терпеть тех провалов, которые были характерны для итальянской колониационной политики предыдущих лет. Для Итало Бальбо, который был популярным пилотом и фашистским деятелем в Италии, и который был отправлен Муссолини в Триполи как в почетную ссылку, переселение 20 тыс. колонистов практически в один день было способом заявить о себе. Для властей в Риме, это был последний шанс воплотить наконец то, о чем они говорили уже свыше 20 лет, и превратить Ливию в итальянскую не только по праву завоевания, но и по составу населения колонию.

Таким образом, были выбраны лучшие земли в Киренаике, на территории которых были отстроены несколько поселений, с готовыми домами и объектами инфраструктуры. Территория вокруг них были разделена в участки, и вместе с необходимым инвентарем передавалась колонистам. В 1938 г., практически в один день, «двадцатитысячники» прибыли из Италии конвоем кораблей и вступили во владение выделенных им земель.

The history of Italian imperialism to a large extent is also the history of failed colonization. Despite the fact that every year, tens of thousands of Italian

peasants left their country in search of a better life and despite the fact that the fascist government of Italy from the beginning of its existence has defined the so-called "peasant colonialism" as a priority of its colonial policy, Italy never achieved any large-scale success in redirecting the flow of immigrants to its own colonies. By the end of colonial rule, the Italian population of Italian East Africa, which included both the oldest colonies of Italy (Eritrea and Somalia) and the latest (Ethiopia) numbered about 165 thousand Italian colonists, many of whom viewed it as a temporary sojourn. More successful was the policy of colonization of Libya, which many Italian publicists and propagandists even called the fourth shore of Italy. The success was all the more notable, given the fact that Libya is desert and for the most part unfit for settlement.

Particularly noteworthy were the so-called "ventimila", country settlers, who colonized some regions of Cyrenaica in the late 1930s. The policy of the new, decisive, and authoritative Governor-General of Libya, Italo Balbo, could not tolerate those failures that were characteristic of Italian colonization policy of previous years. For Italo Balbo, who was a popular pilot and the fascist leader in Italy and was sent to Mussolini in Tripoli as a form of honorable exile, resettlement of 20 thousand colonists almost one day was a way to remind the public of himself. For the authorities in Rome, it was the last chance to realize, finally, what they talked about for over 20 years, and to turn Libya into an Italian territory not only by right of conquest, but based also on the composition of its population.

Therefore, the best land in Cyrenaica was selected, on which several settlements were built, including houses and infrastructure. The area around them was divided into sections, and with the necessary agricultural equipment were transferred to the colonists. In 1938, in nearly the space of a day, the "ventimila" arrived from Italy on a convoy of ships and took possession of their lands.

Львова Э.С.
ИСАА МГУ, Москва
Eleonora S. Lvova
Lomonosov Moscow State University
Russia

The Notes by Faculty Members of Russian Universities of Their Trips to East Africa in the Early 20th Century

Записки сотрудников Российских университетов о поездках в Восточную Африку в начале XX века

Вклад русских путешественников XIX в. (А.К.Булатовича, Ф.Ф.Юнкера, Е.К.Ковалевского и ряда других) достаточно хорошо известен. Однако почти не востребовано наследие ряда сотрудников Московского и Санкт-Петербургского университетов, побывавших в экспедициях в Восточной Африке в начале XX века. В работах, посвященных россиянам в Африке, о них не говорится вообще или есть лишь упоминания в несколько строк. Между тем, они оставили интересные наблюдения ситуации в странах этого региона. Это сотрудники Московского университета И.И.Пузанов (1910 г. -Судан), В.В.Троицкий (1912 и 1914 гг. - Кения и Танганьика), В.Н. Никитин (1914 г.- Кения, Уганда, Танганьика) и представители Санкт-Петербургского университета Догель и Соколов. Одни, как Пузанов И.И., В.Н.Никитин, Догель и Соколов издали свои отчеты сразу по прибытии в академических или университетских журналах (ныне забытых); другие — как В.В.Троицкий — спустя полтора десятка лет, а дневник Соколова был опубликован нашими коллегами из Университета Санкт-Петербурга лишь относительно недавно.

Никто из них не был ни историками, ни антропологами. Они были натуралистами, а в то время это предполагало изучение как естественной истории, так и географии и антропологии «естественного человека». Их основной целью было изучение флоры и фауны региона, сбор зоологических и ботанических коллекций. Однако параллельно они создавали и этнографические коллекции, передавая их затем в свои университеты;

описывали и жизнь местных жителей. В их записках мы видим пестроту этнической картины; миграции и традиционные и экономические; зачатки складывания инонациональных общин (которые и поныне занимают значимое место в экономике и политике стран региона); описания жилищ, одежды, занятий местных жителей и т.п. Авторы (в разной степени подробности) дают сравнительное описание действий колониальных администраций Великобритании и Германии, соперничество европейских монополий, пытаются предложить прогнозы развития Восточной Африки. Первая мировая война прервала эти исследования, но сами заметки остаются интересным источником для африканистов.

Щербаков Н.Г.
ИВИ РАН, Москва
Nikolay G. Shcherbakov
Institute of World History
Moscow, Russia

“The Most Important Goals of Our Studying of Africa” – An Estimation of Research Approaches Half a Century Later

«Важнейшие задачи нашего изучения Африки»: оценка исследовательских подходов полвека спустя

Пятьдесят лет назад в феврале 1966 г. военный переворот в Республике Гана стал первым подобным событием в англоязычной Черной Африке. Оказались дискредитированы прогнозы и ожидания, связанные с курсом харизматичного Кваме Нкрумы. Предшествовавшие этому перевороту аналогичные процессы в странах Магриба – в Египте и Алжире и продолжившаяся серия переворотов в странах Западной Африки поставили перед отечественными африканистами задачу выявить какие-то общие закономерности в череде подобных перемен. В марте 1966 г. по «горячим следам» событий в Гане в МИД СССР был представлен объемистый документ – секретная аналитическая записка «Теория и практика военных переворотов в современной Африке», призванный помочь

внешнеполитическому ведомству в развитии отношений с новыми государствами континента в сложившихся непростых условиях. Официально записка была направлена от имени Президиума АН СССР, а подготовлена она была в сжатые сроки в одном из самых молодых академических институтов – Институте Африки под руководством его директора В. Г. Солодовникова. Уже в сентябре того же года вдогонку этому документу в МИД из Института Африки поступил еще один не менее подробный «закрытый» анализ положения в Африке южнее Сахары в контексте перемен, последовавших за военными переворотами. Позднее, оценивая по поручению директивных органов промежуточные итоги своей деятельности, Институт Африки посчитал проведенный анализ «теории и практики» военных переворотов одним из своих важнейших достижений. В современных условиях в отечественной африканистике накоплен большой опыт изучения государственности, процессов передачи власти и сопутствующих социально-экономических перемен в африканских обществах. Изучение принципов подобного анализа на основе ставших доступными сегодня архивных материалов МИД РФ, которыми руководствовались наши предшественники в конце 60-х годов прошлого века и которые десятилетиями определяли существо взаимоотношений нашей страны с государствами Африки, представляется сегодня актуальной задачей.

Воеводский А.В.
НИУ ВШЭ, Москва
Alexander V. Voevodsky
National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russia

The Mission of William Shrewsbury to the Xhosa in 1827-1835: Searching the Ways to Christianing and “Civilizing” Africans in South Africa

Миссия Уильяма Шроузбури к коса в 1827-1835 гг.: поиски путей христианизации и «цивилизации» африканцев Южной Африки

Ульям Шроузбури (1795–1866) несмотря на относительно непродолжительное пребывание в Южной Африке оставил заметный след в истории миссионерского движения. Он основал самую отдаленную от границ Капской колонии миссию на территориях коса, располагавшуюся рядом с резиденцией инкоси Хинцы. Шроузбури находился фактически в эпицентре событий во время очередной пограничной («кафрской») войны 1834–1835 гг. и участвовал в разработке плана умиротворения восставших коса.

Помимо вовлеченности в вопросы колониальной политики, Шроузбури в первую очередь оставался миссионером и проповедь христианства среди «язычников» являлась его главной целью. Дневник, который он вел на протяжении всего пребывания среди коса, содержит ценные сведения о тех трудностях, с которыми сталкивались миссионеры в своей повседневной деятельности, а также размышления Шроузбури о необходимых мерах по устранению препятствий на пути распространения христианства, вопросах образования и приобщения африканцев к «цивилизованному» образу жизни. Особое значение его дневниковым записям придает то, что они сохранили его личностное отношение и оценки, что позволяет проследить механизмы формирования стереотипов восприятия культуры коса. Первоначальный энтузиазм, который он, подобно многим другим своим современникам, испытывал по поводу перспектив принятия африканцами христианства, очень быстро сменился глубоким разочарованием. Его ожидали со стороны коса подозрительность, сомнения и скептицизм, которые постоянно грозили

перейти в открытую враждебность. Во многом это стало причиной негативных оценок, которые высказывал Шроузбури, утверждая, что безнравственность и коварство африканцев — главная причина конфликта колонистов и коса.

Мнение Шроузбури и других миссионеров, проживших долгое время среди африканцев, приобретало для своего времени характер экспертной оценки, в соответствии с которой принимались и обосновывались конкретные шаги в колониальной политике. Поэтому тем важнее обращаться к истокам и причинам формирования этих представлений.

Филатова И.И.

НИУ ВШЭ, Москва

Irina I. Filatova

National Research University – Higher School of Economics

Moscow, Russia

The Armed Struggle against Apartheid in Memoirs of Participants

Вооруженная борьба против апартхеида в воспоминаниях участников

За последние два десятилетия ветераны вооруженной борьбы против апартхеида опубликовали немало воспоминаний об этом периоде своей жизни. В докладе делается попытка обобщения их политических взглядов, их видения ситуации в ЮАР и в других странах Африки, их впечатлений о военной и политической подготовке, которую они получали и о военных действиях, в которых они участвовали, а также о бытовых условиях, в которых они жили, и о странах, где им довелось побывать, в том числе об СССР.

In the last two decades veterans of the armed struggle against apartheid published a substantial number of memoirs about this period in their lives. This paper is an attempt to present a summary of their political views, their vision of the situation in South Africa and in other African countries, their impressions about

their military and political training, about military actions in which they participated, about conditions in which they lived, as well as about the countries which they visited, including the Soviet Union.

Курбак М. С.
ИВИ РАН, Москва
Maria S. Kurbak
Institute of World History
Moscow, Russia

The Problems of Contemporary South Africa in the Works of Afrikaner Writers

Современные проблемы ЮАР в произведениях писателей-африканеров

С 1948 г. до конца 1980-х гг. главной темой южноафриканской литературы была политика апартхейда, ее разрушительное воздействие на жизнь людей, а также борьба за равенство всех рас и наций. Среди «литературы протеста» немалую часть составляли произведения африканеров, вставших на сторону борющихся против апартхейда. Лишь немногие задумывались о том, что ждет их после победы в этой борьбе. После освобождения Нельсона Манделы из заключения и первых демократических выборов 1994 г., южноафриканское общество охватила эйфория. Казалось, что в новой демократической ЮАР, которая принадлежала теперь жителям всех рас и наций в равной степени, жизнь станет справедливой и комфортной для всех. «Мы совершили невозможное. Нужно только наладить остальное», - писал Андре Бринк, один из самых известных южноафриканских писателей-африканеров в 1991 г. Таким же радужным было восприятие перехода власти писательницей Надин Гордимер.

Однако были среди африканерских писателей и те, кто более пессимистично оценил утрату африканерами их прежних привилегий. Так, Реза де Вет в 1990-х написала несколько пьес, в которых главным настроением была тоска по прошлому порядку и осознание того, что

«африканеры потеряли все». Сомнениями в будущем «радужной нации», тревогой перед грядущими переменами и мыслями о неминуемой расплате за грехи прошлого пропитал роман «Бесчестье» Дж.М. Куцие.

Когда Манделу на посту президента ЮАР сменил Табо Мбеки, а затем Джейкоб Зума, стало очевидно, насколько сложной оказалась эта новая демократическая реальность. Коррупция, высокий уровень преступности, нищета, ксенофобия, падение уровня образования, СПИД и др. вышли на передний план в произведениях почти всех писателей-африканеров (Кристофера Хоупа, Марка Бера, Надин Гордимер, которая глубоко разочаровалась в АНК и его политике, Ивана Владиславича и др.). В их работах часто прослеживается ностальгия по прежней Южной Африке, попытки поразмышлять о ее прошлом и настоящем, о месте африканеров в ее истории, о расплате за ошибки прошлого и о том, как выжить в меняющейся Африке и меняющемся мире.

Hilary Lynd
University of California, Berkeley
Хилари Линд
Университет Калифорнии, Беркли

The Rainbow People of God Desmond Tutu and the Search for Unity in Diversity

In the final years of the anti-apartheid struggle, Archbishop Desmond Tutu anointed South Africans the “Rainbow people of God.” As the 1980s went on, Communists and Christians, leftists and liberals, mining magnates and mineworkers, increasingly found themselves on the same side of a fight against a ruling bloc that seemed to be losing faith in its own right to rule or, at least, its ability to repress. UDF and ANC activists were at pains to turn such diversity and pluralism into a strength, rather than a weakness. To do so convincingly, they needed a common symbolic language. To be effective, this language would have to be pointed enough to be inspiring, while vague enough to smooth over (or

postpone) the serious differences in opinion that lurked within the broad church. With its emphasis on forgiveness, tolerance, and unity in diversity, Tutu's idea of a Rainbow Nation served to soften and postpone conflict in a starkly unequal society. Rainbow nationalism gave a political cushion to economic policies that might be individually painful by refocusing attention towards the collective, replacing the suffering 'I' with the striving 'we.' This paper will explore the narratives and symbols that the ANC used to promote unity in diversity, and it will conclude with some reflections on the weaknesses and failures of those efforts.

**Секция IV-2. Традиции черного интернационализма;
Панафриканизм между прошлыми устремлениями, современными
вызовами и будущими перспективами**

**Panel IV-2. Cultures of Black Internationalism; Pan-Africanism
between Past Aspirations, Current Challenges, and Future Prospects**

Руководители: *М. Гейнс*, Университет Нью-Йорка, США; *А. Мостефауи*,
Университет Ахмад Драйа, Адрар, Алжир

Conveners: *Malik Gaines*, New York University, USA; *Aziz Mostefaoui*, Ahmed
Draia University, Adrar, Algeria

Cultures of Black Internationalism (proposed by Malik Gaines)

This panel addresses internationalist and Pan-Africanist cultural efforts that deployed the revolutionary energy of the 1960s and 70s. Paper topics outline a transnational circulation of socialist aesthetics, mapping a political discourse that connected communist states, African independence projects, and black American radical movements. These anti-racist works reimaged the national, regional, and global dimensions of black life, organizing important alliances across state borders, colonial boundaries, and Cold War divisions. Papers expose the creative revisions international black movements made to Marxist and communist premises, while focusing attention on the relationship between racism and capital.

Pan-Africanism between Past Aspirations, Current Challenges, and Future prospects (proposed by Aziz Mostefaoui)

Beginning as a concept during the 1900 London Conference organized by the West Indian Henry Sylvester Williams, Pan-Africanism grew throughout the years in form and in substance to become one of the most noticeable and influential movements among African peoples the world over. The period after the First World War was particularly decisive with regard to Pan-African history as it witnessed the initiation of the Pan-African Congress movement and the organization of a series of congresses. The latter considerably contributed to the spread of Pan-African ideas among people of African descent and continental Africans, mostly through the leadership of the ‘Father of Pan-Africanism’, W. E. B. Du Bois. Continental Africans had been closely following the evolution of Pan-Africanism since its first days; however, by the end of the Second World War some young African nationalist leaders would take over the leadership of this movement from African Americans and West Indians. This remarkable change took place during the 1945 Manchester Pan-African Congress, mainly through the initiatives of the indefatigable Kwame Nkrumah. It became clear for the young African nationalists who attended that congress that the battle for the liberation of Africa from the colonial yoke should be fought on African soil. From then on Pan-Africanism had focused more on continental Africans rather than on the diaspora, thereby aspiring to the ending of European colonization all over the continent and

the promotion of African unity that would eventually lead to the establishment of the “United States of Africa”. Such was the ultimate ideal of Kwame Nkrumah who believed that the independence of Ghana would remain meaningless as long as there were African countries under European colonization. By the 1960s and the acquisition of independence by most African countries, Pan-Africanism seems to have lost momentum, giving the impression that its *raison d’être* was European colonization. Despite the various efforts to bring the emerging African states together through regional groupings, most of which disintegrated in a matter of a few years, the Pan-African ideal of full continental unity has remained a utopia. Many reasons have been advanced to account for such a situation, most important of which are the political and economic factors. Nevertheless, what made it difficult for the newly independent African states to achieve unity through close cooperation and partial surrender of sovereignty to an all-African body remains a complex and debatable subject. Today, the African continent faces tremendous challenges (such as poverty, corruption, mismanagement, diseases, ethnic conflicts, and terrorism) that require a revival and redefinition of Pan-Africanism so as to devise strategies and mechanisms that are likely cope with the current state of affairs and pave the way for a better future. Therefore, this panel invites papers that are related (but not limited) to the following themes:

- Historical Background to Pan-Africanism.
- Pan-Africanism or Pan-Africanisms?
- Pan-Africanism and Communism.
- National Sovereignty vs Pan-African Unity.
- Obstacles to Pan-African Ideals.
- Pan-Africanism and Globalization.
- Pan-Africanism between Idealism and Pragmatism.
- Pan-Africanism and Future Prospects.

Tunde Adeleke

Iowa State University, USA

Т. Аделеке

Университет штата Айова

Эймс, США

Проблематичная природа панафриканского национализма в XXI в.

The Problematic Nature of Pan-African Nationalism in the Twenty-First Century

For much of the 19th and 20th centuries, Africans and Diaspora blacks struggled to create a Pan-African consciousness of “nationhood” defined by shared ancestry, ethnic and racialized experiences of subordination and marginalization induced by the historical encounters with slavery, segregation and colonialism and

neo-colonialism. Such supra-nationalism was deemed critical to survival and eventual triumph. This unifying supra-nationalism symbolized a collective response to shared challenges. Though relatively successful in the 19th and 20th centuries, this supra-nationalistic approach has become problematic with globalization and cosmopolitanism. Race, ethnicity and other primordial frames of identity are becoming obsolete. With globalization, cosmopolitanism and the growth of hybridization, it is difficult to justify the framing of any racial or ethnic derived supra (Pan) identity. Identity is a complex process of *becoming*; a very fluid process that replicates experiences of in-betweenness. It is therefore difficult to argue for a monolithic experience of “Blackness” or “Africanness”. Yet, many critics continue to invoke the old Pan-African supra-nationalism as the most effective countervailing weapon of resistance in the 21st century. Given the shrinkage of traditional frames of identity, and the complex and problematic character of identity, how viable is a racialized Pan-African nationalism? Are there intervening forces and circumstances which render such paradigm irrelevant? This paper examines and analyzes the problematic of continuing framing of Pan-African nationalism even as globalization shrinks and erodes the boundaries of race and ethnicity on which such nationalism had thrived in the past. Perhaps for Africans and Diaspora blacks, the solution lies in the reframing of a neo-Pan-African nationalism which takes into consideration the growing, problematic, complex and complicated character of racial and ethnic experiences in the 21st century?

Seifudein Adem
Binghamton University, USA
С. Адем
БИНГХЭМПТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
США

Классификация и иерархия: две стороны одной медали?

Classification and Hierarchy: Are they Two Sides of a Coin?

The distinguished Africanist Ali Mazrui had a special liking and gift for classifying different concepts, events and processes in original way. And this intellectual fascination of him had occasionally brought him into collision course with some of his colleagues who were less impressed by his colorful classifications of particularly such phenomena as African-ness, slavery, racism, miscegenation, terrorism and sexism. Some of these men (and women) saw (and rejected) implicit (and sometimes not so implicit) hierarchy in his classifications. But for the indefatigable Ali Mazrui nothing was unclassifiable, almost everything must be classified.

The paper explores two inter-related issues. First, are classification and hierarchy two sides of the same coin as it has been sometimes alleged? Second, it is said, (natural) sciences always carry within themselves the project, however remote it may be, of an exhaustive ordering or classification of the world. In the sciences, objects needed to be classified into different classes before generalizations were made about their behaviors or attributes. In the positivist social sciences too, the necessity of classification, even its possibility, is almost taken for granted. If classification occupies such a central place in the positivist project, and if Mazrui's scholarship is arguably anti-positivist in its orientation, then how can we resolve the apparent tension between his scholarship and positivist social science?

Jonathan Flatley
Wayne State University, USA
Дж. Флэтли
Государственный университет Уэйна
Детройт, США

**Революционная черность в советском представлении: прочтение
плакатов Виктора Корецкого**

**Revolutionary Blackness in the Soviet Imaginary: Reading Victor Koretsky's
Posters**

In the present moment, amidst a global rise of white supremacy and racism, this paper recalls a moment of state supported global *anti*-racism. It focuses on the work of Soviet artist Victor Koretsky, whose anti-capitalist, anti-racist posters, from the 1930s to the 1970s, seem both striking and strange to current eyes. My hope is that his work may stimulate our political imaginaries, helping us to grasp our current situation and its moods and attunements anew. I also want to consider the global effects of Soviet anti-racism: how did anti-racist images, iconography, ideologies and feelings circulate across the Cold War divide? In the 1950s and 1960s, Koretsky's posters responded to anti-colonial struggles in Africa and the civil rights movement in the United States with sharp images of racist violence and anti-racist resistance. These images just as often focused on police violence against protestors or the white hooded KKK as they did on icon-like full-faced portraits of black men confronting the agents of white supremacy. Keeping our focus on the connection between racism and capital, the dollar sign appears frequently as itself an agent of violence, as in one image where a giant blood-stained gold coin with a dollar sign in the middle rolls around the globe leaving "racism, exploitation, poverty, colonization, unemployment, and war" in its path. In attending to the particularity of the poster as a form designed to be ephemeral, ambient yet agitational elements of the everyday visual field, the paper will consider what ways of seeing blackness are embodied in these images. How did they change how black lives mattered?

Malik Gaines
New York University, USA
М. Гейнс
Нью-йоркский университет
США

Эфуа Сазерленд и государственная сцена: радикальные различия в национальном театральном движении в Гане

Efua Sutherland and the Stage of State: Radical Differences in Ghana's National Theater Movement

In the early sixties, Accra, Ghana was the capital of a provisional “Afrotopia,” the center of a new nation-state pursuing a leftist black liberation project. The plays that emerged at this time from Ghana’s National Theater Movement theatricalized the experience of citizenship in this black state. The state’s President Kwame Nkrumah proposed an African citizenship forged in black unanimity, an African Personality that could synthesize social differences. While this model depicted a form of black solidarity, it also formalized an erasure of difference. Syntheses elide differences, and this case, while descriptive of traditional gender roles and histories of matrilineage, the vision of a unified African subject does not preserve differences such as those enabled by gendered subjectivities. The plays of Efua Sutherland and Ama Atta Aidoo offer a different set of possibilities. These works fulfilled the government’s call for original Ghanaian artistic production, while also staging the difficulties of assimilating a diversity of gender, class, and cultural situations into a singular African identity. The political context in which these writers worked was one which encouraged their expressions. However, the subjectivities they scripted, constructed from local and transnational notions of black identity, announced a polyvocality that exceeded the cohesion of a proposed ideal citizen. Situated in a national and transnational black liberation context, Sutherland’s play *Edufa* and Aidoo’s play *The Dilemma*

of a Ghost, are African feminist performance texts that complicate the synthetic notion of African Personality.

Tavia Nyong'o
Yale University, USA
Т. Нйонг'о
Йельский университет
Нью-Хейвен, США

Гордон Паркс Младший и мечта о панафриканском Джеймсе Бонде

Gordon Parks Jr. and the Dream of a Pan-African James Bond

Gordon Parks Jr. (1934-1979) was a pioneering black film director best known for his blaxploitation-era thriller, "Super Fly" (1972). At the time of his tragic death in a plane crash, Parks was in the process of setting up African International Productions in Nairobi, Kenya, and was shooting "Revenge," the first in what would have been a series of East African based black adventure films. One possible trajectory for third world cinema died with Parks Jr. Using his unmade film as a jumping off point for a critical reappraisal of his career as a DP and director, this essay discusses how black Americans sought to intervene in the Hollywood treatment of colonial and postcolonial Africa, and revisits the ongoing search for a film aesthetic capable of decolonizing the cinematic gaze on the dark continent. The talk also revisits the role of genre film, films which are often held to be the most complicit in reproducing stereotypes of Africa and black people. With the recent massive critical and commercial success of "Get Out" in view, the achievements in black genre film in the 1970s are overdue for a reassessment.

**Секция IV-3. Сотрудничество в области образования между
Африкой, Азией и Восточной Европой: союз, который
способствовал деколонизации Африки**
**Panel IV-3. Educational Cooperation among Africa, Asia and Eastern
Europe: Alliances that Strengthened the Decolonization of Africa**

Руководитель: *М. П. Менесес*, Университет Коимбры, Португалия
Convener: *Maria Paula Meneses*, Coimbra University, Portugal

Profound political transformations have shaped the world since World War II, symbolizing the emergence of the Third World / Global South aspiration to self-determination. An important element that characterizes this struggle is the emergence of new education projects in Africa, projects involving various actors and concepts. Education became fundamental in shaping the role of Third World countries in the context of the Cold War. It also symbolized a new space of economic and cultural cooperation between Africa, Asia and Eastern Europe, and the support and solidarity with the struggle for decolonization have shaped the world since Bandung. Indeed, one of the key moments that signals the emergence of the Third World was the growing opposition to the colonial situation worldwide, a political position that received support in 1955, at the Asia-Africa Conference in Bandung, an event that facilitated the formation of the non-aligned movement (1961). This reality was fundamental for the takeoff of the transition processes that lead to the African independences in the 1960s. An important moment of these new political alliances were the scientific-educational exchanges between African, Asian and Eastern Europe, a less studied front of the Cold War world. This panels aims to bring together contributions that a) discuss various aspects of the multidimensional cooperation strengthening its impact in educational public policies in Africa and b) contribute towards strengthening the discussion of the meaning of 'decolonization', taking how perceptions about Africa changed dramatically (regional and globally) from the anti-colonial solidarity across Africa, Asia and Eastern Europe. The main goal of this panel is to contribute towards the discussion of the meaning of decolonization across the Global South.

Phiwokuhle Mnyandu
Howard University
USA
Ф. Мньянду
Университет им. Говарда
Вашингтон, США

Российская и китайская научная дипломатия в ЮАР: сравнительный анализ нарратива и результатов

Russian and Chinese Academic Diplomacy in South Africa: A Comparative Analysis of Narrative and Outcomes

A prominent feature in the advanced level of relations that South Africa enjoys with both China and the Russian Federation has been interventions by these countries through scholarships offered to South Africans to study at their universities. Russia has a long history of academic diplomacy with South Africa beginning with the training of South Africans as part of the anti-apartheid liberation movement, while China has offered scholarships to mainly graduate students mostly in the last decade. There is a paucity of studies on South African students studying both in China and Russia, and the developmental effects of these academic diplomacy initiatives. This paper attempts to fill this gap by focusing attention on the ‘narrative dichotomy’ that may exist between the way elites have viewed South Africa-China as well as South Africa-Russia academic diplomacy initiatives, and the way the student-recipients themselves have perceived them. Using time-series data from South Africa’s Department of Home Higher Education and Training, as well as semi-structured interviews with alumni of both Russian and Chinese academic diplomacy initiatives, this paper attempts to trace emerging trends and determine how they vary between students of various origins, gender and class. The overall intention is to analyze how the data may or may not reflect the narrative among South Africans concerning China’s prospects as a sustainable partner in the developmental state project through education, as compared to Russia, and what this may imply for policymakers in China, Russia, and South

Africa. Hopefully, a better understanding will emerge of *if* and *how* differences exist in how BRICS states conduct academic diplomacy in Africa.

Abdelfattah Saoud
Mohamed Farouk Allam
Ain Shams University
Cairo, Egypt
А. Сауд, М. Ф. Аллам
Университет Айн-Шамс
Каир, Египет

**Египет, Африка и Россия: сотрудничество в области последиplomного
медицинского образования**

Egypt, Africa and Russia: Collaboration in Postgraduate Medical Education

The collaboration between Egypt, Africa and Russia is not new. Commercial, industrial and economic collaborations between Egypt and Russia reached its maximum level during 1960s. Concomitant collaborations in education and healthcare were noticed since late fifties and early sixties. Egypt in many cases was the bridge between Russia and many African countries because of commercial and geographical reasons. Also, Russia and Egypt helped in decolonization of many African countries during 1950s, 1960s and 1970s. Currently, education and health are the most important challenges for most African countries. This calls for re-establishing old collaborations and looking for new alliances between African countries, including Egypt, and Russia in both higher education and healthcare. The collaboration between the Faculty of Medicine , Ain Shams University (Cairo, Egypt) and Russian Educational and Healthcare Systems remotes to 1950s. Russian medical educational institutes helped Ain Shams Medical School in founding several academic laboratories, like anatomy, embryology, histology, parasitology and pathology. Also exchange programs for postgraduate medical students and staff members of Ain Shams Medical School to Russian Medical

Schools were very active during 1960s. The 21st Century, with new changes worldwide, calls us to re-establish the collaboration between African countries, including Egypt, and Russia. In 2015, Ain Shams Medical School signed a memorandum of understanding for collaboration with Orenburg State Medical Academy. At the same time, Ain Shams Medical School offers under and postgraduate trainings for students from 12 African countries. Recently, we started a new collaboration with the University of Juba to train under and postgraduate students, offering also health services to the population of Juba by consultants from our university hospital. Of no doubt, the use of new technologies and incorporating telemedicine and e-learning in under and postgraduate medical education and healthcare offer us a lot of opportunities for collaboration between Africa and Russia.

Maria Paula Meneses
Coimbra University
Portugal
М. П. Менесес
Университет Коимбры
Португалия

Долгий путь к знаниям: значение мозамбикских кадров, получивших образование в Советском Союзе
A long travel to get knowledge: the impact of Mozambican cadres trained in the Soviet Union

In the early years of Mozambique as an independent country, a significant number of students were sent to be trained in the Soviet Union/Russia. This followed an earlier trend of sending people to become ‘the new cadres of a new country’ to be. This paper, based upon interviews and documental analysis, seeks to study the itineraries and the evaluations of those who studied in the Soviet Union/Russia, in times of Cold War and when Mozambique was perceived as a ‘liberated zone’ of the world. Several questions are addressed, aiming to unveil a less studied aspect of Mozambique high education project, namely the role of students trained in the ‘Eastern European Countries’, specifically in the Soviet

Union/Russia: how did they come to understand the diversity of the world through ‘dialogues’ with colleagues from multiple countries (socialist countries and of the Third World)? How were they perceived by the Russians/soviets? What was the impact of their training upon arrival? Did their knowledge and expertise play a significant role in the fields of university education? What was the role of personal interactions? How was colonialism debated in soviet context? These are some of the key questions that will be discussed in the paper, where individual trajectories are used to illustrate newly experience with advanced training in Mozambique, in a context where the decolonization of the colonial society was a key element.

**Секция IV-5. Российская африканистика в прошлом и настоящем:
люди, проблемы, методологии, перспективы**
**Panel IV-5. Russian Studies on Africa in the Past and Present: People,
Problems, Theories, Perspectives**

Руководители: *Давидсон А.Б.*, НИУ ВШЭ, Москва; *Саватеев А.Д.*, ИАФР
РАН, Москва

Conveners: *Apollon B. Davidson*, National Research University – Higher School
of Economics, Moscow, Russia), *Anatoly D. Savateev*, Institute for African
Studies, Moscow, Russia

Every science acquires full consciousness of its role and importance in the professional research community and only then it is able to present its own stories – successes and setbacks. Our science took shape in the twentieth century, was born in the depths of Oriental studies long before the decision of state bodies on creation of the first sector of Africa within the framework of the Institute of Ethnography of the USSR, and then in the form of an independent Institute for African studies of the USSR Academy of Sciences in 1959. The period before the emergence of these institutional bodies seems to be *terra incognita* to many Africanists, a time when Africa was allegedly outside the purview of Russian scholars. Meanwhile, as shown by surveys of the Center for African Studies of IOS RAS, the contacts of Russia and Russian subjects with Africans started long before Peter The Great, and in the end of XVIII century scattered information about the continent was already received. But essentially, the story of the African studies in Russia/USSR writes this Center only. Essential part of African studies are the scientists themselves, their discoveries and fortunes in the diversity of life and scientific twists and turns. Having experienced the enthusiasm of the Marxist materialist theory, ideas of class struggle as driving force of the historical process, the Soviet/Russian Africanists understood the need to update the methodology of their research. Different conceptual approaches became available not only due to Western science, but the results of the upheavals in the Eastern world, particularly the Islamic revolution in Iran in 1979. Then began a period of domination of the civilization theory, world-system approach was developed and other, mostly Western concepts of social and political development were widely used. Revealing new ways of thinking about African realities, these concepts are simultaneously split in the ranks of the Orientalists and Africanists, inadvertently dividing them into supporters of one or another theory of historical and political development. Strong is the contradiction among the researchers about understanding what are the African studies, and what should not draw their attention. Such contradictions in a professional environment in the current period of sequestration spending significantly weaken the position of African studies as an expert of the science, reduce the authority of the community of Africanists, creating the pretext for a sharp reduction and spending cuts for research in African theme. Consequently,

Russian African studies have a chance to survive only if:

- a) most creative research approaches that take into account diverse characteristics of African peoples and of civilizations would be chosen;
- b) Africanists would consolidate as a professional research community, leaving the theoretical and organizational differences aside;
- c) the practice of regular scientific conferences of Africanists would be restored (for example, Readings in memory of Dmitri Olderogge and other mandatory meetings of fellows of the Association of Russian Africanists);
- d) it would be considered necessary to consolidate the forces of the Africanists to study current problems and developments that emerged in the last quarter of a century in Africa and Asia and have changed geopolitical and geocivilizational shape of the continents; in the light of these pressing realities at the forefront should be nominated major projects proposed by the management of the Institutions of African and Oriental studies, and these projects should be addressed to experts in the field of civilizational theory, historians, economists, philologists, etc.

All the outlined problems of methodology, the balance of economic and socio-cultural approaches, inclusion of new research methods that emerged in the Soviet period and aggravated in recent years should draw the attention of Africanists interested in the preservation of traditions and development of their own scientific field. The discussion of these issues will be the topic of the proposed section.

Давидсон А.Б.
ИВИ РАН, Москва
Apollon B. Davidson
National Research University –
Higher School of Economics
Moscow, Russia

The First Ph.D. Theses on the History of Southern and Tropical Africa – The Fortune of the Theses and Their Authors

Первые диссертации по истории Южной и Тропической Африки – судьба диссертаций и их авторов

В 1940-х годах в Ленинградском университете защищались три кандидатские диссертации: «Набег Джемсона (Из истории возникновения англо-бурской войны 1899-1902 гг.)», «Восстание в африканских колониях Германии», «Россия и англо-бурская война». Это были первые диссертации

по истории Африки, подготовленные в нашей стране. Все три написаны добросовестно (я знаю – читал). Но так и не были опубликованы.

А судьбы авторов сложились трагично. Автор первой был арестован весной 1949 г., потом реабилитирован. Но на работе в Ленинградском университете не восстановлен. И всерьез продолжать деятельность в африканистике так и не смог.

Второй защитил диссертацию в начале 1949 г., но новый декан истфака Ленинградского университета, собрав снова Ученый совет, добился отмены решения о присуждении ученой степени – обвинив автора в том, что он не показал пагубную роль США в африканских колониях Германии в начале XX в. Конечно, США никакой роли в этих колониях тогда не играли, но степень все же отняли. И за ее возвращение автору пришлось биться еще три года.

Третий диссертант успешно защитился, но на работе в Ленинградском университете его не оставили, отправили в Петрозаводск, где ни в библиотеках, ни в архивах не мог найти материалов для продолжения деятельности в африканистике.

Судьбы авторов и их диссертаций – свидетельство того, как общая атмосфера того времени (1949 г.) сказалась и на африканистике.

Следзевский И.В.
Институт Африки РАН
Москва
Igor V. Sledzevski
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Civilization Research in Russian African Studies: Formation of a New Scientific Direction

Цивилизационная проблематика в российской африканистике: становление нового научного направления

Доклад посвящен анализу места и роли цивилизационного подхода как развивающейся парадигмы исторического и социального знания в

развитии современной отечественной африканистики. Выделяются основные этапы внедрения цивилизационного подхода в практику исследований африканской истории и культуры: 70-е – начало 80-х годов XX в. – распространение на африканскую историю и культуру цивилизационного дискурса как единого комплекса научно-экспертных определений и оценок; конец 80-х – 90-е годы XX в. – концептуальное осмысление на значительном историческом материале места и роли собственно цивилизационной составляющей в истории и культурном наследии африканских народов: становления и эволюции локальных цивилизационных комплексов в регионе южнее Сахары, соотношения этнических и цивилизационных начал в интеграции обществ этого региона; 2000-е годы – переход к изучению динамики цивилизационного развития региона южнее Сахары, роли в этом развитии религиозного опыта африканских народов, цивилизационного самоопределения в условиях распада колониальных империй и кризиса модели зависимого, догоняющего развития.

Рассматриваются сложившиеся к настоящему времени концептуальные подходы к проблеме места и роли Африки южнее Сахары в мировом цивилизационном процессе: концепция разнообразия цивилизационных свойств и уровней цивилизационного развития обществ и культур региона (Ю.М. Кобищанов); концепция единства на древнейшей архаической основе культурно-цивилизационного разнообразия региона (Д.М. Бондаренко); взгляд на африканскую архаику (архаический субстрат африканских культур) как на не уходящую и динамичную силу африканского цивилизационного развития, включающую заимствованные формы и институты современного национального государства в специфическую и разветвленную систему общинно-родовых, земляческих, этноплеменных отношений и связей (В.Р. Арсеньев, В.Л. Бейлис, В.В. Бочаров, И.В. Следзевский). Отмечается сохранение и существенная роль в этих концепциях новоевропейских секулярных идеалов модернизационного транзита (традиционное *versus* современное), возможность противоположных

по своему смыслу и идентификационному значению интерпретаций цивилизационного статуса современных африканских обществ в контексте этих идеалов – и как оригинального, самобытного типа социокультурного развития (единая и уникальная Африканская цивилизация), и как отрицание стандартов мирового («цивилизованного») сообщества. Как важный и позитивный сдвиг в преодолении постулатов европоцентристского цивилизационного сознания (европейской цивилизационной идентичности) рассматривается формирующееся на основе исследовательской практики представление о длительных процессах духовной трансформации африканского массового (народного) сознания, накопления опыта человеческого существования в трудных и часто кризисных условиях исторического развития как движущей силе цивилизационного развития (работы Л.А. Андреевой, А.Н. Мосейко, И.В. Пономарева, А.Д. Саватеева, Е.В. Харитоновой и др.).

Саватеев А.Д.
Институт Африки РАН,
Москва
Anatoly D. Savateev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Past and Present of Russian African Studies: Personalities, Problems, Methodologies, Prospects

Прошлое и настоящее российской африканистики: личности, проблемы, методологии, перспективы

Конец 1980–90-х годов, ознаменовавшийся отказом от формационной теории как методологии исследований, стал периодом раскола в рядах востоковедов и африканистов в концептуальных вопросах. Историки, культурологи, политологи в значительной мере утратили единую основу научных подходов, толкования одних и тех же событий, зато резко усилилось влияние европоцентристских концепций, собственной идентичности,

воздействовавшей на выводы исследователей. Эти разногласия проявились и в африканистике: по поводу понимания того, что такое африканистика, какие научные дисциплины она включает и какие не могут входить в состав науки об Африке, играют ли экономические факторы ведущую роль в общественных процессах...

В такой момент особенно важно найти такую методологию, которая помогала бы эффективнее раскрывать тайны возникновения, функционирования африканских обществ, давать более точные прогнозы их возможного будущего. Такой основой для понимания особенностей жизни африканских народов служит цивилизационный подход, который фокусирует внимание на самостоятельной деятельности каждого человека и общества в целом, руководствующихся принципами религиозных представлений и освященных ими норм социально-культурного, политического устройства общества. Под цивилизацией в данном случае понимается наиболее широкая, протяженная во времени и пространстве социокультурная общность, обладающая единой оригинальной социальной, духовной и символично-коммуникационной структурой, возникающей на базе высшей религиозной идеи. Соответственно, понимание развития общества в таком случае должно строиться на основе анализа внутренних высших принципов, великих идей, духовно-религиозных ценностей, объединяющих народы и общества и снимающих противоречия культурного, социального и политического порядка. Принятие цивилизационного подхода способствует резкому расширению творческого потенциала исследователя, способствует воссозданию взаимопонимания.

Что касается разногласий в профессиональной среде в настоящий период, когда политическое руководство страны утратило понимание роли науки, то нам особенно необходимо понимание взаимосвязанности, сдерживание самолюбий – все мы в «одной лодке». Необходима консолидация на базе Научного совета по проблемам Африки, нужно чаще

проводить встречи для обсуждения общих профессиональных вопросов, защиты нашей науки.

Громова Н.В.
ИСАА МГУ
Москва
Nelli V. Gromova
Lomonosov Moscow University
Russia

Forgotten Founders of Soviet African Studies (The Linguist Georgy Danilov)

Забывтые родоначальники советской африканистики (лингвист Г.К. Данилов)

Двадцать лет назад в журнале «Восток» была опубликована статья, в которой речь шла об одном из первых советских африканистов Георгии Константиновиче Данилове. Его имя и роль в отечественной науке об Африке – а он сделал в ней немало – оказались незаслуженно забыты.

Работая в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), Данилов начал заниматься африканскими языками, так как в числе его учеников были слушатели из Африки, языки которых тогда были неизвестны в России. В Ленинграде в те годы уже существовала группа по изучению африканских языков, а в столице Данилов стал первым, кто приступил к их изучению, работая с информантами из стран Африки. Под его руководством в 1932 г. была создана группа африканистов, которые приступили к изучению языка суахили (носителем языка был Джомо Кениата, будущий первый президент независимой Кении). Кроме суахили, Данилов занимался также языком вай (из северной группы языков манде).

За два года занятий африканскими языками Даниловым было сделано немало: он подготовил к печати «Малый русско-суахили словарь» с приложением «Тексты на языке суахили», составил первый в нашей стране краткий очерк языка вай с приложением вай-русского и русско-вай словников и текстов на языке вай. Он стал инициатором и организатором первой в

России конференции по африканским языкам под названием «Совещание по африканским языкам», которая состоялась в Москве в январе 1934 г. и собрала всех московских и ленинградских африканистов. По материалам этой конференции Данилов подготовил к печати сборник статей африканистов-лингвистов под условным названием «Африка, её языки и народы». Все его работы в области африканского языкознания опубликованы лишь в наше время (две статьи в сборнике «Африканское языкознание в России. 30-е годы»).

В 1937 г. его арестовали на основании доноса. Суд признал ученого виновным в проведении антисоветской работы в области языкознания и участие в подготовке терактов против советского правительства, хотя доказательств не было представлено. Тем не менее по приговору 29 июля 1937 г. Данилова расстреляли. Реабилитировали его посмертно в 1956 г.

После 1936-37 гг. московские африканисты прекратили свои занятия в области африканского языкознания. А возобновилось изучение и преподавание африканских языков в столице СССР только через четверть века, в 1960 г. в Институте восточных языков МГУ.

Бочаров В.В.
СПбГУ
Санкт-Петербург
Victor V. Bocharov
St. Petersburg State University
Russia

On the Theoretical Legacy of the Leningrad School in African Studies: Dmitri Olderogge, Nikolay Girenko, Vyacheslav Misyugin

К теоретическому наследию ленинградской африканистики: Д.А. Ольдерогге, Н.М. Гиренко, В.М. Мисюгин

Доклад посвящен анализу и оценке теоретических разработок в области социально-культурной антропологии, выполненных в эпоху «застоя» ленинградскими африканистами, под руководством Д.А. Ольдерогге, не

утративших актуальности и сегодня. Выдвинутое Д. А. Ольдерогге положение о «"колониальном обществе" как особом типе социального развития может служить методологическим инструментарием при исследовании закономерностей, определяющих историческую динамику Востока (Незапада). Актуальны его идеи, изложенные в статье, о роли «традиции» в процессе модернизации постколониальных африканских обществ, получившие развитие в работах Н.М. Гиренко. Последним также было разработано понятие «культура» - ключевое для социально-культурной антропологии, использование которого наряду с «обществом», дает возможность по новому трактовать процессы модернизации на Востоке и на Западе . В.М. Мисюгин, по сути, является одним из основателей микроистории – относительно нового направления в рамках исторической науки, привлекающей материалы, собранные антропологами при изучении традиционных культур, для объяснения поведения людей средневековья. В.М. Мисюгин одним из первых стал использовать африканские наработки для интерпретации событий и процессов в русской истории времен феодальной раздробленности.

Филиппов В.Р.
Институт Африки РАН
Москва

«Этнические» коннотации в российской африканистике

В начале 90-х годов прошлого столетия стал очевидным затяжной теоретико-методологический кризис, поразивший отечественную этнографию/этнологию. Советские этнографы многие годы конструировали «советскую теорию этноса» на основе идеологем, сформулированных в ряде статей В. Ленина и И. Сталина. В наиболее завершенном виде эта доктрина была представлена в работах акад. Ю. Бромля. В условиях деидеологизации

социальных наук, в ходе длительных дискуссий российские этнологи вынуждены были признать иллюзорность специфического для этой дисциплины объекта изучения. Примордиалистская концепция, основанная на признании изначального существования «этносов», обладающих объективными («этническими») признаками, была дискредитирована. В российской этнологии утвердилась конструктивистская парадигма интерпретации «этнических» феноменов, изначально восходящая к теоретическим трудам Ф. Барта и Б. Андерсена; в отечественной науке эта концептуальная модель первоначально и наиболее полно была обоснована в работах акад. В. Тишкова. Конструктивисты отказались от понимания «этноса» как объективной реальности и склонны говорить о субъективной «этничности» («этнической идентичности») как об интеллектуальном конструкте.

В силу целого ряда объективных и субъективных факторов теоретические искания этнологов/социальных антропологов остались маргинальными для подавляющего большинства отечественных африканистов. До сих пор примордиалистский подход практически безраздельно господствует в трудах, так или иначе трактующих историю, культуру, политические процессы и (в особенности!) конфликты в Африке. С унылым однообразием российские ученые объясняют все противостояния на Черном континенте как следствие административной деятельности колонизаторов, разделивших африканские «этносы» произвольно прочерченными границами и, соответственно, трактуют все социальные катаклизмы на Черном континенте, как «межэтнические конфликты». Этот ярлык лишен какой бы то ни было гносеологической потенции и лишь затуманивает истинные причины и характер социальных противостояний.

Ситуацию может изменить большее внимание к историографическим и теоретическим изысканиям. Во всяком случае, в трудах так или иначе трактующих «этнические» феномены применительно к африканским реалиям, было бы очень полезно давать операциональное определение понятия «этнос»

и производных от него понятий (например, понятия «народ» в этническом понимании этого слова). Трудности, возникающие на этом пути, заставят многих исследователей отказаться от употребления не вполне понятной для них терминологии.

Vassily Filippov
Institute for African Studies, RAS
Moscow

"Ethnic" connotations of African studies in Russia

The early 1990s exposed the lingering theoretical and methodological crisis that affected the Russian ethnography/ethnology. Soviet ethnographers for many years constructed the “Soviet ethnos theory” based on ideological constructs put forth in a series of works by V. Lenin and I. Stalin. This doctrine has been presented in its most complete form in the works of Academician Yu. Bromley. In the context of de-ideologisation of the social sciences, Russian ethnologists through lengthy discussions were forced to recognize the illusory nature of the very object of study specific to that discipline. The primordialist approach that was based on the notion of pre-existing “ethnic groups” having objective “ethnic” traits had been discredited. Instead, Russian ethnology adopted the constructivist paradigm for interpretation of “ethnic” phenomena, which originated in the theoretical writings of F. Barth and B. Andersen; in Russian scientific discourse this conceptual model emerged and reached its fullest development in the works of Academician V. Tishkov. The constructivists rejected the concept of “ethnos” as objective reality and tend to prefer the intellectual constructs of subjective “ethnicity” or “ethnic identity”.

For a variety of reasons, both objective and subjective, these theoretical efforts of the ethnologists and social anthropologists have had only marginal impact on the vast majority of Russian Africanists. To this day, the primordialist approach reigns supreme in most works which have to do with interpreting history, culture, political processes and especially conflicts in Africa. With a dull monotony, the Russian scientists keep on explaining all conflict on the Black continent as a result

of colonial administration's dividing African "ethnic groups" by arbitrarily drawn borders, and therefore treat all social cataclysms on the continent as "inter-ethnic clashes". This label is devoid of any epistemological potency and only obscures the true causes and character of social conflict.

This situation may change if more attention were paid to historiographical and theoretical research. In any case, it would be very beneficial to elucidate the operational definition of "ethnicity" and its derivative concepts (such as the concept of "people" in the ethnic sense of the word) in any works that deal with "ethnic" phenomena in the context of African realities. The problems that would arise in such an approach may lead many researchers to abandon this terminology which is not entirely clear to them.

Добронравин Н.А.
СПБГУ
Санкт-Петербург
Nikolay A. Dobronravin
St. Petersburg State University
Russia

Russian Collectors and Students of Arab and Arabographic Manuscripts from the Sahara and Sahel

Российские собиратели и исследователи арабских и арабографических рукописей Сахары и Сахеля

Одна из интересных страниц в истории отечественной африканистики связана с изучением и публикацией арабских и арабографических рукописей Сахары и Сахеля. Их исследование началось в 1950-х гг. на кафедре африканистики Ленинградского университета и в секторе Африки Института этнографии АН СССР. Наиболее известные работы в этой области опубликовали Д. А. Ольдерогге («Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры./ С приложением текста и перевода рукописей хауса, выполненного И. Н. Быковой, Д. А. Ольдерогге, И. А. Осницкой, З. Л. Пугач и М. А. Смирновой», 1960) и Л. Е. Куббель («Сонгайская держава»,

1974; «Суданские хроники», 1984). Изучением арабских источников по истории и этнографии народов Африки южнее Сахары многие годы занимался В. В. Матвеев. Но его перевод западноафриканской хроники «Инфак ал-майсур» так и не был опубликован.

По разным причинам вне поля зрения исследователей долгое время оставались африканские рукописи в арабской графике, которые начали поступать в российские библиотеки с XIX в. География происхождения рукописей охватывает обширный регион от Сенегала до Африканского Рога. Среди собирателей были египетский шейх ат-Тантави (рукопись XVIII в. на арабском и фула из района Томбукту в библиотеке Восточного факультета СПбГУ), поэт Николай Гумилев (рукописи XVIII – начала XX вв. из Харэра и Оромии в собраниях Кунсткамеры и бывшего Азиатского музея), ученый и поэт Владимир Шилейко (западноафриканский Коран в собрании Азиатского музея). Самая значительная коллекция рукописей из Магриба, Сахары и Сахеля (на арабском, хауса и фула) поступила в собрание Азиатского музея от братьев А. и С. Москалевых в 1915 г. Обстоятельства, при которых эта коллекция оказалась в России, остаются неизвестными.

Ксенофонтова Н.А.
Институт Африки РАН
Москва
Natalia A. Ksenofontova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Formation of Gender Studies as a Field in African Studies in Russia

Становление науки о гендере как одного из направлений африканистики в России

В 90-е годы XX в. в недрах африканистики вызревает новое самостоятельное направление – гендерные исследования. С этого времени женская и гендерная тематика стала постоянной темой для большинства отечественных и международных конференций, феминология включена в

государственный образовательный стандарт, появляются специальные периодические издания и научные серии, среди которых издаваемая Институтом Африки РАН серия «Гендерные исследования» (на 2016 г. вышло 19 томов индивидуальных и коллективных монографий).

Созданная в рамках этого академического института гендерная группа, возглавляемая Н.Л. Крыловой и Н.А. Ксенофонтовой, объединила вокруг себя энтузиастов не только среди своих коллег, но и ученых из других научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Адыгеи, студентов, аспирантов из африканских стран, представителей практических организаций. В работах, издаваемых группой, принимают участие специалисты из стран Африки, Европы, США и Индии.

Среди тем, поднимаемых российскими африканистами в рамках гендерной проблематики, рассматриваются разнообразные аспекты места и роли мужчин и женщин в самых различных сферах приватной и общественной жизни: в истории, культуре и политике, в системе ритуалов и социальных связей, во взаимоотношении человека с окружающей средой. В последние годы пристальное внимание уделяется положению женщин в семье и социуме в политико-правовом аспекте в контексте мусульманской культуры, а также проблемам насилия и терроризма в гендерном аспекте.

Проведя обзор трудов по гендерным проблемам в рамках отечественной африканистики за последние годы, можно заключить, что российские ученые в своих изысканиях по этой теме прошли те же этапы в становлении науки о гендере, что и их коллеги за рубежом и в смежных общественных науках. Достижения наших специалистов в этой области, выразившиеся в значительном количестве опубликованных работ, в разнообразии тем, фундированности их разработок и выводов, наконец, в их востребованности не только в академических кругах, но и за их пределами, свидетельствуют о том, что гендерные исследования вполне закономерно получили статус самостоятельного научного направления в африканистике. Оно характеризуется как многосоставная и междисциплинарная отрасль знания,

включающая в себя практически весь спектр взаимоотношений мужчин и женщин – как на уровне глобального сообщества, так и в приватной жизни.

Мазов С.В.
ИВИ РАН
Москва
Sergey V. Mazov
Institute of World History
Moscow, Russia

The Ghanaian Mission of Ivan Potekhin, 1957

Ганская миссия И. И. Потехина 1957 г.

Один из основателей отечественной африканистики, первый директор Института Африки И.И. Потехин (1903-1964) стал первым советским африканистом, которому удалось побывать в Черной Африке. В октябре-декабре 1957 г. он находился в научной командировке в Гане. Его впечатления и наблюдения были опубликованы в 1959 г.*

До начала 1960-х ганский дневник Потехина был единственным источником, написанным профессиональным африканистом, по которому советский массовый читатель мог составить представление о тогдашней Африке, открыть для себя континент, интерес к которому повсеместно нарастал в связи с деколонизацией.

В отличие от многих писавших тогда об Африке советских авторов Потехин не позволил себе замалчивание или искажение фактов, которые противоречили его устоявшимся представлениям. Он проехал 5 тыс. миль по всей стране. Побывал в университетах, школах, государственных учреждениях, офисах политических партий, редакциях газет, железнодорожных мастерских, шахтерских поселках, деревнях. Общался с политиками, вождями, чиновниками, предпринимателями, миссионерами, писателями, художниками, крестьянами, ремесленниками, отходниками.

* Потехин И. И. Гана сегодня. Дневник, 1957 г. М., 1959.

Раздобыл в частных архивах уникальные материалы по истории Ганы. Его дневник – наблюдения африканиста-профессионала, наполненные симпатиями к ганцам.

Автор впервые использовал материалы из личного архива Потехина – его письма домой из Ганы, – которые позволили восстановить его непосредственные, не отредактированные цензурой впечатления и оценки. По документам из АВП РФ прослежены интриги недоброжелателей Потехина, которые едва не добились запрещения и изъятия из продажи изданного дневника.

Балезин А.С.
ИВИ РАН
Москва

Гера Ивановна Потехина как историк

Гера Ивановна Потехина (1926-1979) - дочь первого директора Института Африки Ивана Изосимовича Потехина. Росла она в доме, где все «крутилось» вокруг Африки, была лично знакома с крупными зарубежными африканистами, с видными африканскими деятелями культуры. Гера Ивановна была связующим звеном между первым и вторым поколениями наших африканистов, живо и образно рассказывая об обстановке в отцовском доме, людях, которые там бывали.

Она впервые в мире читала университетский курс истории литератур Черной Африки. Для студентов-историков она читала уникальный курс: «Африканская литература как исторический источник», и под таким углом африканские литературы тоже рассматривались впервые как в литературоведении, так и в источниковедении.

Ее перу принадлежат монография «Очерки современной литературы Западной Африки» (1968) и ряд статей, в частности – «Гриоты мандинго – хранители устной исторической традиции» (1965) и «Колониальные режимы

и культура» (1970). Кроме того, она активно участвовала в подготовке к изданию прорывного труда советских африканистов - тома «Народы Африки» (1956 г) и всех первых работ Центра африканских исследований ИВИ РАН, где работала последние годы своей жизни.

В своих работах - монографии и статьях она развивала идеи, до сих пор остающимися актуальными для исследователей истории Африки и африканской общественной мысли: об африканском фольклоре как историческом источнике, о различиях культурных процессов в колониях разных метрополий, об особой роли африканской интеллигенции и африканских литератур в условиях колониализма, о синкретизме африканских культур.

A.S. Balezin
Institute of World History
Moscow

Gera Ivanovna Potekhina as a Historian

Gera Ivanovna Potekhina (1926-1979) was the daughter of the first Director of the Institute for African Studies Ivan Potekhin. She grew up in a family where everything was connected with Africa, was personally acquainted with famous foreign Africanists, with prominent African artists. She was the connecting link between the first and second generations of our Africanists, vividly talking about the situation in her father's house, and its guests.

She was the world's first to teach a University course on the history of the literatures of Black Africa. For students-historians she read a unique course: "African literature as a historical source". Such view on African literature was absolutely new both for studies on African literatures and African history sources.

She is the author of the monograph "Essays on modern literatures of West Africa" (1968) and several articles, particularly "The Griots of the Mandingo peoples as keepers of the oral historical tradition" (1965) and "Colonial regimes

and culture" (1970). In addition, she was actively involved in the preparation for publication of a breakthrough work of Soviet Africanists - volume "the Peoples of Africa" (1956) and all the first works of the Center for African studies at the Institute of World History, RAS, where she worked the last years of her life.

In her works she was developing her ideas, which remain relevant for researchers of African history and African social thought: African folklore as a historical source, differences of cultural processes in colonies of different colonial powers, the role of African intellectuals and African literatures in terms of colonialism, syncretism of African cultures.

Дьяков Н.Н.

СПбГУ

Санкт-Петербург

Nikolay N. Dyakov

St. Petersburg State University

Russia

Russian Maghrebi Studies Seen by a Moroccan Scholar: ‘Abd ar-Rahim al-‘Ataui’s “Russian Oriental Studies” (Casablanca, 2002) and “Maghreb and Russia” (Rabat, 2011)

**Российская магрибистика глазами марокканского ученого:
‘Абд ар-Рахим ал-‘Атауи: «Русское востоковедение» (Касабланка,
2002); «Магриб и Россия» (Рабат, 2011) ***

С момента своего рождения в XIX в. магрибистика нередко рассматривалась как исключительно французская национальная академическая дисциплина. Причина тому – активная колониальная деятельность Франции по «освоению» мусульманского Магриба, начиная с вторжения в Алжир в 1830 году до установления протектората в Тунисе (1881-1883) и Марокко (1912).

Анализ политики Франции на севере Африки сопровождался появлением в России на рубеже XIX-XX вв. первых работ академических и

* 2002. عبد الرحيم العطوي. الاستشراق الروسي. الدار البيضاء. 2002);
2011. عبد الرحيم العطوي. المغرب وروسيا. الرباط. 2011).

военных экспертов, литераторов и путешественников по истории и культуре Магриба. В последующий период отечественная магрибистика добилась немалых успехов, во многом благодаря трудам наших ученых середины XX – начала XXI вв. (Ю.Н. Завадовский, Н.А. Иванов, Н.С. Луцкая, В.Б. Луцкий, а также А.М. Васильев, М.Ф. Видясова, А.З. Егорин, Н.А. Жерлицына, Р.Г. Ланда, Т.Л. Мусатова, В.В. Орлов, Н.П. Подгорнова и др.)

Магрибоведение, как комплексная социогуманитарная дисциплина, находящаяся на стыке арабистики и африканистики, впрочем, как и другие отрасли востоковедной науки, долгое время характеризовалась преимущественно европоцентристским подходом к изучению данного региона. Работы национальных авторов из стран Магриба с их подчас критическим взглядом на западную ориенталистику колониальной и даже постколониальной эпохи появляются лишь накануне, либо же вскоре после обретения народами региона национальной независимости.

В связи с этим существенным представляется анализ трудов ученых из стран Магриба, обратившихся к изучению опыта западного востоковедения и африканистики. Примером такого подхода является творчество видного марокканского филолога-литературоведа, одного из ведущих в регионе переводчиков русской классики на арабский язык – доктора Абд ар-Рахима ал-‘Атауи.

В своих работах этот видный ученый и интеллектуал тщательно анализирует обширный свод публикаций российских авторов нового и новейшего времени по многим аспектам истории и культуры, филологии и религиоведения, экономики и политологии стран арабского Магриба. Именной указатель двух рассматриваемых монографий А.Р. ал-‘Атауи насчитывает около 300 имен российских востоковедов и африканистов, в разные годы исследовавших страны Северной Африки и Ближнего Востока, а также десятки имен редакторов, переводчиков и авторов предисловий соответствующих изданий.

Кобищанов Ю.М.
Институт Африки РАН
Москва
Yuriy M. Kobishchanov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Two Most Important Events in the History of Civilizations in the 1st Millennium CE

Два главных события в истории цивилизаций I тыс. н.э.

Двумя главными событиями всемирно-исторического значения I тысячелетия, по моему мнению, были: 1) рождение в IV–VI вв. содружества христианских цивилизаций путем прививки христианства к подвою высокоразвитых древних цивилизаций (а также кельтской протоцивилизации на Британских островах) и 2) рождение исламской цивилизации в результате арабских завоеваний VII—VIII вв. и широкого синтеза цивилизаций (в том числе христианских) друг с другом и с культурами арабских, берберских и иранских племен при духовном доминировании ислама. Обе мировые религии были еще молоды и находились в процессе становления и бурного развития, тесно связанного с политическими проблемами того времени. По сравнению с этими двумя событиями гибель Западной Римской империи – событие регионального значения, важного лишь для истории Западной Европы и Британских островов. О смене общественно-экономических формаций всерьез говорить нельзя – в древности и средневековье, а в значительной части мира вплоть до конца XX в. господствовала большая феодальная формация, как было мною показано в работах 1956 – 2009 гг., а также в неопубликованной до сих пор новой двухтомной коллективной монографии «Очерки истории христианских цивилизаций».

Секция IV-6. СССР и деколонизация Африки
Panel IV-6. USSR and Decolonization of Africa

Руководитель: *Урнов А.Ю.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Andrey Yu. Urnov*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

The USSR policy in Africa during the years of liberation struggle has always been a subject of both praises and criticism. The controversy continues today. So the suggested theme is topical and the panel discussion will contribute to the search of truth. The process of colonization had been developing along side with the cold war. It was global and one of its front lines ran across the colonial (third) world. The cold war had its impact on the anticolonial struggle, its forms and methods, political and ideological orientation of liberation movements and newly independent states. Both blocks pursued their own interests. The fact remains, however, that the struggle of the colonial people for the liberation and the consolidation of their independence objectively ran contrary to the interests of the West and corresponded to those of the East. In the course of all its history the Soviet Union consistently stood for the liquidation of colonialism. Through rendering support to this just anticolonial struggle the USSR and its allies were on the side of the Right Cause, while the West was on the other side of the barricade. That doesn't mean, of course, that the policy of the East was irreproachable. Mistakes were made, the assistance was not always effective. For the Panel discussions we suggest the following topics:

- Colonial question and the policy of the USSR;
- The decolonization of Africa in the context of the Cold War;
- USSR – US policies in Africa at the time of the Cold War comparative analysis;
- Armed struggle as a legitimate and at times unavoidable form of the liberation movement;
- Decolonization and neocolonialism;
- Socialist orientation of newly liberated states;
- USSR contribution to the liberation of the Portuguese colonies and the liquidation of racism and apartheid in the South of Africa;
- Assistance to liberation movements, rendered by the Soviet Afro-Asian solidarity committee and other soviet nongovernment organizations.

We welcome other suggestions from prospective papergivers.

Урнов А.Ю.
Институт Африки РАН, Москва

Andrey Yu. Urnov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The USSR and the Colonial Problem

СССР и колониальный вопрос

Антиколониализм, признание прав наций на самоопределение и независимость – основополагающий принцип советской внешней политики.

Эволюция позиции СССР по отношению к политическому классу, возглавлявшему антиколониальную борьбу. От недоверия к «так называемому национально-освободительному движению в пользу буржуазии» к союзу сил социализма и национального освобождения. В середине 50-х годов 20 века СССР «открывает» для себя «третий мир».

Противостояние двух систем в зоне национально-освободительного движения в годы «холодной войны». Оба блока преследовали собственные интересы. Запад стремился заменить колониализм на неоколониализм, уйти так, чтобы остаться. Политика СССР и его союзников объективно отвечала коренным интересам народов «третьего мира», добивавшихся подлинной независимости. В этом противостоянии Восток выступал на стороне правого дела.

«Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (декабрь 1960 г.) Как складывалось взаимодействие СССР и афро-азиатской группой в ООН при выработке окончательного текста Декларации.

Вооруженная борьба. СССР отдавал предпочтение мирным решениям. Вооруженная борьба не абсолютизировалась. Однако, в некоторых ситуациях (Алжир, португальские колонии, Юг Африки) решить

проблему деколонизации и демонтажа расистских режимов, не прибегая к вооруженной борьбе, было невозможно.

Социалистическая ориентация. Концепция некапиталистического пути была призвана донести и по возможности привить левым силам взгляды КПСС на ход исторического процесса и одновременно служила предостережением от забеганий вперед.

Linda Piknerova
University of West Bohemia in Pilsen
Л. Пикнерова
Университет Западной Богемии
Пльзень, Чехия

Чехословацкое присутствие в Африке

Czechoslovakia's Involvement in Africa

Former Czechoslovakia, despite not being a colonial power, had enormous contacts and partnership with many African countries. While before 1948 Africa remained somewhat abstract region and the relations depended rather on individuals operation in countries like Ethiopia or South Africa, after 1948 during the era of the Cold War, Africa became one of the central points of Czechoslovak foreign policy and diplomatic as well as economic expansions. The paper will bring together several aspects of Czechoslovak-African relations in political perspective with special focus on development aspects of mutual relations. Ethiopia, Angola, or (former) Zaire belonged to the most important recipients of Czechoslovak foreign aid (material supplies, bilateral student's exchange, military supplies, and financial benefits). After the end of Cold War, Czechoslovakia (or Czech Republic since 1993) entered the new era of bilateral relations with African states. After a couple years of disinterest, the Czech Republic has started to provide a development aid to selected African states, which are viewed as the main Czech partners (Ethiopia, Angola, Zambia). Proposed paper will discuss the main features

of Czechoslovak foreign aid to Africa and compare former and current character of Czech(oslovak)-African relations.

Шубин В.Г.
Институт Африки РАН, Москва
Vladimir G. Shubin
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Moscow and Liberation Struggle in Zimbabwe

Москва и освободительная борьба в Зимбабве

В докладе будет показана роль Советского Союза в поддержке борьбы за ликвидацию расистского режима Родезии, отношения Москвы с ведущими национально-освободительными организациями Зимбабве, входившими в Патриотический фронт – Союзом африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и Африканского национального союза Зимбабве (ЗАНУ). Будут рассмотрены различные формы помощи, оказанной нашей страной – от подготовки военных кадров и поставок оружия до консультативного содействия при переговорах о политическом урегулировании. Будет также дана оценка тому, как занятая Москвой в тот период позиция повлияла на отношения связи СССР/России с Зимбабве после достижения независимости.

Доклад будет основан на архивных документах, беседах автора с участниками событий, его личном опыте, а также на недавно опубликованных материалах, в том числе мемуарного характера о подготовке в СССР кадров ЗАПУ.

Aurora Almada Santos
New University of Lisbon
А. Алмада Сантуш
Новый университет Лиссабона
Португалия

СССР и вопрос о португальских колониях в ООН

The USSR and Portuguese Colonial Issue in the United Nations

The armed struggle for self-determination and independence of Portuguese colonies, which took place between 1961 and 1974, had an international dimension in which the United Nations was a leading player. In the context of the international organization, the Union of Soviet Socialist Republics (URSS) pledged its support for the independence of Portuguese colonies and was in the forefront of many decisions designed to overcome the Lisbon authorities' resistance to decolonization. On the other hand, the Portuguese colonial issue was one of the numerous controversial topics, which opposed the USSR to the Western countries, arousing accusations in both sides regarding the complicities with the developments in the colonial war carried out by Portugal. As such, in my presentation I intend to explore the USSR contribution to the debates concerning Portuguese colonial issue in the United Nations. I intend to explain that the assessment of such contribution is far from being linear, since the USSR performance as regards to the Portuguese colonial issue was in some way overshadowed by the Afro-Asian countries, which had the majority in the General Assembly. Indeed, even if the USSR contributed to promote the isolation of Portugal in the United Nations, the Afro-Asian countries main effort was to insulate the debates regarding Portuguese colonialism from the Cold War rivalries. In the end, what prevailed was the Afro-Asian perspective about the path to be followed in the Portuguese decolonization, which was not embodied in the same bold language used in the URSS propositions.

Токарев А.А.
Институт Африки РАН,
Москва
Andrei A. Tokarev
Institute for African Studies
Moscow

**On the Relationship of the Lusophone Countries of Africa with the
USSR**

К отношениям португалоязычных стран Африки с СССР

В выступлении приводятся малоизвестные страницы истории поддержки Советским Союзом антиколониальной борьбы народов португальских владений в Африке (1960-х – сер. 1970-х гг.). Рассматриваются проблемы сотрудничества СССР с португалоязычными странами Африки (сер. 1970-х – 1991 гг.) взглядом очевидца.

Sekibakiba Peter Lekgoathi
University of the Witwatersrand
Johannesburg, South Africa
Секибакиба Петер Лекоути
Университет Витватерсранд
Йоханнесбург, ЮАР

**International Solidarity and Support for the African National Congress's
Radio Freedom, 1963-1991**

**Международная солидарность и поддержка Радио Свободой АНК,
1963 - 1991**

The study explores the guerrilla radio of the African National Congress (ANC) and its military wing, Umkhonto we Sizwe. While the volume of literature on the pivotal role played by the ANC in the struggle against apartheid in South Africa has substantially increased since 1994, work on the movement's underground radio station has remained inadequate. Following its crushing by the apartheid state machinery shortly after it went on air inside the country in mid-

1963, Radio Freedom was revived in exile in the late 1960s and continued to transmit its programmes illegally across the border into apartheid South Africa until 1991, when it closed down. Its primary objectives were to mobilise mass support for the anti-apartheid struggle (particularly the armed struggle) both locally and internationally, as well as to counter the apartheid government's propaganda messages disseminated mainly through the South African Broadcasting Corporation. Radio Freedom operated from several independent African states – Ethiopia, Tanzania, Madagascar, Zambia and Angola – and survived because of the different forms of support advanced to it from various parts of the world. Radio Freedom was accommodated on the external services of the state radio services in the Frontline states and some of its broadcasters and journalists received their training from the USSR and East Germany and in later years from Western countries such as the Netherlands. Using a combination of archival evidence (both audio and documentary sources) and interviews mainly with former broadcasters and executives of Radio Freedom, this paper explores the specific nature of support provided to Radio Freedom not only from host countries on the African continent but also from the East and the West. Against the backdrop of the Cold War, the study also probes more deeply the sponsors' motives for the support that they provided specifically for the broadcasting venture.

Блок V. Международные отношения

Unit V. International Relations

Секция V-1. Африка в полицентричном мире

Panel V-1. Africa in a Polycentric World

Руководитель: *Дейч Т.Л.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Tatiana Deych*, Institute for African Studies RAS, Moscow

Роль и влияние Африки в современном мире существенно возросли. Африка становится полноправным игроком в мировой политике. Африканские страны участвуют в принятии решений по важнейшим международным проблемам. Растет самостоятельность африканского внешнеполитического курса, перестраиваются его приоритеты. Этот процесс повлек за собой ряд глубоких геополитических и геоэкономических сдвигов. Возникла и укрепилась тенденция к ослаблению лидерства развитых стран Запада. Вектор африканской внешней политики перемещается в сторону Востока. В 2000-е годы восходящие страны совершили прорыв на Африканский континент. Новое партнерство позволило подорвать замкнутость африканских стран на евроатлантический вектор, расширить возможности их участия в мирохозяйственных связях и мировой политике. БРИКС, другие восходящие страны становятся локомотивом развития Африки. Сотрудничество с ними стимулирует повышение темпов экономического роста, создает возможности реализации национальных проектов в сферах инфраструктуры, здравоохранения, образования, науки. Наиболее активен в Африке Китай. Вопреки прогнозам о сокращении объемов сотрудничества с Африкой в условиях замедления темпов роста Китая, Пекин берет на себя новые обязательства. Новая стратегия китайско-африканского партнерства предусматривает рост финансовой помощи и инвестиций; в фокусе внимания – африканская инфраструктура, новые технологии, развитие человеческих ресурсов. В условиях жесткой конкуренции с традиционными и новыми игроками на континенте России в целом удалось сохранить потенциал взаимодействия с африканскими странами. Обострение отношений с евро-атлантическим сообществом повышает значимость для России сотрудничества с Африкой. Ставится задача выстраивания с континентом полноправного, рассчитанного на долгосрочную перспективу партнерства.

Препятствия эффективному развитию Африки – вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются страны континента. В последние годы число африканских конфликтов сократилось, однако они стали более продолжительными и кровопролитными. Так, конфликт в ДРК, суданские конфликты в Дарфуре и Южном Судане получили региональное измерение

и трудно поддаются урегулированию. Вместе с тем, поистине планетарные масштабы приобрела террористическая угроза. Центром террористической активности стал Ближний и Средний Восток. Регионализация современного терроризма нашла яркое проявление на примере трансграничного феномена – Исламского государства Ирака и Леванта – ИГИЛ, позже провозгласившего себя Исламским государством – ИГ, к которому примыкают действующие в разных странах, в том числе в Африке, террористические группировки. В одном только 2016 г. мишенями террористических атак стали такие страны, как Буркина Фасо, Кот д'Ивуар, Нигерия, Самали, Уганда. Важной проблемой международной и африканской безопасности является миграция. Приток массы беженцев в страны ЕС продемонстрировал кризис западной миграционной политики. Проблемы миграции тесно связаны с конфликтами и террористическими угрозами, вызывающими перемещение больших масс населения. Одновременно беженцы и мигранты являются питательной средой для вербовки членов мятежных формирований и террористических группировок. Международные проблемы Африки не ограничиваются обозначенными выше. Важную роль в их решении играет ООН, чьи миротворческие миссии активно участвуют в урегулировании кризисных ситуаций в странах континента. Вклад в решение африканских проблем вносит Африканский Союз, в программах которого важное место занимают вопросы развития, преодоления вызовов и угроз континенту.

На секции предлагается обсудить проблемы: роль Африки в мировой политике и экономике; традиционное и новое в африканской политике стран Запада; новые партнеры Африки; влияние БРИКС и других «восходящих» стран на экономическое и политическое развитие стран Африки; вызовы и угрозы Африке (конфликты, терроризм, организованная преступность, наркотрафик, международная миграция, климатические изменения); российско-африканские отношения; деятельность Африканского Союза и субрегиональных организаций; Африка и ООН.

The role and influence of Africa in contemporary world have increased. Africa becomes a full-fledged actor in global politics. African countries are involved in decision-making on international issues. The independence of African foreign policy is growing, its priorities are restructuring. This process resulted in profound geopolitical and geo-economic shifts. The leadership of the Western countries tends to lessen. African foreign policy vector shifts to the East. In the 2000s, emerging countries made a breakthrough on the continent. The new partnership permitted African countries to reduce reticence on Euro-Atlantic vector, to empower their participation in world economic ties and global politics. BRICS, other emerging countries become the locomotive of Africa development. Cooperation with them fosters economic growth, creates the possibilities to realize the national projects in infrastructure, healthcare, education, science. China is the most active in Africa. Contrary to predictions about the decline of cooperation with Africa in terms of a slowdown in China, Beijing pledges itself new commitments.

The new strategy of the Chinese-African partnership foresees the growth of financial aid and investment; focus on African infrastructure, new technologies, human resources development. In conditions of fierce competition with traditional and new players Russia managed to keep the potential for cooperation with Africa. The aggravation of Russia relations with the Euro-Atlantic community increases the importance of Russia-Africa cooperation. The urgent task is building equitable and long-term partnership with Africa. Challenges and threats are the obstacles to Africa development. In recent years, the number of African conflicts decreased, but they became more prolonged and bloody. The conflicts in DRC, Darfur and southern Sudan received the regional dimension and are difficult to resolve. A terrorist threat has acquired truly planetary scale. Regionalization of modern terrorism has found a vivid manifestation in the cross-border phenomenon – the Islamic state of Iraq and the Levant – ISIS, later self-proclaimed Islamic state (IS). Terrorist groups in African countries adjoin to IS. Only in 2016 Burkina Faso, Ivory Coast, Nigeria, Somali, Uganda have become the targets of terrorist attacks. An important issue concerning African security is migration. Mass influx of refugees to the EU has demonstrated the crisis of Western migration policy. Conflicts and terrorist threats cause displacement of large masses of the population. At the same time refugees and migrants are the breeding ground for recruitment members to rebel groups and terrorist organizations. The UN, whose peacekeeping missions involved in African conflicts resolving, contributes to security problems decision. Africa' development and security take an important place in African Union' policy. The panel will focus on the problems: Africa' role and influence in world politics and economics; new partners of Africa; the influence of BRICS and other 'emerging' countries on economic and political renewal in Africa; challenges and threats to Africa: conflicts, terrorism, organized crime, drug trafficking, international migration, climate changes; changes in Western countries' African policies; Russian-African relations, African Union and regional organizations; Africa and UN.

Азербает С.Г.

Казахский Университет
международных отношений
и мировых языков им. Абылай-хана
Алматы, Казахстан
Salavat G. Azerbaev
Kazakh Ablai Khan
University of International
Relations and World Languages, Almaty

Kazakhstan and Organisation of Islamic Cooperation Казахстан и Организация исламского сотрудничества

Республика Казахстан (РК) с момента обретения независимости начала проводить сбалансированный внешнеполитический курс. Определенное

место в нем отводилось организациям, которые имели контакты или сотрудничали со странами Африки. Пример – вступление РК в декабре 1995 года в качестве полноправного члена в международную Организацию Исламская Конференция (ОИК). Став членом ОИК, Казахстан приступил к расширению сотрудничества с государствами-членами организации по нескольким направлениям. С ростом взаимодействия с ИСЕСКО в сфере образования, культуры, науки и технологий РК получила от Исламского банка развития в 2003-2005 гг. финансовую помощь в размере 55 миллионов долларов США. 28-30 июня 2011 г. в Астане во время 38-й сессии Совета Министров иностранных дел ОИК председательствовала Республика Казахстан. На сессии состоялось переименование Организации исламская конференция в Организацию исламского сотрудничества (ОИС). Всего в рамках казахстанского председательства было проведено 40 мероприятий, в т.ч. 10 встреч на министерском уровне – больше, чем когда-либо в истории ОИС. Организованные Казахстаном мероприятия имели особое значение для координации позиций государств-членов по актуальным международным вопросам, включая заявку Палестины на получение статуса полноценного члена ООН, события на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В фокусе внимания организации находились вопросы преодоления гуманитарной катастрофы в Сомали, борьба с исламофобией, предотвращение межрелигиозных столкновений. Казахстан реализовал приоритеты, отраженные в Концепции и программе Председательства в СМИД ОИС на 2011-2012 гг. Проводилась работа по реализации казахстанских инициатив, выдвинутых в 2011 г. на VII Всемирном Исламском экономическом форуме и 38-й сессии СМИД ОИС: создание системы продовольственной взаимопомощи, механизма поддержки среднего и малого бизнеса, участие представителей ОИС в саммитах G20. Президент РК Н. Назарбаев предложил создать структуру продовольственной безопасности в рамках ОИС. Для изучения вопроса 11–13 июня 2013 года в Астане было проведено экспертное заседание ОИС. А в апреле 2016 года в ходе 7-й сессии конференции СМИД

ОИС по продовольственной безопасности и развитию сельского хозяйства и учредительной сессии Генеральной ассамблеи Исламской организации по продовольственной безопасности (ИОПБ) в Астане была создана Исламская организация по продовольственной безопасности. Участие в ИОПБ подтвердили Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Биссау, Джибути, Египет, Ливия, Мавритания, Мали, Нигер, Судан, Сомали, Союз Коморских островов, Сьерра-Леоне, Уганда.

Дейч Т.Л.
Институт Африки РАН
Москва

Китай и проблема конфликтов и терроризма в Африке и арабском мире

Политика «выхода за рубеж» имела следствием расширение экономической деятельности Китая в Африке и арабском мире. Однако нестабильность в регионе заставляет Пекин испытывать страх перед угрозами, способными нарушить поставки сырьевых ресурсов, нанести ущерб китайскому бизнесу и китайским гражданам. Пример – нападения на китайские предприятия в Южном Судане, инциденты с захватом в заложники и убийством сотрудников китайских компаний в Мали. основополагающий принцип внешней политики Пекина – невмешательство во внутренние дела других государств. Китай отвергает вооруженный путь решения кризисных ситуаций, ратуя за урегулирование конфликтов путем переговоров. Однако террористическая угроза заставляет его вносить коррективы в свою политику. Пекин принимает меры, чтобы защитить своих граждан, бизнес и финансовые вложения за рубежом. Пример – эвакуация 36 тыс. работников китайских компаний из Ливии во время событий «арабской весны». Китай активно участвует в операциях ООН по поддержанию мира (ОПМ) и впервые направил свои боевые части в миротворческие миссии ООН в Мали и Южном Судане. Расширяется участие Пекина в борьбе с пиратами в водах

Йемена и Сомали. В Джибути создается китайская военная база. На угрозу терроризма в Африке и на Арабском Востоке Китай отвечает модернизацией своих сил безопасности. Вместе с тем, Пекин все более активно участвует в глобальной дипломатии. Визит Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию, Египет и Иран в 2016 г. стал его первым посещением региона с момента вступления на пост председателя КНР. За неделю до визита была опубликована Белая книга «Документ китайской арабской политики» – первый документ о политике Китая в арабском мире, свидетельствующий о том, что Пекин осознает значимость региона в мировых делах. Сирийский мирный процесс предоставил Китаю уникальную возможность расширить опыт посредничества в решении глобальных конфликтов. Пекин проявил готовность работать с сирийским правительством, оппозицией, ЛАГ и арабскими странами в поисках политического решения сирийского кризиса. Для содействия мирным переговорам Пекин назначил в 2016 г. специального представителя по Сирии. Хотя Китай по-прежнему дистанцируется от вооруженного противостояния, он стремится действовать как влиятельный игрок в глобальной дипломатии, что подтверждает и взятая им на себя роль посредника в южносуданском конфликте в рамках ИГАД плюс.

Deych Tatiana L.
Institute for African Studies RAS,
Moscow

China and the Problem of Conflicts and Terrorism in Africa and the Arab World

The "going global" policy resulted in expansion of China's economic activities in Africa and the Arab world. However, the instability in the region is forcing Beijing to experience the fear in connection of threats that can disrupt the supply of raw materials, damage to Chinese businesses and Chinese citizens. Example – the attack on Chinese businesses in South Sudan, incidents of

kidnapping and killing employees of Chinese companies in Mali. The fundamental principle of Beijing's foreign policy is noninterference in the internal affairs of other states. China denies an armed way of conflict situations resolving, advocating for the conflicts resolution by way of negotiations. However, the terrorist threat forces Beijing to make adjustments in its politics. Beijing takes measures to protect its citizens, business and financial investments abroad. For example it has evacuated 36 thousands employees of Chinese companies from Libya during the events of the "Arab spring". China actively participates in UN peacekeeping operations (PKO). For the first time Beijing sent its combat troops to the UN peacekeeping missions in Mali and South Sudan. China's role in fight against pirates in the waters of Yemen and Somalia is growing. In Djibouti China created its military base. In response to the threat of terrorism in Africa and on Arab East China carries out a modernization of its security forces. At the same time Beijing participates actively in global diplomacy. XI Jinping trip to Saudi Arabia, Egypt and Iran in 2016 has become his first visit to the region since assuming the responsibilities of President. A week before the visit the White paper "The Document of China's Arab Policy" is published. It's the first document devoted to China's policy in the Arab World, indicating that Beijing is aware of this region importance in world affairs. The Syrian peace process had provided China a unique opportunity to enhance the experience of mediation in resolving global conflicts. Beijing has shown willingness to work with the Syrian government, the opposition, the Arab League and Arab countries in search for a settlement to the Syrian crisis. For facilitating of peace negotiations Beijing has appointed in 2016 its Special representative for Syria. Although China observes as before the principle of noninterference in armed conflicts, it seeks to act as an influential player in global diplomacy. Confirmation is also its mediator role within the framework of the IGAD plus in the South Sudanese conflict.

Turkey among Other Players in Africa: Specific Features and Prospects

Турция среди других игроков в Африке: особенности и перспективы

Появление новых игроков в Африке в значительной степени способствует преодолению государствами континента негативных факторов глобализации, евроатлантической зависимости и позволяет диверсифицировать внешние связи, расширяя возможности участия в преобразовательных процессах современной мирополитической системы. Турция, активизировавшаяся на африканском направлении в последние 10-15 лет, стремится аккумулировать позитивный опыт акторов, присутствующих в Африке более длительный период, отмечая при этом особенности своей модели взаимодействия со странами континента. Наиболее выпукло проявляются следующие сюжеты: акцентирование на позитивных аспектах общего Османского прошлого; антизападная риторика, осуждающая «колонизаторский багаж» ведущих держав и их стремление к насильственной вестернизации в контексте глобализационных процессов. Кроме того, Турция активно стремится разыгрывать карту религиозной и культурной общности, заимствуя из китайского опыта тезис об отсутствии политических условий помощи. Второе десятилетие XXI века стало временем своеобразной «проверки на прочность» для внешней политики Анкары в свете событий «арабской весны», вследствие которой краеугольный принцип «ноль проблем с соседями» был подвергнут серьезному пересмотру. Среди причин, обуславливающих интенсификацию отношений Турции со странами Африки, следует отметить нарастающие неоосманистские тенденции в идеологии правящей турецкой элиты, которые диктуют более активную внешнюю политику на «постосманском пространстве», а также стремление турецкого руководства переключить внимание общественности с неудач во внутренней

политике на успехи во внешней. Важным фактором является и то, что поиск новых партнеров и укрепление сотрудничества с ними подтверждает тезис многовекторности внешней политики Турции и способствует росту ее престижа на международной арене. Необходимо принять во внимание и факт борьбы с сетью представительств, связанных с гюленовским движением «Хизмет» и причисленных Р.Т.Эрдоганом к т.н. «параллельным» структурам государства, которые количественно и качественно активно присутствуют на африканском континенте и ведут, по словам официальной Анкары, подрывную деятельность по отношению к турецкому правительству. Можно предположить, что дальнейшее расширение активности Анкары на континенте способно стать фактором продвижения ее к стратегической цели - превращения в ведущего участника системы международных отношений, способного внести вклад в процесс трансформации полицентричной архитектуры экономики и безопасности.

Корендясов Е.Н.
Институт Африки РАН
Москва

Россия: трудное возвращение в Африку

Африка сегодня является влиятельным игроком в мировой политике и экономике, необходимым звеном в противостоянии глобальным вызовам. Континент – ключевой фактор мировых демографических процессов. Его ресурсный потенциал – необходимый инструмент обеспечения сбалансированного спроса мировой экономики на сырьевые ресурсы. Африка – динамично растущий рынок инвестиций, современных технологий, наукоемкой машино-технической продукции. И, наконец, Африка – важнейший источник наиболее значимого роста глобального спроса. Африка – один из важнейших объектов борьбы за экономическое и политическое влияние между западными державами и восходящими странами и в рамках

каждого из этих альянсов. Начало возвращения новой России на континент относят к визиту президента РФ В.В. Путина в ЮАР в 2006 г. С тех пор объем российско-африканской торговли с 2005г. до 2015 г. вырос (в текущих ценах) с 3,5 млрд. долл. США до 11,1 млрд., т.е. в 3 раза. Объем инвестиций за этот же период достигает 12-15 млрд. долл. За 2000 – е годы между РФ и странами Африки подписано около 40 соглашений об экономическом и техническом партнерстве и 42 торговых соглашения. Расширены зоны взаимопонимания и взаимодействия по международным проблемам. Тем не менее ни масштабы сотрудничества и ни уровень его отдачи с точки зрения интересов каждой из сторон не могут считаться удовлетворительными. Более 70% российских торгово-экономических связей концентрировались в сфере разведки и добычи углеводородного и твердого минерального сырья. Этот подход изживает себя. Необходимо энергичное расширение экспансии в области промышленности, строительства, финансово-банковской сферы, транспорта, инфраструктуры, формирования человеческого капитала, научно-культурных, гуманитарных связей. Такой подход требует существенного пересмотра философии российско-африканского сотрудничества, создания системы финансово-экономического стимулирования и институциональных государственных и государственно-частных механизмов-имплементации соответствующих программ.

Korendyasov Evgeniy N.
Institute for African Studies RAS,
Moscow

Russia: a difficult comeback to Africa

Today Africa is a crucial actor in world politics and economy, an indispensable part in confronting global challenges. The continent is a key factor of global demographic processes. It's resource potential is a necessary tool of

supplying a balanced demand for raw materials of the world economy. Africa is a rapidly developing investment market of modern technologies, science-driven machine-technical production. And finally, Africa is an important source of significant growth of global demand. Africa is one of the most important objects of struggle for economic and political influence between Western powers and emerging states, and within each of these alliances. The roots of the come-back of the new Russia to the continent relates to the visit of Russian President Vladimir Putin to South Africa in 2006. Since that time the volume of Russian-African trade between 2005 and 2015 increased (in current prices), from \$ 3.5 billion USA to 11.1 billion, i.e. 3 times. The investment volume over the same period is up to 12-15 billion. There were signed about 40 agreements on economic and technical partnership and 42 trade agreements among Russia and African countries during the 2000-s. Areas of mutual understanding and cooperation on international issues are expanded. However, neither the cooperation nor the level of impact of the interests of each part can't be considered satisfactory from both points of view. Over 70% of Russian trade-economic relations were concentrated in the field of exploration and production of hydrocarbon and solid minerals. This approach becomes outlived. It is necessary to provide dynamic expansion in industry, housebuilding, sphere of financial-banking, transport, infrastructure, human capital assets formation, scientific, cultural, humanitarian relations. This approach requires a substantial reconsideration of Russian-African cooperation philosophy, a system of financial-economic stimulation establishment and public-institutional and public-private mechanisms of implementation of relevant programs.

Мезяев А.Б.
Университет управления «ТИСБИ»
Казань
Alexander B. Mezyaev
University of Management TISBI
Kazan, Russia

Africa and International Criminal Court

Африка и Международный уголовный суд

Взаимоотношения отдельных государств Африки и Африканского Союза (АС) с Международным уголовным судом (МУС) в 2015-2017 гг. претерпели серьёзные изменения. Несмотря на радикальное решение о выходе стран континента из состава участников Статута МУС, Африканский Союз сформулировал условия для возможного сохранения участия в данном международном договоре, в том числе, ограничение полномочий прокурора МУС и роли Совета Безопасности ООН в вопросах передачи в МУС ситуаций в странах, не являющихся участниками Статута МУС, усиление роли АС в принятии решений СБ и др. Однако предложения по реформированию МУС являются стратегической ошибкой АС. Международный уголовный суд не может быть реформирован, поскольку его проблемы являются не «побочным эффектом» добросовестной деятельности, а системными дефектами органа, созданного с целями, далёкими от официально провозглашенных в Статуте МУС. 31 января 2016 г. саммит глав государств Африканского Союза принял документ «Стратегия выхода», предусматривающий коллективный выход стран Африки из Статута МУС. Хотя в документе признаётся юридическая возможность лишь индивидуального выхода, коллективный выход продвигается в качестве политического шага. В октябре-ноябре 2016 года Бурунди, Южная Африка и Гамбия заявили о выходе из состава участников Статута Международного уголовного суда. Все три государства переживают попытки смены режимов, и роль МУС в каждом случае значительна. В Бурунди главный прокурор

МУС возбудил расследование с целью международной изоляции правительства и внешней поддержки внутренней оппозиции, применяющей террористические методы. В Южной Африке МУС способствовал дестабилизации положения в стране, вынося распоряжение об обязанности властей арестовать президента Судана О. аль-Башира во время его пребывания в ЮАР. Следует отметить дестабилизирующую роль судебной власти в ЮАР, на протяжении последних десятилетий вмешивающейся в политику правительства на стороне оппозиции, в том числе, по вопросам участия Южной Африки в Статуте МУС. Анализ судебных решений показывает, что судьи либо некомпетентны в вопросах международного права, либо умышленно принимают неправовые решения. 19 января 2017 года в Гамбии произошёл государственный переворот; новый президент А. Барроу объявил об отзыве направленного Генсеку ООН документа о выходе Гамбии из состава участников МУС. Ряд обстоятельств позволяют утверждать, что приход к власти А. Барроу имеет сомнительную легитимность, и прямым участником переворота являлся Международный уголовный суд, в частности, главный прокурор Ф. Бенсуда (гражданка Гамбии). Среди этих обстоятельств – отказ в разрешении избирательного спора согласно Конституции Гамбии, устанавливающей компетенцию по рассмотрению таких споров только Верховного Суда страны. Иск президента Я. Джамме в суд не был рассмотрен в связи с отказом нигерийского судьи принимать участие в процессе до мая 2017 г. Вторжение войск Сенегала и Нигерии под видом военной операции ЭКОВАС нарушило принцип невмешательства во внутренние дела государств. Однако поведение правительства Нигерии и нигерийского судьи объясняется сложным положением, в котором оказались нигерийские власти в рамках расследования, проводимого МУС в Нигерии.

Современные угрозы и вызовы Гвинейского залива: африканский ответ

Гвинейский залив Атлантики, воды которого омывают берега тринадцати государств Африки, представляет собой один из самых богатых по природным ресурсам регионов континента. При этом данная характеристика относится как к наземным территориям стран, так и к их морским исключительным экономическим зонам и континентальным шельфам. В настоящее время страны Гвинейского залива сталкиваются с рядом угроз и вызовов, которые сдерживают экономическое развитие и представляют угрозу их безопасности. Среди этих проблем следует отметить пиратство и вооруженные нападения на морские суда в акватории Гвинейского залива, незаконный рыбный промысел, нарушение морских границ, наркотрафик, контрабанду оружия, нелегальную миграцию, а также торговлю человеческими органами. Одной из проблем, приобретающей все большие масштабы, является загрязнение морских пространств вследствие нефте- и газодобычи на континентальном шельфе. Определенный потенциал конфликтогенности несет в себе сохраняющаяся неурегулированность морских границ государств Гвинейского залива, а также их исключительных экономических зон и континентальных шельфов. Правительства стран Гвинейского залива прилагают в последние годы значительные усилия по решению этих проблем, в частности в рамках субрегиональных организаций – Экономического сообщества западноафриканских государств и Экономического сообщества государств Центральной Африки, а также созданной в начале нынешнего столетия Комиссии Гвинейского залива. Активное участие в этом принимает и Африканский союз. Вместе с тем, учитывая масштабы вызовов и угроз, с которыми сталкиваются государства Гвинейского залива, а также ограниченность имеющихся у них финансовых и

технических возможностей, им вряд ли удастся с ними справиться без содействия международного сообщества.

Nenashev Sergey V.
Institute for African Studies RAS
Moscow

The present-day threats and challenges of the Gulf of Guinea: The African answer

The Gulf of Guinea, which washes the coasts of 13 African states, is one of the richest regions of the continent in natural resources. In addition, this fact is true for both of ground territories, exclusive economic zones and continental shelves. Nowadays the countries of the Gulf of Guinea encounter a number of threats and challenges, which restrain the economic development and threaten their security. Among the problems to be noted are piracy and armed attacks on sea vessels in the Gulf waters, illegal fishing, violation of the wartime frontiers, drug trafficking, arms smuggling, illegal immigration and human organs trade. One of the problems, which acquires growing dimension is pollution of waters due to oil and gas extraction on the continental shelf. A certain conflictogenic potential is hidden in unsettled wartime frontiers of the states of the Gulf of Guinea, their exclusive economic zones and continental shelves. The governments of the Gulf of Guinea make significant efforts to solve these problems, in particular, in the framework of regional organizations such as the ECOWAS, the ECCAS and the Commission of the Gulf of Guinea established early in this century. The African Union also takes part in solving the mentioned-above problems actively. At the same time, the states of the Gulf of Guinea are unlikely to resolve such problems without the international community assistance, taking into consideration a number of challenges and threats, which the states encounter with their limited financial and technical resources.

Song Wei
Chinese Academy of International Trade and
Economic Cooperation, Ministry of Commerce,
PRC

В. Сонг
Китайская академия внешней
торговли и экономического
сотрудничества, Пекин

**Анализ эффективности помощи Китая Африке: перспективы развития
трехстороннего сотрудничества между Китаем, Соединенными Штатами
и африканскими странами**

**Analysis of the Effectiveness on China's Foreign Assistance toward Africa:
Prospects for Tri-parties Development Cooperation among China, U.S. and
African Countries**

Africa has consistently regarded international development assistance as an important channel for the capital, technology, human resources, and other development resources. With the further development of Sino- African relations, China has played a more and more important role in the process of poverty reduction and governance improvement in African countries. In recent years, how to evaluate and optimize the aid effectiveness of the donor countries has gradually become the focus of international arena. The aid effectiveness evaluation standard which OECD/DAC constituted is the prevailing rules generally accepted both by the donor and the recipient countries. However, this evaluation system has certain defects, while applied to China's foreign assistance toward Africa. The most obvious one is that it failed in reflecting the equal status between China and African countries in South-South development cooperation. Therefore, this paper is trying to construct a new standard to evaluate the effectiveness of China's foreign assistance toward Africa, on the basis of acceptance and modification of the OECD/DAC methodology. In retrospect, China's foreign assistance toward Africa has made a great headway in pushing forward African poverty reduction. But it has been suffering from three main problems: first, the complete project as the main methodology is weak in sustainability after its delivery to African countries;

second, the channel of China's African development fundraising is very insufficient, which led to heavy burden of Chinese government and constraint of China's influence expansion; third, since Chinese government has not paid enough attention to soft aid, the influence of Chinese assistances is relatively weak in African capacity building.

Compared with the evolution of U.S. foreign aid policy toward Africa after WWII, this paper discusses that trying to conduct tri-parties Development Cooperation with United States in Africa could be one of the ways to improve China's aid effectiveness toward Africa.

Урнов А.Ю.
Институт Африки РАН, Москва

Политика США в Африке

В выступлении будет кратко рассмотрен ход реализации африканского курса США в политической, экономической и военной областях на завершающем этапе президентства Б.Обамы (2014-2016 годы). Уделять повышенное внимание Африке Вашингтон побуждал ряд факторов: геополитический и стратегический – в контексте курса США на сохранение и укрепление своей глобальной гегемонии в условиях, когда место и роль Черного континента в международной жизни заметно возросли, тогда как в развернувшейся «битве за Африку» с КНР и другими новыми акторами позиции и влияние Вашингтона на континенте стали ослабевать; экономические – заинтересованность в минеральных ресурсах и рынках стран континента; специфически африканские: сохраняющиеся кровоточащие проблемы континента (нищета, голод, болезни, нестабильность, многочисленные конфликтные ситуации, разгул международного терроризма) не только ограничивали возможности получения Соединенными Штатами искомых политических и экономических дивидендов в Африке, но и в определенной степени создавали угрозу их

собственной безопасности; отсюда необходимость для Вашингтона так или иначе участвовать в решении указанных проблем. В выступлении предполагается затронуть наиболее крупные политические акции США – Американско-африканский саммит в Вашингтоне (август 2014 .), поездки Б.Обамы в Кению, Эфиопию и штаб-квартиру Афросоюза (июль 2015 г.), проанализировать вопросы развития экономических связей (торговля, инвестиции, помощь) и осуществления военных программ, включая активность Африканского командования США (АФРИКОМ). Будет сделана попытка оценить результаты проводившегося Б.Обамой курса и сопоставить этот курс с установками африканского курса администрации Д.Трампа.

A. Urnov
Institute for African Studies
Russian Academy of Sciences, Moscow

United States Policy in Africa

The paper will present a brief review of how the US African course in the political, economic and military spheres was implemented at the concluding stage of B.Obama presidency (2014 – 2016). The US attention to Africa augmented by a number of factors. - Geopolitical strategic – in the context of US attempts to maintain and strengthen its global hegemony at the time when the role of the Black Continent in world affairs has been increasing, while in the “Battle for Africa” with China and other new actors the American positions and influence of the continent were weakening. Economic – an interest in mineral resources and markets of African countries. Specifically African – The bleeding problems of the continent (poverty, hunger, diseases, instability, numerous conflicts, upsurge and spread of international terrorism) not only hindered the achievement of the US political and economic goals in Africa, but to some extent constituted a threat to its own security. That compelled Washington to participate in the efforts to resolve these problems.

The paper will touch upon the major political events – US – Africa summit (August 2014), B.Obama’s visits to Kenya, Ethiopia and the African Union Headquarters (July 2015), will provide some materials on the development of economic relations (trade, investment, assistance), as well as on the realization of US military programs, including the activities of AFRICOM. The attempt will be made to assess the sum total of Obama policy and to compare it with the initial steps of Trump administration in Africa.

Усов В.А.
Институт Африки РАН, Москва

Африканские общины в Индии: проблема появления и современное положение

Существование африканских общин в Индии до последнего времени оставалось одной из наименее известных тем в изучении индийско-африканских отношений. Между тем, африканцы, начиная с XIII в. играли значительную роль в истории Индии, оставив свой след не только в политике, военном деле, но и в архитектуре и культуре этой страны. Будучи изначально рабами или слугами мусульманских правителей, привезенными в Индию из самых разных частей Африки, со временем африканцы сумели прийти к власти в некоторых доколониальных индийских государствах, а в двух небольших княжествах – Джанджире и Сачине, стали основателями княжеских династий, существовавших вплоть до достижения Индией независимости в 1947 г. Отдельная группа африканских рабов была привезена в Индии европейцами и сегодня их потомки вошли в состав христианской общины этой страны. Небольшая группа потомков африканцев стала индуистами. Сегодня в Индии, преимущественно в штатах Гуджарат, Андхра-Прадеш и Карнатака, проживают не менее 50-60 тысяч потомков африканцев, которые занимают различные профессиональные ниши – от храмовых танцоров и музыкантов до чернорабочих и поденщиков. Занимаясь

преимущественно неквалифицированным ручным трудом, они почти незаметны среди местного населения и выделяются в основном своей внешностью и некоторыми сохранившимися культурными традициями, в первую очередь музыкой и танцами. Будучи вытесненными в самый низ социальной иерархии, потомки африканцев в Индии стремятся объединить усилия для более эффективного отстаивания своих интересов. При этом происходит выработка их новой идентичности, преодолевающей конфессиональные различия, и переход на единое самоназвание – "сидди", которые в свою очередь рассматриваются как неотъемлемая часть всемирной африканской диаспоры.

Usov Viacheslav A.
Institute for African Studies
Russian Academy of sciences, Moscow

The African communities in India: emergence and current position

The very existence of old African communities in India has been almost unnoticed in the field of India-Africa relations studies for many years. Meanwhile, Africans since 13th century A.D. at least played an important role in the Indian history and put their footprints in Indian politics and culture. Although initially most Africans taken to India as slaves and captives, some of them managed to come to power and even to establish royal dynasties in Janjira and Sachin, two small Indian States, which were finally integrated into India only after 1947. Some groups of the African were taken to India by the European colonial powers and were converted to Christianity. Smaller part of Africans also became Hindu. Today 50-60 thousand of their descendants are still living in India. These Indian Africans do mostly manual work and can be distinguished from local population only in appearance and some cultural traditions especially in music and dance. The need for more effective measures to promote their interests in the society makes all groups of Indian Africans pool the efforts and work out new identity. As all Indian

African communities take one common name – Siddi, this group is seen now as part of African Diaspora in Asia and integral part of global African Diaspora.

Халитова А.Р.
Институт Африки РАН
Атташе Посольства России в Гвинее

Взаимодействие Франции и африканских стран в международных и региональных организациях

В последнее время под натиском новых африканских партнеров экономический вес Франции в Африке снижается. В то же время по-прежнему остается значительной ее роль в принятии политических решений на континенте, прежде всего в традиционных зонах ее влияния – франкофонной Африке. Одним из важнейших направлений африканской стратегии Франции является расширение ее влияния в других регионах континента. Ввиду растущей региональной интеграции ставка делается на взаимодействие с африканскими странами, прежде всего в рамках международных и региональных организаций. Интерес Франции заключается в продвижении политических решений как на уровне ООН (африканская группа - самая многочисленная в Генеральной Ассамблее), так и на региональном уровне. Такой симбиоз представляет интерес и для африканских стран в связи с тем, что Африканскому Союзу (АС) необходим сильный партнер – постоянный член Совета Безопасности ООН, каковым является Франция. Обрисовывается возможность лоббирования через такого партнера выгодных АС решений, в частности, касающегося реализации африканского проекта реформы Совета Безопасности ООН. Ключевым является продвижение в ООН операций по поддержанию мира и миротворчеству: значительная их часть нацелена на разрешение конфликтов именно в Африке. Растет роль региональных организаций в принятии политических решений на африканском континенте, прежде всего

Африканского Союза. В этой связи ряд аналитиков отмечает победу лояльного Франции президента Гвинеи Альфы Конде на выборах на пост председателя Африканского Союза как внешнеполитический выигрыш Франции. В стратегию лоббирования интересов Франции, в частности, вписывается инициированная Африканским Союзом Инициатива по возобновляемым источникам энергии, которая была анонсирована во время Парижской конференции по климату COP 21. Франция также является инициатором создания региональных блоков в Африке, необходимых для продвижения ее собственных интересов. Яркий пример – Сахельская группа пяти, или G5, созданная для координации Францией региональных усилий по борьбе с терроризмом в зоне Сахеля.

Khalitova Asiya R.
Institute for African Studies RAS,
Moscow,
Attaché of the Embassy of Russia to
Guinea and Sierra Leone

France and African countries in international and regional organizations

The economic influence of France in Africa has recently decreased under pressure of new African partners. At the same time, its role in political decision-making is still significant on the African continent, first of all, in its traditional influence zones – French-speaking countries. One of the most important directions of French strategy in Africa is its expansion in other African regions. Due to the African increasing regional integration, French interaction with these countries within the framework of international and regional organizations is high on the French political agenda. France is interested in promoting its political decisions in the UN (the African group is the most numerous at the UN General Assembly) as well as at the regional level. This type of symbiosis is also beneficial for African countries as the African Union needs a strong partner – a permanent member of the UN Security Council (so is France). African Union has the chance to lobby

through this partner the political decisions which are favorable for the AU, for example, an implementation of the African project of the UN Security Council reform. The key issue of this strategy is the promotion of peacebuilding and peacekeeping operations in the UN, the important part of which is aimed at resolving conflicts in Africa. The role of regional organizations, first of all the African Union, in political decision-making has recently increased on the African continent. As a result, some analytics believe that the victory of loyal to France Guinean president Alpha Conde at the elections of the Chairperson of the African Union was a foreign policy win of France. Moreover, the French lobbying strategy includes the African Renewable Energy Initiative launched by the African Union and announced at COP 21 in Paris. France also initiates creating regional blocs in Africa to promote the French interests. One of the good examples is the Sahel G5 launched by France to coordinate regional efforts in fighting against terrorism in the Sahel.

Хлебникова Л.Р.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

«Возвращение» Израиля в Африку: возможности и ограничения

В начале 2016 г. израильский премьер-министр Б. Нетаньяху объявил о возвращении Израиля в Африку. Основными направлениями новой африканской политики Израиля были названы содействие развитию и помощь в борьбе с терроризмом. Израильское правительство также стремится развивать бизнес на африканском континенте. Если Израиль преследует в Африке геостратегические (усиление влияния на континенте), экономические (получение прибыли от экспорта вооружений и других контрактов), политические (обеспечение лояльной позиции стран-партнеров в рамках ООН и поиск содействия в урегулировании проблемы африканских беженцев в Израиле) цели, то африканские государства ищут в сотрудничестве с Израилем помощь в решении проблем безопасности (в

первую очередь, в противодействии террористической угрозе) и преодолении вызовов развитию (в таких областях, как образование, устранение неравенства, борьба с климатическими изменениями и др.). На данный момент успешными можно назвать израильско-кенийские и израильско-эфиопские отношения, которые интенсивно развиваются в самых разных сферах: от сельского хозяйства до гуманитарной помощи. Однако Израиль и африканские страны сталкиваются с различными препятствиями на пути к прочным и стабильным отношениям. В докладе будут проанализированы точки соприкосновения и узлы противоречий в отношениях ближневосточного государства и африканских стран.

Khlebnikova Luiza R.
Lomonosov Moscow State University

Israel's comeback to Africa: capabilities and limitations

In the beginning of 2016 Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu declared Israel's comeback to Africa. The key directions of Israel's new African policy were emphasized as sustainable development and counterterrorism. Israeli government also is very interested in providing better conditions for Israeli businesspersons in Africa. In general, Israel seeks to achieve strategic (expanding her influence in the region), political (obtaining needed votes in the UN and searching ways to resolve Israel's African refugee issue) and economic aims in Africa. In their turn, African states aim at getting Israel's help in fighting terrorism and overcoming development challenges (poor education, poverty, gender inequality, climate changes etc). Nowadays the most fruitful cooperation between the Jewish state and an African state are Israeli-Kenyan and Israeli-Ethiopian relations that develop intensively in the development and security domains. However, on a way to prosperous and stable relations, Israel and African states face different impediments, spoiling their relations. This paper seeks to analyze areas of common interests and differences between Israel and African states.

«Восходящие страны» Азии и Африка: на примере Республики Кореи

Страны Африки всегда были заинтересованы в диверсификации своих внешних связей, это позволяло им добиваться уступок от основных партнеров. Сегодня у африканских стран появилась новая группа альтернативных партнеров – *emerging economies*, «восходящие» страны, среди них в Восточной Азии – КНР, Гонконг (КНР), Республика Корея, Тайвань (провинция КНР). Азиатские страны с развивающимися рынками заняли заметное место во внешнеполитических и внешнеэкономических связях африканских стран, повысилась их доля во внешней торговле стран Африки. В 2014 г. четвертое место среди «восходящих» стран по экспорту в Африку и третье место по импорту из нее занимала Республика Корея. Южная Корея начала устанавливать дипломатические отношения с африканскими странами еще с 1960-х гг. Она конкурировала за дипломатическое признание с КНДР. Южная Корея была заинтересована в поддержке африканских стран при голосовании по вопросу о ее приеме в ООН. После того как Южную Корею приняли в ООН, она стала в 1990-х гг. сворачивать внешнеполитические связи с африканскими странами. Отношения Южной Кореи со странами Африки вновь активизировались с начала 2000-х гг. Немалую роль в этом сыграл Пан Ги Мун в бытность министром иностранных дел. В 2006 г. состоялся визит президента Но Му Хёна в Африку: его сопровождали руководители компаний Korea Electric Power Corporation и Korea National Oil Corporation; последняя заключила в Нигерии соглашение о разделе продукции с национальной нефтедобывающей корпорацией. После визита было создано два форума по сотрудничеству со странами Африки: Korea Africa Forum и Korea Africa

Economic Cooperation Conference. Помощь Южной Кореи африканским странам заметно возросла. Вопросами оказания помощи занимаются КОИСА (Korea International Assistance Agency) и EDCF (Economic Development Cooperation Fund). Аналитики отмечают, что стратегия Южной Кореи в Африке основана на трех мотивах: ресурсы, политическая поддержка при голосовании в ООН, продвижение мягкой силы благодаря «дипломатии помощи». Можно добавить к ним четвертый мотив и важного актора – ведущие южнокорейские торгово-промышленные группы - чеболь, такие, как Самсунг, которая весьма активна в Африке.

Tsvetkova Nina N.
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Emerging Asian Economies and Africa: The Republic of Korea

African countries were always interested in diversification of their external relations; it allowed them to improve their bargaining position in relations with their main partners – Western countries. At present there is a new group of alternative partners for African countries: emerging economies, among them countries and territories of East Asia - China, Hong Kong (China), the Republic of Korea, Taiwan (province of China). Asian emerging market economies have become important partners for African countries in external political and economic relations, their share in exports and imports of Africa has increased. In 2014 South Korea was fourth among emerging economies in exports to Africa and third in imports from Africa. South Korea started to establish economic relations with African countries in 1961. There was a sort of rivalry for diplomatic recognition between South Korea and North Korea. South Korea was interested in getting support from African countries in voting on its admission to the United Nations. After recognition of both North Korea and South Korea by the UN in 1991, South Korea's interest in Africa waned. It was not until the mid-2000s that South Korea began to take diplomatic relations with Africa seriously again. Ban Ki-moon

played an important part in this process when he was South Korea foreign minister. In 2006 there was the second state visit by a president of South Korea to Africa. President Roh Moo-hyun discussed several trade and investment deals and pledged to increase Korea's official development assistance (ODA) to Africa. On his visit to Egypt, Nigeria, and Algeria in 2006, President Roh was accompanied by chief executive officers of Korea Electric Power Corporation and Korea National Oil Corporation. The latter concluded a production sharing agreement with the Nigerian state oil corporation. After the visit two forums on cooperation with African countries were established: the Korea Africa Forum and the Korea Africa Economic Cooperation Conference. There are two organizations in charge of ODA in South Korea: KOICA (Korea International Assistance Agency) and EDCF (Economic Development Cooperation Fund). Official Development assistance (ODA) from South Korea to African countries has increased considerably. Experts point out that South Korea strategy in Africa is based on three motivations: resources, political support in UN voting, promoting soft power via contributive diplomacy (ODA). Another motivation and an important actor can be added: the activity of leading South Korea trade and industrial groups, chaebols, such as Samsung, which is increasing its presence on the African market.

Секция V-3. Африканская интеграция и миротворчество
Panel V-3. African Integration and Peacekeeping

Руководитель: *К. Готтшалк*, Университет Западного Кейпа, Белвиль, ЮАР
Convenor: *Keith Gottschalk*, University of the Western Cape, South Africa

The African Union family of organizations, including its regional communities such as ECOWAS, have both remarkable achievements in economic integration and peacekeeping, compared to intergovernmental regional organizations on other continents, but also serious and persisting, protracted problems. For example, over 75 000 African troops participate in UN and hybrid peacekeeping operations, but the AU has failed to set up its merely 20 000-strength African Standby Force, whose launch was originally scheduled for 2010. Similarly, while the AU summits regularly sign treaties and declarations whose full implementation would require a partial ceding of sovereignty to a supra-national entity, the reality is that the member states regularly fail to implement even less momentous resolutions. For example, the Yamoussoukro Declaration is unimplemented after seventeen years. This panel invites papers exploring any of this comprehensive range of continental challenges and topics. Papers may focus on either the continent, or a sub-regional organization's terrain.

Keith Gottschalk
University of the Western Cape
South Africa
К. Готтшалк
Университет Западного Кейпа
Белвиль, ЮАР

Современные угрозы африканской интеграции и миротворчество

Current Challenges to African Integration & Peacekeeping

The African Union family of organizations, including its regional communities such as ECOWAS, have both remarkable achievements in economic integration and peacekeeping, compared to intergovernmental regional organizations on other continents, but also serious and persisting, protracted problems.

For example, over 75 000 African troops participate in UN and hybrid peacekeeping operations, but the AU has failed to set up its merely 25 000-strength African Standby Force, whose launch was originally scheduled for 2010.

Similarly, while the AU summits regularly sign treaties and declarations whose full implementation would require a partial ceding of sovereignty to a supra-national entity, the reality is that the member states regularly fail to implement even less momentous resolutions. For example, the Yamoussoukro Declaration is unimplemented after seventeen years.

Pirozhkov Dmitriy
Institute of African Studies
Пирожков Д. С.
Институт Африки, Москва
Россия

Африканская интеграция и миротворчество: роль международных организаций в миротворческом процессе в Южном Судане

African Integration & Peacekeeping: the role of International Organizations in the Peacekeeping Process in South Sudan

To resolve the conflict in South Sudan, with the mediation of IGAD in Addis Ababa, on 17 August 2010 both sides signed an agreement. This defined the mandate, composition and structure of the transitional government, the ceasefire and transitional security measures, the provision of humanitarian assistance and reconstruction, mechanisms of financial and economic management, transitional justice, the parameters of the constitution, the creation of a joint monitoring and evaluation commission, and procedures to amend this agreement.

South Sudan teeters on the borders of genocide, similar to what happened in Rwanda. This was pointed out by UN experts at the special session of the UN Human Rights Council on the situation in South Sudan. Beginning on 9 July 2011, the Security Council established the UN Mission in the Republic of South Sudan. An extraordinary summit of heads of state and government, in the format of IGAD

Plus, dedicated to the situation in South Sudan, was held in Addis Ababa on 5 August 2016.

The African Union as well as its regional partners, called for the immediate cessation of armed clashes in South Sudan and called on the parties to the conflict to achieve a peaceful transformation, building on earlier agreements, including the 2015 peace agreement.

An international meeting dedicated to South Sudan problems was held in Addis Ababa on the margins of the African Union summit with the assistance of the Intergovernmental Organization for Development (IGAD) and with the participation of the United Nations. On 29 January 2016 the AU, IGAD, and the UNO reaffirmed their commitment and determination to continue to strengthen their cooperation in support of the peace process in South Sudan. After the summit, the Government of South Sudan agreed to the deployment of IGAD regional troops on its territory.

Sergey Tishkov

Orel Law Institute, Russia

ТИШКОВ С. А.

Орловский юридический институт

Россия

Защита гражданских лиц как главная задача Миротворческой миссии ООН в Южном Судане (UNMISS)

Protection of Civilians as the main task of UNMISS

The UN Mission in South Sudan (UNMISS) was deployed into a politically unstable, insecure, and logistically austere operating environment. It was established to consolidate peace & security and to help prepare conditions for development in accordance with security council resolution (SCR) 1996 (2011).

The crisis of 15 December 2013 resulted in alleged violence perpetrated by various national bodies along tribal and ethnic lines. Many security personnel

joined militias and aligned themselves either to the Government led by the President or the sacked Vice-President Riek Machar and his supporters.

The Security Council strongly condemned human rights violations and abuses and violations of international humanitarian law in the country. As a result of instability thousands of civilians fled their homes and sought security in UNMISS compounds or in neighbouring countries.

The crisis by necessity required UNMISS shifting from its posture for its initial mandate to operational security support for civilians. For example, the police component took immediate action to re-align resources and redefine tasks to meet the emerging demand for civilian protection primarily in Juba, Malakal, Bentiu, Bor, and Wau.

In order to resolve the crisis the UN Security Council endorsed SCR 2132 (2013) which heavily focused on protection of civilians and authorized a total of 12 500 military and 1 323 police personnel, including appropriate formed police units (FPU). The arrival at the UN Mission of three FPU from MONUSCO and UNMIL within inter-mission cooperation bolstered the operational capabilities of the police component. Their deployment in Juba, Malakal, Bentiu, and Bor filled the gap between the limited operational capacities of unarmed police and the response capacities of UNMISS military forces guided by the Rules of Engagement. Their current revised mandate includes protection of civilians, especially those under threat of physical violence; deterring violence against civilians, especially those at protection sites; implementing an early warning strategy; maintaining public safety and security at UNMISS POC sites and fostering a secure environment for the eventual safe and voluntary return of IDPs.

Yury Vidakas
The Russian Embassy in the
United Arab Emirates, Abu Dhabi
Видакас Ю. Ю.
Посольство России в
Объединенных Арабских Эмиратах
Абу-Даби

**Некоторые аспекты российского участия в миротворческих миссиях
ООН в Африке**

**Some aspects of Russian participation in UN Africa-based peacekeeping
missions**

This paper reviews the background and key development stages of Russian participation at different levels in UN peacekeeping operations in Africa with a focus on the modern approach of the Russian Federation to contemporary peacekeeping principles, changes in Russian peacekeeping policy, and Russian contributions to the UN former and active peacekeeping missions in the African continent.

One of the fundamental documents in this context is the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, as amended in November 2016, that clearly defines peacekeeping as “an effective tool for settling armed conflicts and facilitating post-crisis nation-building” and once again confirms Russia’s intention to participate in international peacekeeping efforts under UN leadership in cooperation with regional and international organizations. This point is of the utmost importance with respect to Africa and in particularly the African Peace and Security Architecture.

This paper seeks to trace the dynamics of the activities of Russian peacekeepers, including such categories as military observers, police advisers, military aviation units as well as the place of Russia in provision of civilian aviation services to UN operations. Special attention is given to the training of military observers and policemen from African states in the Russian military educational and training centres.

This paper also stresses the consistent Russian position in supporting the efforts of the African states to establish a system of collective security in the continent, mainly through the great cooperative labour of the African Union and other regional organizations.

Finally this paper outlines some considerations, and ways to enhance the Russian peacekeeping involvement in UN peacekeeping operations in Africa, that in light of our traditionally good relations with almost all the African nations could keep up a positive image of Moscow in Africa in general and on the peacekeeping path in particular.

Alexander Shipilov
MGIMO University
Moscow, Russia
Шипилов А.
МГИМО, Москва

Nigerian Role in ECOMOG During the Liberian Conflict of 1989-2003

West African integration mechanisms proved relatively successful, setting a high benchmark for most other African regions. ECOWAS security and peacekeeping policies emerged specifically fruitful through ECOMOG framework. Observers frequently explain this by Nigeria's leading role and its significant financial, infrastructural and human contributions. Liberian conflict is an essential example of Nigerian regional leadership. Nevertheless there were serious internal and external limitations to its hegemony over ECOWAS in Liberia.

Nigeria's participation in the Lagos Treaty that established ECOWAS in 1975, 1979 Regional Non-Aggression Pact and 1981 Collective Security Agreement depended on the nation's internal stability. Major regional security agreements were signed by Nigeria's Second Republic that distanced itself from Liberia's Samuel Doe regime. Afterwards the country suffered two military coups and the fall of global oil prices. Consequently general Babangida interfered into

Liberian conflict for Doe's sake to fix his own deteriorated internal and regional image. Nigeria initiated ECOMOG assembly, contributing over 80% of finance and manpower. 1993 internal political crisis, accession of Sani Abacha to power and American sanctions forced Nigeria to cut its Liberian peacekeeping presence, turn the initiative over to Ghana and keep only minor presence to sustain its international legitimacy.

Nigeria traditionally claimed regional leadership looking to disempower France and its regional allies. At the start of Liberian Conflict in 1989 Nigeria with American political and logistic support sought to prevent Charles Taylor (tied with France and Ivory Coast) from seizing power. However in 1993 American pressure forced some regional francophone states to join the ECOMOG while Sani Abacha acted against US interests.

Thus Liberian conflict shaped a multilateral consensus under external influence. Nigeria's role in appears limited as it was dependent on the country's own internal situation along with other regional and extraregional players' interference.

Секция V-4. БРИКС и сопротивление в Африке: процветание или выживание?

Panel V-4. BRICS and Resistance in Africa: Thriving or Surviving?

Руководитель: *Й. ван дер Мерве*, Стелленбошский университет, ЮАР

Convener: *Justin van der Merwe*, University of Stellenbosch, South Africa

This panel seeks to bring together scholars from a wide network covering the global South and particularly the BRICS states. It seeks to cover the well-worn thread of resistance in Africa, only now resistance is gathering renewed vigour due to the accelerated processes of accumulation by dispossession set in motion by the rise of the BRICS. This rise has led to both internal and external crises in African states eliciting responses from local and regional elites, and through the actions of “ordinary” people and groups as they seek to push-back or generate creative responses “from below”. At a micro-level, these responses span new ways of surviving in impoverished communities (group savings schemes and promoting minority interest groups) as well as civic mass mobilisation (student, environmental and political protests). At the macro level, new forms of development finance (development banks and regional initiatives) are being generated to pave the way for an alternative means of developing. These initiatives make “localized” forms of generativity possible but also serve the bigger purpose of speaking truth to power. However, despite their ostensible revolutionary basis, one should question whether these responses are actually forms of acquiescence (co-option and accommodation), as opposed to true resistance to neoliberalism.

Justin van der Merwe

Stellenbosch University, South Africa

Ю. ван дер Мерве

Стелленбошский университет, ЮАР

Теоретизация сопротивления в Африке

Theorising resistance in Africa

This paper argues that the rise of the BRICS presents useful opportunities to analyse not only accumulation but also resistance to it. In the discussion, the BRICS are seen as an embodiment of global capital accumulation at the middle tier, whilst resistance to them manifests as counter-imperialist discourses. These patterns are particularly noticeable in Africa where some of the most extreme practices of accumulation and resistance are found.

Raymond Steenkamp-Fonseca
University of Stellenbosch, South Africa
Р. Стеенкамп-Фонсека
Стелленбошский университет, ЮАР

**Банк БРИКС, финансирование нового развития и кризис поддержки
социальных проектов в ЮАР**

**The BRICS bank, new development finance, and South Africa's social grant
crisis**

From above, the BRICS financial architecture reached a pinnacle with the creation of the New Development Bank (NDB or BRICS Bank) in October 2016. The Bank has been described as the BRICS' most visible asset and a key achievement of the group's cooperation. From below, however, the financial foundations of the BRICS countries have come under severe stress and popular resistance. In the case study of South Africa, these views from above and below are presented with the aim of exploring the neoliberal orientation of capitalist state-market arrangements. South Africa's financial architecture is examined in both its private and public dimensions in the context of a BRICS-led attempt to innovate the international economic system through a process of institution-building. The international dimension of South Africa's foreign development finance objectives is then contrasted with the domestic finance provision by the South African Social Security Agency (SASSA). The payment of these social welfare grants, for many the only financial means of subsistence, has become tangled in a web of corrupt mismanagement facilitated by the neoliberal policy outsourcing social grant provision. The author argues that focus on the combination of state and high-finance for capital intensive infrastructure projects, comes at the expense of the delivery of social welfare. This situation further generates a rising resistance from below.

David Forbes
Shadow Films, South Africa
Д. Форбс
«Шэдоу филмз»
Йоханнесбург, ЮАР

**Провал капитализма на Юге Африки, возвышение хищнического
государства и несостоявшаяся политэкономия**

**The failure of Capitalism in Southern Africa, the rise of State Capture and a
Failed Political Economy**

Globally, it appears increasingly that capitalism has failed, or is failing and that we are in the grip of a new post-colonial imperialism which is being resisted at many levels. In Southern Africa, the State has been captured by Neoliberalism and wealthy elites, often with links to the North. At an international level, leadership vacuums have led to the rise of nationalism in many nations and states, becoming the leading threat to globalisation. In Africa, aid appears to have failed, as well as the African Union, and the “Africa Rising” narrative is in decline. The political economy of South and Southern Africa is stagnant while social chaos reigns in South Africa and the rule of patriarchy is increasingly being challenged. This paper outlines many of the problems above and their causes, and presents notes towards the emergence and establishment of a new, more humane, social political economy for the region, using a combination of the best of Socialism, Ubuntu (an African word which cannot translate directly, but means “I am because you are”) and Capitalism (SocUbuCap or SUC) which may help to create a new African economic order that could help reverse some of the damage done by imperialism, colonialism, racist, post-colonialism, capitalism and a dominant patriarchy.

Eldar Salakhedinov
Vasily Sidorov
Institute for African Studies
Moscow

Э. Р. Салахетдинов, В. А. Сидоров
Институт Африки, Москва, Россия

Ядерная сделка России с ЮАР

Russia's nuclear deal with South Africa

Russian company "Rosatom" is seen as the frontrunner in winning the contract to build nuclear power plants (NPPs) in South Africa. However there is significant political opposition both to the construction of new NPPs in the country in general as well as to "Rosatom" being chosen for this construction. As a result, the proposed nuclear programme and Rosatom's involvement became one of the top political issues in South Africa with far-reaching implications not just for the country's economy but also for its politics.

Mbekezeli Mkhize
University of Stellenbosch, South Africa
М. Мхизе
Стелленбошский университет, ЮАР

БРИКС как будущее: национальные протесты

GEAR past, BRICS future: The nation protests

Defined by Peter Alexander as a 'rebellion of the poor', service delivery protests, and strikes in South Africa have been indicative of the decline of the ruling party's capacity to govern as well as worsening inequality. This protest action has been aggravated by growing impatience with the slow pace of social and economic transformation and the adoption of a neoliberal policy direction. These events reached a head during the 2012 Marikana massacre where more than 30 striking citizens were gunned down. This paper attempts to build on these themes

by highlighting the growing move to protest in the country at a time when the elite are becoming increasingly dictatorial. BRICS is viewed as an alternative, more so with the recent downgrade of South Africa's investment status being used as a rationale for 'looking East'. But what substantive benefits will this bring for the poor or is it actually further cooptation into neoliberalism.

Yury Skubko

Institute for African Studies,
Moscow

Скубко Ю. С.
Институт Африки, Москва, Россия

South Africa and Russia in the global information economy: Stagnation or renaissance?

Южная Африка и Россия в глобальной информационной экономике: стагнация или развитие?

In the context of the existing neoliberal global economic order, as well as within the BRICS grouping, South Africa fits in and acts only as a junior peripheral partner, providing services and logistics for global actors wishing to exploit African resources. The scientific and technological potential of South Africa, as well as that of Russia, which should be a source of global competitive advantage, is undermined by financial strangulation, liberal privatization and commercialization, poor governance, corruption, and lack of strategic vision. There is little space for positive change within BRICS as all its member states' economic policies conform to the Washington consensus. Given the current situation, BRICS and its institutions such as the New Development Bank have nothing to offer except willingness to be accommodated into the existing neoliberal model. But things may soon change as the global geopolitical and economic order, being in permanent crisis, begins to crumble and fall apart as a consequence of the after-effects of the financial crisis. An apparent alternative to the now evidently bankrupt global neoliberalism seems to be new regionalism, accompanied by a

conservative renaissance with some form of enlightened return to traditional moral values based on state or communal socialism as an economic foundation.

Nicole Dodd
Justin van der Merwe
University of Stellenbosch

Unpacking the neoliberal institution: The political economy of South African Higher Education

Students have staged increasingly violent and destructive protests in South African universities, calling for free higher education, the end to exploitative labour practices, and the decolonisation of the curriculum. However, this is not a short-term groundswell in response to short-term problems. The problems are in fact attributable to colonial, apartheid, and post-apartheid political leaders' failure to acknowledge the importance of Human Resources Development and, subsequently, their failure take appropriate action to educate, train, and develop the people of South Africa. From slavery to apartheid-era social engineering to the corporatisation and merging of universities under Mbeki, there is evidence that the economic and political needs of the country have been prioritised over the interests of its people. Although post-apartheid South Africa has undone much of the social engineering aimed at creating pools of unskilled labour to serve mines, agriculture and manufacturing, it has failed to address the damage caused by apartheid, where government deliberately removed opportunities for Human Resources Development in order to maintain control. The post-apartheid government chose instead to adopt neoliberal economic practices, favouring economic growth over development, resulting in limited social spending on higher education and over-regulation in that environment and leaving millions without the means to access higher education. In this paper, the political and economic antecedents of the current crisis in higher education are used as a departure point and from there potential solutions are proposed.

**Секция V-6. Соперничество иностранных держав в районе
Африканского Рога**

Panel V-6. Foreign Competition in the Horn of Africa

Руководитель: *А. Д. Бейене, Б. Б. Йихун*, Центр диалога, исследований и сотрудничества, Аддис-Абеба, Эфиопия

Conveners: *Abdeta Diribsa Beyene, Belete Belachew Yihun*, Centre for Dialogue, Research and Cooperation, Addis Ababa, Ethiopia

True to long-existing traditions, the region along the shores of the Red Sea, Indian Ocean and the eastern parts of the Mediterranean Sea continues to witness alignments between and among powers-to-be in the region and beyond. Shifting alliances, often assuming new dimension and complexity inform developments, which at times are difficult to comprehend. The Horn of Africa sub-region, constituting Ethiopia, Eritrea, Djibouti and Somalia (and for the sake of this panel including South Sudan), strategically situated along the shores of the Indian Ocean and the Red Sea and straddling a vital land mass connecting the Middle East and Africa particularly draws the attention of world powers. In a bid to control the strategic trade routes feeding into the Indian Ocean, the Red Sea and the Mediterranean Sea, major powers from the region and beyond are flocking en masse to the sub- region. Gulf States (particularly Saudi Arabia, UAE, Iran and Turkey), China, Japan, the United States of America, EU member states and even Egypt are competing to assert their presence in the region. This panel would comprehensively assess the overall implications of these developments on peace and security of the respective states and people of the sub-region.

Abdeta Diribsa Beyene
CDRC, Ethiopia

А. Д. Бейене
Центр диалога, исследований и сотрудничества
Аддис-Абеба, Эфиопия

Внешняя интервенция в Сомали и Южный Судан

External Intervention in Somalia and South Sudan

It remains an obvious fact that recent developments in Somalia and South Sudan have in a way been complicated by interventions by external actors, from the region and beyond. Economic, strategic and political considerations compel outside elements to involve in matters often considered the prerogative of sovereign states. This paper attempts to address aspects of these interventions in South Sudan and Somalia, with their far reaching effects on peace and security of the entire region. The author employs his extended experience on public service and research endeavors on the subject matter in addressing this complex and fluid dynamics.

Belete Belachew Yihun
CDRC, Ethiopia

Б. Б. Йихун
Центр диалога, исследований и сотрудничества
Аддис-Абеба, Эфиопия

Соперничество иностранных государств на Африканском Роге: примеры Джибути и Эритреи

Foreign Competition in the Horn of Africa: the Case of Djibouti and Eritrea

Djibouti and Eritrea have recently witnessed a growing presence of foreign powers in their shores. Their geo-political positioning along the shores of the Red Sea and Indian Ocean facilitated this resurgence in regional/global competition.

Djibouti momentarily hosts military bases of the United States, China, France and Japan; while first Iran and now Gulf States are leasing the ports of Eritrea. Pretexts given to the presence of external powers in Eritrea and Djibouti range from commercial interests to the war on terror and regional power rivalries as manifested in the war in Yemen. Without any doubt, this reality is bound to generate some sort of competition, locally as well as between stakeholders. This paper tries to assess the overall implication of this dynamics on regional and global politics.

Maria Kolesnikova
St. Petersburg State University, Russia

Колесникова М. А.
СПбГУ, Россия

Сомали во внешнеполитической стратегии Турции

Somalia in Turkey's Foreign Policy Strategy

Turkish policy towards Somalia fits into the overall strategy of the Turkish presence on the African continent and reflects the desire of Ankara to strengthen its position as a leading regional player. The starting point for the development of Turkish-Somali relations at the present stage is 2011 - the year, when famine broke out in Somalia. The reaction of Turkey was immediate: presenting itself as the main savior of "its African brothers", Turkish authorities declared solidarity with the impoverished population and implemented a whole package of measures aimed at resuscitating this State. Humanitarian aid was donated through state and non-governmental organizations, that have also implemented projects targeted to dig wells, build and renovate hospitals, create food points, build a highway from Mogadishu Airport to the city center, clean and order the streets of the capital of Somalia. Since that moment, cooperation between Turkey and Somalia has a special place in the history of Turkish-African relations. There are several distinguishing features of Turkish penetration into Somalia in comparison with

other actors operating in the region. First of all, expanding its presence, Ankara is guided by the goal of implementing long-term humanitarian assistance projects primarily at the micro level (establishing direct contact on the "state-person", "man-man" model), that helps Turkey to gain the trust of ordinary citizens. In addition, the factor of the religious community contributes to the legitimization of the Turkish presence in Somalia, and also strengthens the loyalty of Somalis towards the actions of Ankara. Finally, Turkish schools play an important role by carrying out a mission to educate a "new generation of Somalis". Despite Turkey's efforts in developing political contacts, peacebuilding, trade and economic sphere, as well as rendering significant humanitarian assistance, Ankara's strategy faces a number of challenges. The further consolidation of Turkish positions in Somalia and, as a result, throughout the African continent, will largely depend on the Turkish readiness to seek and find effective solutions to the problems associated with ensuring peace and stability.

Секция V-8. Политика Китая, США и России в Африке

Panel V-8. Sino-US-Russian Policies and Africa

Руководитель: *О.И. Натуфе*, Институт всеобщей истории, Киев, Украина

Convener: *O. Igho Natufe*, Institute of World History, Kyiv, Ukraine

The election of Donald Trump as the 45th President of the United States (US) has caused trepidations in several countries and regions, including Africa, with most of them frightened by the impending uncertainties that may come from a Trump presidency. During his campaign for the presidency, Trump articulated various positions which gave rise to this wave of global anxiety. He considered Russia's President, Vladimir Putin a better leader than his soon-to-be predecessor, US President Barack Obama, saying that he could construct a rapprochement with the former on US-Russia relations. He questioned the contributions of member-states of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) who have failed to meet their membership obligations, and hinted that defaulting members should not expect NATO's support if attacked by a third party; a proposition which renders obsolete NATO Treaty's Article 5 that says an attack on one is an attack on all members. His condemnation of regional trade agreements involving the US, particularly the North America Free Trade Agreement (NAFTA) with Canada and Mexico, the proposed Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) with the European Union, and the Trans-Pacific Partnership (TTP) with countries of Asia Pacific, which has been signed but not ratified by parliaments of its signatories. He views these trade agreements as injurious to US industrialization and economic prosperity. In their place, he intends to enter into bilateral trade agreements with individual countries. He also promised to discard the 5+1 nuclear agreement with Iran. His anti-immigration and anti-Muslim policy raises fears in several continents, including Africa. He has challenged Beijing's "One China Policy". All of the above were articulated before his inauguration on January 20, 2017. This Panel shall explore the global ramifications of Trump's policies vis-à-vis Russia and China, with emphasis on Africa. Will a US-Russia rapprochement lead to a new Yalta; and how would this affect Africa? How will a US anti-China trade policy impact on Chinese policy in Africa?

O. Igho Natufe
Institute of World History
National Academy of Sciences of Ukraine
О. И. Натуфе
Институт всеобщей истории
Киев, Украина

Схватка за Африку между Китаем, США и Россией

Sino-US-Russian scramble for Africa

From time immemorial, politics has been about power and influence, and no-where is this more prominent than in international relations and foreign policy as nations compete against each other for power and influence in the global arena. For centuries statesmen and women have sought strategies to minimize or neutralize the power and/or influence of competing states or to establish balance of power equilibrium in the international arena. Africa has been an object of this global struggle for power and influence. While African countries were not represented at the Berlin Conference of 1884/1885 on the Partition of Africa, it is interesting to note that post-colonial African countries especially after the 1960s are active participants in alliance with competing foreign powers in a phenomenon which can best be described as a re-partition of Africa. The task of this paper is two-fold. Firstly, it presents a brief analysis of the form and content of the post-colonial scramble for Africa. Secondly, it focuses its analysis on the global ramifications of US President Donald Trump's policies vis-à-vis Russia and China, with emphasis on Africa.

Власова А.В.
МГИМО, Москва
Anastasia V. Vlasova
Moscow State Institute
of International Relations [University]
Russia

China as the Leader of the African Sub-System

Китай как лидер африканской подсистемы

В двадцать первом веке, в эпоху модернизации, комплексной интеграции, сжатия экономического пространства, африканский континент приобретает все более важное значение как субъект, владеющий большим ресурсным потенциалом.

Однако парадокс заключается в том, что, даже несмотря на акселерацию интеграционных процессов, происходящих на континенте, и приобретение рядом африканских стран статуса «развивающихся государств», африканские государства находятся «в ловушке» как объективных факторов, так и субъективных, которые чрезвычайно ограничивают поле деятельности и окно возможностей для использования накопленных сил и созданных мощностей. Следовательно, для полноценного использования имеющихся возможностей необходим толчок внешнего актора, который бы, объединив силы со странами африканского мира, способствовал скорейшему разрешению проблемы дальнейшего развития Африки.

Развитые игроки не заинтересованы в приобретении африканскими странами «своей» роли и «своего» места в международной системе. К тому же, в настоящее время ЕС и США столкнулись с множеством проблем внутреннего характера, которые необходимо оперативно решать. В свою очередь, африканские страны не горят желанием признать в качестве лидера западный мир, так как еще свежи в памяти осколки колониального прошлого. У России недостаточно ресурсов и влияния на африканском континенте.

Таким образом, выбор падает на Китай. И данный выбор безальтернативен в силу ряда причин:

Во-первых, Китай является лидером развивающегося мира, который солидарен с африканскими странами в вопросах международного порядка и взаимовыгодного партнерства;

Во-вторых, в основном, экономики КНР и африканских стран комплементарны;

В-третьих, КНР проводит по отношению к африканским странам прагматический внешнеполитический курс, руководствуясь принципами невмешательства и уважения политического режима;

В-четвертых, как лидер развивающегося мира КНР заинтересована в усилении роли африканских стран в многосторонних институтах;

В-пятых, «мягкая сила» Китая способствует развитию и «оздоровлению» многочисленных сфер развития африканских стран;

В-шестых, Китай поставляет африканским странам высокотехнологичную военную продукцию;

В-седьмых, для 35 наименее развитых стран Африки КНР установила особые преференциальные ставки;

В-восьмых, Китай продвигает собственные диалоговые альтернативы на африканском континенте с целью создания общего переговорного поля и общего поля деятельности для африканских стран в решении вопросов многостороннего сотрудничества.

David Monyaе
University of Johannesburg
South Africa
Д. Моньяе
Университет Йоханнесбурга, ЮАР

Политика Китая, США и России в Африке

Sino-US-Russian Policies and Africa

Since the advent of the Donald Trump administration, America's foreign policy towards China and Russia has fundamentally changed. Unlike his predecessors Trump has come to be known for his rhetoric of 'America First' mantra than having a clear foreign policy especially towards China and Russia. In the few months of his administration in power, President Trump appears to be abandoning the long held view of re-starting diplomatic relations with Moscow due to the rising anti-Russia sentiments at home. During the elections campaigns Trumps promised to avoid interfering in domestic affairs of others states and the policy of using military force to advance liberal democracy. The US attacked Syria after reports of alleged use of chemical weapons by Assad's government on innocent women and children surfaced. What is rather surprising in this move is that Trump disregarded any neutral and fair investigations to determine whether it was indeed Assad's government that had committed this heinous crime against humanity in rebel held area in Syria. This move by Washington goes against Moscow's interest in Syria. It furthermore, enforces the regime change approach pursued by both Obama and Bush, which ruined Libya, Iraq and Yemen. In regards to Beijing, Trump's administration promised to undertake a tough approach in its trade relations with China and the whole question of South China Sea. The US has abandoned the Trans-Pacific Partnership (TPP) and the Global Trade Agreement. The paper will argue that all the above have direct negative impact on the African continent. In its attempt to develop, Africa has come up with the Agenda 2063 which seeks partnership with the US, China and Russia. The Trump administration appears to neither be interested in forging stronger relations with Africa nor

seeking global peace and security through its policy with Africa's reliable partners, China and Russia.

Забанова Е.В.
СПбГУ, Санкт-Петербург
Ekateina V. Zabanova
St. Petersburg State University, Russia

The China-Nigeria Cooperation: Main Stages of Development

Сотрудничество Китая и Нигерии: основные этапы развития

В докладе анализируется история развития китайско-нигерийских отношений, начиная с 70-х гг. XX века. В 1960-70-х гг. КНР начала активно распространять свое политическое влияние на африканском континенте, установила дипломатические отношения с 43 африканскими государствами, оказывала поддержку национально-освободительным движениям, конкурируя с Советским Союзом (например, в Анголе). Китай реализовал ряд крупных проектов, связанных со строительством инфраструктурных объектов на континенте. Дипломатические отношения между КНР и Нигерией были установлены лишь в 1971 году.

Как при военных правительствах, так и в период Второй Республики в Нигерии (1979-1984) сотрудничество между Нигерией и КНР не получило развития (возможно, как следствие позиции КНР по отношению к Биафре во время гражданской войны в Нигерии в 1967-1970 годах). Однако с начала XXI века наблюдается политическое сближение двух государств и установление между ними партнерских отношений. В период президентства Олусегуна Обасанджо (1999-2007) председатель КНР и премьер министр Китая впервые нанесли несколько официальных визитов в Нигерию; президент Обасанджо дважды посетил Китай. Быстрыми темпами развивались экономические связи между двумя странами. В 2006 году Китай и Нигерия подписали меморандум о взаимопонимании и основали межправительственный форум по инвестированию. Именно в тот период

нефтяной сектор стал основным объектом ПИИ Китая. В 2007-2010 гг., в период президентства Умару Яр-Адуа, наблюдалось ухудшение китайско-нигерийских отношений; вину за это нигерийская сторона возлагала на китайских партнеров, упрекая их в недостаточной открытости. С приходом к власти президента Гудлака Джонатана (2010-2015) политические и экономические связи были восстановлены. При президенте Мухаммаду Бухари китайско-нигерийские отношения переходят на новый уровень; наблюдается активизация всестороннего сотрудничества.

Секция V-9. «Африканский вектор» в политике Сообщества португалоязычных стран (СПЛП)
Panel V-9. The “African Vector” in the Policy of the Community of Portuguese-Speaking Countries (CPLP)

Руководитель: *Токарев А.А.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Andrey A. Tokarev*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

На секции предполагается обсудить опыт сотрудничества португалоязычных стран в рамках Сообщества (СПЛП), накопленный за 20 лет этой организации, «африканский вектор» и языковая политика СПЛП. Представляют интерес двусторонние и многосторонние отношения португалоязычных стран Африки внутри регионального объединения ПАЛОП, лидирующая роль в нем Анголы; проявления патернализма и партнерства в отношениях членов объединения. Сотрудничество СПЛП, ПАЛОП с другими региональными организациями. Опыт СПЛП для России.

The panel is expected to cover the cooperative experience of the Portuguese-speaking countries within the Community (CPLP), which has been accumulated during the twenty-year history of this organization, as well as the “African vector” and the language policy of CPLP. The matters of interest include bilateral and multilateral relations of the Portuguese-speaking countries of Africa inside the regional group PALOP, the leading role of Angola in it; the manifestations of paternalism and partnership regarding the members of the group; cooperation of the CPLP and PALOP with other regional organizations; importance of the CPLP’s experience for Russia.

Analúcia Danilevicz Pereira
Universidade Federal do
Rio Grande do Sul
Brazil

А. Данилевич Перейра
Федеральный университет
Рио-Гранде-ду-Сул, Порту-Алегре
Бразилия

**Бразилия, страны ПАЛОП и СПЛП в эпоху многонаправленного
сотрудничества**

**Brazil, PALOP Countries and CPLP in the Era of Multidimensional
Cooperation**

The African states have been displaying efforts towards the promotion of economic development based upon their own political initiatives: the African Union (AU), the Southern Africa Development Community (SADC), the Economic Community of West African States (ECOWAS), the New Partnership for Africa's Development (NEPAD) are clear examples of this will to overcome historical problems. Furthermore, the goals are established by Africans themselves, who take on the inherent difficulties of such ambitious projects. Within this context, it is worth observing the potential of the Community of Portuguese Language Countries (CPLP). Few other countries have received treatment as unique as the member states of CPLP by Itamaraty, which gathers a population of around 258 million people, divided into four of the five existing continents. Portugal, East Timor, Guinea-Bissau, Cabo Verde, São Tomé e Príncipe, Mozambique, Angola and, more recently, Equatorial Guinea, counting on Brazilian cooperation, aim at achieving strategic fields in the path for development. In this sense, Brazil has developed, alongside CPLP countries, solid programs of bilateral cooperation, mainly with African countries, which, together, constitute the group of African Countries of Portuguese Official Language (PALOP, acronym in portuguese). This paper aims at analyzing the relations of Brazil with PALOP countries within the framework of CPLP, having as its main perspective the

dynamics which take place among developing countries through the lenses of South-South cooperation.

Ana Maria Simões Ramalho Duarte
Instituto Superior Politécnico
Luíada de Benguela
Lobito, Angola
А. М. Симоэш Рамальо Дуарте
ВЫСШИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Лузиады Бенгелы, Лобиту
АНГОЛА

Коридор Лобиту в Анголе как двигатель региональной экономической интеграции на Юге Африки

Lobito Corridor in Angola as a Driver for Economic Regional Integration in Southern Africa

African Economic Community entails a continental free trade area in 2017 as an important step in the way towards a common market and ultimately an economic and monetary union. Thus, a greater understanding of the historical and structural factors and key actors credibly engage and commit to regional economic integration is crucial. In this context, there has been a growing interest to cross-border transport corridors (or Spatial Development Initiatives) that include a wide range of players with different interests and behavioural dynamics along a transport route linking neighbouring countries and ports. In Angola, as the efforts to modernize the Lobito Transport Corridor advance, it is important to identify and study the historical and structural features underpinning the cross-border corridor, as well as the institutional framework and how it interacts with the interest and resources of key state and non-state stakeholders. This paper presents a case for the development of transportation corridors not only as transportation routes linking in resource rich areas with coastal ports, or even linking a few nodes along a transportation route, but rather on simultaneously exploiting the variety of other development opportunities that arise along the route. As a result, economic regional integration might be better promoted.

Anatoly M. Khazanov
Institute for Oriental Studies
Moscow
А. М. Хазанов
Институт востоковедения
Москва, Россия

Роль Ж. Э. душ-Сантуша в анголо-португальских отношениях
The Role of J. E. dos Santos in the Relations between Angola and Portugal

The life of J.E. dos Santos was closely connected with Portugal. After his graduation from school he left Angola and went to study in Portugal, where he got involved in the Anti-Colonial Movement (MAK) Organization. It comprised many students and seamen - citizens of all former Portuguese colonies in Africa (later he received higher education degree in the USSR). Having become the President of Angola in 1979, J.E. dos Santos faced the fact that 400 000 Portuguese left the country, including 50 000 qualified workers and engineers. J.E. dos Santos made great efforts to return many of them back to Angola.

He signed several treaties with the Portugal authorities on economic, scientific and technical as well as cultural cooperation. Portuguese companies take part in the following projects in Angola:

1. Prevention of hunger and illnesses;
2. Promotion of self-reliance among displaced population through the spread of agricultural programmes;
3. Spread of health-care programmes, protection of maternity and childhood, promotion of hygiene and improvement of water supply.

Sónia Sénica Costa Moura
Nova University of Lisbon
С. С. Коста Моура
Новый университет Лиссабона
Португалия

Африканский вектор российской внешней политики: пример Анголы

The African vector on Russian Foreign Policy: the Angola case

The present communication intends to understand some of the particularity of the bilateral relation between Russia and Angola, especially on recent years, since President Vladimir Putin came to power. Based on the investigation carried out, the focus of the approach is trying to consider the importance that Africa, and particularly, Angola represents for the Russian Federation since the independence process. From a Portuguese perspective, the African vector of Russian foreign policy is still an important one, is there a return to the African continent or there's just a line of continuity from the USSR to the Russia Federation regarding African countries such as Angola?

The approach will be made at three levels: the macro-level, concerning the bilateral relation in terms of the international order is concerned, from the Cold War (Cold World) until today's unipolar order; the second level, the bilateral level, where the historical and political relation is concerned and a third and final level analyzing this relation from a Portuguese point of view.

Finally, and since the Conference subject is "**Africa and Africans in National, Regional and Global Dimensions**", and at a time that a transition process is taking place in Angola with the change of the leadership in the next presidential elections, there will be a part regarding the role of Angola in the African continent and its importance in international organizations such as the Portuguese Speaking Countries Community (CPLP) and also the relation that exists with Portugal. Angola plays an important role as a regional player in the continent not only as a wealthy country in terms of natural resources is concerned

and therefore an attractive pole for foreign investment but also as a security keeper in terms of regional stability.

Alexander Shipilov

MGIMO University

Moscow, Russia

Шипилов А. Ю.

Московский государственный
институт международных отношений
[Университет], Россия

Влияние истории анголо-ивуарийских отношений на их современное состояние

Impact of Angolan-Ivorian Relations History on Their Current State

On the brink of 2000's two African countries. Angola and Ivory Coast, experienced lasting civil wars (in 1975-2002 and 2002-2011 respectively). Nevertheless the choice of civil wars' political partners for both countries led to deteriorated relations between forces in power in Angola and Ivory Coast. Most observers predicted continued low intensity in bilateral relations upon internal stabilization due to negative historic experience. However currently these relations are not determined by history alone, other factors make them less linear.

Angolan civil war upon country's independence and non-capitalist development choice led the leaders of francophone West Africa, Felix Houphouet-Boigny and Leopold Sedar Senghor, to support UNTA and Jonas Savimbi, its head. The Ivorian leader let this Angolan anti-governmental organization station its bases in Ivory Coast, offered Ivorian territory to Savimbi for negotiations with third parties and mediated Angolan conflict in 1989. After Houphouet-Boigny's death in 1993 UNITA kept its Ivorian bases despite growing instability in Ivory Coast, and it was crucial for the organization in the context of continuing Angolan

civil war as well as conflict in Congo. For this reason Ivorian relations with Angolan government in war with UNITA remained strangled.

Laurent Gbagbo, having come to power in Ivory Coast in 2000, closed these bases, which secured him Angolan support in the civil war that started in 2002. Angola became one of the only two states that sent their ambassador to Laurent Gbagbo's inauguration upon internationally contested 2010 elections.

Alassane Ouattara, the partial successor to Felix Houphouet-Boigny legacy, having become the new Ivorian president due to French military intervention in 2011, severely cut ties with Angola. His loyal militants vandalized Angolan embassy in Abijan. However after 2012, when Ivory Coast had to build an oil refinery, Angola emerged as the only investor. Consequently negative historic experiences have not prevented bilateral ties between the two from getting pragmatic.

Filomena da Conceição da Fonseca Barbedo

Angola

Ф. да Консейсао да Фонсека Барбедо
АНГОЛА

Вклад масс-медиа в развитие Анголы

Contribution of the Media to the Development in Angola

In the scope of the study of the doctoral thesis in Information Sciences in the area of journalism, I intend to present a brief description and explanation of some aspects that may be useful for broadening perspectives on the factors that directly interfere in the development of Angola, and one of them is the exercise of journalism.

Between the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, there were many influences that affected the countries of Southern Africa, which

led to changes in the sphere of action of communication coming from developed countries. These include the Internet and globalization.

Although globalization has exacerbated the phenomenon of economic instability, as there is still an absence of professional staff, a key factor for the country's development, on the other hand, it has promoted positive social changes, such as democratic values, which have come to be seen as essential to the structures of development. In addition to the already proven important role in the fight against colonialism, social information and communication organs have the merit of the first attempts of democratization in the country.

The advent of the Internet, with its digital platforms, has given rise to the emergence of digital journalism and through it the viability of greater freedom of action, which is giving rise to a kind of clandestine journalism. In addition, it is urgent to take some initiatives to minimize the effects of certain handicaps, which contribute to the delay in this sector compared to other African countries. Among these are the media concentration in the capital, Luanda, the lack of professionals dedicated exclusively to journalism, the difficulties of access to the analogical media - printed newspaper, radio and TV - a limited number of Internet users - 21,26 % - and the lack of investigative journalism.

Domingos Leite Lima Filho

Federal Technology University
of Paraná, Brazil

Maria do Socorro Gomes de Araújo

Women's Cultural Space, Brazil

Ivan Araújo Lima

Federal University of Paraná
Brazil

Д. Л. Лима Фильо

Федеральный технологический
университет Параны, Куритиба
Бразилия

М. ду Сокорро Гомеш де Араужо

Бразилия

И. Араужо Лима

Федеральный университет Параны
Куритиба, Бразилия

Культура, труд и питание в черных сообществах Бразилии

Culture, Labor and Feed in Black Communities of Brazil

Since 2003, Brazil has strongly encouraged the resumption of its historical and cultural relations with Africa. The following are highlights: the mandatory inclusion of African history and African culture content in the basic school curricula; the creation of the Special Secretariat for Ethnic-Racial Relations, with various policies aimed at Afro-Brazilian and *quilombolas* communities; strengthening South-South foreign policy, with priority for Africa and the CPLP countries. This paper is part of this context. Analyzes the production and feeding practices in black communities of the State of Paraná (Brazil). Presents the results of research conducted in 86 communities in the period 2004 to 2008 and aimed to the identification and characterization of the social, economic and cultural life of these communities. It was researched the history and daily life of communities, including labor processes and tools, religion, education, health, customs, food and cooking. It was found that the African ancestry of knowledge and practices of these communities have influence on the production of knowledge and life as practices of identity, strength, and ethnic and cultural affirmation.

Maria Margarida Machado
Universidade Federal de Goiás
Brazil

М. М. Мачадо
Федеральный университет Гойяса
Гояния, Бразилия

Грамотность и образование юношества и взрослых в португалоязычных странах Африки

Literacy and youth and adult education in Portuguese-speaking African countries

The research was a state-of-the-art study on literacy and adult education in Portuguese-speaking African countries: Angola, Cape Verde, Guinea-Bissau, Mozambique, Sao Tome and Principe (hereinafter referred to as PALOPs) Community of Portuguese Speaking Countries (CPLP). The research resulted in the organization of a broad set of indicators, actions and progress made in the PALOPs, on Youth and Adult Education (EPJA) agenda, in the context of the 1970s to Fulfillment of commitments made at international conferences and declarations by national governments, to guarantee education as a right of all. As a bibliographical and documentary research, a survey of information was carried out from official data and academic publications, revealing the efforts made in these countries in the field of EPJA. For this presentation, we will group the countries investigated in two categories: countries with more than 10 million inhabitants (Angola and Mozambique) and countries with less than 2 million inhabitants (Guinea Bissau, Cape Verde and Sao Tome and Principe). The information found on the official websites of these countries and in the academic productions reiterates the size of the challenge for the process of literacy and basic education of the population that is 15 and older. The investigations also indicate that differences must be safeguarded and the approximations between the realities of the five countries investigated should be preserved, in the perspective of seeking State policies to address educational inequalities that still deny the right to education of the young population and Adult population in these countries

Luís Pedro Baptista Crisóstomo de Figueiredo
Universidade de Coimbra
Portugal

Л. П. Б. Кризостомо де Фигейреду
Университет Коимбры, Португалия

Архитектура свободного модернизма в Анголе

Free modernism architecture in Angola – the Cine Terrace

The existence of a modern tropical architecture in Angola became consensual after the precursory works of several Portuguese researchers. Their multiple contributions provided an opportunity to explore the qualities of the existent buildings, such as resilience, persistence and consequent permanence, valuing aspects such as collective memory and local identity. Within this production, the Cine Terrace Complex represents a very particular and small group of case studies. Now, we question the importance of this legacy as a referential and territorial marker, in the affirmation of the postcolonial formal and informal urban landscapes. The transformation of this "territories of influence" during the third quarter of the twentieth century, can actually be observed under the filter of a Portuguese architectural culture. The later abandonment and transformation of these buildings didn't erase them completely. Today, that fact arises the opportunity to debate culture and memory, questioning the need to assume some architectural values, overcoming the ideological realities and social happenings that underneath their very first occurrence. Inside the methodological process, the use of interviews as a fundamental research tool reveals itself priceless for the study of ownership, alignment and formal comprehension, along with the abuse of extreme plastic resourcefulness, as being the main constructive elements that shape the modern language applied. The proposal aims mainly ratify the case study as being, from all modern built examples, the best in understanding local climate and tropical geography. Its operability as sociocultural development vehicle seems to have played a very exemplar role. Centered in the historic and patrimonial

reframing we propose: reveal unprecedented material allowing the foreshadow of new concepts, approaches and solutions, in contemporary architecture; question this historical legacy as an important group of elements which participate in the future of actual cities, being part of the true specificity of Angolan architecture.

Andrei A. Tokarev
Institute for African Studies
Moscow
Токарев А. А.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

20 лет СПЛП: результаты и перспективы для Африки

20 Years of CPLP: Results and Prospects for Africa

In 2016 the Community of Portuguese-Speaking Countries (CPLP) celebrated its 20th Anniversary. The Community comprises nine states, six of them are African. In the report the author analyzes:

- The importance of the Community for its African and non-African participants,
- The priorities of cooperation and the problems within the Organization,
- The prospects of CPLP.

Секция V-11. ЕС и Африка: взаимосвязь проблем безопасности и развития

Panel V-11. The EU and Africa: Security – Development Nexus

Руководитель: *Кулькова О.С.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Olga S. Kulkova*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

Секция будет посвящена рассмотрению комплекса политических, экономических, социальных, культурных связей между ЕС как наднациональной организацией, а также его отдельными странами-членами, и странами Африки, а также африканскими континентальными и региональными организациями, на современном этапе. Приветствуется анализ новых вызовов в сфере обеспечения безопасности и содействия развитию, стоящих перед ЕС и Африкой, а также новых перспектив сотрудничества ЕС и стран Африки на этих направлениях.

Руководство Европейского Союза отдает себе отчет в том, что обеспечить долговременную стабильность в африканских странах вряд ли возможно без оказания содействия им в решении насущных проблем социально-экономического и человеческого развития. Задача обеспечить мир и развитие на континенте является приоритетной и для руководства Африканского Союза, региональных интеграционных объединений.

Данные вопросы приобретают особую актуальность в связи с принятием ЕС в 2016 г. новой Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности, а также в свете процессов реализации принятой в 2015 г. «Повестки дня Африканского союза на период до 2063 года» и «дорожной карты» по реализации Совместной стратегии Африка – ЕС на 2014 -2017 гг., принятой в 2014 г.

The panel will be devoted to the consideration of the complex political, economic, social and cultural ties between the EU as a supranational organization, as well as between its individual member countries, and the countries of Africa and African continental and regional organizations, at the present stage. The analysis of the new challenges in the field of security provision and development assistance, which the EU and Africa face, as well as the new prospects of cooperation between the EU and the African countries in these areas, is welcomed. The authorities of the European Union are aware that to ensure long-term stability in African countries is hardly possible without assisting them in solving urgent problems of the socio-economic and human development. The task of ensuring peace and development on the continent is also a priority for the African Union's leadership and regional economic communities (RECs). These questions are of particular relevance in connection with the adoption in 2016 of the new Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, as well as in the light of the implementation processes of the African Union's "Agenda-2063" adopted in 2015

and the "Road map" for the implementation of the Joint Africa-EU Strategy for 2014 -2017 years, adopted in 2014. Participants are offered the following general topics for discussion:

- The nexus between the security and development issues in the interaction between the EU / EU member countries and African countries / African continental and regional organizations;
- "Securitization" of development assistance and/or "developmentalization" of security issues: the European and African contexts;
- Political discourse and practice of the EU on the security-development nexus issues in Africa;
- Political discourse and practice of African countries/ African organizations on the issues concerning the security-development nexus;
- The concept of "human security" in relation to African realities: a view from the European Union;
- Processes of conflict prevention and resolution, post-conflict reconstruction, peace-building, and state-building in Africa and participation of the EU in them;
- Interaction between the EU and the African countries in the field of counter-terrorism, tackling illegal migration and organized crime;
- Cooperation between the EU and Africa in the regulation of legal and illegal migration between the continents;
- The issue of migration from Africa to the EU as a point of intersection of security, development, and human rights' protection issues;
- The interaction between the EU and Africa in the area of coping with the climate changes and in ensuring food security on the African continent;
- EU-Africa cooperation in the implementation of the new Sustainable Development Goals introduced by the UN in 2015;
- Cooperation between the EU and African countries in the development of human potential in the countries of Africa; protection and promotion of women's rights in Africa; the interaction between the civil society organizations of the two continents; continents' cooperation in the exchange of innovative technologies and in the field of education.

Claudia Mularoni, Piero Scarpellini
Pragmata Institute, Republic of San Marino

К. Муларони, П. Скарпеллини
Институт «Прагмата»
Догана, Сан-Марино

Устойчивое и длительное экономическое развитие как условие стабилизации и роста в Африке: как европейские институты поддерживают движение африканского континента в этом направлении

Sustainable and durable economic development as condition for stabilization and growth in Africa: How the European institutions are supporting the African continent in this direction

Economic development, social and political stability, and security are inextricably linked. A path full of challenges, but also of opportunities, is what lies ahead of African governments, civil society, and private investors. Each of them has an essential role to play in order to ensure a future of long-term growth and social development.

Africa is no longer a hopeless continent (As in *The Economist* - “Hopeless Africa” - May 11, 2000) and, in spite of broad divergences in the level of development and wealth among the African States, persisting wide economic and social inequalities, and the many obstacles to be overcome in their path towards progress, African economies have grown, on average, since the turn of the last century, more than any other part of the world, save for China and India.

However, economic performances differ widely across the continent, and not every African country is benefitting equally from this positive trend. Some States have managed to improve the investment environment and will keep growing in the years to come. Others, despite the impressive economic growth, have failed to diversify their economies or have not carried out the necessary reforms, and risk failing to maintain a steady pace. Unfortunately, there are also countries that are falling behind due to mismanagement, corruption, or conflict.

This divergence originates, on one hand, from factors on which people have little to no influence, such as weather conditions or the availability of natural

resources, and, on the other hand, from the governments' incapability to build momentum and face important challenges, such as: Maintaining political and social stability; Strengthening their institutional capacity; Improving the investment climate; Accelerating the building of infrastructures; Promoting regional integration; Transforming resource-driven economies to ones characterized by higher added value and greater sustainability; And managing with caution their natural resources, for which there is obviously a growing global appetite.

How can EU Institutions support the African Continent, facing all the above-mentioned challenges, in order to facilitate Africa in becoming a strategic, stable, and reliable partner for the future? Is EU African policy putting emphasis on a partnership based on awareness about the common interests and the deep interdependence between the two continents, rather than simply on solidarity and aid, avoiding the patronizing attitude that characterized Europe's approach to Africa in the past?

Since African stability and security are strictly linked to security in Europe, is Europe working to support human development, knowledge economy, sustainable development, social justice, and economic prosperity in this continent, instead of reacting by advocating stronger border controls and restrictions against the flow of migrants from the African coasts to the European ones?

Alexander M. Rusero
Harare Polytechnic School of
Journalism and Media Studies
Zimbabwe

А. М. Рузеро
Харарская политехническая
школа журналистики и
изучения масс-медиа, Зимбабве

**Региональная интеграция в рамках САДК против дезинтеграции
государств: пересмотр Соглашения о развитии торговли между ЕС и
ЮАР**

**SADC regional integration versus the disintegration of states – a revisit to
the European Union-South Africa Trade Development Corporation
Agreement (TDCA)**

Calls for regional integration in the Southern African Development Community (SADC) region have more or less become the bloc's slogan each time leaders convene for various summits. Yet reality on the ground has been indicative of the same states having become more disintegrated than prior to the attainment of independence. One of the hallmarks of failure for the African post-colonial state has been a perfected attempt to perpetually continue with social political-economic infrastructure put in place by the erstwhile colonialists. It has thus become practically impossible for the African states to physically integrate and demolish the burdening yoke of a disintegrated continent deliberately left by the erstwhile colonialists in a bid to enable the flourishing of neo-colonialism and nip in the bud any prospects of regional integration. This paper traces the feasibility of regional integration in SADC putting on the spotlight the European Union (EU) – South Africa (SA) Trade Development Cooperation Agreement (TDCA) first implemented in 2004. The EU-SA TDCA was the first reciprocal free trade agreement in Southern Africa. The agreement applies de-facto to Botswana, Lesotho, Namibia and Swaziland – the BLNS states. These states also happen to be in the Southern African Customs Union (SACU) together with South Africa. Thus by default, the BLNS states have become party to the EU-SA TDCA with respect

to imports from the EU. This impacts on the much desired sub-regional integration precisely on the economies of the member states of SACU in general and the much desperately needed integration within SADC in particular.

Биссон Л.С.
Институт Европы РАН
Москва
Lyubov S. Bisson
Institute of Europe
Moscow, Russia

Implementation of the Global Approach to Migration and Mobility: The EU – African Countries Partnership in the Field of Migration

Реализация Глобального подхода к миграции и мобильности: партнерство ЕС в области миграции со странами Африки

Начиная с 2005 года Европейский союз активно приступил к развитию внешнего измерения иммиграционной политики, основы которой были сформулированы в «Глобальном подходе к миграции и мобильности». Одним из основных направлений деятельности служит развитие сотрудничества в области миграции с третьими странами.

В контексте преодоления последствий иммиграционного кризиса в июне 2016 года Комиссия представила Рамочную программу нового партнерства в том числе с пятью государствами Африки: Эфиопией, Мали, Нигером, Нигерией, Сенегалом – странами происхождения и транзита мигрантов.

Главная цель инициативы — развитие торговли и визовая либерализация с государствами Африки. Финансово содействуя социально-экономическому развитию проблемных государств, Евросоюз в краткосрочной перспективе рассчитывает подтолкнуть эти страны эффективнее охранять границы, сдерживать эмиграцию и сотрудничать в вопросах реадмиссии граждан, проникших с их территории в ЕС нелегально.

Странам-партнерам Европейский союз предлагает индивидуально разработанные для каждой из них модели взаимодействия с ЕС – так называемые «компакты» – с использованием главного внешнеполитического инструмента – Тростового фонда для Африки. В обмен на финансовую помощь ЕС выставляет правительствам стран Африки довольно жесткие условия. Принцип обусловленности, в целом характерный для внешней политики ЕС, в данном случае ставит экономическую помощь в зависимость от способности африканских стран обеспечить эффективную охрану границы.

Главным вопросом заключается в том, смогут ли государства ЕС аккумулировать достаточно средств, чтобы наполнить финансовый фонд для осуществления заявленной политики. Кроме того, основное противоречие новых партнерств заключается в том, возможно ли сочетать краткосрочные (управление миграционными потоками) и долгосрочные цели (цели развития африканских государств) выдвигаемой инициативы.

Юртаев В.И.
РУДН, Москва
Ндакисса Онкасса Франсуаз Кристиан
Габонская Республика
РУДН, Москва
Vladimir I. Yurtaev
Francoise Christianne Ndakissa Onkassa
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow

On the Diplomacy of Small African Countries: The Gabonese Experience

О дипломатии малых африканских стран: опыт Габона

Роль малых африканских государств в условиях глобализации все заметнее проявляется в различных сферах международных отношений, что определяет актуальность изучения их внешнеполитической активности,

особенностей реализуемых ими моделей дипломатии. Опыт Габонской Республики здесь представляется уникальным, поскольку позволяет проследить эволюцию габонской дипломатии от изоляционистской первоначально модели к дипломатии расширенного диалога и процветания в меняющихся глобальном и региональном контекстах.

Первые попытки формирования внешней политики Габонской Республики начинаются с 1960-х гг. и осуществлялась на принципах прагматичного изоляционизма, нейтралитета и диалога в международных делах. После прихода к власти Президента Омара Бонго Ондимба (1967-2009 гг.) формируется многосторонняя дипломатия Габона, особенно проявленная в формате участия Габона в деятельности ОАЕ, ОИК, ДН, учреждения новых дипломатических представительств и постоянных миссий. В сфере внешней политики Габон реализует дипломатию неприсоединения и развития, суть которой Президент Омар Бонго выразил в максиме: «Ни влево, ни право, всегда вперед». Подчеркнем, что принцип независимости, который предполагает равенство между Габоном и всеми развитыми и развивающимися странами, получил методологическую значимость при выработке его внешней политики.

Диалог играет важную роль в государственной политике Габонской Республики, в основу понятия «диалог» в Габоне положены принципы уважения и взаимности, нацеленность на объединение усилий народов, поиск мирных путей урегулирования споров любого рода. Можно сказать, что для Габона принцип диалога определял двустороннюю дипломатию и вместе с принципом неприсоединения – взаимодействие на региональном (АС, ЕС) и международном (ООН) уровнях.

Современный (четвертый, с 2009 г.) этап – процветания и открытости – развития внешней политики Габона начался с приходом к власти в 2009 году Президента Али Бонго Ондимба, когда был сформирован новый вектор внешней политики Габона, направленный на изменение внешнеполитической

модели в русле устойчивой тенденции к расширению сотрудничества африканских стран с иностранными партнерами.

В целом современная дипломатия Габона может быть названа «дипломатией процветания и открытости», поскольку призвана обеспечивать достижение целей Стратегического плана «Процветающий Габон» и формировать имидж успешной страны, открытой к широкому взаимовыгодному и равному партнерству на международной арене. Как представляется, найденная руководством Габона модель конкурентного развития страны в условиях глобализации позволяет по-новому использовать потенциал дипломатии, ориентируя ее на сопряжение локальных, региональных и глобальных преимуществ в целях национального развития и большей международной включенности.

Olga S. Kulkova
Institute for African Studies of
Russian Academy of Sciences
Moscow State University
Кулькова О. С.
Институт Африки
Москва, Россия

Политический дискурс ЕС в отношении стран Африки в контексте взаимосвязи проблем безопасности и развития (2000-е гг.)

The EU political discourse towards the African countries in the context of security-development nexus (2000s)*

The European Union comprehensively reassesses its internal and external policies, its prospects and priorities. This has influenced also the official discourse of the European Union towards the interaction with the African continent, as well as the European strategies and programmes aimed at ensuring security and development in the African countries. These questions are of particular relevance

* Тезисы подготовлены за счет гранта Российского научного фонда (проект 15-18-30066) «Эволюция подходов ведущих субъектов международных отношений к проблемам взаимозависимости безопасности и развития в условиях трансформации мирополитической системы: анализ и прогноз»

in connection with the adoption in 2016 of the new Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy.

The EU now sees Africa as an ever more important strategic partner, without whom the pressing problems of the European continent itself cannot be solved. Best illustration for this is the co-operation between the EU and the African continent aimed to tackle the migration crisis in the EU.

Ensuring the long-term stability and solving urgent problems of the socio-economic and human development in African countries are intrinsically linked, and all this is intertwined with the security and well-being of the EU itself. Therefore the concept of 'security-development nexus' (SDN) gained much currency in the EU official discourse.

The EU wants to develop a comprehensive, holistic approach to African problems based on conflict prevention, early warning, mediation, development assistance, security sector reform, good governance and inter-agency cooperation. However, the EU faces many internal problems making it harder to pursue its stated aims - contraction of financial resources, a lack of coordination between the EU member states and some other.

The effectiveness of the EU security-development policies can be increased by the earnest implementation of complementarity principle, and of the policy coherence for development. The global drive to achieve the new UN-set Sustainable Development Goals also underpins many EU initiatives in this sphere. That is why the 'security-development nexus' paradigm will continue to play a crucial role in the EU official discourse towards Africa.

Циватый В.Г.
Дипломатическая академия Украины
при МИД Украины
Vyacheslav G. Tsivaty
Diplomatic Academy of Ukraine, Kyiv

The Vyshegrad Group –Africa: A New Institutional Strategy and Political-and-Diplomatic Dialog on Security in the 21st Century

Вышеградская группа – Африка: новая институциональная стратегия развития и политико-дипломатический диалог безопасности XXI века

В условиях полицентричного мира Африка всё чаще оказывается в центре внимания мирового сообщества. Особый интерес к Африканскому континенту в последние годы проявили страны Вышеградской группы. А особую политико-дипломатическую тональность в этом диалоге задают Венгрия и Польша. В данных странах целенаправленно разрабатываются программы восстановления институциональных и экономических отношений с Африкой. Стратегия Вышеградских стран сфокусирована именно на тех проектах, где их компетенция является общепризнанной на мировом рынке. Преимущества стран Вышеградской группы состоят в том, что они не имеют т.н. «колониального багажа прошлого», и в современных условиях имеют потенциал и наработанный европейский опыт в сфере безопасности и развития, чтобы предложить вопросы взаимовыгодного развития, адаптированные к африканским реалиям.

Приоритетное задание, которое определено странами Вышеградской группы – это возрождение институциональной сети дипломатических представительств, в первую очередь посольств в Сенегале, Танзании, Замбии. Для Польши приоритетными странами определены Кения, Танзания, Эфиопия, ЮАР. Варшава нацелена на дальнейшее развитие программы «GoAfrica» и усиление экономического присутствия на Африканском континенте. Венгрия, с учётом лимитирования собственных ресурсов, приоритетными странами Африки для себя определила политически стабильные африканские страны: ЮАР, Ангола, Эфиопия, Гана и Кения.

Государственная программа развития дипломатических и экономических отношений с Африкой, принятая в Венгрии, выстраивает особую институциональную стратегию (т.н. африканскую стратегию Венгрии).

Даная проблематика вызывает особый научный интерес в том контексте, что фактически страны Африки и страны Вышеградской группы традиционно имели слабые межгосударственные связи, последние не были связаны с Африканским континентом историческими связями. Этот новый политико-дипломатический феномен требует изучения. Данное регионально-асимметрическое сотрудничество вызвано, по нашему мнению, прежде всего процессами глобализации и наличием различных моделей безопасности, а также взаимовыгодными процессами экономического, социогуманитарного и культурного развития. Стратегия развития межгосударственных отношений обозначенного выше формата (Африка – Вышеград) на перспективу, со стороны стран Вышеградской группы, будет основываться на многочисленных инновационных разработках для агропромышленного сектора, фармацевтики, энергетики, очистки воды, развития инфраструктуры, а также установлении таких форм сотрудничества, которые будут основываться на взаимной выгоде и позволят делиться своими знаниями, технологиями и ноу-хау. Центральноевропейские страны настроены проводить долгосрочную, планомерную и постоянную борьбу за африканские рынки.

Новой эффективной формой экономического, институционального, культурного, образовательного и политико-дипломатического сотрудничества стран Вышеградской группы и стран Африки являются бизнес-форумы по Африке. На этих форумах в тесной взаимосвязи обсуждаются вопросы развития и безопасности новых институциональных связей по диагонали: Вышеградская группа – Африка.

В условиях полицентричности африканские страны ищут новых партнёров и новый диалог, новое прагматическое сотрудничество, которое успешно складывается в формате «Visegrad House», посредством которого

страны упомянутой четвёрки организуют события, координируют свои усилия в Кейптауне под эгидой посольства Чехии.

Автор показывает, что анализ основных вопросов эволюции главных направлений внешней политики и дипломатической деятельности африканских стран в тандеме с вышеградскими странами дает возможность глубже понять общие для большинства развивающихся государств Африки процессы формирования политики развития и безопасности, а также выработки внешнеполитических и институциональных решений в сфере безопасности.

По состоянию на сегодня вполне ясно, что и страны Вышеградской группы, и страны Африки стремятся играть самостоятельную роль на глобальной и региональной шахматной доске как в сфере развития, так и в сфере безопасности. Их межгосударственное сотрудничество в перспективе обещает быть плодотворным и конструктивным. Особое внимание акцентируется на особенностях нового инструментария дипломатии в условиях геополитических реалий и перспектив безопасности на Африканском континенте.

Трунов Ф.О.
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва
Filipp O. Trunov
Lomonosov Moscow State University
Russia

Germany's Approach to Countering Unconventional Threats to Security Originating in Africa

Особенности подхода ФРГ по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности из Африки

Миграционный кризис, начавшийся на территории ЕС в 2014 г., показал уязвимость его стран-участниц, в том числе ключевой державы –

ФРГ, перед нетрадиционными угрозами безопасности. При этом масштаб нынешней проблемы – от 3 до 4 млн. беженцев, прибывших в ЕС – значительно меньше тех огромных потоков мигрантов, которые могут прибыть не только с территории Ближнего Востока, но и Африки – в том числе Тропической и Экваториальной.

В этой связи показателен рост интереса ФРГ – как на экспертном, так и на официальном уровнях – к происходящим в Африке процессам, в том числе к стремительному росту населения на фоне сохранения глубоких проблем социально-экономического развития.

В период «холодной войны» и в значительной степени в 1990-е гг. усилия Германии по поддержке слаборазвитых и нестабильных государств Африки (осуществляемые практически исключительно за счёт использования экономических рычагов – в первую очередь, ОПР) объяснялись стремлением получить экономические прибыли и политические дивиденды. С начала XXI века всё более значимым импульсом политики ФРГ в Африке стало стремление к снижению угроз собственной безопасности, которые могли бы проецироваться из Африки на территорию Германии и её партнёров по ЕС и НАТО.

Это привело не только к росту объемов экономической помощи, но и к использованию политических и военных инструментов в Африке. С 2003 г. бундесвер стал использоваться в операциях по обеспечению и поддержанию мира, а также к участию в реконструкции сектора безопасности нестабильных государств. «Фокусными» странами для ФРГ в этой связи стали ДРК и Судан, а также Аденский залив, где ведётся активная борьба с пиратами. С начала 2010-х гг., в условиях «Арабского пробуждения», приведшего к нарастанию нестабильности в северной части континента и облегчению движения мигрантов через неё с юга (в первую очередь, вследствие превращения Ливии в нестабильное государство) география использования ФРГ своих военно-политических существенно расширилась. Вооружённые силы Германии участвуют в борьбе со структурами международного

терроризма на территории Мали и Сомали, параллельно продолжая участвовать в деятельности по поддержанию мира в провинции Дарфур и на границе двух суданских государств.

Думается, что уже в среднесрочной перспективе Африка, учитывая роль континента как источника угроз для ЕС, станет одним из значимых направлений с точки зрения использования бундесвера и применения широкого спектра инструментов в области международной безопасности.

Лилеев И.Л.
Институт Африки РАН
МЛГУ, Москва
Ivan L. Lileev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Role and Place of Peacekeeping in the Foreign Policy Strategy of the EU in Africa

Роль и место миротворчества во внешнеполитической стратегии ЕС в Африке

Вопросы мира и безопасности занимали и продолжают занимать центральное место в системе внешнеполитических приоритетов Европейского союза. Африке отводится при этом одно из наиболее значимых мест. В новой стратегии ЕС в Африке в 21 веке прямо указывается на это – прежде чем оказывать помощь тому или иному региону и стране, необходимо установить здесь режим мира и безопасного развития, обеспечить прозрачность при распределении различного вида помощи. Без этого остальное представляется бессмысленным.

В принятой в 2013 году совместной «межконтинентальной» программе взаимодействия «Утверждая мир и безопасность в Африке, воплощая новое африкано-европейское партнерство» отмечалось следующее: «Мир и безопасность – главные и обязательные условия для реализации идей прогресса и устойчивого развития. Под руководством Африканского союза

Африка интенсифицирует свои усилия по предотвращению и разрешению конфликтов».

Помимо безусловной значимости усилий Европейского союза для реализации программ установления, поддержания и сохранения мира в Африке данное направление деятельности имеет значение и для укрепления внутреннего единства государств-членов организации в условиях меняющихся геополитических реалий.

Именно миротворчество в столь сложном во многих отношениях регионе как Африка дает возможность продемонстрировать практическую реализацию гуманитарно-ориентированных и антропоцентрических принципов, обозначенных единой Европой в качестве первоосновы своей внешней и внутренней политике.

Кроме того, заявленное с конца девяностых годов новое качество вовлеченности Евросоюза в африканские дела требовало подтверждения делом, иначе декларации эти оказались бы полностью дискредитированными. Именно Африка стала своего рода «полигоном» для демонстрации ЕС своих усилий и возможностей в миротворческой сфере. Одновременно отработывался на практике и механизм взаимодействия с Африканским союзом в рамках «межсоюзного партнерства» в данной области. Речь шла об использовании на практике созданных при участии и финансировании со стороны ЕС созданных миротворческих сил АС, что в свою очередь явилось следствием реализации на практике политики повышения ответственности африканцев за свои дела.

Приоритетное внимание при решении миротворческих вопросов в Африке должно быть оказано, по мнению Евросоюза, усилиям по реализации методов превентивной дипломатии, раннему предупреждению конфликтов. Поддержка Евросоюза относится не только к созданию информационных центров, ориентированных на достижение этих целей, но и финансирования «сил быстрого развертывания», ориентированных в числе прочего и на

решении задач гуманитарного характера и состоящих не только из военных, но и врачей, сотрудников гуманитарных миссий и др.

Карпов Г.А.
Институт Африки РАН
Москва
Grigory A. Karpov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Brexit and African Diasporas: Problems of Security and Migration

Brexit и африканские диаспоры: вопросы безопасности и миграции

Последние 2-3 года были переломными для развития ЕС. Миграционный кризис 2015-2016 гг. можно отнести к одному из самых серьезных вызовов, с которым столкнулись европейские государства.

С обострением миграционной ситуации континентальная Европа подверглась серии терактов, совершаемых приезжими. Взрывы и атаки террористов произошли в Париже, Брюсселе, Копенгагене, Мюнхене, Ницце, Лионе и других городах.

Появление ИГИЛ в 2014 г. изменило всю конфигурацию сил на Ближнем Востоке и эхом отозвалось во всех европейских странах, где есть заметные мусульманские диаспоры. Даже приблизительный, очевидно, заниженный, подсчет возможного числа мусульман из ЕС, воюющих в рядах ИГИЛ, дает цифру в тысячи человек.

Ответной реакцией на эти события стал рост численности и влияния евроскептиков и праворадикальных партий в ЕС. 23 июня 2016 г. на общенациональном референдуме британцы приняли решение выйти из ЕС. Выход Великобритании из ЕС может спровоцировать «эффект домино» и привести к развалу всего ЕС или, по крайней мере, к существенной трансформации союза.

Африканские диаспоры Великобритании относятся к крупнейшим сообществам страны (более 1 млн. человек). Приезжие из Африки и их потомки сохраняют тесные связи со странами исхода, оказывают материальную поддержку членам своих семей и кланов, всемерно помогают близким перебраться в Великобританию.

Ужесточение политики британских властей в сфере миграции может серьезно осложнить жизнь африканцев. Если выход Великобритании из ЕС будет включать и отказ от свободы передвижения в рамках ЕС, то «вторичная» и «третичная» миграция африканцев (в основном сомалийцев и конголезцев) из Европы в Великобританию, возможно, полностью прекратится.

Вероятно, британская тенденция к дистанцированию от событий на континенте будет одним из главных лейтмотивов европейской политической жизни в ближайшие годы. В этих условиях постоянно растущие за счет высокой рождаемости африканские диаспоры Великобритании, скорее всего, увеличат влияние на внутреннюю жизнь страны. Параллельно продолжится процесс раздробления и обособления сообществ африканцев друг от друга по стране исхода, времени приезда в Великобританию, религиозному фактору, этнической, племенной и клановой принадлежности, по сути, в бывшей метрополии воспроизведутся многие дестабилизирующие моменты, свойственные сегодня африканскому континенту.

Мильто А.В.
ЯрГУ, Ярославль
Anna V. Milto
Yaroslavl State University, Russia

African Refugees in Europe: Problems of Adaptation

Африканские беженцы в Европе: проблемы адаптации*

Иммиграция из Африки в Европу за последнее десятилетие приобрела массовый характер. Множество людей пришло в движение под воздействием самых разных причин, природно-климатических, экономических и этнорегиональных, конфессиональных и социально-психологических.

Изначально в Европу стремились попасть образованные слои общества, профессионалы. За ними последовали многие другие более многочисленные категории: с увеличением миграционного потока выросло количество нелегалов.

Как показала практика, в новое общество удается интегрироваться немногим. Выходцы из Африки, иммигрировавшие в Европу, находятся в специфических условиях, которые влияют на их психологическое состояние. Особенно тяжело темнокожим детям иммигрантов, которые зачастую подвергаются дискриминации при приеме на работу или при найме жилья. Африканцы по происхождению, но европейцы по воспитанию – они чувствуют себя амфибиями, жителями двух миров. Они разрываются между домом и изгнанием, между разными мировоззрениями, между мечтами и реальностью. Они словно остановились на полпути к идентичности. По мере их взросления социальные барьеры вырастают и, в конце концов, начинают совпадать с этническими.

В иммигрантской среде получила распространение приверженность исламу (иногда в наиболее радикальной форме), который стал средством

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

выражения идентичности и социального протеста против дискриминации и унижения, проявляемыми со стороны европейцев. Культурная и социально-экономическая сегрегированность мусульманских сообществ в Европе обуславливает их приобщение к исламскому фундаментализму. В то же время трудности, которые беженцы привносят в европейские страны, настраивают против приезжих местных жителей и официальных властей, сомневающих в правомерности допускать на свою территорию увеличивающиеся потоки мигрантов, рассматривая их как дополнительный дестабилизирующий и подрывающий государственную безопасность фактор. На сегодняшний день власти европейских государств не в состоянии разрешить вопросы, вызванные миграцией. Многочисленные беженцы продолжают прибывать, и проблемы, связанные с их интеграцией, только возрастают.

Aleksandra V. Shitova
Russian Academy of Sciences

Шитова А. В.
Институт Африки, Москва, Россия

Механизмы вмешательства ЕС в события «Арабской весны» в Тунисе: использование и результат

The EU mechanisms of interference in the events of the «Arab Spring» in Tunisia: application and results

European Union organizations were directly involved in the events of the «Arab spring» in Tunisia, as well as in the subsequent socio-political transformations in Tunisian society, which are sometimes referred to as the «democratic transition».

According to expert opinions, it is alleged that Western governments and donor agencies were propping up specific political groups or currents through either financial or non-financial means. EU funding was being used as a political

tool in main ways:

- EU influence on the political and electoral process (EU institutions have provided support to civil society and for preparing the 2011 elections, including via the deployment of an EU Election Observation Mission);
- Attempts to discredit legitimate power as a pretext to curb segments of civil society (The «SPRING» program was provided to support political reform and inclusive economic growth, the justice sector and civil society. Support under the European Neighbourhood Partnership Instrument (ENPI)).
- EU investment in local media as a means to influence domestic public opinion.

Major governmental donors active in Tunisia include European Union (EU) institutions, including the European Commission, the European Parliament, the Euro-Mediterranean Human Rights Network (EMHRN).

EU member states as major donors for Tunisia also gain significant political leverage in the country. For example, France is the most important bilateral aid donor in Tunisia (France has led on the G8 joint response to the Arab spring in the framework of the «Deauville Partnership»). Several EU member states run regional programs to channel their bilateral responses to the 2011 uprisings in the Arab world, for example, the Spanish «Masar» program and the German «Transformation partnership». Other key European state donors include Italy and Switzerland.

Irina R. Iutiaeva

MGIMO-University

Ютяева И. Р.

Московский государственный
институт международных отношений
[Университет], Россия

Стратегическое партнерство ЮАР и ЕС: проблемы и перспективы

South Africa-EU Strategic Partnership: Problems and Prospects

Since 2007, the European Union has been making efforts to shift the emphasis in its relations with South Africa from the economic dimension to the political one. The establishment of the strategic partnership between the EU and the RSA was based, on the one hand, on the EU interest in holding an efficient dialogue with one of the most influential states in Africa, on the other hand – on the RSA demand for European grants, goods and investment.

During the first years of the strategic partnership the issues placed high on the agenda of the political dialogue included the development of the European Security Policy, the efforts of the African Union to promote peace and security in Darfur, Somalia and the Great Lakes region, the situation in the Middle East, Iraq, Iran and on the Balkans, as well as global issues, such as terrorist threat and the proliferation of weapons of mass destruction. At the same time, South Africa did not always support the EU foreign policy: it criticized military operations in Libya and Syria as well as the EU sanctions against Iran.

The most important part of the strategic partnership remains the EU development aid to South Africa. Nevertheless, today South African and European leaders take steps to abandon the “donor – recipient” model and solve development and security problems of the African continent together. The European Union and South Africa have similar views on the future of the continent; they both adhere to

the same principles of peacekeeping, eradication of poverty, human rights and good governance in African countries. However, the partners take different stances when it comes to the practical distribution of aid. South Africa is distrustful of the principle of political conditionality, which is one of the key instruments of the EU foreign policy, as well as of the initiatives such as EU Raw Mineral Initiative, which in fact make African states increasingly dependent on export.

The South African approach towards cooperation with the European Union can generally be explained by the position of the state as a binding link between the developed and developing world. For this reason, South Africa constantly faces the necessity to deal with contradictions between its desire to embrace European democratic values and its incapacity to act them out, its aspiration to strengthen economic ties with Europe and its intention to promote integration in its own region. For this moment the RSA cannot yet be called a strategic partner in every sense of the word; however, the country has enough potential and eagerness to cooperate to take its rightful place among the EU strategic partners in the near future.

Блок VI. Миграции и диаспоры **Unit VI. Migrations and Diasporas**

Секция VI-1. Диаспора, местные инвесторы, экономическое развитие и национальная точка зрения **Panel VI-1. Diaspora, Indigenous Investors, Economic Development and National Vision**

Руководитель: *Камани Кришна*, Университет Замбии, Лусака

Convener: *Kamini Krishna*, University of Zambia, Lusaka

The panel welcomes papers on the interrelation between diaspora, indigenous investors, economic development and national vision in any African country, as well as integrating experience of different states of the continent. The panel focuses on various encouraging policies which have been implemented by the African governments which recommends investors to risk their hard earned capital. It further examines the areas where the local people and diaspora are investing their money and importantly the panel highlights the number of jobs that have been created for the local Africans, due to new investment. Additionally the panel assesses some short comings which are hindering the creation of jobs. Above all, the panel suggests some areas where both indigenous and diaspora should spend more capital to promote job opportunities for Africans. Finally the panel emphasizes on collective responsibility, whether by indigenous or by diaspora, to make African countries more prosperous than they are today.

Kamini Krishna
University of Zambia
К. Кришна
Университет Замбии, Лусака

Будущее промышленности в Замбии: Новый стимул для вовлечения Индии в Замбию

The future of industries in Zambia: a new drive to Indian's engagement with Zambia

It has been felt by both African and international communities that industrialization, which has lagged behind on the African continent, has to catch up with the global economy. The United Nations Secretary General, Ban Ki-Moon

once commented that the industrialization needs to speed up in Africa which acts as stimulus for economic transformation in developing countries. Additionally, it is a proven fact that a country cannot sustain being only a consumer and can only prosper, when it begins production. Both India and Zambia experienced colonial economic plunder, for years and both countries felt that industrialization was required in their countries which contributes extensively for the eliminating of poverty; which raises productivity, create employment, enhance the income generated assets of the poor and helps to diversify exports. After Zambia achieved independence in 1964, the governments of India and Zambia aimed to strengthen their time immemorial trade relations. The target of the Indian government, towards the enhancement of the Zambian economy is not only concentrated on the trade alone but also in the promotion of both human resources and industries. The article investigates the existing trade relations between India and Zambia and examines the benefit acquired by the Zambian people. It also explores the possibility enhancing trade and establishing more industries by Indian companies, the Indian Community and by the Indian government in Zambia.

Catherine Hocquet-Von Raesfeldt

INALCO, France

К. Оке-Фон Рэсфельдт

Национальный институт восточных
языков и цивилизаций
Париж, Франция

**Диаспоры в Эфиопии в первой половине XX в.: возможность, не
оцененная колониальными державами?**

**Diasporas in Ethiopia, First Half of the Twentieth Century: an Opportunity
Unfavorably Viewed by Colonial Powers?**

Ethiopia, a land of emigration under the “Darg”, was in the first half of the XX century receiving immigrants, due not only to its favorable climate, the

prestige it acquired at Adwa in 1896, but more so the need for qualified personnel in view of development undertaken apart from any colonial framework. Furthermore foreign events such as upheaval in Europe or massacres in Turkey also played their role. Immigration increased considerably whether in formerly established ethnic groups (Arabs, Armenians Greeks each reaching a few thousand) or in more recently settled populations (Levantines, Indians or Europeans, amongst them White Russians, and finally Afro Americans). These immigrants took up trades little-engaged by the Abyssinians such as crafts (the more recent forms), commerce (Arabs and Indians controlling imports, Greeks engaged in retail), small industry (often Greeks) or construction industry (Italians). The destitute providing the labour force. Those with higher education were recruited in numbers in the civil service developed under Tafari (Armenians - largely represented in the above-mentioned sectors- and Russian- often former officers -, with a few Greeks shared management positions and provided doctors or lawyers.) This inflow, a godsend for Ethiopia, was nonetheless discouraged for several reasons

- Logistic difficulties (resulting in repatriation at the expense of Legations);
- Distrust by young “educated Abyssinians “of these competitors;
- Hostility of the colonial powers towards the heimatlos ’s services to an African state, thus limiting their own influence.

The most qualified groups were targeted (notably Armenians, victims of systematic disparagement without regard for the genocide they escaped from) but Middle-Eastern populations successfully integrated into Ethiopia. Russians, however, having more difficulties partly of their own making, withdrew from the administration in the early thirties and left the country or survived in the private sector.

Admire Chereni
Bindura University of Science Education
А. Черени
Биндурский университет
научного образования
Зимбабве

Управление эмиграцией в Зимбабве: современное развитие, угрозы и перспективы
Sending country migration management in zimbabwe: current developments, challenges and prospects

Largely due to a multifaceted political and economic crisis which crippled Zimbabwe in the third decade since independence, Zimbabweans have become one of the most itinerant migrant groups in the Southern African region, the United Kingdom and other countries of the Global North. As with other sending country governments, Zimbabwe is seeking ways to best tap into the economic potential of migrants, and encourage the involvement of diaspora communities in home-grown investment initiatives.

These developments are unfolding in a context of supportive international discourses: debates around the so-called migration-development nexus have recently become more optimistic, and they tend to frame the diaspora communities, sojourners and remittances as important tools for development. This paper examines the current efforts at managing emigration. It draws on a focused review of literature, secondary data analysis of the Diaspora Policy and other official documents as well as the author's own research on Zimbabwean migrants.

In the paper, I argue that debates which popularise the migration-development nexus, only provide a feeble basis for conceptualizing a coherent sending country policy which reflects the realities of Zimbabwean emigration. While recognizing the need to harness emigration for development, current sending country efforts are limited since they emphasise the economic gains of migration for the national economy at the expense of the diverse costs of migration, which

ordinary families shoulder. Comprehensive sending country management need not be predominantly economist; it ought to address personal and family vulnerability through a coherent migration policy.

Euston K. Chiputa

University of Zambia

Ю. К. Чипута

Университет Замбии, Лусака

**Индийские частные компании и экономическое развитие Замбии
(1964-2015 гг.)**

Indian private companies and Zambia's economic development, 1964-2015

Most scholarly writings on the presence of business people of Indian origin in Zambia have tended to emphasise their role in commerce; retail and wholesale trading. However, since Zambia's liberalisation of the economy and introduction of plural politics in 1991, there has emerged a paradigm shift towards other economic sectors. Business people of Indian origin have gravitated towards manufacturing, farming, agro-processing, water exploration and drilling and, most recently construction and real estate development. Their contribution has emerged as one of the major pillars of the post-1991 liberalised Zambian economy. Since then these companies have been making steady but significant inroads into Zambia's agricultural and emerging industrial sectors. There are private Indian business people and Zambians of Indian origin who have invested in crop and livestock farming. There is also a significant number of these companies engaged in agricultural plant machinery and equipment merchandising and production of agro-chemicals. Zambia's largest steel plant commissioned in 2010; with both direct and indirect linkages to agriculture is owned by one of Zambia's largest manufacturing companies, Trade Kings. Zambians of Indian ancestry have a significant shareholding in Trade Kings. The only Coal powered electricity

generation plant (300 megawatts) situated in southern Zambia, to be commissioned some time in 2016 is being developed by an Indian-owned company. In the last decade or so most private companies involved in underground water exploration and drilling for irrigation and for domestic consumption are of Indian origin. Of late the Zambian economy has witnessed increased investments in the construction industry and real estate development. This study attempts to investigate the emergence, growth and contribution of Indian private companies to Zambia's economic development from 1964 to 2015.

Renu Modi

University of Mumbai, India

Р. Мод

Университет Мумбая, Индия

Индийские инвестиции в сельское хозяйство и сельскохозяйственную перерабатывающую промышленность в Африке

Indian Investments in the Agriculture and Agro-Processing Sectors in Africa

The major thrust of the proposed project is to understand South- South Development Cooperation between India and select countries in Africa in the agriculture and agro- processing sectors for food security and poverty reduction. It aims to document Indian private sector led and government of India's (GoI) initiatives towards increasing yield per acreage for crop cultivation in Africa. Through India's development compact; aid, trade, FDIs (mainly private sector led) and concessional lines of credits by the EXIM Bank, India aims to increase productivity and build value chains in agricultural commodities. With a focus on four major commodities, inter- alia, sugar, cotton, cashew, pulses and oilseeds, this study will attempt to assess the impact of Indian investments on the agriculture and agri-processing sectors in select countries. Within the remit of the Theory of Change (ToC), this paper aims to harvest the outcomes of India's development

compact in the agriculture and allied sectors. It will also highlight the role of select African countries for facilitating food security in India, such as through the exports of oilseeds and pulses, thus emphasising mutual relationship and South- South Cooperation between India and Africa.

Секция VI-2. Миграционная динамика на Юге Африки: к пониманию прошлого, настоящего и будущего
Panel VI-2. Migration Dynamics in Southern Africa: Understanding the Past, the Present and the Future

Руководитель: *Р. М. Муконза*, Университет технологии Цване, Претория, ЮАР

Convener: *Ricky M. Mukonza*, Tshwane University of Technology, South Africa

Migration as an activity is as old as human kind itself. Over time it has developed owing to changes in changes in other facets of human life, it can be argued that technological developments as well as. It goes without mention that the globalised nature of world affairs have allowed movement of people and goods to take place with less difficulties. It can be noted that technological development, migration and globalisation are closely interlinked. Traditionally in migration; South to North migration was a common trend due to the disparities in economic developments, however in recent years South to South migration has been on the rise. It thus becomes imperative that academics in the Social Science discipline endeavour to understand how migration is changing over time. The panel limits its focus to migration within Southern Africa. Although there is considerable literature on the migration as it has unfolded with this region, more still needs to be unravelled particularly new patterns that have emerged in the turn of the century. Can there be empirically backed causal theories that can be propounded on this phenomenon? Authors are thus encouraged to come up with papers around this theme.

Admire Chereni
Bindura University of Science Education
Zimbabwe
А. Черени
Биндурский университет
научного образования, Зимбабве

«Внутри границ, но на самом деле не в Южной Африке»: нарративы принадлежности среди зимбабвийцев в Йоханнесбурге и их значение для круговой миграции

“Within the borders but not really in south Africa”: narratives of belonging among Zimbabweans in Johannesburg and their implications for circular migration

This article uses narratives of Zimbabweans in Johannesburg to explore the relationship between mobility and belonging. It considers what this relationship might imply for how we understand circular migration. It finds that marginal forms of place-making after arrival, which punctuated migrants’ local belonging in everyday life – and not necessarily the overbearing influence of micro-scale systems – shape their intermittent and eventual home-bound journeys. After arrival, migrants eked out a living on the peripheries of the labour market and struggled to establish a bearable everydayness, including routines, patterns, and rhythms necessary for establishing fixity. Thus, marginal forms of post-arrival place-making, especially the ways in which migrants negotiate structures of feeling in place, fueled perceptions of home as a concrete site left behind to which migrants must strive to return.

Tamuka Charles Chirimambowa
Tinashe Lukas Chimedza
Institute for Public Affairs
in Zimbabwe (IPAZ)
Т. Ч. Чиримамбова, Т. Л. Чимедза
Институт связей с общественностью
в Зимбабве, Хараре

**Между провалившимися неолиберальными экспериментами и
уязвимыми проектами освобождения: личный опыт зимбабвийских
мигрантов в Йоханнесбурге**

**Between collapsed neoliberal experiments and vulnerable liberation projects:
the lived experiences of Zimbabwe's migrants in Johannesburg**

This paper seeks to analyse the lived experiences of Zimbabwe's migrants in South Africa's economic capital of Johannesburg infamously referred to as 'eGoli' ('City of Gold'). Historically, there has been migration from Zimbabwe to South Africa, but the contemporary scale and nature became unprecedented especially after the year 2000. On the Zimbabwean side the almost total collapse of the economy has forced mass migration on an extraordinary scale while instantaneously, on the South African end, the political and policy responses have been widely contested and in certain cases linked to the incessant flaring of xenophobic violence against anyone labelled as a foreigner. While our focus is on the immediate lived experiences of the Zimbabwean migrants our approach intends to provide a broad, socio-politico-economic analytic framework to understand these migrations trends, the impact they have generated and the complex regional political economy within which this is happening. We observe that the contemporary almost 'en-masse' migration differs from the past but at the same time is intrinsically linked to the impacts of the collapsed neoliberal experiments of Structural Adjustment Programmes (SAPs) and the increasing vulnerability of the ideals of the liberation project driven by historic liberation movements. Our interest is how these two broad and very complex processes are interacting to drive

migration patterns but most importantly how the lived experiences of Zimbabwe's migrants also provide evidence of how local questions of daily survival are intertwined with grand questions of Africa's post liberation political economy trajectory. Based on in depth interviews the paper will seek to further our understanding of migration trends, the regional political economy within which this is unravelling and how this is related to what Castles (2001) has called social transformation.

Nelson Antunes João

Higher Institute for International Relations

Maputo – Mozambique

Н. Антунес Жоао

Высший Институт

международных отношений

Мапуту, Мозамбик

**Миграционная динамика на Юге Африки: к пониманию прошлого,
настоящего и будущего**

**Migration Dynamics in Southern Africa: understanding the past, the present,
and the future**

The paper aims to discuss the migration dynamics in Southern Africa using the theoretical frameworks of migration systems and networks. These theories are helpful in giving a comprehensive understanding concerning the past, the present, and the future of migration dynamics in this part of Africa. The migration system comprises a core receiving country linked to several peripheral sending countries by flows of people; the theory posits that “migration arises from the existence of prior links between countries”. On the other hand, the networks theory suggests that once a migratory process begins, migrants create and maintain social ties with other migrants in the destination country and with family and friends back home which sustains and facilitate further migration, these ties produce feedback mechanisms that increases the number of potential migrants.

Accordingly, the movement of people taking place in Southern Africa can be regarded as a regional migration system which links a considerable number of peripheral sending countries to the core South Africa. This migration system was initiated by the Apartheid's regional labour recruitment strategy to meet the demands of the South Africa's mineral industry needs for cheap labour. With time, part of the first group of labour migrants, from the peripheral countries, settled in South Africa creating ties with the local communities, and maintained communication with their families and friends back home. The feedback mechanism that was produced in the process helped to construct an image of South Africa as the land of opportunities, and it started to receive new immigrants from the periphery not necessarily to work in the mines but to explore other kinds of opportunities. This gave rise to mixed migration flows characterizing the current migration dynamics in the Southern Africa migration system; however, the social tension manifested in the form of xenophobia in South Africa has the potential to breakdown the system and to undermine the future of migration dynamics in Southern Africa.

Pan Huaqiong

Peking University (PKUCAS)

Х. Пан

Пекинский университет, Китай

Китайская экономическая миграция в ЮАР: на примере переселения в ЮАР шанхайцев в начале 1990-х гг.

Chinese Economic Migration to South Africa: Case of Shanghai People to South Africa in the Early 1990s

The vast majority of Shanghai people going to South Africa in the early 1990s belong to economic migration, that is, their primary motivation is economic gain. Despite big security risks and low economic base at the outset, most of Shanghai immigrants have accumulated a certain amount of wealth in the late

1990s and changed their own destiny in South Africa. According to the structure of the world migratory system, which has been formed since the World War II, migration often flows from developing to developed countries. Why did Chinese choose to immigrate to South Africa? Based on a brief history of Chinese immigration to Africa, particularly the background of the world, South Africa, and China in the early 1990s, the article would like to answer why Shanghai people, who often feel themselves best and most proud in China, chose to immigrate to South Africa, to illustrate their motivations and status, and to analyze their effects on the local society and even on the bilateral relations. Finally, it is expected to arrive at a modest conclusion and certain reflections on Chinese immigrants to Africa in the future, and thus get a glimpse of the future of China-Africa relations. Briefly, Shanghai immigration to South Africa is indeed a glimpse of today's China-Africa relations from the bottom rather than from the top. What Chinese economic migration has brought to Africa is needed to be revised and reevaluated. The model of Chinese economy is not only brought by the state enterprises through infrastructural construction or large-scale penetration in energy and mining sectors, but also through tens of thousands people growing from street vendors to entrepreneurs. The case of Shanghai immigration to South Africa has shown us a trend of the economic migration that can be transformed into another migration: beyond the making-money place to be a home.

Lisa Åkesson
University of Gothenburg
Л. Экссон
Университет Гётеборга, Швеция

**Мигранты или хозяева? Постколониальная португальская миграция в
Анголу**

Migrants or masters? New postcolonial Portuguese migration to Angola

For the first time in African postcolonial history, citizens of a former European colonial power are seeking to escape unemployment and secure an income in the ex-colonies on a large scale. The Portuguese who have left for Angola have been motivated by the strong oil-fuelled economic growth in this country in combination with recession and unemployment in Portugal. In contrast to other economic migrants, these migrants' need to earn a living is combined with a symbolic power based in their postcolonial identity. Grounded in extensive and original ethnographic fieldwork this paper makes a novel contribution by describing and analyzing European labour migration to Southern Africa. In doing that, it explores how the recent labour migration from Portugal to Angola interplays with the Portuguese-African postcolonial heritage in the (re-)construction of power relations and identities. In particular, the paper concentrates on the Portuguese migrants' relations to the Angolan party-state and on interactions between Angolans and Portuguese working at the same workplaces. As this is a new field of inquiry, the paper brings up novel questions concerning these migrants' integration into the country of destination, and it discusses how this type of migration both mirror and disrupt (post)colonial power relations. The paper combines a strong connection to the field of migration studies with a postcolonial perspective, and makes a contribution to both these research fields.

Khangelani Moyo
University of the Witwatersrand
Х. Мойо
Университет Витватерсранда
Йоханнесбург, ЮАР

**Меняющееся лицо зимбабвийской миграции в ЮАР: ключевые вопросы
для практиков и теоретиков**

**The changing faces of Zimbabwean migration to South Africa: key questions
for policy makers and theorists**

This paper engages the longstanding tradition of Zimbabwean migration to South Africa and looks at its nature and the many human faces that have defined it over generations. The migration between South Africa and its neighbours has historically taken many forms ranging from the regulated contract labour system in the mines to the informal, clandestine and irregular movements across borders. Taking a historical perspective, the paper looks at how the movement of Zimbabweans in particular has changed overtime and engages the different policy responses of the South African government in handling Zimbabwean immigration. Drawing from field research in Johannesburg, this paper suggests that, the long tradition of Zimbabwean migration to South Africa, coupled with the political and economic crisis-driven post 2000 influx have established Zimbabweans as a permanent category of immigrants in South Africa. I argue that, migration scholarship should start moving away from approaching the study of Zimbabwean migrants as temporary residents of the city. Rather, academic authors and policy makers should look at migrants as residents and actors in the city and not just guests who come and go, with no permanency. As such, it is important to understand the structuring of migrants' presence in Johannesburg, for instance, areas like Hillbrow, Berea, Yeoville and the historical Johannesburg Central Business District (CBD) have become permanent international migrant hosting areas.

Tony Caravella
Administrative Appeals
Tribunal of Australia (AAT)

Т. Каравелла
Административный апелляционный
трибунал Австралии, Бассендин

Миграция из стран Юга Африки в Австралию: рассуждения австралийского наблюдателя за отказом в выдаче и аннулированием виз

Southern Africans migration to Australia: Observations by an Australian reviewer of visa refusals and cancellations

Large-scale immigration from Africa to Australia is a relatively recent phenomenon. Europe and Asia have been traditionally the largest sources of migration to Australia. However, there are signs that this is changing. Australia's last census data reveals that 1.6% of Australia's population identifies themselves as African Australians, that is, Australians of African ancestry. The number of migrants to Australia is significant and increasing. The largest number of African immigrants in Australia come from South Africa and are largely of Afrikaner and British descent. The next major Southern African source country for migrants is Zimbabwe. In this paper, I will provide an outline of the current Australian migration law and current Australian migration policy. This will follow a brief overview of the essential features of Australia's history as a nation of migrants and its, at times, controversial past. The paper will explain the current Australian government planned migration programme and its priorities and targets. The paper will then focus on the nature and extent of Southern African migration to Australia, by firstly examining its history, and discussing the present trends by considering migrant country representation and the types or classes of visas sought by Southern Africans migrating to Australia. The factors influencing immigration from Southern Africa will be explored and conclusions drawn where possible. The paper will then discuss typical migration visa refusals, including the reasons for visa refusals by Australian immigration officials. It will then outline the process for

appeals against Australian immigration visa refusals, and my observations of traps and pitfalls in this area. This discussion will be by way of an examination of a range of recent Southern African visa applications that have been refused and then considered on appeal in Australia. This will illustrate some of the challenges and obstacles and will offer lessons from which conclusions may be drawn on the migration of Southern African to Australia

Mukonza, R. M.
Tshwane University of Technology
Р. М. Муконза
Университет технологии Цване
Претория, ЮАР

Изучение дилемм ЮАР в отношении зимбабвийских иммигрантов в период после 2000 г.

Examining South Africa's Dilemmas in Dealing with the Zimbabwean Immigrants in the Post-2000 Era

From the year 2000 onwards, owing to the worsening of the Zimbabwean socioeconomic and political crisis, South Africa has received significantly high numbers of Zimbabwean immigrants. The continuation of the Zimbabwean crisis also meant that the challenge of high numbers of Zimbabwean immigrants persisted in South Africa. Managing immigration issues is a complex matter as it is not only a domestic issue. Given the globalised nature of relations among countries, immigration management has the potential to affect a country's bilateral and multilateral relations resulting in either positive or negative economic and political ramifications. Since 2000 to date South Africa has engaged different approaches in dealing with immigrants in the country. This paper attempts to examine some of the dilemmas that the South African government has faced and continues to face in dealing with immigrants in the country. A special focus will be put on Zimbabwean immigrants. Two guiding questions in the paper are; What is the nature of changes in terms of how the South African government has been

dealing with Zimbabwean immigrants? What caused these changes? In answering these questions secondary data from published government reports and other sources of literature will be considered. The research will be both descriptive and explanatory in nature. Conclusions in the paper are expected to provide suggestions for the South African government on what could constitute a lasting solution to the immigration challenges between the two countries.

Секция VI-3. Панафриканизм и миграция

Panel VI-3. Pan-Africanism and Migration

Руководители: *Бондаренко Д.М.*, Институт Африки РАН, Москва;

Conveners: *Dmitri M. Bondarenko*, Institute for African Studies, Moscow, Russia;

Harold D. Weaver, Harvard University, Cambridge, USA

The topic of this panel is twofold. On the one hand, Pan-Africanism is an ideology formulated and advocated by concrete, outstanding Black thinkers and political figures on both sides of the Atlantic. On the other hand, Pan-Africanism can be understood as a sense of – and a commitment to – “African unity” shared by African-Diasporic people throughout the world. The panel’s objective is to study the intersection of Pan-Africanism and migration, both in Europe and the Americas, in particular, the extent to which Pan-Africanism has influenced (and continues to influence) the consciousness of Black people outside Africa, from liberated enslaved Africans in the New World in the 18th and 19th centuries to African migrants in Europe, in the Americas, and elsewhere in the 20th and 21st centuries. At the same time, the panel welcomes papers discussing the place that Pan-Africanism occupies in the minds and actions of Black people born or residing outside the African continent. For example, the following specific topics may be of interest, among many others: What is the relation between and hierarchy of the Pan-African sentiment compared to ethnic and national in the minds of contemporary first, “first-and-a-half,” second, and third generation African migrants in the New World and Russia? How does Pan-Africanism influence the thought and political behavior of Africans in the Diaspora? Is the pan-African sentiment basically the same and plays the same role in the minds of recent African migrants as Africans in the African Diaspora over generations or not? Does this sentiment most often embrace all Black people or only indigenous Africans? To what extent is it based on the idea of Black people’s common cultural roots, and to what extent on the memory of their common sufferings and oppression at the hands of Whites? How does getting education abroad influence the pan-African sentiment in Africans’ minds and identities? How are their African identities enhanced by their treatment and adjustment to white dominated societies and nations? How can studies of Pan-Africanism be related to contemporary research on “Blackness” and “Whiteness”, as well as to criticisms on the very notion of “race” as “cultural construct”? Concentrating on these and other issues relevant to the topic, the panel intends to contribute to a better understanding of the intricate relationship between Africans on the continent and those outside Africa in the African Diaspora regarding their relationship to their adopted lands.

Nadezda E. Khokholkova
P.G. Demidov Yaroslavl State University
Хохолькова Н. Е.
Ярославский государственный
университет, Россия

Коды Африки: панафриканизм, афроцентризм, афрополитизм

Codes of Africa: Pan-Africanism, Afrocentrism, Afropolitism*

Africa is often seen as a “continent on move”, a continent of migration. The mass migratory movements of Africans, both internal and external, at various times were attributable to different reasons. It depended on natural, climatic, environmental and regional conditions, ethnic, social, political and economic causes. Migration issues are closely associated with problems of adaptation, identity transformation, and crisis. Paradigms, concepts, and theories, designed to respond to the following questions: “Who are we?”, “Where are we from?” - have been framed by migrations of Africans, forced and free. The dilemma of Africanity, related to keeping or losing the link with Africa, has been and remains a relevant issue for the descendants of slaves, removed from Africa in the 17th-19th centuries, and for African migrants. At the beginning of the 20th century, African, Afro-Caribbean and African American intellectuals (E.W. Blyden, H.S. Williams, W.E.B. DuBois) have made an effort to solve this dilemma by claiming Pan-Africanism – an idea of African unity and solidarity between all people of African descent. At the end of the 20th century, African Americans M. K. Asante and M. N. Karenga proposed the Afrocentricity – a renewed and radical theory of cultural unity, spiritual connection with Africa. At the beginning of the 21st century, the dilemma of Africanity was reflected in Afropolitism – a philosophy “Africans of the World”, emerged by successful young professionals of African descent working and living in cities around the globe. Codes and images of Africa, which

* The research project is supported by Russian Foundation for Humanities, grant № 16-31-00025 «Contemporary History of Tropical Africa (The Classification of Sources)»

remained the “place of memory”, have been developed in the frameworks of Pan-Africanism, Afrocentricity, and Afropolitism.

Dmitri M. Bondarenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia
Бондаренко Д. М.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

«Нам следует быть реалистичными и гибкими. Африка далеко от нас, и между нами большая водная преграда»: Отношения между африкано-американцами и современными мигрантами из Африки сквозь призму панафриканизма*

“We Have to Be Realistic and Flexible. Africa is a Long Way off and There’s a Lot of Water in between”: The African American – African-Migrant Relations in the US through the Prism of Pan-Africanism

The first part of the paper’s title is the words said by Malcolm X in the 1960s, when the ideas of “black brotherhood” resonated in the hearts of many Africans and African Americans. However, in those days the relationship between African and American black communities were minimal. When a real “meeting” took place in the 1980s and 90s with the influx of African migrants, the doubts of Malcolm X proved accurate. Many deep differences of all sorts between the black natives of the two continents formed over the centuries of separate existence. For many African Americans and Africans, the differences seem insurmountable or even not worth the effort to overcome them. Despite the common roots, significant social and cultural distance persists between black communities. It contradicts mythologies and ideologies of powerful intellectual and political Pan-Africanist schools of thought that began to spread among African Americans, Africans and African Caribbeans in the middle of the 19th century and argued for the common

* This paper is an outcome of research projects supported by the Russian Foundation for Humanities, grants # 13-01-18036 and # 14-01-00070

cultural and spiritual basis of all black people – that is, a specific spiritual and mental life no matter where they were born. A variety of factors lead to the sort of perception and the relationships that consequently developed between African migrants and African Americans. Many of these factors are social, but cultural factors are equally important. The differences in collective memory and images of the other that people in each community developed in the course of present-day intercultural communication make it extremely difficult for African Americans and Africans to experience themselves as parts of one whole. In this paper, based on fieldwork conducted in seven states, we examine the role played by different perception by African Americans and Africans of the trans-Atlantic slave trade and its aftermath as the key event in “black history”.

Kassie Freeman
Columbia University
USA

К. Фримэн
Колумбийский университет
Нью-Йорк, США

**«Консорциум африканской диаспоры» (African Diaspora Consortium):
утверждение панафриканизма, африканскости/черности посредством
искусства как инструмент достижения социальной справедливости и
соблюдения прав человека**

**African Diaspora Consortium: Pan-Africanism, Africanness/Blackness
through the Arts as a Tool for Social Justice and Human Rights**

According to Alford (2010) with over 800 million Black people in Africa, 140 million in South America, 40 million in the United States, and more Blacks spread around the globe, it is time for Blacks across the Diaspora to better understand their common challenges and opportunities for uplift (Alford 2010). In the United States, Europe, South America, and across the globe, people of African descent face similar, seemingly intractable challenges resulting in disparities and

outcomes across various sectors of society. The *African Diaspora Consortium* (ADC) is an organization whose mission is to impact positively the educational, economic, and artistic outcomes and opportunities of Black populations across the African Diaspora. Four countries within the Diaspora (the UK, British Overseas Territory of Bermuda, Brazil, and the USA) have partnered under this organization to enhance learning outcomes and opportunities at multiple levels, using the arts as a culturally responsive vehicle to stimulate and engage individuals pedagogically. The work of ADC is unique in its focus and attention to developing partnerships and solutions in countries where African descendants were historically and culturally dispersed during the transatlantic slave trade and/or different migration periods (e.g., the Caribbean region, Europe, Latin America, and North America). By all accounts, there is a striking lack of comparative research and best practices devoted to dispersed African descendant populations and their inclusion in the mainstream. Yet, logically and intuitively, comparatively understanding how dispersed populations navigated their locations in different and new worlds while developing art forms as modes of communication, interconnectedness, and education and economic uplift can hold great importance for perspectives on social justice and advocacy for underrepresented populations globally. The outcomes of this four country case study provides a better historical understanding and example of the role the arts have played in connecting individuals across the African Diaspora, cultural heritages, and boundaries. The findings suggest the arts have historically and currently enabled individuals to communicate and perform Africanness/Blackness through visual and performing arts while speaking different languages and trying to navigate new worlds. The findings also suggest the importance of enhancing people's imaginations of the arts as community uplift and as a way to address social justice and human rights in Afro-Europe. While this case study focused on four partner countries, there are important lessons and benefits for all countries, especially, across the African Diaspora.

Harold D. Weaver
Harvard University
USA

Х. Д. Уивер
Гарвардский университет
Кембридж, США

«Я хочу быть в большей мере африканцем». Пол Робсон: артист – активист panaфриканизма и советский конфедант – гражданин мира

“I Want to Be More African”: Paul Robeson, Pan-African Artist-Activist and World Citizen-USSR Confidant

“In my music, my plays, my films I want to carry always this central idea: to be African. Multitudes of men have died for less worthy ideas; it is even more eminently worth living for.”

Paul Robeson

“I am a Negro with every drop of my blood and with every stir of my soul ... In my Negro heart lies buried the memories of centuries of oppression...I want to be more African...I suppose I am the only black man in the world who does not want to be white.”

Paul Robeson

In this paper we will link “Pan-Africanism and Migration” through the outstanding life of African American artist-scholar-activist Paul Robeson, the son of a formerly enslaved African in the USA. Among the questions to be answered are the following: How did Robeson demonstrate his commitment to Pan-Africanism through his artistic work worldwide in musical recordings, concerts, theater, and films? How did he transfer his artistic prestige to being a major political spokesperson for oppressed and marginalized people throughout the world? What was his political commitment to Africa and the African Diaspora? Why did the USA government take away his passport for eight years because of his Pan-African public statements and actions? What was the relationship between

Robeson, the Pan-Africanist, and Nikita Khrushchev, the political leader of the USSR? How did Robeson, the Pan-Africanist, respond to the simultaneous happening of the African decolonization movements and the Cold War?

Pan Huaqiong
Peking University
Х. Пан
Пекинский университет
Китай

К вопросу о миграциях в Магрибе и перспективах их регулирования

On the Issue of the Migration in Maghreb and Its Governance Prospect

The complexity of the migration issue of Maghreb lies in its dual flow: on the one hand is the Maghreb emigration to the European countries, on the other hand is sub-Saharan African immigration to the Maghreb countries. The migration issue of Maghreb, which is linked closely with Europe to the north of the Mediterranean and the Sahara to the south, is a global issue beyond national and continental borders. The formation of this issue has its special historical and realistic factors. The migration has a dual impact on the development of the Maghreb countries. Both of the European and the Maghreb countries have taken a variety of measures to eliminate migration's negative effects. Given the complexity of this migration issue of Maghreb, it requires urgently all parties concerned, by a multi-level and multi-aspect cooperation, to make a regional and global governance scheme beyond the nation-state.

Clara Saraiva
University of Lisbon
К. Сараива
Новый университет Лиссабона
Португалия

Мигранты, духи и панафриканизм. Невидимость смерти у мигрантов из Гвинеи-Бисау в Португалии

Migrants, Spirits and Pan-Africanism. The Invisibility of Death amongst Guinean Migrants in Portugal

In Portugal, pan-Africanism is something most of its African immigrants have not heard of. Nevertheless, Portugal was an important colonial country, with possessions in West and East Africa. Furthermore, it was in one of the Portuguese colonies that a well-known African revolutionary led the fight against Portuguese colonialism. The colony was Guinea-Bissau and the leader Amilcar Cabral. Cabral was worried with the suffering of the Guinean people under the Salazar regime. Forty four years have passed since Cabral was killed and forty two since Guinea-Bissau became independent. Most of the immigrants in Portugal come from the former Portuguese African colonies. With this scenario in mind, this paper will reflect upon theories of pan-Africanism and the relations between the African home territories and the communities in the diaspora context, using ethnographic data and the case study of the suffering and death of migrants from Guinea-Bissau while in the diaspora in Portugal. For immigrants, death is a reality that often conditions the relation with the home country. Death entails an intense circulation of material goods and wealth, but also of highly symbolic significant universes which circulate along with the goods and the people: the corpse, but also the spirits and the relations with the other world that people brought along into the diaspora situation. Death is thus here looked upon as a process, which involves specific emotional states and triggers the use of rituals in order to cope with the unavoidable distress, acquiring more complicated aspects when away from home.

The paper will deal with the multiple levels that death touches upon, from the symbolic to the more practical ones, and will relate the theory of pan-Africanism with the transnational approach necessary to understand what the process of suffering and dying in the diaspora means for Guinean migrants in Portugal.

Veronica Usacheva
Institute for African Studies
Усачева В. В.
Институт Африки
Москва, Россия

Африканские студенты в Индии: опора и угроза панафриканизму

African Students in India: Endorsement of and Challenge to Pan-Africanism

Over the last few years, the growing African communities in India have been in the public eye following a series of violent incidents: a number of cases of alleged and proven harassment, assault, discrimination, negative stereotyping, and racism towards Africans residing in India. There have been a series of attacks over the past few years, many times leading to deaths of African residents in India. The incidents of racist attacks have increased as a greater number of African students come to the country. According to data from the Ministry of Human Resource Development, Sudan and Nigeria feature fourth and fifth on the list of top 10 countries from where students came to study in India. According to data by the UN, at least 11 per cent of the visits by Nigerians to India are for educational purposes. Most of them are enrolled in new, privately run universities that conduct aggressive recruitment drives in various African countries. The Indian government's recurrent denials of racism echo the social acceptance of prejudice. Often racism and violence against Africans is explained away by resorting to stereotypes of criminality among Africans living in India. The last case in March 2017 concerned five Nigerian students, who had been accused of murder and

cannibalism in Great Noida. Soon several mob attacks against Africans students had occurred there. The image of Nigerians in Indian mass media is most marginalized one. They are reported predominantly when they are involved in crimes, like smuggling, drug business, prostitution, or violent conflicts. Non-friendly surroundings and host society in general encourage black students to stick together and feeds Pan-Africanism's moods. But from other side the prejudices and stereotypes still can divide African community on "good Africans" and "bad Africans". The paper analyses modern perception of growing African community in New Delhi, India. The role of 'coloring' prejudices and race stereotypes in Indian host society. It will critically question the experience of the African communities in India who are living in a changing but complex society marked by religious, racial, cultural and linguistic diversity. The research in progress is based on conversations and interviews with members of African Association of Students in India (AASI), as well as analyses of social media and media coverage of incidents. Additionally the representatives of Indian host community were interviewed.

Jorge Diogo Monteiro Palamussa
Centre of Strategic and International Studies
Maputo, Mozambique
Ж. Д. Монтейро Паламусса
Центр стратегических и международных
исследований, Мапуту
Мозамбик

«Утечка мозгов»: угроза для panaфриканизма?

Brain Drain: A Threat to Pan-Africanism?

The search for better economic condition has been and continues being the cornerstone of migration. People in search of better life conditions live their origin countries and settle in others where supposedly their lives will be better. Equally,

some of those who are highly skilled have the same sentiment, they advocate that because of the general context of poverty in their countries, they are under paid and so they migrate to places where they may better apply their knowhow as well as be better remunerated. The problem is that once settled in the receiving countries, the highly skilled migrants may not have the intention of returning back to their countries, in contrary, they look for residing permanently in receiving countries because they want better conditions not only for themselves but also for their children and in this process there are many aspects related to the identity and homemaking practices which may be lost. The proposed paper intends to analyze the relation between brain drain of African migrants in Europe and the idea of pan africanism. Based on the pan African idea of equality and solidarity among Africans, the paper looks into the dynamics of interaction of highly skilled migrants and their sentiments about going back to their home countries (in Africa) and so, it questions how brain drain can be a threat to the idea of pan africanism? The data collection process will follow the content and documentary analysis techniques which will allow exploring the available bibliography about the issue to be studied as well as identify gaps and questions that are yet to be answered.

Блок VII. Политика

Unit VII. Politics

Секция VII-1. Демократический избирательный процесс в Африке:
прогресс, парадоксы и вызовы

Panel VII-1. Democratic Election Process in Africa: Progress,
Paradoxes and Challenges

Руководители: *A. Фельтхейзен*, Университет Южной Африки, Претория
Денисова Т.С., Институт Африки РАН, Москва

Conveners: *Andreas Velthuisen*, University of South Africa, Pretoria; *Tatyana Denisova*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

В 1990-е – 2000-е годы по Африканскому континенту прокатилась «волна демократизации». В результате отечественные и зарубежные политологи, долгие годы изучавшие эволюцию авторитарных режимов, неожиданно оказались перед совершенно новой реальностью – многовекторными политическими изменениями, наблюдавшимися в большинстве стран континента. В ходе работы секции предполагается обратиться к объяснению их предпосылок и выявлению сути, постараться ответить на вопрос: демократизация ли это? Действительно ли в Африке устанавливаются режимы, реализующие «власть народа»?

Democratic Elections in Africa: Progress, Prospects and Challenges (proposed by Andreas Velthuisen)

The panel is formed against the background of significant progress made in the management of democratic elections since the dawn of the 21st century within the context of the revival of Africa or what is called “the African Renaissance”. In this regard the management of democratic elections took place amidst African knowledge systems, philosophical principles, shared values, decolonization, political independence, and a framework of revival that is in many ways unique to Africa, driving African renaissance and change or transformation through activities such as democratic elections. A critical analysis and complementary reflection on progress made in the management of democratic elections since the beginning of the 21st century is required. Such an analysis and reflections would include close scrutiny of issues such as the normative and legal framework of democratic elections in Africa, the application of population census and demarcation, the application of voter registration and electoral democracy education, the legislative framework for running elections including the funding of political parties, the role of the media during the electoral process in an African context, planning and

organizing of resources, the role of armed forces and logistics during democratic elections in an African context, management of vote counting, declaring the results, examining the freeness and fairness of elections including monitoring and observation processes, the role of gender and research and knowledge management as well as election management training. The main aims of this panel will be to:

- Promote collaboration among scholars of elections, democracy and governance in Africa, African Diaspora and elsewhere in the world;
- Promote cross-pollination of ideas on the issues discussed in the panel;
- Share the latest ideas, methods and innovative practices on elections and democracy in the African continent;
- Learn from scholars from elsewhere in the globe on pertinent issues; and
- Identify issues for further research and analysis based on the outcome of the conference and issues raised during debates by various participants.

Tropical Africa: Paradoxes of Electoral Processes (proposed by Tatyana Denisova)

In the late 1990s-early 2000s, a "wave of democratization" swept through the African continent. As a result, domestic and foreign political scientists, who for years had studied the evolution of authoritarian regimes, suddenly found themselves facing an entirely new reality – multivector political changes in most countries of the continent. As a rule, holding of parliamentary and presidential elections is among the key indicators of "democratisation". Yet the real democracy implies not only the very fact of holding an election, but a punishment for falsifying its results, as well as presence of checks and balances that limit the power of an elected leader: he, at least, should not persecute the unsuccessful contenders. In nearly all countries of Tropical Africa presidential, parliamentary, gubernatorial, provincial, local and other elections have become a familiar feature of political life, and if observers do not reveal serious violations, the elections are considered valid, and society, whether it gets a new leader or keeps the old, walks along the path of democratization. This does not take into account the fact that in the African context, an election may become a matter of life and death for candidates or their voters, as contenders often resort to extreme methods to protect their electoral interests. After the end of the Cold War it was no longer necessary to fund dictatorships in order to keep them as allies in the struggle between the two military-political blocs. Foreign governments, financial institutions and aid agencies began to demand democratic reforms from African leaders in exchange for financial assistance. Their main "request" was holding of "free and fair" election campaigns with the participation of international observers. It should be noted that Western donors and investors can force a leader to implement reforms, but such external pressure often leads to the opposite results: not all rulers are ready to do something against their will, and some are remarkably resourceful in finding ways to avoid it. Meanwhile, the majority of politicians and voters were ready for or even insisted on holding elections. For the opposition, it was a

promising path to power, while for the ruling party – a path to the legitimization of power in the eyes of citizens and foreign donors. By participating in elections, voters received satisfaction from using their ballot to express their sentiment, initiate a political process, be part of a mass action, etc. Naturally, you get more satisfaction by voting for a candidate who enjoys widespread respect. At the same time, many acting leaders, confident in the strength of their position, all of a sudden obtained the voting results that did not correspond to their expectations. Often, they suffered because of their own ignorance: surrounded by sycophants, the rulers had not been able to assess the mood of the electorate. In principle, a victory in a democratic election is seen as the main condition for legitimising a ruler, who thus receives the right to do what he promised during the election campaign. In case he implements the declared programme, he is able to confront the opposition confidently, the latter not being able to challenge the policies of the legitimate government legally. This should also help to reduce the level of violence: even if irreconcilable opponents of the regime do not recognize the rights of the legitimate government to pursue its policy, they will find it difficult to secure mass support for violent actions, because they cannot claim that their struggle is just. The section will focus on the causes of these changes and their essence and will try to answer these questions: has it really been democratisation? Are political regimes in Africa beginning to implement "people's power"?

Andreas Velthuisen

University of South Africa (Unisa)
Pretoria

А. Фельтхейзен

Университет Южной Африки
Претория

Стабилизация или раскол? Управление силами безопасности во имя демократических выборов в Африке

Stabilization or disruption? Managing security forces for democratic elections in Africa

This chapter departed from the aim to identify some principles and practices for the management of security forces in Africa, ensuring that they make a positive contribution to the election process. Departing from an African Renaissance perspective the discussion initially deals with clarification of concepts such as national security and human security in the context of democratization,

securitization and stabilization and the normative role of security during democratic elections. Examples from South Africa, West Africa, the DRC and Uganda are used to elucidate on manifestation. The author found that professional security forces might promote secure conditions for elections if they are managed according to specific principles and practices. Departing from the fundamental assumption that security forces in Africa are primarily responsible for the well-being of all citizens within the revived nation state in Africa, relevant principles are identified and described. The principles are *Trusteeship from Efficacy; Peoples Ownership; Legality; Moderation in Securitization and Stabilization; Maintenance of Election Integrity; and the Rearticulating of Disputes*. Some suggestions are made on how these principles can be put into practice before, during and after the elections in all the different contexts where elections take place in Africa. Informed by these findings certain recommendations are made to Electoral Management Bodies (EMBs), other practitioners, governments and scholars.

Martin Rupiya

University of South Africa (Unisa)

Pretoria

М. Рупия

Университет Южной Африки

Претория

Сравнение новых государственных институтов в Африке: The Election Management Boards (ЕМВ) и мировая практика? Извлечены ли какие-либо уроки?

Comparison of new state institutions in Africa: the election management boards (embs) and global practices? Any lessons learnt?

Multi-party democracy and the phenomenon of regular free and fair, elections is a new paradigm on the African continent, dating back to the post-cold war during the late 1990s. In this fresh political environment, on the still fragile African state has been created the Independent Electoral Commission and Board (EMBs) –

instruments that are now in the forefront of displacing the One-Party-State-System that has been in operation since the Winds of Change in the 1960s. In practice, IEC or EMBs have been confronted with a myriad of obstacles from lack of funding, politicization, embedded within the partisan presidential office or pliant elements drawn from an equally partisan public sector determined to ensure power retention by the incumbents. In identifying and articulating these conceptual and structural challenges, how has this societal evolution compared with the more established and mature democracies? This is the purpose of this article, to locate the key challenges faced by IECs and EMBs in their primary mandate of ensuring credible political succession through elections and how this compares with global trends elsewhere?

Sipho Mantula

University of South Africa (Unisa)

Pretoria

С. Мантула

Университет Южной Африки

Претория

**Критический анализ национальных правовых систем Южной Африки,
Демократической Республики Конго и Южного Судана**

**Critical analysis of the national legal frameworks of South Africa, democratic
republic of Congo and South Sudan**

In the ending periods of the twentieth century the African political and legal landscape was being reformed from one-party state of governance to multi-party democracy or the people's government. In an age where Africa has irrevocably embraced constitutional participatory democracy and rule of law, as researchers of electoral studies we ought to depict challenges, paradoxes and progress within the electoral legal systems and national constitutions of various African Countries as the bedrock and the pillar of democratization in Africa. This paper discussion seeks to interrogate the precarious nature of the African electoral legal framework

with a particular focus to three (3) African Union Members states that is South Africa, Democratic Republic of Congo and South Sudan in relation to their domestic electoral legal framework. The basis of the paper will compare and contrast three significant countries located in the Horn of Africa, Central Africa and the Southern Africa in terms of their electoral legal frameworks and reposition it with the existing appropriate election principles and theories. The electoral legal framework theories and principles are guided by the national constitutional clauses, specific electoral laws, continental electoral legal instruments, and the international human rights and electoral legal framework in various African countries. The comparative analysis and benchmarking of the electoral legal framework amongst the selected African Countries above mentioned will be explored extensively through a diagram so as devise the electoral legal framework reform in the twenty first century. In conclusion this discussion paper will also provide new grounded theories on the African electoral legal framework and therefore will and should provide public policy analysis and academic recommendations.

Kealeboga J. Maphunye
University of South Africa (Unisa)
Pretoria
К. Дж. Мафунье
Университет Южной Африки
Претория

«Хорошая» сторона псефологии против «уродливой»? Сравнение и противопоставление выборов 2016 г. в Гане и Гамбии

The ‘good’ vs the ‘ugly’ sides of psephology? Comparing and contrasting the 2016 elections in Ghana and the Gambia

For many years Ghana’s democratization and elections record has been cited regularly as an example of Africa’s good governance and a model of democratic governance that was envied in many African countries and globally. Ghana has

successfully hosted several elections that have resulted in change of government and ostensibly consolidated the power of the vote. To some extent, this was the case with neighbouring The Gambia which used to be also envied for its long record of democratic elections and multi-party system during the era of Sir Dawda Jawara, the peacetime civilian president who was overthrown by the 1994 military coup d'état that brought Colonel Yahya Jammeh to power. This autocratic leader was to remain obstinately in power even after he lost the elections in December 2016 and acknowledged defeat but immediately made a somersault and rejected the election outcome. It was only until early in 2017 when he was forced by continental and global pressure to vacate his presidential seat. Based on a review of the relevant literature, analysis of election observer and media reports, and relying on theoretical reflection and the comparative method, this paper compares and contrasts the two countries' political and elections records and experiences. It concludes that Ghana's and the Gambia's governance and democratisation trajectories present stark contrasts but equally similar examples in some cases. These reflect very important lessons for the enhancement of democracy through elections in Africa.

Aliyu Mukhtar Katsina

Umaru Musa Yar'adua University (UMYU),
Katsina, Nigeria

А. М. Кацина

Университет им. У. М. Яр-Адуа
Кацина, Нигерия

Выборы в африканской демократической стране: агенты служб безопасности и выборы в нигерийской Четвертой республике

Elections in an African Democracy: Security Agencies and Elections in Nigeria's Fourth Republic

There cannot be democratic rule without elections. And even among democratic states, the nature, conduct, and quality of elections determine the

degree of their consolidation. In most African democracies, winning elections depends on several factors including the support of the security agencies, especially the military and police forces. Interference and involvement of security forces at different stages of the electoral process is common in African democracies and is, in most cases, undertaken to protect specific interests or to support the incumbent party. Naturally, involvement of security forces is a source of concern to competing parties in an electoral contest just as the extent, nature, and dimension of this involvement are significant benchmarks for measuring the quality of an election and the integrity of its outcome. The purpose of this paper is to investigate the nature of security forces' involvement in the electoral process of African democracies using Nigeria as its case of study. The objective is to determine not just the nature and extent of this involvement, but also how it affects the electoral outcome in Nigeria and whether it is sanctioned by law. Being Africa's largest, even if not the oldest, democracy with various institutional and sociological challenges make Nigeria an ideal choice for this investigation. The recent electoral impasse in the Gambia indicates that this topic is apt. The experience suggests that democracy is yet to be sufficiently entrenched in Africa and whatever measures are taken towards consolidation, security forces have a role to play. Electoral laws, election observers' reports, interviews with select party leaders and security personnel provide the bulk of our data. In the end, the investigation reveals the nature and significance of security agencies' involvement in the electoral process of Nigeria and addresses the suspicion that this involvement favor certain interests.

Kitti H. Nathaniel
University of Benin Republic
К. Х. Натаниел
Университет Республики Бенин
Котону

Избирательные комиссии в Африке: процесс и парадоксы

Electoral commissions in Africa: process and paradoxes

Starting from Benin in 1994, electoral commissions were settled down in most African countries as a solution to good electoral governance. These electoral commissions succeeded elsewhere in other countries in stabilizing some countries through their independence and transparency. They contributed in stabilizing other countries in such a way that many analysts wonder about their importance. Our reflection suggests a comparative analysis of successful experiences and the ones that failed so as to respond to the problematic of the necessity of electoral commissions in Africa.

Виноградова Н.В.
Институт Африки РАН
Москва
Natalia V. Vinogradova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Idriss Déby: The Pathway to the Fifth Presidential Term

И. Деби: путь к пятому сроку президентства

Президент Республики Чад Идрисс Деби известен как один из африканских политических «долгожителей», который находится у власти более четверти века. На выборах 10 апреля 2016 г. он вновь одержал победу и сохранил за собой пост главы государства на пятый срок. Впервые Деби появился на политической арене в начале 1980-х годов после возвращения из

Франции, где проходил обучение в Институте авиации и получил диплом десантника и где ему была присвоена квалификация пилота. В эти годы в Чаде шла гражданская война, усилились позиции противников действовавшего президента Гукуни Уэддея. Деби в рядах повстанческой группировки «Вооруженные силы севера», возглавляемой Хиссеном Хабре, выступил против Уэддея. После смещения Уэддея Хабре стал президентом Чада и находился у власти до декабря 1990 г. Деби, обвиненный в апреле 1989 г. в подготовке государственного переворота, покинул страну и, находясь в Ливии, а позже в Судане, создал и возглавил «Патриотическое движение спасения» (апрель 1990 г.), которое развернуло вооруженные действия против режима Хабре. В декабре 1990 г. в результате государственного переворота Деби пришел к власти и объявил себя очередным президентом Чада. Впоследствии Деби четырежды избирался на пост президента: в июле 1996 г., в мае 2006 г., в апреле 2011 г. и апреле 2016 г. В июле 1996 г. по итогам двух туров президентских выборов И. Деби одержал победу, набрав 71,59% голосов избирателей. На президентских выборах в мае 2006 г. Деби был переизбран, получив 64,67% голосов. В апреле 2011 г. Деби был вновь переизбран на президентский пост, набрав 83,59% голосов. В апреле 2016 г. Деби получил 61,56% голосов избирателей, значительно опередив своего главного соперника – председателя партии «Национальный союз за демократию и обновление» Салеха Кебзабо (12,8%), и обеспечил себе победу. В 2005 г. по инициативе Деби были отменены конституционные ограничения на количество сроков пребывания у власти, что позволило ему пойти на новые выборы. В ходе избирательной кампании 2016 г. Деби в случае победы обещал вернуть в Конституцию страны ограничения президентских сроков.

Демократизация электоральной системы Кот д'Ивуара

Кот д'Ивуар, в постколониальный период прошедший этап тридцатилетней диктатуры Ф. Уфуэ-Буаньи, экономического кризиса, острого этнорелигиозного конфликта, гражданской войны и внешнего вмешательства, сегодня признается международными наблюдателями примером достаточно успешного демократического транзита. Однако сложившаяся на сегодня политическая система страны и электоральные механизмы, номинально демократические, вызывают критику внутренней оппозиции и демонстрируют национальную специфику.

Прежде всего, электоральная база основных политических сил формируется по этническому принципу. Демократическая партия Кот-д'Ивуара (ДПКИ), долгое время бывшая правящей, опирается на народность бауле центральной части страны; выделившаяся из нее в 1990-е гг. Ассамблея республиканцев – на народы мусульманского севера (и частично мигрантов из соседних стран), а Ивуарийский народный фронт (ИНФ) – на группу народностей кру, населяющую юго-запад и долгое время дискриминируемую. К выборам президента, возобновленным в 1990 г., с 1995 г. не допускалась по этническому признаку часть потенциального электората; лишение северян избирательного права из-за их сомнительной «ивуарийскости» стало фундаментом электорального успеха южных политиков. В 2010 г. северяне и бауле объединились ради смещения Л. Гбагбо, представителя юго-запада, воспользовавшись признанием электоральных прав мигрантов-северян, заселивших эту часть страны. Таким образом, электоральная система подвержена воздействию этноплеменной

политики и консенсуса групп политической элиты, определяющих электоральные альянсы. Степень инклюзивности выборов также может напрямую влиять на их исход.

Еще одной характеристикой электорального процесса в Кот-д'Ивуаре стало отсутствие политической преемственности и результатов, признанных всеми участниками. Выборы 1995 и 2000 гг. проходили без участия представителей севера (в 2000 г. и бауле), затем в течение 10 лет выборы не проходили из-за гражданской войны. В 2010 г. достаточно инклюзивные выборы завершились расхождением в определении победителя, внутривыборным кризисом, вспышкой насилия и внешним вмешательством. Выборы 2015 г. прошли при давлении госаппарата на ИНФ и неучастии в них большинства жителей юго-запада. Предстоящие выборы 2020 г. раскололи правящую коалицию, вызвали борьбу между возможными преемниками нынешнего лидера. Это позволяет прогнозировать назревающий конфликт.

Таким образом, пришедшая вместо прежней авторитарной системы новая оказалась неустойчивой и неинклюзивной, подверженной внешнему вмешательству. Поэтому для ее стабилизации потребуются более глубокие реформы и эффективные механизмы примирения.

Alexander Shipilov
MGIMO University
Moscow, Russia

Democratization of the Electoral System of Côte d'Ivoire

Having surpassed 30-year Houphouët-Boigny dictatorship, economic crisis, ethnic conflict, civil war and external interference, Ivory Coast is now recognized by most foreign observers as an example of a relatively successful democratic

transition. Nevertheless existing nominally democratic political system and electoral mechanisms rouse internal opposition criticism and expose national peculiarities.

Primarily, the electoral base of major political forces is ethnically shaped. The former ruling Democratic Party of Ivory Coast (PDCI) mostly relies on the Baule ethnicity inhabiting country's central regions, the Republican Assembly that broke away from PDCI in early 1990's mostly represents peoples of the Muslim north while the Ivorian people's front (FPI) stands for the long-discriminated south-western Kru ethnic group. During the 1995 and 2000 elections part of the northerners was disenfranchised due to their dubious "Ivorianness" which led to southern electoral success. In 2010 Northerners and Baule united to depose Laurent Gbagbo of the South-West, utilizing enfranchisement of northern migrants. Thus the electoral system is affected by ethnic politics and elite consensus determining electoral alliances. The rate of elections' inclusiveness may directly shape their outcome.

Another Ivorian electoral process peculiarity is lack of political continuity and commonly recognized results. The 1995 and 2000 elections excluded northerners (along with Baule in 2000) while no further elections took place for 10 years due to civil war. The rather inclusive 2010 elections ended with disputed results, internal political crisis, violence and foreign intervention. The 2015 elections were marked by governmental pressure on FPI and broad south-western nonparticipation. The upcoming 2020 elections split the ruling coalition and cause clashes between incumbent president's possible successors. Therefore renewed conflict seems plausible.

Thus the new system that replaced the former authoritarian one has not always proved sustainable, inclusive or unsusceptible to external interference. Deeper reforms and improved reconciliation mechanisms are needed for its stabilization.

Куприянов П.И.
Институт Африки РАН
Petr I. Kupriyanov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Presidential and Parliamentary Elections of 2016 in Ghana

Президентские и парламентские выборы 2016 г. в Гане

7 декабря 2016 г. в Гане прошли выборы, на которых избирались президент, вице-президент и 275 депутатов парламента. Всего 16 претендентов заявили о желании баллотироваться на должность президента страны. Однако Избирательная комиссия зарегистрировала только 7 из них (6 – от партий и 1 – независимый).

В Гане практически сформировалась двухпартийная система – Национальный демократический конгресс (НДК) и Новая патриотическая партия (НПП). В течение последних 25 лет основная борьба ведется между ними.

На прошедших выборах Нана Акуфо-Аддо от оппозиционной НПП был избран президентом (53,85% голосов), победив действовавшего президента Джона Драмани Махаму (44,4%) от ДНК. На выборах в парламент НПП завоевала 171 (62,2%) депутатский мандат, а НДК – 104 (37,8%).

До 2014 г. Гана считалась одной из наиболее динамично развивающихся африканских стран. По мере приближения выборов среди населения росла напряженность, происходили стычки между сторонниками противоборствующих партий, а также столкновения с полицией. В целом президентские и парламентские выборы в Гане были прозрачными, свободными, честными и завершились мирным переходом власти от одной партии к другой. Гана в очередной раз продемонстрировала наглядный

пример демократии не только для африканских стран, но и для многих стран мира.

Шлёнская С.М.
Институт Африки РАН
Svetlana M. Shlyonskaya
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Rwanda: The Presidential and Parliamentary Elections of 2017

Руанда: президентские выборы 2017 г.

4 августа 2017 г. в Руанде должны пройти очередные президентские выборы. По Конституции 2003 г. президент Руанды избирается сроком на семь лет, не более чем на два срока. Второй президентский срок истекает в 2017 г. Впервые П. Кагаме был избран президентом республики 17 апреля 2000 г. на совместном заседании парламента и правительства. Еще в 2014 г. в стране началась кампания за внесение в Конституцию поправки, позволяющей П. Кагаме баллотироваться на третий срок. Было собрано 3,7 млн подписей под соответствующей петицией. Верховный суд Руанды постановил, что П. Кагаме сможет участвовать в президентских выборах 2017 г., если поправки к Конституции будут одобрены на референдуме. Он прошел 18 декабря 2015 г., одобрение было получено 98% голосов. Принятая поправка позволяет П. Кагаме не только баллотироваться на третий срок в 2017 г., но и участвовать еще в двух президентских выборах (срок пребывания президента у власти с 2024 г. – пять лет), что означает теоретическую возможность для П. Кагаме находиться у власти до 2034 г. Эти акции действующего президента не вызвали серьезных протестов ни внутри страны, ни за рубежом. В самой Руанде лишь Демократическая партия зеленых в лице ее лидера Ф. Хабинезы призвала П. Кагаме «уважать конституцию и отказаться от борьбы за третий президентский срок». США и

страны ЕС сразу после принятия поправки критиковали власти Руанды за «нарушение демократических принципов». И эта реакция несравнима с бурным и масштабным осуждением П. Нкурунзизы, который в 2015 г. третий раз стал президентом Бурунди. Хотя международные правозащитники в 2010 г. обвиняли П. Кагаме в авторитаризме, преследовании журналистов, ограничении гражданских свобод, репрессиях против политических конкурентов, нынешняя избирательная кампания проходит пока без эксцессов. Можно поэтому предположить, что выборы в Руанде (ожидается участие 6,6 млн человек) пройдут спокойно, и страна продолжит движение по пути национальной консолидации и экономического развития.

Позднякова А.П.

Институт Африки РАН
Ariadna P. Pozdnyakova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

General Election in Uganda, 2016

Всеобщие выборы в Уганде, 2016 г.

Структура избирательной системы в Уганде выстроена в соответствии с законами, принятыми парламентом страны. Это, прежде всего, основной закон государства – Конституция 1995 г. (с поправками 2005 г.). Ее конституционные принципы – общее равное и прямое избирательное право при тайном голосовании; выдвижение кандидатов политическими партиями, общественными организациями, собраниями военнослужащих; агитация; проведение выборов на средства государства; обеспечение выборов по округам избирательными комиссиями; ответственность за нарушение законодательства о выборах. Для проведения выборов Конституцией предусмотрено создание Избирательной комиссии Уганды, которая призвана организовывать и проводить все выборы и референдумы (ст. 60, 61, 63). 18

февраля 2016 г. в стране состоялись очередные (пятые) президентские и парламентские выборы. Согласно официальным данным победу одержала правящая партия «Движение национального сопротивления» (293 места в парламенте из 426), лидер которого действующий президент страны Й. Мусевени переизбран на пост главы государства, набрав 60,62% голосов избирателей. Наблюдатели от африканского сообщества отметили в целом открытый, спокойный характер избирательной компании и процесса самого голосования, констатировали отсутствие серьезных нарушений, способных повлиять на результаты волеизъявления населения страны. В то же время западные наблюдатели резко критиковали процесс голосования. Они заявили, что выборы не соответствуют международным стандартам, совершенно явно поддерживали главного оппонента Й. Мусевени. Знаком прямой поддержки проигравшего лидера оппозиции стал демарш представителей США и ЕС: во время выступления главы угандийского государства торжественную церемонию демонстративно покинули посол США и представитель Европейского союза. Явное недовольствие Запада вызывает развитие сектора реальной экономики страны. Богатая углеводородами, гидроресурсами, медью, золотом, ураном Уганда добилась значительных экономических успехов. Увеличились темпы роста ВВП, достигнув 5-6% в год. В стране развивается транспортная и энергетическая инфраструктура, построено несколько гидроэлектростанций. Выдвинута задача создания атомной энергетики, в связи с чем президент Мусевени запретил экспорт урана. Кроме того, Уганда в последнее время выступает за политическое и торгово-экономическое сотрудничество с Россией, с которой по вопросам международной политики наблюдается совпадение принципиальных позиций двух стран, основанных на стремлении к укреплению многополярности, обеспечению справедливости и равноправия в мировых делах.

Турьинская Х.М.
Институт Африки РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва
Khristina M. Turyinskaya
Institute for African Studies
Moscow, Russia

“The Archipelago of Warring Sultans”: Electoral Processes on the Comoros

**«Архипелаг враждующих султанов»: электоральные процессы на
Коморских островах**

Коморские острова – территория в Индийском океане, представляющая объект геополитического интереса Франции, что по настоящее время является ключевым фактором внутренней и внешней политики в регионе. Французы оценили стратегическое положение архипелага, и в течение XIX в., в период колониального раздела Африки, острова – прежде владения арабских султанов – перешли в подчинение Франции.

В случае с Коморами – бывшей французской колонией – проводимая региональным гегемоном неоколониальная политика во второй половине XX в. выразилась в политическом расчленении архипелага как географического, культурного и исторического целого. В результате один из четырех островов – Майотта – был аннексирован Францией, а на базе трех остальных островов – Гранд-Комора, Анжуана и Мохели в 1975 г. образовалось Коморское государство (ныне – Союз Коморских Островов), функционирование которого оказалось под контролем бывшей метрополии. Формально независимая, Коморская Республика при президенте Абдеремане была поставлена под управление внешних акторов, руководимых Францией наемников, а затем столкнулась с попыткой сепаратизма Анжуана и Мохели. Государственный суверенитет Комор превратился в юридическую фикцию; политические элиты – «нотабли», «султаны» новейшего времени находятся в состоянии хронического противостояния.

Электоральные процессы на Коморах, с одной стороны, фиксируют статус-кво, с другой – создают почву для конфликта, отражают межостровные противоречия, борьбу центра и регионов, а также феномен «незавершенной независимости», характерный для многих африканских государств. Электоральные процедуры на Майотте используются для поддержания политической дистанции от СКО. По итогам серии референдумов остров постепенно, шаг за шагом интегрировался в политико-правовую и экономическую систему Франции. Майотта, став заморским департаментом Франции, получила особый статус «удаленного региона» («outermost region») в составе Евросоюза.

Согласно конституции Союза Коморских Островов спорный остров Майотта является неотъемлемой частью территории СКО, что порождает юридические коллизии и нестыковки в электоральном процессе. В настоящее время избирательные процедуры в Союзе призваны легитимировать новый политический расклад, возникший после подписания в Фомбони в 2001 г. рамочного соглашения о национальном примирении и «новом коморском единстве». Договоренности предусматривают обновление федеративных отношений, предоставление территориальным единицам широкой автономии и ротацию союзных президентов, поочередно от каждого из островов.

Секция VII-2. Кризис постконфликтного восстановления: каково долгосрочное будущее у африканских несостоявшихся государств?; Возникновение несостоявшихся государств в Африке после падения Берлинской стены и рост числа беженцев из Африки сегодня

Panel VII-2. Post-Conflict Reconstruction Crises: What Long-Term Future for Africa's Dysfunctional States?; The Occurrence of Failed States in Africa after the Fall of the Berlin Wall and Its Relation to the Increase in the Number of Refugees from Africa Today

Руководители: *П. Эngleберт*, Колледж Помона, Клермонт, США; *А. Де Оливейра Родригес*, Школа командного состава и генералитета армии, Рио-де-Жанейро, Бразилия

Conveners: *Pierre Englebert*, Pomona College, Claremont, USA; *Anselmo de Oliveira Rodrigues*, School of Command and General Staff of the Army, Rio de Janeiro, Brazil

Post-Conflict Reconstruction Crises: What Long-Term Future for Africa's Dysfunctional States? (proposed by Pierre Englebert)

Countries like the DRC, Central African Republic, Somalia or Mali have been dealing for several years with attempts to rebuild their states in the wake of destructive conflict. Each, as some others, has benefited from significant UN or African Union peacekeeping efforts and large inflows of reconstruction assistance. Yet, in each case, things might be getting worse rather than better. In Congo, the incumbent regime has reverted to authoritarianism while letting conflict fester; In Mali, insurgency has continued while the new regime has been unable to improve governance. In CAR or Somalia, statelessness endures. This panel invites papers who discuss or compare the problems of reconstruction in African states, focusing particularly on what kind of model of statehood and what kind of division of labor between domestic and international institutions might be appropriate for these countries in the long run.

The Occurrence of Failed States in Africa after the Fall of the Berlin Wall and Its Relation to the Increase in the Number of Refugees from Africa Today (proposed by Anselmo de Oliveira Rodrigues)

The panel's goal is to show the relationship between the increase in the number of refugees and the incidence of Failed States in Africa after the fall of the Berlin Wall. To scientifically prove this relationship, this scientific article was structured as follows: 1) Introduction; 2) Methodological Considerations; 3) The Emergence of Failed States in Africa after 1989; 4) The refugees from African countries as of 1989; 5) Final Considerations. In this context, this study addressed themes that guide the current International System, such as the emergence of non-state actors, the protagonism of some issues that are now on the international agenda and the contextualization of them on the African Continent. The methodology presented the objective and the research problem, presenting in general terms, the path of this study to reach the proposed objective and, thus, to solve the presented research problem. Next, this study promoted a debate on the term "Failed States" in the academic world with the presentation of some indexes of state bankruptcy currently in the world and through these tables, it was sought to verify common aspects, as well as draw conclusions about the positioning of African countries in these indexes. In addition to this theme, this article held an academic debate on refugees in the 21st century, prioritizing the concepts that govern this definition and the common causes for this phenomenon in Africa. In addition, the numbers of refugees from the African Continent from 1989 to the present date were shown, inferring some observations based on these data. In an attempt to prove the relationship between the Failed States in Africa and the origins of African refugees, this study compared and cross-referenced data on African refugees with rates of state bankruptcy in the world in the world, again conducting a qualitative analysis of this relationship. At the end of this study, some observations and suggestions were made based on the theoretical currents adopted in this article and

the intersection of information contained in the various tables and indexes presented throughout this research. It is noteworthy that the proposed comments aimed to obtain the following relation: Actual Instability – African Failed States – Refugees. With this, this research sought to prove this relationship by relying on scientific methodology based on consecrated world literature. Finally, some suggestions have been inserted to reduce the incidence of Failed States in Africa, because was in these countries that the largest number of African refugees having been concentrated today.

Decky Kipuka Kabongi

Carleton University

Ottawa, Ontario

Д. К. Кабонги

Карлтонский университет

Оттава, Канада

**Условия установления мира, стабильности и развития в
Демократической Республике Конго**

**The Conditions for Peace, Stability, and Development in the Democratic
Republic of the Congo**

The Democratic Republic of the Congo (DRC) has been a dysfunctional state for decades since independence. Its abundant natural resources do not benefit its population, which lives in abject poverty. The civil wars of the 1990s and 2000s as well as the continuing absence of state authority and ensuing consequences in many parts of the country are the manifestation of such dysfunctionality. After a critical analysis of the DRC's history and governance system and using models of political economy of development, this paper aims to demonstrate that: i) a political transformative leadership, ii) a completely decentralized state, and iii)

inclusive political and economic institutions are the three pre-conditions for a longlasting peace and socio-economic development in the DRC.

Catriona Craven-Matthews

Pierre Englebert

Pomona College, USA

К. Крейвен-Мэттьюз, П. Энглеберт

Колледж Помона

Клермонт, США

**ЮАР и Китай, история двух развивающихся государств:
пересекающиеся и несогласующиеся императивы при Зуме**

**A Sahelian Potemkin? The Empirical and the Fictional in Malian State
Reconstruction**

Despite significant reconstruction efforts in the wake its 2012-13 collapse, Mali remains mired in crisis: violence is on the rise; institutions are dysfunctional; the military is inefficient; investments are few; and corruption is rampant. We suggest that Mali's reconstruction's failure is but the latest iteration of a general failure at building the Malian state. This failure derives from a sheer lack of resources to sustain statehood and from a systematic tendency to emulate the French state model despite its incongruence with local conditions. As a result, the Malian state is mimicked more than it is built, and its reconstruction imagined more than it is implemented. Conflict plays an important role in this production, as it presents Mali with significant opportunities to stage itself, to develop and multiply institutions, and to derive outside support. Evocations of Mali's precolonial imperial past, meant to provide cover and legitimacy to its leadership, further disconnect the state from the realities of modern governance. The enactment of reconstruction is not, however, irrational for leaders with few short-run alternatives or for international partners eager to engage local security threats.

There might be other alternatives, however, with greater potential for embedding the state into local resources, populations and practices. Exploring opportunities for a greater adjunction of Islamic governance and for decentralization reforms more genuinely predicated upon local institutions of collective action might prove fruitful.

Anselmo de Oliveira Rodrigues
School of Command and General
Staff of the Army, Rio de Janeiro
Brazil

А. де Оливейра Родригес
Школа командного состава
и генералитета армии
Рио-де-Жанейро, Бразилия

**Возникновение несостоявшихся государств в Африке после падения
Берлинской стены и рост числа беженцев из Африки сегодня**

**The Occurrence of Failed States in Africa after the Fall of the Berlin Wall and
Its Relation to the Increase in the Number of Refugees from Africa Today**

This research carried out a study on the African Continent in order to show the relationship between the increase in the number of refugees and the incidence of Failed States in Africa after the fall of the Berlin Wall. To scientifically prove this relationship, this scientific article was structured as follows: 1) Introduction; 2) Methodological Considerations; 3) The Emergence of Failed States in Africa after 1989; 4) The refugees from african countries as of 1989; 5) Final Considerations. In this context, this study addressed themes that guide the current International System, such as the emergence of non-state actors, the protagonism of some issues that are now on the international agenda and the contextualization of them on the African Continent. The methodology presented the objective and the research problem, presenting in general terms, the path of this study to reach the proposed objective and, thus, to solve the presented research problem. Next, this study promoted a debate on the term "Failed States" in the academic world with the

presentation of some indexes of state bankruptcy currently in the world and through these tables, it was sought to verify common aspects, as well as draw conclusions about the positioning of african countries in these indexes. In addition to this theme, this article held an academic debate on refugees in the 21st century, prioritizing the concepts that govern this definition and the common causes for this phenomenon in Africa. In addition, the numbers of refugees from the African Continent from 1989 to the present date were shown, inferring some observations based on these data. In an attempt to prove the relationship between the Failed States in Africa and the origins of African refugees, this study compared and cross-referenced data on African refugees with rates of state bankruptcy in the world in the world, again conducting a qualitative analysis of this relationship. At the end of this study, some observations and suggestions were made based on the theoretical currents adopted in this article and the intersection of information contained in the various tables and indexes presented throughout this research. It is noteworthy that the proposed comments aimed to obtain the following relation: Actual Instability - African Failed States - Refugees. With this, this research sought to prove this relationship by relying on scientific methodology based on consecrated world literature. Finally, some suggestions have been inserted to reduce the incidence of Failed States in Africa, because was in these countries that the largest number of african refugees having been concentrated today.

Секция VII-3. Правящие в бурных морях: политические портреты лидеров в странах Юга Африки

Panel VII-3. Ruling in Rough Seas: The Portraits of Political Leaders in Southern Africa

Руководители: *С. М. Ндлову*, Университет Южной Африки, Претория;

Шубин В.Г., Институт Африки РАН, Москва

Conveners: *Sifiso Ndlovu*, University of South Africa, Pretoria; *Vladimir Shubin*,

Institute for African Studies, Moscow, Russia

На заседании секции планируется рассмотреть вопросы, связанные с ролью лидеров независимых стран и освободительных движений на Юге Африки. Предполагается, что исследователи из России, африканских и других стран представят политические портреты руководителей государственных органов, политических партий (как правящих, так и оппозиционных), организаций, которые вели борьбу против колониализма и апартеида.

Рассмотрение этой темы представляется особенно важным в условиях растущей нестабильности в ряде стран региона, в том числе в связи с вопросом о передачи власти представителям нового поколения политических деятелей.

Работу секции можно рассматривать как продолжение дискуссии, состоявшейся на предыдущей конференции африканистов на секции по источникам истории освободительной борьбы на Юге Африки.

It is planned that the participants of the panel will consider issues related to the role of the leaders of independent countries and liberation movements in Southern Africa. It is expected that researchers from Russia, African and other countries will present the political portraits of heads of state bodies, political parties (both ruling and opposition), and of organizations that fought against colonialism and apartheid. Consideration of this topic is particularly important in the context of growing instability in a number of countries in the region, connected in particular with the issue of transfer of power to a new generation of politicians. The work of the panel can be regarded as a continuation of the discussion at the previous Conference of Africanists in the panel on sources of the history of the liberation struggle in Southern Africa.

Horace Campbell
University of Ghana, Legon
Syracuse University, New York, USA
Х. Кэмпбелл
Университет Ганы, Легон

Мандела, убунту и универсалистский дух

Mandela, Ubuntu and the Universalist spirit

Nelson Mandela was an African who embraced the spirituality of his ancestors and unleashed a wave of spiritual energy for goodness and peace that now places him among the pantheon of those who strove for a Universalist spirit. This Universalist spirit had been present in the culture of the society in the philosophy of Ubuntu but it took a specific form in the confrontation of ideas against liberalism and crude materialism to elevate this Universalist spirit to an international audience. In his earthly life Nelson Mandela had stated clearly that “Honesty, sincerity, simplicity, humility, pure generosity, absence of vanity, readiness to serve others – qualities which are within easy reach of every soul – are the foundation of one’s spiritual life.” This essay on the Universalist spirit of Nelson Mandela seeks to draw from his sense of dignity as a person who had been incarcerated by a social system that believed in the hierarchy of human beings. Mandela was very aware that the wellbeing of a community was based on the spiritual wellbeing of that community and in his life he brought to the fore the principles of respect and dignity for all humans.

Sifiso Ndlovu

University of South Africa

Tshwane, South Africa

С. М. Ндлову

Университет Южной Африки

Претория

Южноафриканские студенты в эмиграции в 1960-е – 1970-е гг.

South African students in exile during the 1960s and 70s

The paper focuses on the exiled African Student Association (ASA) and the Youth and Students section of the African National Congress and the role of these student organisations in the struggle for national liberation in South Africa. Thus the paper highlights the crucial role played by the exiled youth leaders in championing international solidarity. This is because their main objective and aim was premised on how to influence international anti-apartheid youth and students movements from all corners of the world to come out in greater support of the broader liberation struggle in the African continent. This paper also focuses on forever changing internal dynamics within the youth movement and a case study about the abuse of liberation history for ideological purposes by those who write about the exiled student leaders.

Hugh Macmillan
Oxford University, UK
Х. Макмиллан
Оксфордский университет
Великобритания

**Кеннет Каунда и Оливер Тамбо: история взаимоотношений
(1962-1993 гг.)**

Kenneth Kaunda and Oliver Tambo: The story of a relationship, 1962-93

In this paper I examine the complex relationship between Kenneth Kaunda, leader of the United National Independence Party (UNIP), and president of Zambia from 1964 to 1991, and Oliver Tambo, leader of the African National Congress (ANC) in exile from 1960 to 1989, from their first meeting in Addis Ababa in January 1962 to their last meeting in Johannesburg in April 1993.

Kaunda gave permission for the launch by the ANC and the Zimbabwe African Political Union (ZAPU) of the Wankie and Sipolilo Campaigns in 1967-8, but the Lusaka Manifesto in 1969 indicated a retreat by Kaunda and Nyerere from confrontation with South Africa and Rhodesia and was a setback for the ANC. Tambo was based in Zambia from 1967 onwards, but a cooling in his relationship with Kaunda was accentuated during the period of détente in 1974-5 and, especially, by Kaunda's meeting with Vorster at the Victoria Falls in the latter year. Kaunda did not accept many Soweto refugees in 1976-7 and, like Nyerere in Tanzania, he would not allow military training in his territory. It was not until after the Nkomati Accord in 1984 that there was a coming-together between Tambo and Kaunda who was supportive of moves towards negotiations between the ANC and South Africa. He helped to organise and hosted the Anglo American talks in September 1985. He facilitated visits to Zambia by many deputations from South Africa in subsequent years and invited Tambo to live with him at State House from early in 1986. He played a key role in the organisation of the Commonwealth

Eminent Persons Group in the same year and also provided logistical support to Tambo in connection with the acceptance by the Front Line States of the Harare Declaration. By the time of Tambo's stroke in August 1989, the relationship between Tambo and Kaunda had moved from friendly through formal, and then distant, to close and cordial.

Tshepo Moloji

University of the Witwatersrand
Johannesburg, South Africa

Ц. Моли

Университет Витватерсранда
Йоханнесбург, ЮАР

Великолепное лидерство: жизнь и времена Винсента Тшабалалы

Magnanimous leadership: The life and times of Vincent Tshabalala

Available literature on the histories of liberation struggle in South Africa has tended to focus mainly on national leaders within the opposition movements against apartheid and downplayed the vital role played by the low-level leaders. The story of Vincent Tshabalala, former chairman of the Alexandra branch of the Congress of South African Student Congress (COSAS), an underground operative, and a trained uMkhonto we Sizwe (MK, ANC's military wing) soldier, demonstrates the rarely discussed contribution such leaders made towards the demise of the National Party regime. In this paper I will show that Tshabalala, from the young age of 16, ascended to the leadership position of the branch of COSAS, operated underground supplying students and young people in the with banned literature. In addition, he was instrumental in the establishment of an educational project aimed at developing the students of Alexandra. After returning from exile where he had received military training, he was killed in a gun battle

with the South Africa police. I will argue that, by the time he died at the age of 20, Tshabalala's political activism had inspired many young people in Alexandra to join the liberation struggle. Some left the country to join MK in exile and others operated internally. A year after his passing, Alexandra Township was turned into a battle zone between the comrades and the state's security personnel. While this paper focuses on the biography of Tshabalala in particular, it will also contribute modestly to broader understandings of the role of low-level leadership in the fight against apartheid in South Africa.

Thula Simpson

University of Pretoria

Tshwane, South Africa

Т. Симпсон

Университет Претории

Цване, ЮАР

**Король Собхуза II и солидарность Свазиленда с освободительной
борьбой в ЮАР (около 1960-1982 гг.)**

**King Sobhuza II and Swaziland's Solidarity with the South African
Liberation Struggle, c. 1960-1982**

This paper traces the history of the ANC in Swaziland from the late-1950s, when South African political refugees first began arriving in Swaziland in significant numbers, to the death of King Sobhuza II in 1982. The paper will discuss the main phases in the evolution of this relationship. It will show that before and after Swaziland's independence in 1968, the ANC tried to recruit refugees to contribute to the struggle, but were hindered by the fact that the kingdom was landlocked by white-ruled South Africa and Mozambique. This changed when Mozambique received its independence in the mid-1970s. The paper will show that as the ANC endeavored to establish Swaziland as a conduit through which to re-activate the struggle within South Africa, Sobhuza extended limited

support that came largely in the form of turning a blind eye to the activities of the organization's representatives. This contributed to Swaziland becoming the most active infiltration route used by the ANC's military wing, Umkhonto we Sizwe (MK), in the late 1970s. The paper will show that the growth of MK's 'Eastern Front' led to South African countermeasures that combined the stick of cross border raids with the carrot of closer relations, above all with the 'Land Deal' whereby KaNgwane and parts of Ngwavuma were ceded to Swaziland. The paper will trace this complex triangular relationship (between South Africa, Swaziland and the ANC) in the early 1980s and will show that by the time of Sobhuza's death, Pretoria's counter-insurgency strategy had yielded considerable fruit in the form of both the Land Deal and a related security pact. This placed the ANC on the defensive in what had become its most important operational front.

Vadim Kurillo

Petro Mohyla Black Sea National University

Mykolaiv, Ukraine

В. Курилло

Черноморский национальный университет

Николаев, Украина

**Латентная политика в ЮАР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.):
личностный фактор**

Latent policy in South Africa (late 1970s - early 1990s): the personality factor

The defining feature of the political process in South Africa in the late 1970s and early 1990s was the intensification of legal and illegal national liberation movement, led by the ANC, the development of the crisis and the end of apartheid. The reason for this was a complex of factors of domestic and foreign order, the results of the struggle of supporters and opponents of apartheid in the form of latent (hidden) and transparent (open) policy. An important role was played by

implicit action of political leaders, a number of functionaries of political and military structures, government officials and civil society activists. The presented material examines the phenomenon of latent policy and its basic elements in South Africa during the period, with emphasis on the role of personality factors. The theory of latent policy is not a conspiracy theory, and studying its science – “political latentology” – is not the same as conspirology (more about the phenomenon of latent policy, see: Kurillo V.E. Latent policy. Political latentology. Moscow: Sputnik+, 2013, in Russian). Specific areas of latent politics in South Africa are selected for analysis: strategy; political intelligence; force, information and psychological operations; secret diplomacy and confidential management. The latent aspect of personality factors is revealed by reference to the activities of N. Mandela, O. Tambo, J. Slovo, R. Kasrils, B. Gilder, P. Botha, FW de Klerk, N. Barnard and other prominent South Africans, as well as some foreign state and public figures, in the part concerning South Africa. The material allows us to conclude that, for an adequate understanding of the content of South African public policy in this period it is necessary to consider its component which G. Almond designated as «latent policy» or «latent politics». One of the laws/trends of latent policy is narrowing the circle of its subjects and participants, strengthening the role of political leaders, professionals and small groups of individuals. They can have a significant, temporarily concealed impact on the dynamics of the political process and policy methods, political decision-making. At the same time, as is proved by the historical experience of South Africa, the general nature of the political process and its orientation correspond to the laws of social development as a whole, as evidenced by the fall of the apartheid system.

Anthony Butler
University of Cape Town
South Africa
А. Батлер
Университет Кейптауна, ЮАР

Антиномии лидерства в освободительном движении: АНК после 1991 г.

**The antinomies of liberation movement leadership:
The case of the ANC after 1991**

Leadership can only be legitimate and effective if it is exercised within a sustaining framework of ideas. Yet liberation movements' ideologies at first sight preclude most rationales for, and justifications of, personal political leadership. One issue is a familiar one: there is a tension between human agency and the historical inevitability propounded in the quasi-Marxist doctrines that ostensibly hold sway in liberation movements. If human beings are the vectors of historical forces, rather than their masters, how can leadership be conceptualized and justified at all? Where there is space for legitimate (Leninist?) leadership, it appears to be primarily collective in character. After all, the 'scientific understanding of society' is a capacity of the Party/movement and not of any individual leader within it. Pseudo-Leninist doctrines, moreover, have been obliged to coexist in movements such as the ANC with prevailing Christian doctrines and beliefs. Religious prescripts envision somewhat different versions of historical ineluctability, but impose equally stringent constraints on the possibility and legitimacy of individual agency. How then does a leader justify his or her right to lead? How can he or she create a moral project of personal political leadership? How do prevailing ideologies shape the politics of leadership selection? And how are brute power and the pursuit of resources reconciled with the need to make leadership morally legitimate? My paper will reflect on these questions by looking

at leadership succession processes in the ANC after the movement's reconstitution in SA in 1991. Although I will attempt a survey of the period as a whole, I will look in greatest detail at the more recent period, including the current succession struggle that is due to culminate in December 2017. Among the issues I will explore are: the accumulation of 'seniority' and its role in claims to lead; conventions that surround self-promotion and campaigning; varieties of 'servant' leadership; the relationship between democratic centralism, collective leadership, and individual self-assertion; and the roles of gender and ethnicity in constraining and enabling claims to be entitled to lead.

Alexander Mezyaev

University of Management "TISBI"

Kazan, Russia

Мезяев А. Б.

Университет управления ТИСБИ

Казань, Россия

Президент Табо Мбеки

President Thabo Mbeki

June 18, 2017 marks 75 years of outstanding political leader of South Africa, HE Mr. Thabo Mbeki.

In 2016 the book *The Thabo Mbeki I know* (edited by Dr. Sifiso Mxolisi Ndlovu) was published. It was written by more than forty authors, including former heads of state, government officials, comrades of the national liberation struggle, diplomats, members of academia. ...

President Mbeki actively involved in the social and educational life of South Africa now. Among the most significant lecture of the last year was his lecture dedicated to the 120th anniversary of the Battle of Adwa. Mr. Mbeki stressed that the modern African youth still sees Africa as a victim. He noted that it is necessary

to change this attitude, including teaching about the victories of Africans in the struggle against European and other colonizers. He spoke about the preparation of the textbook, specially dedicated to this aspect of the training of African youth and his personal involvement in the writing of this book.

Special importance always have Mr. Mbeki's traditional annual lectures on Africa Day. The last year lecture was dedicated to the International Criminal Court (ICC). The subject of ICC appears in Mr. Mbeki's discourse more and more often. In one of his lectures T. Mbeki spoken about how the International Criminal Court has blocked the peace process in Uganda.

In 2016 President Mbeki gave me a big interview as the editor of Kazan Journal of International Law and International Relations. In this interview he told about previously unknown aspects and international relations in general, and the Russian-South African relations. In particular, he spoke about the plans to create a "platinum OPEC" and its consequences. Talking about the activity of ICC I was amazed with what depth T.Mbeki knows the peculiarities of individual trials and understand the purely legal issues. This can only be the result of permanent and intensive self-education.

Paulo Visentini

Federal University of Rio Grande
do Sul, Porto Alegre, Brazil

П. Визентини

Федеральный университет
Рио-Гранде-ду-Сул, Порту-Алегре
Бразилия

Зума: региональное лидерство, которое не состоялось

Zuma: the regional leadership that did not take place

The Zuma's take over to the South Africa's leadership, following some analysts, appeared to be capable to overcome many difficulties of previous government build alliances and put in practice leadership in Southern Africa. It

was expected the Mbeki's orientation towards South African big business would be overcome by the new government, making more acceptable to the African states, particularly SADC members. But Zuma's government developed almost the same profile of the previous one, with even less protagonism in foreign policy. Problems with immigrants from neighbour countries, the perception of “South African Imperialism” in all African continent, or “South African hegemony” in SADC (Zimbabwe resistance, Namibia’s autonomy), the contradictions about the Libyan Conflict in 2011, among other things, open space for nations like Angola to exercise a regional leadership. Angola’s economy is growing faster than SA economy and Nigeria is already the first GNP in Africa. Finally, the domestic antagonism reflects in contradictions on foreign policy.

Vladimir Shubin

Institute for African Studies

Moscow, Russia

Шубин В. Г.

Институт Африки РАН

Москва, Россия

Четыре генеральных секретаря Африканского национального конгресса

Four Secretaries-General of the African National Congress

This paper is devoted to four Secretaries-General of the ANC who served it almost half a century. The first is Alfred Nzo or “Uncle Alf” as the ANC members, especially youth, affectingly called him. Although for over twenty years he was its “Second-in-Command” after President Oliver Tambo, his role has not been adequately appreciated in the “new South Africa”. This is also true about his activities as the first post-apartheid Minister of Foreign Affairs. Largely such a situation was created by subjective factors, on one hand, by such features of his character as modesty and humility and on the other hand by unfair critical attitude to him. Three others, Cyril Ramaphosa, Khalema Motlanthe and Gwede Mantashe

wary widely but have at least two things in common: earlier all of them were Secretaries-General of the National Union of Miners and recently all three were present at the funeral of Ahmad Kathrada that virtually became a demonstration of the opposition to the incumbent president of South Africa.

Sandra Onslow

Institute of Commonwealth Studies
University of London, UK

С. Онслоу
Университет Лондона
Великобритания

Соперничающие лидеры «борьбы внутри борьбы»: Джошуа Нкомо и Роберт Мугабе

Competing leaders of Struggle within-a-Struggle: Joshua Nkomo and Robert Mugabe

This paper seeks to reconfigure Zimbabwe's recent history through the lens of human agency, rather than via the structure and interaction of domestic and international politics and society. Literature on Zimbabwean nationalist politics and liberation movements struggle against the white minority regime of Ian Smith has focused on wide-ranging aspects of thwarted political and economic aspirations, class formation, ideological debates and agenda, and external engagement and support. The structure and coherence (as well as factional infighting) of the leading, rival liberation movements, the Zimbabwean African National Union, and the Zimbabwe African People's Union and their respective military wings, has similarly produced important memoirs and academic analysis and comment. However, there has been little comparative attention paid to the interaction of leadership styles and relative importance of each movement's political leader, Joshua Nkomo and Robert Mugabe, their personal rivalry and ideological interaction which shaped so much of Zimbabwe's transition to

independence, and its immediate post-independence trajectory. This paper will examine the role of personality in the 1962 rupture and creation of two rival movements; personal difference which contributed to failed international attempts at negotiation between 1975-79; Nkomo and Mugabe at the Lancaster House talks; and the collapse of their reluctant alliance, and its significance for Zimbabwe, 1980-1987.

Natalia Telepneva

University College London, UK

Телепнева Н.

Университетский колледж Лондона

Великобритания

**Амилкар Кабрал и Чехословакия: анатомия особых отношений
(1961-1973 гг.)**

**Amilcar Cabral and Czechoslovakia: Anatomy of a Special Relationship,
1961-1973**

In August 1961, a prominent African philosopher and revolutionary leader Amilcar Cabral received the first assistance package from Czechoslovakia to aid the operations of his African Party for the Independence of Guinea-Bissau and Cape Verde (PAIGC). The PAIGC would also receive very substantial assistance from the USSR and other members of the Warsaw Pact. This paper explores this “special relationship” between Cabral and Czechoslovakia including relations with the Czechoslovak Ministry of the Interior. Based on newly released records from the Czechoslovak Intelligence, this paper explores motivations of both sides and especially focuses on Cabral’s diplomatic talent. I argue that Cabral could in many ways shape this relationship with many international donors to benefit the PAIGC. This paper will also make remarks about the importance of Cabral to the movement for liberation in southern Africa.

Секция VII-5. Юг Африки: проблемы политического, экономического, социального развития в начале XXI в.
Panel VII-5. Southern Africa: Political, Economic and Social Challenges in the Region at the Beginning of the 21st Century

Руководители: *Токарев А.А.*, Институт Африки РАН, Москва; *Зеленова Д.А.*, Институт Африки РАН, Москва

Conveners: *Andrey A. Tokarev*, Institute for African Studies, Moscow, Russia;
Daria A. Zelenova, Institute for African Studies, Moscow, Russia

На секции будет рассмотрен широкий круг проблем, с которыми страны Юга Африки столкнулись на рубеже XX – XXI вв. Особое внимание уделяется политическим, экономическим и социальным вопросам развития стран региона. Будут рассмотрены состояние и перспективы межрегионального сотрудничества (включая сотрудничество в рамках САДК), политика государств региона в рамках Африканского союза. Предполагается обсудить прогнозы на развитие государств Юга Африки и региона в целом.

The panel will consider a wide range of challenges that Southern Africa is facing at the turn of the century. Special focus will be given to political, economic and social developments of the region. We encourage contributions that analyze the prospects and the current state of inter-regional cooperation (including cooperation within the framework of the SADC), the policy of the regional states within the African Union. We hope to discuss possible forecasts for the region's development and look at possible scenarios in development of different countries of the region.

Apollon Davidson

National Research University –

Higher School of Economics

Moscow

Давидсон А. Б.

НИУ-ВШЭ, Москва, Россия

ЮАР на грани XX и XXI вв.: впечатления очевидца

South Africa at the Turn of the 21st Century: impressions of a witness

My impressions of events in South Africa date back to 1989-1998, during my visits there, and then when I worked there for six years. Irina Filatova and I were the first Soviet Africanists to visit South Africa. This was in 1989. Then in 1991-1994 I had several long visits there on invitations of South African universities. In 1994-1998 I was director of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town. This means that I was in South Africa at the turning point of its history. In the first decade of the 21st century I visited South Africa several times again to give lectures and courses at several universities. In 2012 I was awarded the Order of Companions of Oliver Tambo. The most important impression: in the 1990s South Africa taught the world a lesson, when it managed to avoid a bloody racial war. The first decade of the 21st century showed that xenophobia which had existed in the country for three centuries could not disappear overnight. Economic difficulties and the growing inflow of migrants from other African countries enhanced its revival. Still, there have been no significant racial or ethnic clashes. In all my time in South Africa I have never seen a negative attitude to our country, although for several decades the apartheid propaganda did everything to create just such attitude.

Грибанова В.В

Института Африки РАН, Москва

Valentina V. Gribanova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Youth and Student Movements in South Africa in the Early 21st Century as a Reflection of the Country's System of Higher Education

Молодежные и студенческие движения ЮАР в начале XXI в. как отражение состояния системы высшего образования страны

Молодежные и студенческие протестные движения в Южной Африке вошли в русло общей борьбы за бесплатное высшее образование с осени 2015 г. Именно тогда по ЮАР прошла волна студенческих волнений, получивших название «Fees must fall», или движение за отмену повышения платы за обучение в университетах. Протесты осени 2015 г. значительно повлияли на ситуацию в стране в целом и в высшем образовании в частности. И хотя президент страны Джейкоб Зума объявил тогда о замораживании платы за обучение на 2016 г., начавшийся в январе учебный семестр не принес желаемого спокойствия. Все эти волнения, безусловно, имеют под собой основание. Южная Африка направляет на высшее образование менее 1% ВВП (точнее 0,75%). Для многих семей (хотя государственное финансирование университетов и стипендии существуют) плата за обучение в университете в 40000-60000 рандов в год делает высшее образование недоступным. Важными итогами борьбы в 2016 г. стала компенсация каждому студенту из семьи, получающей доход менее 600000 рандов в год, повышения платы за обучение в 2017 г. через специальный фонд NSFAS, а также создание комиссии по вопросам высшего образования при президенте. Среди истоков движения «Fees must fall» выделяется другое протестное движение «Rhodes must fall», начавшее в Кейптаунском университете 9 марта

2015 г. с требования удаления с территории университета статуи Сесилия Родса. Его отголоски, как и еще одного движения - «Open Stellenbosch», начавшегося в середине апреля 2015 г. в Стелленбошском университете, постоянно ощущаются в движении «Fees must fall». Многие требования, содержащие антирасистскую риторику, как и организация протестных акций, во всех движениях перекликаются. В студенческих волнениях принимают активное участие представители таких молодежных организаций, как Африканский молодежный форум, Прогрессивный молодежный альянс и «Борцы за экономическую свободу» Джулиуса Малемы. Движение за отмену повышения платы за обучение переросло уже не только в широкое движение за бесплатное высшее образование вообще, но и в поле, на котором соревнуются в лидерстве новые политические силы. Продолжающиеся на протяжении 2015 – 2016 гг. студенческие и молодежные акции протеста в ЮАР – значительное и имеющее важные последствия событие политической жизни страны. Обусловленные как экономическими и социальными проблемами, так и структурным кризисом в высшем образовании, они, скорее всего, будут иметь продолжение.

Chitja Twala

University of the Free State

Ч. Твала

Университет Свободного государства
Блумфонтейн, ЮАР

Сущность общественных служб бантустана Кваква (1975-1990 гг.)

The nature of the Qwaqwa homeland public service, 1975-1990

The paper departs from the premise that the study on the homelands/Bantustans in South Africa has a long and rich tradition since its modest beginnings in the early 1950s through the promulgation of the Bantu Authorities Act. The Act led to the establishment of the homelands/Bantustans of

which Qwaqwa became one of them. As a result, Qwaqwa aligned herself as a political entity within the broader context of the Bantustans. With the introduction of a politically aligned structure of government subscribing to the dictates of the apartheid government in Pretoria, Qwaqwa had a new public service. This shift of governance method has seen a comprehensive changes and forceful adherence to the Qwaqwa public service. The paper seeks to highlight the nature of the Qwaqwa public service since 1975 when Dikwankwentla Party took over the jurisdiction of the area until 1990 when the talks began which led to the dissolution of the homeland system in South Africa. Before the demise of the Bantustan system in South Africa, the Qwaqwa administration pride itself of having run a ‘corrupt free’ homeland and had no attempted coups like in the other homelands/Bantustans. In the light of the above, furthermore, the paper attempts to provide a historical perspective in answering the following questions: What were the ideological influences from the apartheid government on the newly formed Qwaqwa public service? What was the reaction by the Qwaqwa residents to the newly instituted public service? How infiltrated was the Qwaqwa public service by the Congress aligned organisations? Utilising archival sources, oral testimonies, secondary sources, and a myriad of newspapers, the paper presents the prospects and challenges of Qwaqwa’s public service during the period under discussion.

Analucia Danilevicz Pereira
Federal University of
Rio Grande do Sul (UFRGS)
Brazil

А. Данилевич Перейра
Федеральный университет
Рио-Гранде-ду-Сул, Порту-Алегре
Бразилия

**Южно-Африканская Коммунистическая Партия и дилеммы
южноафриканской революции: класс или раса, социальная революция
или национальное освобождение?**

**The South African Communist Party and the Dilemmas of the South African
Revolution: Class or Race, Social Revolution or National Liberation?**

This study refers to the role of the South African Communist Party - SACP at South African revolutionary thought during anti-apartheid struggle. For the Communists, the ANC represented the main element of the liberation front in the search for a majority government. It was a mass national movement, a legitimate representative of the South African people, who helped to develop a common consciousness and a sense of identity in front of previous tribal sectarianisms that so much facilitate the gradual foreign conquest. The Communist Party, on the other hand, represented the aspirations of the working class and aimed at the eventual establishment of a socialist South Africa. Communist Party theorists considered the two main determinants in South African socioeconomic structure class and race. Thus a fundamental question of the theory put forward for a South African revolution revolved around the relationship between a national struggle and a class struggle.

Irina Filatova

National Research University –
Higher School of Economics
Moscow

Филатова И. И.
НИУ-ВШЭ, Москва, Россия

Возвращение «расовости». Расовая пропаганда в политической борьбе в ЮАР (2013-2017 гг.)

The Return of ‘Racialism’. Racial propaganda in South Africa’s political struggle, 2013-2017

One of the results of the rise, in 2013, of the Economic Freedom Fighters was the upsurge of racial rhetoric aimed mostly against the white minority. For decades the ANC declared its allegiance to ‘non-racialism’, but its leadership could not or would not counterpoise this principle to the Fighters’ populist racial stance, supported by a portion of its own electorate. Recently some among the ANC leadership began to use the race card in their political struggle quite openly. Even the Democratic Alliance which brands itself as a ‘non-racial’ party has not avoided a racial-tainted fever. The paper presents an analysis of the new ‘racial’ discourse in South Africa’s political space.

Robert W. Compton

State University of New York

Oneonta

Р. У. Комптон

Университет штата Нью-Йорк

Онеонта, США

Правящие и оппозиционные партии в регионе САДК: как политическая экономия, национализм и идеосинкразии влияют на исход выборов

Dominant and Opposition Parties in the SADC Region: How Themes of Political Economy, Nationalism, and Idiosyncrasies Impact Electoral Fortunes

With the passage of many decades since independence and political decolonization, ruling parties can no longer depend entirely on nationalism and a collective memory of the independence struggle for maintaining power. Throughout the Southern African region, many dominant political parties experienced a deconstruction of legitimacy due to failed economic policies. In some cases, opposition parties seized control and sought to implement neo-liberal economic policies (e.g., Malawi and Zambia). In other countries (e.g., Zimbabwe and South Africa), opposition parties challenged the dominant political economy paradigm linked to nationalism but failed, thus far, to take full control. Meanwhile, the dominant regimes in Mozambique, Angola, and Botswana persist to this day, albeit for very different reasons. As new generations of citizens displace those who experienced the independence struggle, political attitudes deviate from assumed loyalty to issues of performance. Simultaneously, regional organizations such as the African Union (AU) and the Southern African Development Community (SADC) play a greater role in scrutinizing and even harmonizing policies.

This paper focuses on the seven countries noted above to examine the electoral fortunes of respective political parties. Ruling and opposition parties respond differently to conditions on the ground based on national, regional, and

international contexts as well as idiosyncratic factors. To expand their electoral fortunes, many political parties blend, combine, and alter their economic policies and orientation toward nationalism to construct their respective legitimacy within nationally and regionally. When government implements policies, to what extent do they alter the configuration and salience of social cleavages around which parties organize? Why do some parties change and while others become reluctant to change their ideological orientations. What facilitates and prevents parties in these states from changing their policy and ideological orientations? This paper then concludes with some possible future scenarios based these factors

Alexandra Arkhangelskaya
Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences
Архангельская А. А.
Институт Африки, Москва, Россия

**Политико-психологический подход к изучению истории внешней
политики ЮАР**

**Political-psychological approach to the study of the history of South Africa's
foreign policy**

This presentation represents an attempt to show the main milestones of the political-psychological approach to the study of the history of South Africa's foreign policy.

The history of South Africa as a unified state is intertwined with the events of international scale and accordingly influenced by the definition by the developments and main characteristics of the foreign policy of the emerging state. This paper considers the impact of a holistic personality structure carried out by South African political leaders on foreign policy process in view of the genesis of personality characteristics.

American psychologist Clare Graves Spiral Dynamics theory in conjunction with leading theoretical paradigms of modern political psychology was chosen as methodological basis of this research. Analysis of South African political leaders in different historical periods provides an opportunity to identify their common psychological traits - "the core of the political personality." This research approach was formed under the influence of several trends in history, philosophy, political science, psychology.

Studying the history of the foreign policy of any country in general, and South Africa in particular, is impossible without studying and analyzing the important contribution of political leaders – decision makers who influenced the course and formed a unique character and a unique image of the country on the world stage.

Nicolas Ragodoo

Sociology University of Mauritius

Н. Рагодоо

Университет Маврикия, Редюи

**Есть надежда на Юг Африки: его изучение на примерах ЮАР,
Маврикия, Намибии и Ботсваны**

**There is Hope for Southern Africa: A Case Study of South Africa, Mauritius,
Namibia and Botswana**

Whilst the literature generally underlines the dark side of Africa, characterised by conflicts, political instability and electoral rigging, economic uncertainty and the depletion of resources, as well as rampant poverty and numerous other social issues, this paper aims at focusing on the other side of the coin. Indeed, there are a number of countries in Southern Africa which, against all odds, have proved the established literature wrong, and are doing so each and every day. These countries have been able to effectively confront and overcome

political, economic and social challenges. They are the role-models, which should be supported by the developed world, so as to show the direction and give hope to other African nations which are still dwelling in darkness. This paper takes a deep insight into the elements which have made a difference in these four African countries: It examines the political context, the judicial system, the maintenance of law and order, the infrastructure, and the economic climate, analysing the role these have played in the development process of these countries. Data compiled during the last twenty five years have been used in that respect.

What can be deduced out of this paper is that there is a number of Southern African countries have been able to tackle the development hurdles which have plagued Africa for decades. The real challenge, in the 21st century, is to replicate such models across Africa. The active support of one and all is needed in that respect. Peaceful cohabitation, economic growth, advanced infrastructures, comprehensive welfare models, as well as political stability and technological development are not an Utopia for African countries anymore. The pioneers of success have already made a breakthrough in the walls which have been keeping Africa's development in abeyance. There is hope for Africa.

Yuri Vertashov
Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences
Верташов Ю.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

**Сотрудничество ЮАР с государствами Латинской Америки и
Карибского бассейна с 1994 г.: некоторые аспекты**

**Cooperation between South Africa and the states of Latin America and the
Caribbean since 1994: a number of aspects**

The states of Latin America and the Caribbean are significant components of the Global South. Today, under conditions of globalization, the states of Latin America (for instance Brazil and Argentina) share similar foreign policy objectives with South Africa, such as democratization of international institutions, strengthening economic ties, etc. That fact makes increasingly important the study of connections between these regions. In my report, I intend to outline the key-points of relations establishment among South Africa and the states of Latin America and the Caribbean since 1994 in a historical context, as the collapse of apartheid regime would imply framing and conducting a different strategy of South African foreign policy. At the same time this fact also meant the process of relations formation with the Third World states, and therefore with the states of Latin America and the Caribbean as well.

I intend to shed some light on such aspects of relations among these regions as economic cooperation, communication on (such as IBSA and BRICS) and political cooperation, and cooperation in the field of peace and security (establishment of peace and security in South Atlantic zone. For instance, today South Africa takes part in a variety of Joint Bilateral Commissions with Argentina (since 2005), Brazil (since 2000), Cuba (since 2001) Venezuela and Chile, and there are consultative mechanisms among South Africa, Chile and Cuba at governmental and party levels. Despite the fact that South Africa's relations with

the states of Latin America and the Caribbean are in accordance with the line of «South-South» cooperation, I will try to answer the question whether it is possible to trace some strategy in the relations among these regions after considering a number of above-mentioned aspects.

Eldar R. Salakhmetdinov
Vasily A. Sidorov
Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences
Салахетдинов Э. Р., Сидоров В. А.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

Россия и страны Юга Африки: проблема инвестиций*

Russia and Southern Africa: Investment

Today Russian business tries to find a niche in the African market. In this context the example of business operations by Russian companies in Southern Africa is important. The Russian companies began entering the Southern African market since the beginning of the 2000s. In 2005 Renova group together with South African partners founded "United Manganese of Kalahari" to prospect, extract and process the manganese ores. In 2007 steel and vanadium producer "Evraz" bought 79% of shares of "Highveld Steel and Vanadium" company. Also in 2007 "Norilsk Nickel" bought 85% of "Tati Nickel" company in Botswana and 50% of JV "Nkomati" in South Africa. Apart from commodities there has also been progress in other areas. In 2012 state corporation "Rosatom" opened its African representative office in South Africa, and in 2013 declared readiness to build 8 power units in South Africa. In 2009 "Kaspersky Lab" opened its African office in South Africa. There has been also expansion of Russian-Zimbabwean partnership. Russia is one of the largest investors in Zimbabwe. Among large

* This paper is an outcome of the research project No. 16-07-00010 «"African Vector" of the Fundamental Transformation of Russia's Economic Structure in the New Geopolitical Environment» funded by Russian Foundation for Basic Research.

projects is development of the largest platinum deposit (outside of South Africa) in Darwendale (“Afromet”). Investments in this project can reach \$3 billion. Another Russian company in Zimbabwe is “DTZ-OZGEO”. But also companies from Southern Africa invest into the Russian economy. Among such companies there are “Naspers” (information technologies), “Mondi” (pulp) and “Barloworld” (equipment dealership). “Mondi” has a paper and containerboard mill and a packaging operation in Russia. Mondi’s mill in Syktyvkar is one of the largest production sites in Russian pulp and paper industry. “Barloworld” is the dealer of US company “Catterpillar” in Siberia and the Russian Far East. “MIH Holdings” (MIH), subsidiary of South African media group “Naspers”, owns 39% of “Mail.ru Group” that is the owner of VK (Vkontakte) and mail.ru as well as 68% of “Allegro”.

Воронина Н. А.
Институт Африки РАН, Москва
Natalia A. Voronina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

On the Role of Churches in the Present-Day Life in South Africa

О роли церквей в политической жизни ЮАР на современном этапе

В период борьбы с режимом апартеида церковь вносила весомый вклад в мирное сопротивление правительству. С приходом к власти АНК в стране задается курс на формирование многонациональной, так называемой «радужной» нации. Церковь сохраняет свою роль в повседневной жизни южноафриканцев, но практически уходит с политической арены. Южноафриканский совет церквей – зонтичная организация, объединившая многие церкви ЮАР в борьбе с расистким режимом и внесшая признанный вклад в ужесточение экономических санкций против правительства апартеида, – утрачивает значительную часть бывшего влияния. Тем не менее,

религия является неотъемлемой частью жизни южноафриканцев. Именно по этой причине политики продолжают разыгрывать «религиозную карту» в конкурентной борьбе. Так, например, президент ЮАР Дж. Зума заявлял, что АНК будет «править до пришествия Христа». Как показали выборы 2014 и 2016 гг., все большее внимание религиозному фактору уделяет и оппозиция. Д. Туту и другие влиятельные религиозные деятели выступали против Д. Зумы, что, в первую очередь, связано с обвинениями в коррупции президента ЮАР и его окружения. Руководитель Сионской христианской церкви епископ Э. Лекганьяне, еще в 2012 г. приглашавший Д. Зуму в качестве почетного гостя, призывал прихожан в последнюю предвыборную кампанию голосовать против АНК – партии, где руководство позволяет себе «обращаться с государственными средствами как со своими собственными». В докладе делается попытка проанализировать на основе публикаций в СМИ, а также заявлений в официальных источниках (в частности, на официальных сайтах наиболее крупных религиозных организаций), возрастающую роль религиозного фактора и отдельных религиозных организаций в конкурентной борьбе на национальных парламентских выборах в 2014 г. и региональных выборах в 2016 г., а также механизмы использования религиозного ресурса.

Buylin Dimitry
National Research University –
Higher School of Economics
Moscow, Russia
Буйлин Д.
НИУ-ВШЭ
Москва, Россия

Внутрипартийная борьба в АНК в свете предстоящих выборов 2019 г. в ЮАР

The Internal Struggle in the ANC in the Light of Forthcoming Elections in South Africa in 2019

South Africa traditionally dominated the southern part of the continent, but today it faces sharp political crisis due to peoples' mistrust in the incumbent president, which raises the question about the identity of his successor for the post of the president of the ruling party, who will then most likely become the president of the country⁴. Today's report will cover the details of the current internal party struggle for power. The current President of the RSA and the head of the African National Congress (ANC) Jacob Zuma has actively supported his ex-wife Nkosazana Dlamini-Zuma's candidacy for the party's leading position, whose election will take place in December this year. Her most serious opponent in the race for the post is Cyril Ramaphosa – the acting Vice-President. The toughest contest for the votes of the party delegates is expected to take place in the Free State, Eastern Cape and KwaZulu-Natal. The election agenda of Nkosazana Dlamini-Zuma is mainly based on the issues of gender equality and radical economic reform program, which includes, among other things, active redistribution of land for the benefit of the black population⁵. Ramaphosa, on the

⁴ The state of Jacob Zuma's presidency [Electronic resource]. URL: http://www.africa-confidential.com/article/id/11911/The_state_of_Jacob_Zuma%27s_presidency

⁵ Zuma, J., State of the Nation Address by President Jacob Zuma, Parliament, Cape Town [Electronic resource]. URL: <http://www.thepresidency.gov.za/speeches/state-nation-address-president-jacob-zuma%2C-parliament%2C-cape-town>

contrary, supports the South African big business, mostly represented by the white part of the population. It should also be noted that in KwaZulu-Natal, the home province of Zuma and Dlamini-Zuma, Cyril Ramaphosa is being supported by the Treasurer-General of ANC Zweli Mkhize, which automatically weakens Dlamini-Zuma's positions⁶, as this province is represented by the largest number of the party delegates in the country. Moreover, Cyril Ramaphosa received the support of the moderate wing of the ANC and its allied political organizations, COSATU and the South African Communist party. An important milestone in electing the future President of the party will be next party conference, which will take place in June and where the future economic policy – the biggest stumbling block between Dlamini-Zuma and Ramaphosa– will be discussed. Summarizing all the facts given above, the Nkosazana Dlamini-Zuma's chances for winning the internal party Presidential elections seem to be very uncertain, since her ex-husband is losing supporters both inside ANC and in allied political organizations. Their influence in their home province of KwaZulu-Natal has been also undermined by the Treasurer of ANC as well.

⁶ The state of Jacob Zuma's presidency [Electronic resource]. URL: http://www.africa-confidential.com/article/id/11911/The_state_of_Jacob_Zuma%27s_presidency

Секция VII-6. Укрепление местного управления
Panel VII-6. Strengthening Local Government

Руководитель: *М. Белл*, Университет им. Джорджа Вашингтона, Мак-Хенри, США

Convener: *Michael Earl Bell*, George Washington University, McHenry, USA

Too often, governments, including those in Africa, fail to deliver adequate services to poor people in terms of access, quantity and quality. Thus, citizens across Africa are demanding greater self-determination and control of government institutions. In many cases this has resulted in shifting service delivery and finance responsibilities to local governments which are closer to the people. In fact, the first law that then President de Clerk in South Africa and Nelson Mandela agreed to the Local Transition Act of 1993. Both understood the critical role local governments play in the daily lives of all citizens.

Ademola Aderogba
Lagos State Polytechnic
Nigeria

А. Адерогба
Политехнический университет
штата Лагос, Икороду, Нигерия

Укрепление управления на местном уровне в Нигерии: проблемы и вызовы
Strengthening Governance at the Local Level in Nigeria: Issues and Challenges

This paper focuses on strengthening *local governance* in developing countries by examining the Nigeria example. In Africa, decentralization of power and government functions is not new, especially in Nigeria, which has come in different forms, packages and practices. In developing nations, *local governments* struggle with limited resources and capacity to meet their growing responsibilities in providing local services related to the environment, public health, and infrastructure, not to mention providing an enabling environment for social and economic development to flourish in their communities.

Local governance, however, is a broader concept, defined as the formulation and execution of collective action at the local level. Thus, it

encompasses the direct and indirect roles of formal institutions of local government and government hierarchies, as well as the roles of informal norms, networks, community organizations, and neighborhood associations in pursuing collective action by defining the framework for citizen-citizen and citizen-state interactions, collective decision making, and delivery of local public services.

Good local governance is not just about providing a range of local services, but also about preserving the life and liberty of residents, creating space for democratic participation and civic dialogue, supporting market-led and environmentally sustainable local development, and facilitating outcomes that enrich the quality of life of residents.

This concept, however, has yet to be embraced fully by the literature on development economics, because of the longstanding tradition in the development assistance community of focusing on either local governments or community organizations while neglecting the overall institutional environment that facilitates or retards interconnectivity, cooperation, or competition among organizations, groups, norms, and networks that serve public interest at the local level. This gap and other challenges are what this paper examines.

Emmanuel Samuel Iriemi Ejere

University of Uyo

Nigeria

Э. С. И. Эджере

Университет Уйо, Нигерия

**Укрепление местного управления в нигерийской Четвертой
демократической республике: проблема автономии**

**Strengthening Local Governments in Nigeria's Fourth Democratic Republic:
The Issue of Autonomy**

The issue of Local Government autonomy is currently on the front burner of national discourse in today's Nigeria. Though Local Governments are

constitutionally recognized as the third tier of government vested with substantial autonomy over defined local affairs in the country, the general impression is that they are in reality mere appendages of State Governments due to the excessive control exerted on them by the State Governments. As such, autonomy of Local Government in Nigeria is more in theory than practice. Lack of significant autonomy has adversely affected the performance capacity of Nigerian Local Governments in discharging their statutory responsibilities. This paper, therefore, examines the issue of Local Government autonomy in Nigeria with particular reference to the Fourth Republic. Specifically, the core mechanisms, notably institution of Ministry of Local Government, Joint State - Local Government account, State Local Government Service Commission, inspectorate function, political interference, caretaker/transitional committee, usurpation of local functions amongst others, employed by state governments to erode the autonomy of Local Governments are identified and discussed whilst actionable suggestions towards strengthening Local Governments through enhancing their autonomy are advanced.

Jean-Luc Martineau
INALCO

Université Paris, France

Ж.-Л. Мартино

Национальный институт

восточных языков и цивилизаций

Париж, Франция

Праздники Эйо в Лагосе и Ошун Ошогбо (Нигерия): влияние праздников на местное управление и процессы формирования идентичности в Нигерии (XXI в.)

***The Eyo Festival in Lagos and the Osun Osogbo Festival (Nigeria)*
Impacts of festivals on local government issues and identity building processes
in Nigeria (21st C.)**

Festivals or major cultural gatherings have been and still are very important milestones and tools in various identity building processes at city, regional or

nation level. By organising such events, Africans (political leaders, ordinary citizens, civil society actors, intellectuals ...) involved in these processes, mainly in cities, target various audience locally, nationally and internationally. With the examples of the *Eyo Festival* in Lagos and the *Osun Osogbo Festival*, I intend to show how to provide new insights into the global impacts of local identity building processes. These cultural practices yield to popular mass meetings as well as elite groups rallies or commercial events; many different places in towns are committed to mobilizing citizens, commercial, cultural and religious actors. Yoruba festivals creating or strengthening identities are a way to invent self-consciousness at a local level, to increase the visibility of a group, a city or a region at a state level or to promote a state or a region at the global level. UNESCO interferences into local cultural affairs or national patrimonial laws are good examples of such policies. Studying Yoruba festivals shed the light on new actors – individuals, groups, institutions – involved in public life in Africa; it has an impact on the understanding of new social and cultural phenomenon but also on their way to modify urban planning, ancient building uses and urban practices. When they meet their audience significantly on the long term, these cultural gatherings contribute to raising awareness of local, national but also global issues.

Jason Nkyabonaki
Mwalimu Nyerere Memorial Academy
Dar es Salaam, Tanzania
Дж. Нкьябонаки
Мемориальная академия
Мвалиму Ньерере
Дар-эс-Салам, Танзания

**Социальная ответственность местных властей в Танзании:
«реальность» или «миф»? Пример муниципального совета Темеке в Дар-
эс-Саламе и окружного совета Мкурунга в Прибрежном**

**Social Accountability in Tanzania's Local Government Authorities: A
"Reality" or "Myth"? A Case of Temeke Municipal Council in Dar es Salaam
and Mkuranga District Council in Coast Region**

Social accountability has gained currency as a civilian tool to demand accountability from the duty bearers in the public service. Social accountability is in varied forms and this study adopted Public Expenditure Tracking Surveys "PETS" as a social accountability tool in following up public money expenditures. This study aimed at assessing if Tanzania stands a good chance of deploying the tool to improve the financial accountability at the local authorities' levels where money too often leaks after the release from the treasury. Citizens, being the taxpayers and beneficiaries of government services, are expected to follow up for the money released for local projects or developments. The principal agent model is employed in this study to call for the principals to voice and hold accountable the agents through a direct intervention in programs or projects. The study conducted a social survey among the sampled residents of Toangoma Ward in Temeke Municipality and Vikindu Ward in Coast Region. The study employed mainly quantitative methods and data gathered were analyzed using descriptive statistics to generate frequencies and percentages. It was found that utilizing this social accountability tool faces a number of challenges that include, the parochial political culture, the bureaucrats-politicians moral hazard, political affiliations and religious identities which undermine the application of this social accountability

tool which remains a “myth” that is a rhetoric, and not “reality”. It is thus recommended that robust efforts are required to promote social accountability through intensive civic education and political re-socialization.

Mikhail Tochigin

Plekhanov Russian University of Economics
Institute for African Studies, Moscow

Точигин М.

Российский экономический университет
Москва

**Миссия ООН в Демократической Республике Конго и укрепление
местного управления глазами наблюдателя ООН**

**UN Mission in the Democratic Republic of Congo and Strengthening Local
Government Through The Eyes of a UN Observer**

The Democratic Republic of the Congo (DRC), a relatively young state, was liberated from colonialism in 1960. Since that time, several stages of its development have passed. It is described often as a "failed state" and more recently has taken a course toward the creation of a real state.

In its development, it relies on the help of the world community and, first of all, on the assistance of economically strong countries with strong state bodies. The DRC is rich in mineral resources and attracts the interest of transnational companies and, accordingly, of their supporting states.

In addition, the DRC government, after two wars, decided to rely on the construction of state bodies for international organizations, including the UN. The UN has organized a multi-component peacekeeping mission in the DRC since 1999 with the aim of stabilizing the state formation process and assisting in the formation and organization of the work of authorities at all levels, including local authorities.

As a military observer of the United Nations, I was in the province of Ituri, where I observed and participated in the process of assisting local authorities.

Specifically, I was able to observe the stages of creating and strengthening local police bodies, providing them with advisers, equipment and training. We conducted joint patrolling: UN peacekeepers and PNC (Police National du Congo) in area of responsibility as well. This is a critical first step in carrying out measures to strengthen public security and the rule of law.

As a result, the successful interaction of the UN peacekeeping mission in the DRC and local authorities is underlined to create a full-fledged structure of local government based on the rule of law, as evidenced by a real eye-witness of events, in which I actively participated in this process.

Session #2 Financing Local Governments in Africa

Michael Bell

George Washington University

USA

М. Белл

Университет им.

Джорджа Вашингтона

Мак-Хенри, США

Введение местного налога на имущество там, где нет настоящего рынка недвижимости: пример земель, находящихся в совместном владении, в сельской местности в ЮАР

**Implementing a Local Property Tax Where There Is No Real Estate Market:
The Case of Commonly Owned Land in Rural South Africa**

Under the constitution of 1996, real property taxation is the only significant tax available to local governments in South Africa. Private property has been established in the urbanized parts of former Black Local Authorities, and these areas were brought onto the property tax rolls in the late 1990s. Rural tribal or traditional authority areas, however, continue to have communal land tenure,

where rights to occupy specific plots of land are granted by the tribal chiefs, or, in some cases, mixed land tenure systems.

These circumstances suggest that it is important to consider ways to move onto the property tax rolls rural areas that were not previously subject to property taxation and where no private real estate market exists. Ultimately, all areas should be taxed based on market value, and thus all parts of each municipality will need to be brought under a common property tax structure. It may be necessary, however, to adopt a modified, area-based property tax in some newly taxable areas, with mixed land tenure systems, as an interim measure.

This report discusses a possible approach to begin developing such an interim system that involves the participation of area residents. It presents the historical context of the problem, describes the current situation, discusses the development of a modified, area-based transitional tax, and offers conclusions based on a community workshop conducted in a tribal area of South Africa.

David Solomon

University of Pretoria

South Africa

Д. СОЛОМОН

УНИВЕРСИТЕТ ПРЕТОРИИ, ЮАР

Налог на имущество в Сомалиленде: вызовы и решение

Property Tax in Somaliland: Challenges and a Solution

Somaliland is engaged in a process of intensive state building, creating the institutions of government that will win the trust of long embattled communities. In this context, the legitimate taxation powers of government are widely recognised as a strategic objective that must be won. Although relatively small, the

own revenues generated by districts and regions take on a significance well beyond their monetary value.

In addition to providing some of the necessary funds to sustain the operations of the districts, own revenues represent a break from the dependency on national transfers and international grants. Tax-paying and collecting is the most intense and important interaction of the state and its citizenry, forcing officials both elected and appointed to pay constant attention to the needs and responses of the community. It also necessitates that the manner of tax collection and administration be such as to build trust and confidence in a rules-based regime. Of all the local revenue sources, the property tax is acknowledged as creating the most powerful joint interests between the government and the citizens. For this reason and because of the strong revenue raising potential, there is a great appetite among African countries to implement a proper ad-valorem property tax at district level.

In this paper, we present a customised variant of the property tax designed to overcome these obstacles. By simplifying the base, we circumvent the lack of registration. By turning it into a presumptive tax we eliminate the prohibitive costs of assessment, and by making it a self-declared tax we dramatically lower the costs of administration. Ubiquitous data shortages are overcome by a carefully designed and field tested set of community focus groups, which not only provide usable information on which to base presumption, but also build confidence in the tax, and lower resistance.

Richard Lephethi Moloele
Tshwane University of Technology
South Africa
Р. Л. Молоеле
Университет технологии Цване
Сошангуве, ЮАР

**Использование Общественно-частного партнерства в местном
управлении в ЮАР**

**The Use of Public Private Partnerships (PPP) in Running Local Government
in South Africa**

Merging public and private sectors, in a bid to provide services to the people, is a strategy the South African government employed in her quest to try and alleviate poverty. This strategy, Public Private Partnership strategy, came into being in 2000. However, much still needs to be done as this PPP does not seem to address the problems the country is facing. This paper unpacks what PPP is all about and also analyzes whether this strategy achieves its intended objectives of ensuring that people, particularly the impoverished, get services they so much yearn for and really deserve.

Секция VII-7. Ближний Восток, Северная Африка и Африканский Рог в XXI веке. Политическая, социальная и экономическая модернизация: страновые и региональные особенности в интерьере динамической релятивности цивилизационного развития
Panel VII-7. The Middle East and African Horn in the 21st Century. Political, Social and Economic Modernization: Global, Regional and Countries Features in the Light of Dynamic Relativity of Civilization Development

Руководитель: *Ткаченко А.А.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Alexander A. Tkachenko*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

На Секции предполагается рассмотреть следующие проблемы:

1. Актуальные проблемы модернизации в странах Ближнего Востока, Северной Африки и Африканского Рога в свете «Арабской весны» и ключевых тенденций мирового развития.
2. «Старые» и «новые» модели политической власти: архаика, традиция и современность.
3. Гражданское общество и исламская традиция в свете «Арабской весны».
4. Политические изменения в странах Ближнего Востока, Северной Африки и Африканского Рога. Исчерпан ли потенциал авторитарной модели политической власти. Стабильные и нестабильные модели политической власти.
5. Внутренние связи между политическими, социальными и экономическими составляющими модернизации в свете «Арабской весны».
6. Радикализм, экстремизм и умеренный ислам. Их связь с внутренними и внешними факторами.
7. Конфликты и войны в регионе Ближнего Востока, Северной Африки, Африканского Рога. Перспективы их урегулирования в свете «Арабской весны» и роста неопределенности в регионе и в мире в целом.

The panel will focus on the following issues:

- More acute problems of modernization in the MENA and African Horn countries in the light of the “Arab spring” and megatrends of the World development.
- “Old” and “new” models of political power: archaic elements and institutions, tradition and modernity.
- Civil society and Islamic tradition in the context of the “Arab spring”.
- The political changes in the states of the Middle East and African Horn. Is potential of the model of authoritarian political power exhausted or not? The stable

and unstable models of political power in the region.

- The interconnections between political, economic and social sides of modernization in the light of the “Arab spring”.
- Radicalism, extremism and moderate Islam. Its connections and ties with internal and external factors.
- Conflicts and wars in the Middle East and African Horn. The prospects of its settlement in the light of the “Arab spring” and the growth of uncertainty in the region and the world.

Кукушкин В. Ю.

Институт Африки РАН, Москва

Северная Африка: либеральные экономические реформы 2010-х начаты с энергетики

В 2014-2016 гг. государства Северной Африки – экспортеры нефти и газа – оказались перед усложняющимися проблемами. В регионе обострилась необходимость активизации социально-экономических реформ: структурных и либерально-рыночных. К преобразованиям почти синхронно приступили две страны – Египет и Алжир – крупнейшие почти по всем региональным экономическим параметрам, включая производство и потребление энергии. Оба государства далеко не впервые в новейшей истории пытаются стимулировать рыночные механизмы. Однако предыдущие опыты оказывались сопряжены со снижением уровня жизни обширных слоев населения и социально-политической дестабилизацией. Преобразования не доводились до намеченных рубежей, приостанавливались либо поворачивали вспять.

Диверсификация экономики АНДР растягивается на десятилетия и перспективы этого процесса по-прежнему неопределенны. Почти единственным источником его финансирования остаются доходы от экспорта углеводородного сырья и продуктов его переработки; актуально их всемерное повышение. Двумя стратегиями, позволяющими увеличить или хотя бы сохранить финансово-экономическую отдачу от нефтегазовых

отраслей, остаются либо всемерное наращивание абсолютных масштабов производства и экспорта их продукции, либо (но желательнее одновременно) повышение отраслевых экспортных квот. В первом случае главные инструменты – активизация иностранных инвестиций и вовлечение новых природных ресурсов в хозяйственный оборот; во втором – рационализация внутреннего энергопотребления, а также экономия углеводородного сырья и продуктов – наиболее востребованных на внешнем рынке источников рентных доходов. В целях энергосбережения постепенно сокращаются государственные субсидии АНДР на топливо и энергию. Задача-максимум – полное выравнивание внутренних цен на эти товары (рекордно низких) с ценами мирового рынка энергоносителей.

В Египте 2010-х годов проблемы нефтегазовой промышленности, энергетики, энергопотребления и их реформирования во многом похожи на алжирские. Нарушение египетского энергобаланса трансформировало АРЕ из энергоэкспортирующего в энергоимпортирующее государство, усугубило дефицит внешнеторгового баланса, ухудшило валютно-финансовое положение. Развитие атомной, солнечной и ветровой электроэнергетики, энергосбережение, повышение эффективности использования всех видов энергии – основы современной энергетической стратегии АРЕ. Среди главных ее методов жёсткая либерально-экономическая политика, резкое сокращение субсидий на топливно-энергетическую продукцию с 2014 г.

Kukushkin Vladimir Yu.

Institute for African Studies, RAS

North Africa: The Liberal Market Reforms of Mid-2010s Start with the Energy Sectors

The topic focuses on Algeria and Egypt – the states with the largest-scale economies and the biggest energy industries in North Africa.

For independent Algeria the problems of economic diversification stay in the forefront of its national agenda for decades, yet the prospects of their solving are rather dim. The export revenues from hydrocarbons and their immediate derivatives remain almost the only viable source for financing development, social and most other government expenses. The state can mostly rely on two main strategic methods to support and/or increase the financial gains from its hydrocarbon resources: firstly, to step up their absolute volumes of production; secondly, (but better all at once) to raise the export quotas of the oil and gas industries. In the first case the principal driving force might be the attraction of foreign investments as well as the involvement of new fossil-fuel resources into the economic activities. In the second case – the application of more rational models of energy production and consumption, which should allow maximum saving of hydrocarbons as the most marketable exports and generators of rental income. Since 2016 the implemented gradual cuts in the government subsidies on electricity, natural gas and oil products (nearly the highest in the world) are expected to become a very important factor of energy saving.

In Egypt the problems of oil and gas industries, energy production, consumption and their reforms have very much in common with those in Algeria. From the consumption point of view even more important for Egyptian energy strategy have become all the means of energy saving and more effective utilisation as well as the macroeconomic instruments: decisive, even harsh liberal market reforms including severe cuts in electricity and fuel subsidies since 2014.

Мельянцев В.А.

ИСАА МГУ, Москва

Арабские страны: факторы замедленного экономического развития

1. На 1/4 возросшая с начала века политическая нестабильность в арабских странах (АС), ставшая почти на 2/5 более высокой, чем в целом по

другим странам мира, – следствие многих причин. Одна из важнейших из них - кризис модели их ограниченной модернизации.

2. Арабский мир, тысячу лет назад существенно обгонявший Европу по уровню экономического, культурного и научного развития, впоследствии по причинам прежде всего внутреннего порядка (усиление консервативных институтов, низкого уровня защищенности жизни и собственности) сильно отстал и, в отличие от Китая, Индии, Бразилии, Мексики, НИС, Турции, Малайзии, Индонезии, так и не вступил по-настоящему на путь современного экономического роста.

3. Слабый уровень диверсификации экономики, инвестиционного климата, накопления физического и человеческого капитала, эффективности систем управления в АС обусловили после первых десятилетий независимости существенное замедление в них темпов роста продуктивности их хозяйств, нарастание социальных и политических проблем.

4. Среднегодовой темп прироста подушевого ВВП в АС сократился вчетверо с 3.6% в 1950-1980 гг. до 0.9 в 1980-2015 гг., а совокупной факторной производительности в 8 раз – с 1.6 до 0.2%. В 1980-2015 гг. доля АС в мировом ВВП снизилась на $\frac{1}{4}$ до 10.5%. На них приходится лишь 1% глобальных расходов на НИОКР и менее 0.2% поданных заявок на патенты и мирового экспорта высокотехнологичных товаров.

5. По одной из рассчитанных нами моделей, замедленный рост ВВП в АС на четверть связан с низкими темпами роста мало диверсифицированного экспорта, наполовину – с низкой нормой расширенного накопления и на одну пятую с глубокой социальной дифференциацией.

6. Для преодоления острого кризиса в АС, повышения конкурентоспособности их экономик чрезвычайно важны (хотя это весьма нелегко сделать) либерально-демократические реформы, создающие работоспособные институты, способствующие диверсификации их

хозяйственных систем, активизации частного сектора, повышению уровня квалификации и занятости населения.

Meliantsev Vitalii A.
Institute of Asian and African Studies
Moscow State University

The Arab Countries: Factors of Decelerated Economic Development

1. The political instability in the Arab Countries (ACs) which from the start of the century has risen by $\frac{1}{4}$ and become nearly by $\frac{2}{5}$ higher than on the whole in other countries of the world, - is brought about by many causes. One of the most important among them is the crisis of the model of their limited modernization.
2. The Arab World that a millennium ago had been substantially surpassing Europe by levels of economic, cultural and scientific development, subsequently fell significantly behind due to primarily internal causes (entrenchment of conservative institutions, low level of security of life and property) and in contrast to China, India, Brazil, Mexico, Newly Industrialized Countries, Turkey, Malaysia, Indonesia, has not yet properly stepped on the path of modern economic growth.
3. The low levels of diversification of ACs' economy, investment climate, accumulation of physical and human capital and efficiency of their systems of management have caused - after the first decades of their post-(semi)colonial development - a marked slowdown in rates of productivity growth and aggravation of social and political problems.
4. The average compound growth rate (ACGR) of per capita GDP in the ACs has contracted fourfold from 3.6% in 1950-1980 to 0.9% in 1980-2015 and that of Total Factor Productivity - eightfold from 1.6 to 0.2%. In 1980-2015

the share of ACs in the world GDP has diminished by $\frac{1}{4}$ to 10.5%. The ACs account for no more than 1% of global expenditures on R&D and less than 0.2% of world patent applications filed and exports of high-tech goods.

5. According to one of the models that I calculated, the decelerated rate of GDP growth in the ACs, that they on average have demonstrated during the last 3.5 decades, is caused by $\frac{1}{4}$ by low dynamics of their very low diversified exports, by $\frac{1}{2}$ - by low level of accumulation of physical and human capital and by $\frac{1}{5}$ – by very deep social differentiation in their societies.
6. In order to overcome an acute economic and socio-political crisis currently unfolding in the ACs and increase the level of competitiveness of their economies it is urgent (however it is rather difficult) to carry out a series of liberal and democratic reforms, which can generate workable institutions promoting diversification of their economic systems, stimulating the growth of private sector, and facilitating the rise of levels qualification and employment of their population.

Мезенцев С. В.

Институт Африки РАН, Москва

Stanislav V. Mezentsev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Institution of Political Leadership in Contemporary Africa. The Political Portrait of the Prime Minister of Ethiopia Meles Zenawi (1991-2012)

**Институт политического лидерства в современной Африке.
Политический портрет премьер-министра Эфиопии Мелеса Зенауи
(1991-2012 гг.)**

В докладе предпринята попытка проанализировать влияние и роль выдающегося африканского лидера в реализации национальной и международной политики страны. Пришедший к власти в Эфиопии в 1991 г.

в результате силового свержения режима Менгисту Хайле Мариама и получивший в наследство дезинтегрированную страну и фактически полностью разрушенную экономику, первый президент, а затем бессменный, вплоть до своей скоропостижной смерти 20 августа 2012 г. лидер эфиопского правительства оставил безусловно выдающийся след в истории Эфиопии.

С учетом объемности и сложности материала по тематике в предлагаемом докладе произведен анализ лишь некоторых, отдельных аспектов многогранной политической, экономической, социальной и научной деятельности Мелеса Занауи. Его феномен, на наш взгляд, заключается в том числе и в том, что за относительно короткий срок своей жизни Мелсу удалось пройти путь от одного из рядовых провинциальных лидеров повстанческого движения сопротивления не только до общенационального лидера Эфиопии, но и стать в полном смысле этого слова влиятельным политиком и общественным деятелем мирового масштаба.

Так кто же такой Мелес Зенауи и какова его реальная роль в политической истории Эфиопии и всего региона Восточной Африки? Признанный национальный лидер, сумевший кардинально трансформировать эфиопскую политическую систему, остановить процесс государственной дезинтеграции по этническому принципу и запустить механизм экономической трансформации, превратившей беднейшую территорию Африки, в государство, вошедшее в десятку самых активно растущих экономик Континента. Или же он являлся «просто деспотом, отдававшим приказы стрелять в мирных демонстрантов, безжалостно судивший и заключавший под стражу неугодных лидеров оппозиции, единственной повесткой дня жизни которого была жажда сохранения единоличной власти в стране любой ценой», как неоднократно представляли и представляют эфиопского премьера западные гуманитарные и правозащитные неправительственные организации разного толка?

Ни в коем случае не претендуя на всесторонность и безапелляционность, в докладе предпринята попытка проанализировать факты по обозначенным выше вопросам и сравнить Эфиопию времен правления Мелеса и нынешнее положение в стране пять лет спустя после его скоропостижного ухода.

Костелянец С.В.
Институт Африки РАН, Москва

Sergey V. Kostelyanets
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Sudan and South Sudan after the “Divorce”: Economic Crisis and Political Instability

Судан и Южный Судан после "развода": экономический кризис и политическая нестабильность

Спустя 6 лет после разделения Судана на два государства – Республику Судан и Республику Южный Судан – ни одно из них не может похвастаться преодолением нестабильности и прекращением военных действий. В Южном Судане с 2013 г. идет кровопролитная гражданская война, парализовавшая нефтедобычу (которая является основой экономики страны) – и приведшая к исходу более чем полутора миллионов беженцев в соседние страны. В Судане продолжаются конфликты в регионе Дарфур и штатах Южный Кордофан и Голубой Нил. В настоящее время более 70% бюджета Судана выделяется на статьи расходов, связанные с вопросами обороны и национальной безопасности, в то время как доля расходов, связанных со здравоохранением, образованием, развитием промышленности и сельского хозяйства в сумме достигает лишь 6%.

Как Судан, так и Южный Судан, согласно «Рейтингу недееспособности государств» американского Фонда мира за 2016 г., считаются

«несостоявшимися» государствами. Они соседствуют и в списке наиболее коррумпированных стран мира по «Индексу восприятия коррупции», ежегодно публикуемому *Transparency International*. В 2016 г. Судан находился на 170-м, Южный Судан – на 175-м месте (из 176) (на 1-м располагается страна с наименьшим восприятием коррупции). Два государства также находятся во второй десятке государств мира, наиболее подверженных угрозе терроризма.

Перспектива роста инвестиций в оба Судана омрачается нестабильной политической обстановкой, вооруженными конфликтами, сложными отношениями между ними самими и с соседями. Остается ключевой и проблема общего внешнего долга, составившего в 2016 г. 56 млрд долл., значительная часть которого унаследована от единого Судана. Север и Юг до сих пор не в состоянии договориться о разделе этого долга. Обе страны находятся под санкциями США и Евросоюза. Также фактором, сдерживающим развитие внешних торгово-экономических отношений обоих государств, остается то, что они не являются членами ВТО. Судан ведет переговоры о вступлении в организацию с 1994 г. (с перерывом в 2004–2015 гг.), Южный Судан еще не приступал к ним.

Бондаренко С.В.
Институт Африки,
Москва, Россия
Sergey V. Bondarenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Economic Modernization in the North African Countries: Myth, Reality, Non-Alternative Imperative?

Экономическая модернизация в странах Северной Африки: миф, реальность, безальтернативный императив?

Обретя в середине XX века политическую независимость страны Северной Африки приступили к индустриализации, формированию

современной структуры национальной экономики, реализации политики импортозамещения, поощрения развития экспортных отраслей. В значительной мере, хотя и в разной степени в конкретных странах, они опирались при этом на синтез программ хозяйственного развития, разработанных, с одной стороны, экспертами ведущих международных экономических организаций, как правило, выступавших донорами развития при использовании внутренних ресурсов финансирования программ, с другой, собственными профильными хозяйственно-административными структурами.

Такой подход дал в целом позитивный результат, о чем свидетельствует динамика макроэкономических показателей в большинстве стран региона. В докладе приводится оценка динамики ключевых показателей социально-экономического развития. Вместе с тем, достигнутый прогресс как в группе «капиталоизбыточных» (экспортеры нефти и газа), так и «капиталодефицитных» (импортеры углеводородов), в особенности в социальной сфере, никак нельзя признать полностью удовлетворительным.

Рассматриваемая группа факторов, определивших итоги хозяйственного роста, позволяет выявить ряд ключевых причин, среди которых особое место принадлежит культурно-цивилизационным (модели политической власти, особенности предпринимательского слоя общества и т.п.), и до некоторой степени - конкретно-историческим.

В начале 2000-х годов заметно актуализировалась проблема поиска, выработки и эффективной реализации программ экономической, политической и социальной модернизации практически во всех североафриканских государствах. В известном смысле проблема модернизации стала «гвоздем» общественного дискурса. С ней связывают перспективы преодоления системного кризиса, приведшего к Арабской весне, беспрецедентным политическим потрясениям, падению в отдельных

странах правивших режимов, обретения стабильного и динамичного экономического развития.

М. Халаф
Центр стратегических исследований
Дубай, ОАЭ
Mustafa Khalaf
Abu Heil Center, Dubai, UAE

Factors of Successful Modernization of the UAE in the Context of Globalization

Факторы успешной модернизации в ОАЭ в условиях глобализации

Со времени обретения государственности Объединенные Арабские Эмираты демонстрируют завидную стабильность в реализации курса на комплексную модернизацию общества, государственной власти, национальной экономики. В стране наблюдается относительно динамичный и стабильный экономический рост, фиксируется один из самых высоких в мире уровень подушевого дохода, сохраняется курс на диверсификацию национальной экономики, отсутствует безработица, стабильно внутривластное положение в условиях политических потрясений в целом ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Разумеется, крупные поступления от разработки и экспорта углеводородов являются основным источником успешной, носящей черты комплексной модернизации.

Однако не только нефть и газ формируют необходимую базу для финансирования модернизационных процессов. Рациональный подход к использованию огромных внешних поступлений, учитывающий исторические и современные особенности страны, позитивный внешнеполитический курс, для которого характерно последовательное развитие отношений «по всем азимутам» сыграли свою определяющую роль.

Особенностями курса стало и ориентирование на комплексную модернизацию - экономическую, политическую, социальную, и крайне осторожное отношение к выработке и сохранению оптимального баланса между основными ее направлениями: акцент на хозяйственную и социальную модернизацию при градуалистском подходе к обновлению политической системы. В частности, весьма осторожно «прививаются» современные институты и принципы современной политической власти, поощрение активного участия женщин в социально-политической жизни и т.д.

Ткаченко К. А.

Институт Африки РАН, Москва

Новейшие технологии, как фактор преодоления слаборазвитости, достижения устойчивого экономического роста и решения острых социальных/гуманитарных проблем (на примере стран Северной Африки)

1. Передовые, новейшие технологии, почти полностью заимствованные у промышленно развитых стран, далеко не первое десятилетие и достаточно успешно применяются в странах североафриканского региона. Однако они не стали «панацеей от всех бед», несмотря на то, что, опираясь на них, экономики государств региона заметно продвинулись в своем развитии.

2. Широкий круг факторов сдерживал в той или иной степени процессы хозяйственной модернизации. В свою очередь, стимулы применения новейших технологий не были достаточными, и это длительное время сдерживало экономический рост и социальный прогресс. Главный тормоз на пути технического прогресса представлял собой своеобразный «сплав»

причин: сверхэтицированная отсталая экономика, всевластие бюрократии, порождавшей тотальную коррупцию, душившую своими поборами любые ростки предпринимательства, крайне низкий уровень экономического развития и острый дефицит финансовых, материальных ресурсов, необходимых для обеспечения расширенного воспроизводства, доходного хозяйствования.

3. Как следствие, нарастал как снежный ком, вал нерешенных и с каждым годом обострившихся социальных проблем: массовой безработицы (ее средний уровень по региону «зашкаливал» - 15-20% и более), разрастающегося «социального дна», низкоэффективной системы образования, опираясь на которую крайне сложно обеспечивать современный технический прогресс, огромный дефицит современного жилья, доступа к высокоэффективным современным видам медицинских услуг и т.д.

4. Между тем, в последний период, главным образом в 2000-е годы мировая наука дала серьезные, заслуживающие пристального внимания современные новые технологии (СНТ) в самых разных областях знаний и экономики. Ряд из них, как свидетельствует первый опыт их применения, обладают не только высокой эффективностью, но и, по меньшей мере, двумя важнейшими качествами - относительной дешевизной и доступностью (массового) применения как в городской (промышленной) экономике, так и в сельской глубинке.

5. В докладе рассматриваются конкретные видовые и страновые примеры успешного внедрения НТ в хозяйственную практику, для решения острейших социальных проблем на обширной Периферии (на примере стран Африки, главным образом в североафриканских государствах).

Konstantin A. Tkachenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

**Latest technologies as a way to overcome underdevelopment, achieve sustainable economic growth and solve key social and humanitarian problems
(using the example of the North African countries)**

1. The latest technologies, almost entirely imported from developed countries, have been successfully implemented and used by the countries of North Africa for several decades now. However, as of today, this high-tech has not become a universal remedy, despite their prominent role in faster economic development of the region.

2. A wide range of factors have hindered NA economic development. The impulses to implement the latest technologies were way too weak, and that has been hindering economic growth and social development for a long time. The main deterrent for a technical advance has actually been a mix of the following factors: centralized and underdeveloped economies, overwhelming bureaucracy that strengthen corruption, which in its turn stifles any private enterprises, low-end economic development, total lack of financial and natural resources needed for a diversified manufacturing and profitable enterprises.

3. The amount of unresolved social problems has grown steadily: the average unemployment rate in North Africa has reached 20%, the poor were becoming even poorer, education system was ineffective which resulted in lack of highly qualified technical specialists needed for technical advance, colossal deficit of modern accommodation facilities, limited access to modern medical service etc.

4. In the meantime, the technical advance of 2000s has led to development of technologies which are not only highly effective but also relatively cheap and accessible – both in urban and rural areas.

5. The report covers various examples of successful implementation of high-tech into economy, which could resolve the key social problems of African countries, with North Africa being the reference.

Алешин К. А.
Институт Африки РАН,
Москва

Солнечная энергетика как фактор экономического роста и углубления международных экономических связей стран Северной Африки

Доступ к электроэнергии рассматривается большинством стран мира на сегодняшний день в качестве стратегического приоритета. Недостаток энерго мощностей или ограниченный доступ к ним является существенным тормозом в развитии экономики многих государств.

Северная Африка, с ее высоким потенциалом экономического роста, сталкивается с постоянно увеличивающейся потребностью в электроэнергии. Учитывая волатильность цен на традиционные энергоносители, большинство государств субрегиона нацелены на скорейшую диверсификацию своих национальных хозяйств, прежде всего энергетической составляющей.

Имеющиеся финансовые возможности используются в Северной Африке для скорейшего создания основы энергетической безопасности путем внедрения современных технологий, реализации крупномасштабных амбициозных проектов строительства соответствующих объектов производственной инфраструктуры.

Одним из ключевых направлений реализации намеченных планов является формирование энергетической базы на основе возобновляемых источников энергии. Реализуемые и запланированные амбициозные интегрированные программы, по мнению местных властей, не только будут способствовать развитию альтернативного направления энергетики, но и позволят создать значительное число новых рабочих мест, стимулировать

рост промышленного производства, а также обеспечить электроэнергией труднодоступные (отдаленные) районы заинтересованных стран.

Существует ряд особенностей, характерных для развития солнечной энергетики в Северной Африке: слабые технические и ограниченные финансовые возможности подталкивают каждую из стран к углублению межстранового сотрудничества, а создание единого рынка электроэнергии является одной из приоритетных задач; соседние государства, где наблюдается дефицит электроэнергии, рассматриваются в качестве потенциальных рынков сбыта продукции.

Кроме того, североафриканские государства привлекают к созданию энергообъектов на основе солнечной энергии частный сектор, который, в свою очередь, способствует притоку зарубежных инвестиций и обеспечивает трансфер самых передовых зарубежных технологий. Для максимального учета интересов предпринимательских структур (местных и зарубежных) сегодня в странах Северной Африки реализуются необходимые институциональные реформы, совершенствуется нормативно-правовая база, проводится работа по снижению бюрократических процедур в энергетической отрасли.

С учетом проводимой североафриканскими государствами работы по созданию инфраструктуры солнечной энергетики, а также принимая во внимание общий настрой на активное сотрудничество с внешними партнерами, российская продукция, в частности солнечные панели, а также оборудование для передачи электричества имеют перспективы найти свое применение в рассматриваемом регионе.

Solar Energy as a Factor of Economic Growth and Intensification of the International Economic Relations of North Africa

Today the access to the electricity is considered by the majority of the countries as a strategic priority. The lack of power capacities or limited access to it is an essential challenge to the development of the economies of many states.

North Africa, with its high potential of economic growth, constantly faces an increasing electricity demand. Considering the traditional energy sources prices' volatility, the majority of the states of the subregion is aimed at the fastest diversification of the national economies, first of all its energy component.

The available financial funds are used in North Africa for the fastest creation of a basis of energy security by implementation of modern technologies, execution of the large-scale ambitious projects, e.g. construction of the key elements of the industrial infrastructure.

One of the pillars of the drawn-up plans is forming of power supply sources on the basis of renewable energy resources. The ambitious integrated programs, which have been already implemented or ongoing, according to local authorities, will not only promote the development of the alternative energy infrastructure, but also allow to create a significant amount of new workplaces, stimulate the industrial growth, and also provide the hardly accessible (remote) areas of the countries with the electric power.

There is a number of the features in the development of solar power in North Africa: weak technical and limited financial capabilities push each of the countries to deepen the intercountry cooperation, the creation of the united energy market is a priority task; neighboring states, where deficit of the electric power is observed, are considered as potential markets for the future energy sales.

Besides, the North African states involve the private sector in creation of solar energy power facilities, which, in their turn, promote the inflow of foreign investments and provide the transfer of the most advanced foreign technologies. Today in the countries of North Africa in the interests of entrepreneurial structures (local and foreign) necessary institutional reforms are implemented, the regulatory framework is improved, work on decrease in bureaucratic procedures in the power industry is carried out.

Taking into account the work on creation of solar power infrastructure, which is going on in the North African states, and also their general spirit to activate cooperation with external partners, the Russian products, in particular solar panels, as well as the equipment for transfer of electricity, have strong perspectives to find the application in the considered region.

Володина М.А.
ИМЭМО РАН, Москва
Maria A. Volodina
Institute of World Economy
and International Relations
Moscow, Russia

Trade Relations between Russia and the Countries of North Africa Today

Торговые отношения России со странами Северной Африки сегодня

События Арабской весны кардинально изменили расстановку геополитических и геоэкономических сил. Страны Северной Африки, опасаясь углубления политических проблем, вызванных социально-экономическими трудностями, перестали доверять западным партнерам (вмешавшись во внутренние дела Ливии, они нарушили традиционные отношения в регионе и спровоцировали установление обширной "зоны нестабильности"). Многие страны начали диверсифицировать экономические

и политические связи. Во внешней торговле России с регионом выделяются несколько тенденций:

- Падение экономического влияния Ливии ввиду гражданской войны, что выразилось в катастрофическом сокращении поставок из Ливии в Россию.
- Алжир и Египет пока не делают выгодных предложений для преодоления большого дефицита в торговле с Россией.
- Данные по Марокко и Тунису отражают взаимовыгодное партнерство с Россией, причем статистика 2015 г. еще не учитывает замещение ими импорта продовольствия из Турции.

Наша страна пока не видит перспектив в инвестировании в Северной Африке. Подобное состояние проистекает из особенностей их внешнеполитического курса. Так, Марокко всегда связывали тесные взаимоотношения с Францией, а СССР опирался на Египет (до середины 1970-х гг.), Алжир и Ливию. Причины срыва контрактов и низкой активности российских компаний в Алжире коренятся в барьерах для иностранного бизнеса (49% в проектах, с 2009 г. – ограничения на использование прибыли) и коррупции. В то же время власти Марокко провели структурные реформы, реализуя план улучшения инвестиционной привлекательности страны. Воссоединение Крыма не оттолкнуло марокканское руководство от России (как того желали западные партнеры), а наоборот, стимулировало обе стороны к поиску новых совместных проектов. Присоединение Крыма к России вписывалось в одобряемую Марокко концепцию "собирания земель", оправдывая претензии на Западную Сахару. Хотя можно констатировать определенную неэффективность инвестиционной политики России в Северной Африке, предприняты некоторые шаги для большего взаимодействия со странами региона. Например, продолжена начатая в СССР политика бесплатного образования в ведущих вузах России. Подобные

программы обучения иностранцев – не только вопрос престижа, но и способ продвижение российских зарубежных проектов.

Елькина Е.А.
Институт Африки РАН,
Москва
Ekaterina A. Elkina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Unconventional Threats to Security

Нетрадиционные угрозы безопасности

В конце XX в. понятие «безопасность» пополнилось такими «нетрадиционными» угрозами, как «трансграничная деградация окружающей среды» и «истощение ресурсов», поскольку «безопасность» определяется, в значительной степени, благополучием людей, находящихся в зависимости от все ухудшающихся природных условий. Катастрофическая нехватка воды (менее 500 м кубических на душу населения в год), создает условия для социальных конфликтов, что выводит термин «безопасность» за рамки традиционных представлений о ней, как о защите от внешних угроз или политическом порядке. В этом смысле «безопасность» воспринимается как система мер против нетрадиционной угрозы (дефицита или деградации водных ресурсов), и требует решения без военного вмешательства, т.е. политического решения для смягчения социальных конфликтов, вызванных изменениями окружающей среды. Растущий дефицит воды в бассейне озера Чад и в странах Нильского бассейна имеет далеко идущие последствия для мирного сосуществования людей, живущих на его берегах. В районе озера Чад ситуация осложняется тем, что его окрестности принадлежат четырём странам – Нигерии, Нигеру, Камеруну и Чаду, так что любой конфликт, возникший в одной стране, нередко стремительно формирует угрозу соседям,

становится международным. 22 мая 1964 г. представителями четырех стран – Нигерии, Камеруна, Чада и Нигера была создана Комиссия бассейна озера Чад (Lake Chad Basin Commission, LCBC), в 1996 г. к ним присоединилась Центральноафриканская Республика, а в 2008 г. – Ливия. Задача Комиссии – не только регулировать возникающие конфликты, но и думать о будущем региона: о реанимации озера или, как минимум, о предотвращении его дальнейшей деградации. В 1999 г. руководителями Египта, Судана, Эфиопии, Эритреи, Уганды, Кении, Танзании и Конго была создана Инициативная группа стран нильского бассейна (Nile Basin Initiative – NBI). Ее задачей является координация взаимодействия между странами для максимально эффективного использования вод Нила и, если не пересмотреть Нильский договор, то хотя бы скорректировать его. 25 марта 2015 г. президенты Египта, Судана и премьер-министр Эфиопии, собравшись в Хартуме, подписали документ, позволяющий приступить к строительству в Эфиопии крупной электростанции, названной «Великой плотиной эфиопского возрождения». Несомненно, это представляет собой позитивный и многообещающий шаг в направлении цивилизованного решения сложнейших проблем, связанных с использованием водных ресурсов в районе бассейна крупнейшей реки Африки, предотвращения возможных международных конфликтов на континенте.

Ткаченко А. А.

Институт Африки РАН, Москва

Alexander A. Tkachenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Middle East and North Africa in the 21st Century. Political, Social, and Economic Modernization: National and Regional Specific Features in the Light of the “Arab Spring” and Key Trends of Global Development

Ближний Восток и Северная Африка в XXI веке. Политическая, социальная и экономическая модернизация: страновые и региональные особенности в свете «Арабской весны» и ключевых тенденций мирового развития

1. Геополитические и геоэкономические параметры Ближнего Востока и Северной Африки определяют существенные различия между отдельными государствами большой по составу и численности населения группы стран региона. Анализируется обоснованность тезиса о том, что с середины XX века, в особенности под влиянием ускорившейся динамики научно-технического прогресса в мировом хозяйстве (МХ), смены «формаций» в центрах и частично – на периферии мировой цивилизации, процессов глобализации, существенно возросла дифференциация среди стран БВСА. Как следствие, заметно «разошлись» модели «развития» (в отдельных странах обозначились модели общественного застоя/регресса).

2. С большой натяжкой можно говорить об общих для всех или большинства государств РБВСА культурно-цивилизационных скрепах. В этой связи в докладе рассматриваются вопросы о роли скреп в общественно-политических и хозяйственных процессах в XXI веке, о том, насколько они сильны и как соотносятся, рассматривая через призму событий «Арабской весны», ключевых тенденций мирового развития как в центрах, так и на

«периферии» человеческой цивилизации, в свете центростремительных и центробежных тенденций в самом регионе БВСА.

3.В докладе предпринята попытка проанализировать и дать качественную характеристику влияния на развитие, процессы модернизации - экономической, социальной, политической, происходящих с той или иной скоростью на просторах обширного и весьма пестрого в политическом, экономическом, социальном отношениях региона БВСА.

4.В докладе формулируется положение и представлены аргументы относительно векторов политической и социально-экономической трансформации арабских государств, складывающихся в 2000-е годы под влиянием противоборства архаики и модернизации в условиях социального транзита.

Мещерина К.В.
Институт Африки РАН, Москва
Kira V. Meshcherina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Phenomenon of the “Islamic State” in the Context of the Eastern Society’s Evolution

Феномен «Исламского государства» в контексте развития восточного общества⁷

События «арабской весны» в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) стали следствием различных социально-политических процессов, серьезных трансформаций в регионе. Особого внимания в связи с угрозой международной безопасности требует проблема роста террористической активности и увеличение числа очагов нестабильности.

⁷ Доклад подготовлен при поддержке РГНФ/РФФИ. Проект № 1607-00009 «Феномен «Исламского государства» в контексте развития современного восточного общества.

Наиболее опасным стал феномен «Исламского государства» (ИГ) (раннее название - «Исламское государство Ирака и Леванта» ИГИЛ). В 2014-2015 гг. наблюдалось стремительное продвижение боевиков военно-политической экстремистской структуры и захват обширных территорий в северных и западных районах Ирака (включая такие крупные города, как Мосул, Тикрит). В Сирии ИГ оккупировала северную провинцию Рака, в которой впоследствии была размещена штаб-квартира группировки.

Более того, «военные успехи» ИГ позволили ей вести активную экспансию в соседние регионы, в том числе на Африканский континент, создавая ячейки и пополняя свои ряды вербовкой новых боевиков, включая иностранцев, и присягнувшими на верность ИГИЛ адептами из местных радикальных исламистских группировок (как нигерийская «Боко Харам», группировка в Северном Синае «Вилаят Синай»). Она снискала репутацию одной из самых жестоких исламистских организаций за ее многочисленные террористические атаки и активную наступательную позицию.

И хотя на сегодняшний день зона их контроля в Ираке и Сирии несколько сократилась, опасность усиления их активности не снята.

В связи с этим, один из аспектов, представляющих интерес, - это идеологические условия для появления ИГ, а точнее связь с теоретическими моделями исламского государства. Идеино-пропагандистская основа группировки, мимикрирующей под государственно оформленную систему, сводится к созданию исламского государства на территориях с мусульманским населением и восстановлению халифата времен раннего ислама, со всеми религиозными, политическими и эсхатологическими составляющими (материалы медиа-пропаганды ИГ в Интернете включали географические карты с изображением границ «классического халифата» - от Испании до Индии). Немаловажную роль при этом играет государственная символика - черный флаг с признанием Мухаммеда пророком и «таухидом» - тезисом единобожия, стилизованным под древний шрифт.

В настоящем докладе мы предполагаем рассмотреть ИГ как новое явление цивилизационного развития и современной реальности, но в контексте традиционной государственности и развития восточного общества.

**Секция VII-8. Истоки современных конфликтов на
Африканском Роге**
**Panel VII-8. The Roots of Contemporary Conflicts in the Horn of
Africa**

Руководители: *А. Кумса*, Карлов университет, Прага, Чехия; *А. Дегефа Нагаво*, Аддис-абэбский университет, Эфиопия

Conveners: *Alemayehu Kumsa*, Charles University, Prague, Czech Republic; *Abera Dagafa*, Addis Ababa University, Ethiopia

We consider Horn of Africa in this panel the area which includes Eritrea, Ethiopia, Djibouti, Somalia, Kenya, South Sudan and Sudan. This part of Africa is known for its various chronic violent conflicts for a long time. During colonial era, territory of one nation had been divided between west European colonizers and Abyssinia- latter known as Ethiopia, the only Africa empire state which participated in the ‘scramble for Africa’. Majority of these violent conflicts are emanated from this historical time. The territory of Somali people was divided into five colonial enclaves, the homeland of the Afar people divided between French, Italy and Abyssinian colonies. Abyssinian empire state conquered and occupied its southern neighboring nations: Oromo, Kaffa, Sidama and other peoples, which became part of Menelik II new Empire of Ethiopia at the end of nineteenth century. Ottoman Empire led by Egyptians conquered and ruled Sudan 1821- 1885, Mahdist theocratic rule 1885-1898 and finally Anglo-Egyptian Condominium 1898-1956, which created the largest colonial territory known as Sudan. The papers of this panel will illustrate different types of conflicts of this part of Africa. The papers of the panel analyses:

- Intra-state conflicts between different peoples and the government of these states such as Darfur vis-à-vis Sudan Government; various peoples in Ethiopia with their different demands confronting the government for their given constitutional rights of the country;
- Inter-state conflicts between sovereign states of the region such as Ethio-Eritrean conflict which was started in 1998 and unsolved until today; the interference of Ethiopian and Kenyan governments into Somalian internal affairs under the cover of different reasons. The unsolved territorial conflict between Sudan and South Sudan on the area of Abyei region.
- Land grabbing is a new critical problem in the Horn of Africa, in which many governments particularly Ethiopian Government leasing millions of fertile farm lands for foreign and domestic commercial agricultural business investors, forcefully removing peasants from their ancestral lands, a good example is one of the causes of Oromo and Amhara (the 1st & 2nd largest nations in Ethiopia) non-

violent protests in Ethiopia for more than a year.

- Addis Ababa “Master Plan”: Addis Ababa is the capital city of Oromia state and capital city of Federal Democratic Republic Ethiopia (FDRE), in which economic and other Oromia state interests shall be respected according to FDRE constitution, but Addis Ababa municipality which is under the Federal Government publicized the Master Plan in 2014, which aimed to expand the territory of the city twenty times of the current area to Oromia state territory, which shocked the Oromo people, and non-violent protest started led by all Oromia Universities’ students from all corners of the state, research paper on this topic also will be presented.

- Horn of Africa as geopolitical strategic region: United States of America’s role will be analyzed, in the view of USA support for authoritarian governments of the region which has a negative effect for regional stability and peace.

Mohammed Hassen
Georgia State University
Atlanta, USA

М. Хассен
Университет штата Джорджия
Атланта, США

**Нарушения прав человека и экспроприация земли: две ключевые
причины конфликта на Африканском Роге**

**Human Rights violations and land grabbing: the two major root causes of
conflict in the Horn of Africa**

For decades the peoples of the Horn of Africa have been in the grip of deep economic, political and social crisis’s. The curse of bad governance, and the consequences of liberation struggles, partition of states, civil and inter-state wars, drought and man-made famine continue to impose untold suffering on the population of the region. Today, all the countries in the Horn of Africa, namely, Northern and Southern Sudan, Eritrea and Ethiopia, Somali Land and mini states in Southern Ethiopia face uncertain future. In the two Sudan, Ethiopia and Eritrea, there are human rights violations as documented by respected human rights organizations, including Amnesty International, Ethiopian Human Rights Council,

Human Rights Watch/Africa, Human Rights League of the Horn of Africa, Oromia Support Group and several other organizations. The paper demonstrates patterns of human rights violations, in Eritrea, Ethiopia and the two Sudan, where innocent people are subjected to arbitrary arrest, prolonged detention without trial, confiscation of property without due process and without compensation, extrajudicial executions and extension of terror by Southern Sudan's militia into western Ethiopia itself. The paper will suggest some meaningful actions that have to be taken for improving respect for human rights in the above mentioned countries.

Additionally in the Sudan and Ethiopia there is dangerous land grabbing policies which have led to the removal of hundreds of thousands of people from their ancestral lands. This paper explores land grabbing policies, which appear to have been designed to accomplish an enormous transfer of prime productive and well-watered agricultural and grazing lands away from the indigenous people into the hands of foreign investors and members of the ruling parties. The land grabbing policies would impoverish huge numbers of families in both countries and reduce them to homelessness and begging. That process has already begun. Additionally, a famine looms, in Ethiopia, Somalia and Southern Sudan. The paper suggests the urgent need for amelioration of living condition in the region. Most scholars from the Horn of Africa agree that without genuine and rapid transformation of the governance, respect for basic human rights and improvement in economic situation in the in the region, millions of people will likely sink into unimaginable misery.

Finally, this paper will attempt to generate bigger and better ideas for challenging the governing elites in the region to see beyond the chronic wretchedness of the Horn of Africa and envision a better future for all the peoples and countries.

Girma Gebresenbet
Swedish University of
Agricultural Science
Uppsala, Sweden
Г. Гебресенбет
Шведский университет
сельскохозяйственных наук
Упсала

**Экспроприация земли и ее экологические и социальные последствия в
Эфиопии**

**Land Grabbing and its Environmental and social Consequences
focusing in Ethiopia**

Land grabbing is a controversial issue where some prefer as *investments*, like the World Bank, and others would consider anything but “*land grab*” or even “*theft*” (Gregaw et al 2012). However, in many cases, the specific of land grab is where the land is sold or leased, when it is neither empty nor vacant or marginal, but in most cases centrally located and easy accessible, where the local communities’ rights are violated as they are pushed away from their land where they lived for generations. It is characterized as the new form of *scramble for land* which is similar with colonial time, but without military intervention.

The main drivers of land grab is attributed to the global food, energy, environmental and financial crises of 2007/8 stirred up tension among national governments and prompted the current wave of complexes in land use. These complexities have ushered in the land rush in the global south, especially in the Sub-Saharan African region by the global northern powerful international development institutions, corporate sectors and national government.

According to Oxfam (2011), the total land areas acquired in Africa varied with the minimum of 227 million hectares, and in Ethiopia only until 2011, 3.8 million hectares has been given to foreigners and significant part of this allocated to Floriculture (Eth Gov, 2011). This figure could be doubles until 2016.

The impacts of land grabbing and large scale investment in agriculture, in the context of low income countries, and particularly in Ethiopia are: (a) Economic and social aspects:

- Landlessness of small scale farmers which constitute about 90% of population
- Unemployment in rural areas
- Social, culture and communities were destruction and cleansing
- Malnutrition and poverty
- Health and safety hazards (chemicals and accidents)

(b) Environment aspect that could lead to desertification

- Direct removal of ecosystem, and reduction of biodiversity
- Soil degradation
- Pollution of surface and ground water
- Ground water depletion, as usually called water grab
- Contribution to global warming

Land/water grabs will continue as the demand for land for food, feed and fuels increases worldwide with growing world population and wealth-life. International large land grabs are marginalizing the rights of indigenous farming communities (land tenure rights, ownership rights, farming rights, etc).

This means that the rural poor in affected areas were displaced, dispossessed or incorporated into emerging agribusiness, largely to their detriment. The changing dynamics of land-use and rights has implications for property relations and can lead to violence and conflict in struggles for control, which may trigger security and social challenges; more riots, coups, hunger and poverty.

Aberra Degefa Nagawo
Addis Ababa University
А. Дегефа Нагаво
Аддис-абэбский университет
Эфиопия

**Аддис-абэбский интегрированный генеральный план развития:
действительно план развития или проект этнической чистки под видом
развития?**

**Addis Ababa integrated development master plan: a genuine development
plan or an ethnic cleansing design under the guise of development?**

It is the legitimate authority of states to prepare and implement development plans. In a democratic society, the preparation and implementation of development plans are made with full consultation and consent of the people affected by the development plan. A development plan should not be unilaterally prepared and coercively imposed on the people from above. Any imposed development is incompatible with fundamental human rights and freedom. This article mainly aims at determining whether or not the so-called Addis Ababa Integrated Master Plan is a justifiable development plan. A genuine development plan ensures that the intended development project does not result in destruction of the livelihoods and cultural integrity of the people living in the proposed project area. The possible explanations for Ethiopian Government's reluctance to listen to the continuous protests Oromo people have been making against the Master Plan from the very beginning will also be explored. In the particular context of development induced ethnic cleansing, the intent to destroy a certain group's cultural identity may not possibly be declared openly by a government. It can be derived from the relevant long-term policies, patterns of actions of governments and facts on the ground. This article will examine from historical perspective the long-term successive Ethiopian Governments' policy and relevant facts on the ground to determine the existence of intent to destroy Oromo identity from Addis Ababa and its surroundings. If the Oromo are evicted from their ancestral land as a result of

which, their economic life, social networks, language, cultural traditions and norms are destroyed, the Oromo in the project area will eventually cease to exist as a cultural group with their distinct ethnic identity.

Benaiah Yongo-Bure
Kettering University, USA
Б. Йонго-Буре
Университет им. Кеттеринга
Флинт, США

Глубинные причины конфликтов в двух Суданах

The Root Causes of Conflicts in the Two Sudans

The two Sudans continue the tradition of conflict that characterized the one Sudan until its disintegration in 2011. The underlying causes of the conflicts, in both countries, are the tendencies of elites from particular ethnic groups to try to establish their hegemony over what they consider “minority” groups.

Under one Sudan, a minority group using Arabism and Islamism unsuccessfully mobilized Northern Sudan against Southern Sudan. Now they are using Arabism to mobilize “Arab” Muslims against African Muslims in (North) Sudan. In South Sudan, some Dinka (Jieng) elites are mobilizing their ethnicity against non-Dinka.

The policies of the ruling elites in the two Sudans have polarized societies in the two countries into **Arab versus Africans** in (North) Sudan and **Dinka versus non-Dinka** in South Sudan. They have created conditions of polarization that should not have arisen in multiethnic countries.

Even after the division of Sudan, both countries are still multiethnic, multilingual, and multicultural in many others aspects. Promoting the participation of all cultural groups in the affairs of the countries would considerably reduce conflicts in them. Both countries have tremendous natural resources. Focusing on

the development of these resources for the benefit of all would create a win-win scenario in either country so that reliance on the limited public sector jobs do not become the basis on excluding others from earning a living.

Will the “Arabs” of (North) Sudan and the Dinka of South Sudan succeed in their quest for establishing their hegemony in either country? Will the two countries follow the fate of the old Sudan? Will foresighted elites from the aspiring hegemon, join the marginalized in transforming the countries to focus on the wellbeing of all their diverse nationalities? What other scenarios are there for peaceful coexistence in either country?

Saba Kidane Heritage
George Mason University-
Arlington, Virginia

С. Кидане Херитедж
Университет им. Джорджа
Мэйсона, Арлингтон, США

**Постконфликтная смена режимов в субсахарской Африке: примеры
Эритреи и Намибии**

**Post-Conflict Regime Transition in Sub-Saharan Africa: the case of Eritrea
and Namibia**

This is a dissertation research project that I’m working on. It compares the post-conflict experiences of Eritrea and Namibia. The study tries to understand what explains the divergence in political development among post-conflict states in Africa. Why, for example, do some post-conflict states evolve into functioning democracies, while many others fail to do so? Through a comparative case study of Eritrea and Namibia, this dissertation project seeks to explain why the outcomes of post-conflict transitions vary across states including those with similar historical trajectories. The post-conflict regime transition in Eritrea and Namibia resulted in

different outcomes, with Eritrea following a non-democratic route while Namibia began the democratic transition at independence.

This study asserts the answer can be found first, in understanding the political culture of the liberation groups in the two countries; second, by exploring the strategies devised to end the war and achieve liberation (either through military victory or negotiated settlement); and third, through the role of international actors in the outcome of regime types during the post –independence period. Drawing from the outcome of regime types in the two countries, this study engages different perspectives as to why the two countries have chosen divergent political transitions in the aftermath of their independence.

The paper explores the political systems of Eritrea and Namibia that are born out of their respective liberation movements that led the struggle for independence. The Eritrean People’s Liberation Front (EPLF) and the South West Africa People’s Organization (SWAPO) have fought the occupying forces of Ethiopia and South Africa respectively and succeeded in gaining control over the state power in their respective countries. Their success in gaining independence has given these liberation movements the power to control over the political sphere and consolidate dominant position within their respective societies. As they embarked on the process of nation-building in the post-independence era, the new leaders who assumed leadership “tend to operate with and along rather strict concepts of inclusion/ exclusion.”(Melber 2003:9)

In understanding authoritarian tendencies of former liberation fronts and the impact in the post-conflict regime transition, the Eritrean (EPLF) and Namibian (SWAPO) will provide us with the insight as to what had happened during the liberation struggle period that has impacted the post-liberation era. By thoroughly investigating the similarities and differences between the two liberation Fronts’ past history and their development as governing bodies of the newly declared countries of Eritrea and Namibia, this study will try to answer part of the question

why the two countries chose a different path in their post-conflict political development.

Eritrea and Namibia share similar historical experiences in that they were initially colonized by European powers, and later, ruled by a neighboring country that was bigger and more powerful. Eritrea was absorbed by Ethiopia after the defeat of Italy in the Second World War, while Namibia came under the South African rule after the defeat of the German forces during First World War in 1915. Both countries gained their independence in the early 1990s.

Muraree Lal Meena

Banaras Hindu University

Varanasi, India

М. Лал Меена

Банарасский индуистский университет

Варанаси, Индия

Раздел вод в восточно-нильском речном бассейне: геополитическая перспектива перехода от конфликта к сотрудничеству

Water Sharing in Eastern-Nile River Basin: Geopolitical Perspective of Conflict to Cooperation

Water is an indispensable natural resource that the countries of the Nile river basin possess. Its efficient and optimal use would not only help countries of the Nile river basin to build a strong economy but also substantially contribute to the growing water requirements of the countries, as water is becoming an increasingly scarce resource in the contemporary period. Distribution of river water is a complicated issue especially when a river passes through a number of countries. This study has investigated the resolving (win-win situation) of water-sharing conflict among the four riparian countries of the Eastern-Nile basin: Ethiopia, South Sudan, Sudan and Egypt.

The study is based on the analytical method, evaluation of the observable trends in river water sharing principles and methods as applicable in the case of the Nile river basin in general and Eastern-Nile in particular. Governmental policy stands of riparian countries on water sharing of Nile river basin will be compared with the countries of upstream and downstream Nile river basin through case study method. For this study, primary and secondary data is collected and processed to give them meaning and extract quality information through the statistical diagrams and cartographic techniques.

This study has been an attempt to probe the problems and prospects of cooperation between these countries over the complex issue of Nile water sharing. Thereby, paper has attempted to analyze the role of geographical determinants that influence the negotiations between the four riparian countries that have impeded implementation of *equitable* water sharing scheme, and the policy issues of the upstream and downstream riparian countries, in this case study, mainly Ethiopia, South Sudan, Sudan and Egypt dictated by their domestic compulsions. This research paper unpack the comparative advantages of the four riparian countries: it emphasises that Sudan and South Sudan should engage in developments of irrigation, agricultural engagements and biodiversity conservation; Ethiopia in small and medium scale hydro-power generation and water conservation; while Egypt in industry and capacity building know how.

Mekuria Bulcha
Nordic Africa Institute
Uppsala, Sweden
М. Булча
Северный Институт Африки
Упсала, Швеция

Эфиопия: от империи к однопартийному государству

Ethiopia: From an Empire to a One-Party State

The history of Ethiopia has been a history of conflicts between the centre and the periphery since its creation. From 1889 to 1991 the empire was dominated by Amhara ruling elites. In 1974 Emperor Haile Selassie was overthrown and a military junta took power. The junta ruled Ethiopia for 17 years and was overthrown in May 1991 by a coalition of fronts consisting of the Eritrean Liberation Front (EPLF), the Tigrayan Peoples Liberation Front (TPLF) and the Oromo Liberation Front (OLF). The demise of the Ethiopian military regime led initially to some changes. Eritrea became an independent state and the TPLF and the OLF, together with other political organizations, adopted a Transitional Charter and formed a Transitional Government of Ethiopia (TGE) in July 1991. The Charter promised a peaceful resolution of conflicts that characterize the politics of the multinational Ethiopian state. However, this did not happen. After only a one-year stint of power sharing, political power was monopolized by the TPLF. Since then the so-called Federal Democratic Republic of Ethiopia (FDRE) has been ruled, de facto, by a single political party using state terrorism. The purpose of this paper is to investigate the causes of the failure of the democratic political transition promised by the Charter. Can political culture account for TPLF's monopolization of power? What is the role of "ethnicity"? Can competition between political elites over economic resources explain the failure of the democratization process? Who are the competitors? What was the role of external factors? Given the anti-democratic behaviour which the Ethiopian ruling elite have shown so far, is it

plausible to anticipate a democratic state of Ethiopia in the near future? Are there other ways to relieve the affected populations from the chronic political malaise of the Ethiopian state if democratization is unthinkable?

Alemayehu Kumsa
Charles University
Praha, Czech Republic

А. Кумса
Карлов университет
Прага, Чехия

**Государственный терроризм правительства Эфиопии, возглавляемый
Народным фронтом освобождения Тыграй с 1991 по 2016 г.**

**State Terrorism of the Government of Ethiopia led by Tigray People's
Liberation Front (TPLF) from 1991 to 2016**

In order to have common understanding, we define state terrorism as the intentional use or threat of violence by state agents or their proxies against individuals or group who are victimized for the purpose of intimidating or frightening a broader audience. The direct victims of violence are therefore not main targets, but are instrumental to the primary goal of frightening the watching audience, who are intimidated through the communicative power of violence. The intended effects of violence are achievement of specific political or political-economic [Jackson, Murphy and Poynting 2010:3]. Ethiopia is an imperial state, created by Abyssinians at the end of nineteenth century, during the scramble for Africa in which Abyssinia, the only African state participated in colonizing the continent. Compared to all colonizing powers of Africa, the worst brutal colonizer was Abyssinian state in killing large number of people, selling to slavery and serfdom. From historical perspective, I argue that, State terrorism and genocide started at this time in history of Horn of Africa. Military Government of Ethiopia

(1974-1991) used state terrorism, as official instrument calling it ‘Red Terror’ against its civilian opponents, targeting young intellectuals to intimidate and frighten the population in which many thousands of educated strata were eliminated. The end of Cold War changed the political landscape of Horn of Africa in which two governments (Ethiopia and Somalia) were demised. Somalia as sovereign state unable to control its territory until today, because of occupation of its territory by its neighbours and insurgent movement of Al Shabaab. During Cold War, there were many national liberation movements, particularly [Eritrean People Liberation Front (EPLF), Oromo Liberation Front (OLF) and Tigray People Liberation Front (TPLF)-fighting against the central government with different political programs. Tigrians and Eritreans (60%) are emanated from the same origin, the same language and religion. They coordinated their struggle with support of Western European Countries and USA to oppose Soviet Union influence in Ethiopia. The demise of Soviet Union dried up all supports for Mengistu Hailemariam Government of Ethiopia, and the USA government prepared for him place of residence in Zimbabwe and the power of the state was transferred to TPLF which is from Tigray Nation of 6.1% of population of Ethiopia with USA Government promise “without democracy no help”. The TPLF formed its Government in May 1991 in Multinational state of Ethiopia dismantling Ethiopian Defence Force, transforming its militia as Ethiopian Army through which until today terrorising the country. According to the opinion of majority of Oromo people TPLF government is occupying force of their ancestral land replacing the former government led by Amhara political elite. The paper focuses on Oromia, Ogaden (Somalia state), Sidama (in SNNP state), and Gambela and Amhara state of Federal Democratic Republic of Ethiopia. Oromia is the largest state with fifty million population, the biggest economic producer in the country. Oromia is the marginalized majority and it is the main target of TPLF Government state terrorism (psychological, physical and ecological). We particularly illuminate ecological terrorism of 2002, terrorism of 2005, after the so-called election, a

yearlong peaceful demonstrations and the killings of students throughout Oromia and Amhara states 2016. Why Ethiopia is unable to build democratic system of government? What is the difference of political cultures between the colonized population and colonizers in Ethiopian imperial state? What is the role of USA and its geopolitical interests? Does USA has its contribution in the cause of instability in the Horn of Africa? The paper tries to answer among others these questions.

Mergitu Gutema
«World Vision Austria»
Austria
М. Гутема
«World Vision Austria»
Вена

Дилемма международных НГО

INGO Dilemma

Most development NGOs (Non-Government Organizations) justify their emergence with the aim to mitigate poverty and support formation of self-reliant communities. This presupposes neither the state nor the market respond adequately to the immediate needs of people. Particularly large international NGOs which are in the business for decades play important role - avert mass starvation following drought, re-habilitate communities displaced by Tsunami or earth quake.

NGOs depend on donation collected from citizens of rich countries. In course of time as private donations dwindle, in part due to expected successes fail to materialize, the very NGOs that have been formed as third alternative start to cooperate with private business which aims at maximizing profit/shareholder value or start implementing projects that are financed by governments/intergovernmental organizations which have interest to influence policies of the recipient countries. The International NGOs face the dilemma between being independent third

alternative in alleviating poverty or partners to those aiming at influencing policies or maximize profit.

Competition among the NGOs to attract supporters and maximize incomes persuades them to be inventive in their approach which sometimes contradict with the initial aim of building self-reliant communities because it leads to break up of traditional form of co-existence. Knowledge transfer which INGOs aim to achieve in developing countries leads to disillusionment due to shortcoming in understanding the social fabric of communities NGOs want to transform despite high level education and expertise of the development workers of the north and opportunistic behaviour of their colleagues in south.

Further, policies INGOs adapt lacks clarity particularly considering their reaction to financial and economic crisis of 2007/08 and the consequent flourishing speculation in natural resource including arable land. Their reaction is confusing to say the least as most of them work in rural agricultural areas where farming communities lose their very means of survival. Even though most of the NGOs have advocacy in their programmes they are too silent on the issue, others participate in the economic model designed in a repressive way which the communities resist. This paper is an invitation to discuss the role of INGOs, their motives and challenges.

Секция VII-9. Истоки, направления развития и перспективы радикального исламизма в Северной и субсахарской Африке
Panel VII-9. The Roots, Trends and Prospects of Radical Islamism in North and Sub-Saharan Africa

Руководитель: *Харитоновна Е. В.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Elena V. Kharitonova*, Institute for African studies, Moscow

Лукьянов Г.В.
НИУ ВШЭ
Москва

Grigory V. Lukyanov
National Research University –
Higher School of Economics
Moscow, Russia

Evolution of “Muslim Brotherhood” in Libya (2011-2016)

Эволюция движения «Братьев-мусульман» в Ливии (2011-2016 гг.)

Осенью 2011 г. в Ливии состоялась учредительная конференция новой политической партии – «Партии справедливости и созидания» (ПСС), заявившей о себе как об официальном политическом крыле ассоциации «Братья-мусульмане» в этой североафриканской стране. Приняв участие в первых в XXI в. всеобщих выборах депутатов временного представительного органа власти Всеобщего национального конгресса (ВНК) летом 2012 г., ПСС набрала достаточное количество голосов, чтобы занять второе место среди политических партий и войти в состав ВНК. За время функционирования Конгресса как единственного легитимного представительного института в стране (2012-2014), влияние ПСС росло на всех уровнях государственной власти, в парламенте и правительстве, в столице и на местах. Развернутая в 2014 г. Ливийской национальной армией

во главе с Халифой Хафтаром операция «Достоинство» была направлена в том числе и против возросшего влияния ПСС в государственных структурах, включая армию и полицию. Во время очередного этапа внутриливийского конфликта, вызванного операцией, партия продолжила свое существование и сохранила свое влияние в стране в целом и на отдельных ее территориях. Главным оплотом партии и центром сосредоточения ее политических, экономических и военных ресурсов стал город Мисурата на северо-западе Ливии. ПСС получила признание и помощь со стороны ряда государств и правительств, идеологически или иначе связанных с ассоциацией «Братья-мусульмане»: Египта (2012-2013), Туниса (2011-2014), Турции (2011-2016), а также Судана и Катара. Партийное руководство признало Схиратские инициативы в декабре 2015 г. и выступило в поддержку созданного в исполнение принятых договоренностей Правительства национального единства (ПНЕ) во главе с Фаизом Сараджем. В 2016 г. вооруженные ополчения Мисураты под знаменами ПСС приняли активное участие в борьбе с отрядами ДАИШ во время осады и второго сражения за Сирт. В период с 2011 по 2016 гг. ПСС как политическое крыло ассоциации «Братья-мусульмане» прошло длинный путь институционализации и построения автономной организационной структуры, способной к эффективному функционированию в сложившихся обстоятельствах. В результате выстраивания тесных связей с местными племенными элитами и зарубежными центрами «Братьев-мусульман», а также формирования собственных военизированных отрядов на местах, ливийские «братья» сумели построить стабильную и жизнеспособную не только по ливийским меркам, но и в широкой сравнительной перспективе организацию, претендующую после завершения конфликта в стране стать полноправным участником политического процесса.

Орлов В.В.
ИСАА МГУ
Москва
Victor V. Orlov
Lomonosov Moscow State University
Russia

“Al-Qaeda in the Islamic Maghreb”: Name and Reality

«Организация Аль-Каида в странах исламского Магриба»: название и реальность

С момента объявления о создании «Организации Аль-Каида в странах исламского Магриба» (ОКСИМ) в январе 2007 г. эта джихадистская организация, сформированная на базе алжирской «Салафитской группы проповеди и джихада», неоднократно проявляла активность в региональном и супрарегиональном масштабах. О новых амбициях руководства ОКСИМ свидетельствовали предпринятые ею теракты против американских граждан в Алжире, масштабная вербовка добровольцев для участия в джихаде в Ираке (впоследствии – в Ливане и Сирии), расширение операционной зоны до рамок всего арабского региона, попытки участников ОКСИМ вести киберджихад. Создание ОКСИМ также облегчало для боевиков «Аль-Каиды» доступ в Европу и проведение терактов в водах Гибралтарского пролива и на его берегах. Действия ОКСИМ на протяжении последних лет приобрели региональный размах и напрямую повлияли на безопасность стран Северной Африки. Деятельное присутствие этой экстремистской организации в Магрибе привлекло внимание спецслужб стран Запада (США, Франции) и России. Будучи по происхождению дочерней структурой «Аль-Каиды», ОКСИМ способствовала формированию собственных «вассальных» организаций. Так, тренировки боевиков «Боко харам» в лагерях ОКСИМ, проводившиеся с 2007 г., способствовали идейному и военно-техническому становлению этого движения, что позволило ОКСИМ обосноваться на стыке

границ Алжира, Мавритании, Нигера и Мали. В то же время не все группировки джихадистов Магриба признали авторитет «эмиров» ОКСИМ. Они нередко сохраняли высокую степень самостоятельности в принятии решений. Это явление позволяет поставить вопрос об источниках финансирования исламистского подполья в Магрибе. По данным экспертных организаций, первоначально финансирование ОКСИМ шло за счет сбора пожертвований и «дани» с магрибинских преступных группировок во Франции и Испании. Однако с 2008–2009 гг. в снабжении ОКСИМ все большую роль стал играть наркотрафик, особенно после того, как в конце 2000-х латиноамериканские наркокартели освоили магрибо-сахельский регион в качестве площадки для переброски кокаина в Европу. Последнее обстоятельство укрепило координацию структур ОКСИМ и центрального руководства «Аль-Каиды», однако одновременно спровоцировало конфликты интересов в исламо-экстремистской среде Магриба.

Соловьева Д.В.
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва
D. V. Solovyova
Lomonosov Moscow State University
Russia

Jihad in Maghreb and Tropical Africa in the 16th – 19th Centuries: An Attempt to Compare

Джихад в Магрибе и Тропической Африке (XVI-XIX вв.): опыт сопоставления

Северная Африка издавна представляла собой регион-перекресток, где происходил активный контакт между ближневосточной и африканскими культурами. Многие категории исламской цивилизации успешно проникали в африканские общества. Одной из важнейших проблем, связанных с усвоением культурного наследия Ближнего Востока, можно считать

проблему мотивации и интерпретации священной войны за веру (джихада). В отечественной историографии проблематика джихада Нового времени комплексно и разносторонне разрабатывалась в трудах арабистов и африканистов (Р. Г. Ланда, Н. А. Иванов, Н. Н. Дьяков, Ю. М. Кобищанов, А. Д. Саватеев, А. М. Хазанов). В свете продолжения этих изысканий существенное значение приобретает сравнительное рассмотрение практики ведения джихада в двух регионах. Предварительные итоги подобного сопоставления позволяют выделить несколько общих закономерностей. В частности, и в Магрибе, и в Черной Африке главными движущими силами в организации и ведении джихада становились мурабиты (мусульманские святые) и суфийские братства (турук, мн.ч. от араб. «тарика»). Кроме того, как в Черной Африке, так и в Магрибе можно проследить взаимосвязь джихада с государственным строительством: так, в Марокко священная война становилась одним из важных факторов обоснования легитимности шерифских династий Саадидов (1511-1659 гг.) и Алауитов (1664 г. – наст. время). В Африке южнее Сахары – подобными лозунгами укрепляли свой авторитет среди исламизированных народов вожди джихада в Эфиопии, Мали, Сенегале и Западной Нигерии. В обоих регионах на разных этапах можно выделить оборонительную и экспансионистскую версии джихада. И в Магрибе, и в Черной Африке существовала зона постоянной напряженности, или фронтир: для Марокко и Алжира эту напряженность создавало соседство с католической Испанией, победившей в Реконкисте, а для мусульманских племен и народов в Африке подобным рубежом можно считать границу с соседними языческими племенами или политиями. Наряду с этим, катализатором религиозного рвения предводителей джихада в обоих случаях была угроза христианской (европейской и эфиопской) территориальной экспансии. Как в Магрибе, так и в некоторых регионах Тропической Африки джихад вдохновлялся фундаменталистскими идеями (Сиди Мухаммад бен

Абдаллах (1757–1790) гг.] в Марокко и Осман дан Фодио (1754–1817) в Западной Нигерии).

Добронравин Н.А.
СПбГУ
Санкт-Петербург
Nikolay A. Dobronravin
St. Petersburg State University, Russia

Ethnicity and Mythology of Political Instability: The Tuaregs and Fulbe in West African Islamist Organizations

Этничность и мифология политической нестабильности: туареги и фульбе в исламистских организациях Западной Африки

Для постколониальных государств Африки характерно официальное подчеркивание связи между политической нестабильностью и этничностью (в четко очерченных территориальных границах). Один из наиболее известных мифов такого рода связан с военно-политическими движениями туарегов Северной и Западной Африки. До сих пор все попытки достичь туарегского единства оказывались безуспешными. Не существует даже общепринятого самоназвания этой общности. Современное движение за независимость или автономию севера Мали (Азавада) объединяет не только часть туарегов, но и представителей других народов региона, в частности, арабов и фульбе. Постколониальные межгосударственные границы в этом контексте оказываются важнее, чем миф о былом туарегском единстве. В то же время этнический фактор играет определенную роль и в деятельности тех организаций, которые принято именовать исламистскими. В 2012–2017 гг. некоторые из таких организаций ориентировались на туарегов или фульбе (Ансар Дине, Фронт освобождения Масыны). Однако основное противоречие между исламистскими организациями, по-видимому, связано не с

этничностью, а с выбором между национальной (Мали и др.), региональной (Западная Африка) или глобальной стратегией развития.

Тимофеева Ю.А.
СПбГУ
Санкт-Петербург
Juliya A. Timofeeva
St. Petersburg State University
Russia

Cooperation of the Government of the Federal Republic of Nigeria with Salafi Organizations

Сотрудничество правительства Федеративной Республики Нигерия с салафитскими организациями

В докладе анализируется связь нынешнего президента Нигерии Мухаммаду Бухари с исламистскими организациями, в частности, с салафитским движением «Изала». «Изала» (Jama'at Izalat al Bid'a Wa Iqamat as Sunna) — исламское движение, зародившееся в 1978 г. в городе Джос для борьбы с бид'а (новшества, нововведения, на языке хауса – bidi'a), практикуемыми суфиями. В наши дни это движение распространено не только в Нигерии, но и в Нигере, Чаде и Камеруне .

Руководство и члены «Изалы» последовательно поддерживали М.Бухари на выборах 2007, 2011 и 2015 гг. Со своей стороны, в ходе предвыборной кампании 2015 г. М.Бухари дал обещание избавить страну от радикальной исламистской организации Бoko Харам. От рук ее приверженцев, по данным бюллетеня Nigeria Security Tracker , только в 2014 г. погибло более 6 тыс. человек. По мнению шейха Дахиру Баучи (Sheikh Dahiru Bauchi), одного из духовных суфийских лидеров Нигерии и ведущего противника салафитов, Бoko Харам берет свое начало от «Изалы», а их идеология идентична, утверждает он. Некоторые члены Бoko Харам, в том

числе и его основатель Мохаммед Юсуф (Mohammed Yusuf), в конце 90-х - начале 2000-х гг. были приверженцами «Изалы».

Однако попытка убийства одного из лидеров «Изалы» Мухаммада Сани Йахьи Джигира (Muhammad Sani Yahya Jigir), совершенная Боко Харам 5 июля 2015 г., ясно свидетельствует о глубокой враждебности между двумя движениями. С момента начала активной террористической деятельности Боко Харам и особенно после их присяги на верность «Исламскому государству» (организация, запрещенная в России и многих других странах мира) в марте 2015 г. «Изала» и некоторые другие салафитские движения Нигерии стали яркими противниками Боко Хаарам. По некоторым сведениям, они готовы сотрудничать с правительством в вопросах безопасности.

Claude Mbowou

Univeristé Paris 1 Panthéon Sorbonne
France

К. Мбову

Университет Париж-1
Пантеон Сорбонна, Франция

**К пониманию мятежа Боко Харам в Северном Камеруне: между
глобальным джихадизмом и локальными факторами – что
первостепенно?**

**Understanding Boko-Haram insurgency in North Cameroon:
Between global jihadism and local factors, what to consider first?**

What link can be established between the spread of the Islamist insurgency in Cameroonian territory and the role of the traditional and internationalized networks of the Salafi dawa'a in this country? This question among to knowing if is whether the development of this insurrection link with internal causes or external causes. Is local jihadism a simple derivation of world jihadism? These links can theoretically be envisaged on the basis of at least three hypotheses: the financing

hypothesis; Ideological or political influence; And finally, in terms of indoctrination. Unlike the geostrategic readings of this insurgency, which tend to obscure the historicity of these societies, our contribution will allow us to develop three arguments based on our field research between 2010 to 2015 and the available literature. First of all, the social universe of the local mediators of this Islam linked to the networks of the Salafist international seems deeply disconnected from that of the subordinate clerics of the Islam of the rural margins at the origin of which the almaradji of BH appeared. Or disconnected from the arenas that could participate directly in the mobilization of resources for the benefit of the insurrection.

Moreover, in view of Boko Haram's allegiance to Daesh, the notion of Salafism attached to Boko Haram is not without problems with what we know today about the actual practices of the sect and their allies. It is therefore necessary to distinguish between the image strategy of this sectarian movement, very profitable in terms of propaganda effects in the global space of jihad, and its positioning in the local space of Islam. Finally, when we look at the local map of the insurgency, we can see that the most Salafist villages in the far north of Cameroon are not those where the Islamic insurrection has become more deeply rooted. As will be seen, the causes of these two processes cannot be considered as overlapping. We will conclude our article by showing that, in order to understand the Islamic insurgency of Boko Haram in Cameroon, the local effect of global jihadism can not overshadow the triggering and preponderant role of the local and political factors!!

И.В. Пономарев
Институт Африки РАН
Москва
Iia V. Ponomarev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Social and Political Situation in East African Countries under the Impact of Jihadist Propaganda

Джихадизм и информационно-психологическая война в регионе Восточной Африки

В Восточной Африке активно используются приемы психологической войны, когда все действия противника намеренно искажаются, а ложные факты используются для манипуляции общественным мнением. В Интернете и других СМИ ведется пропаганда джихадизма, благодаря чему экстремистским организациям удалось не только наладить набор рекрутов в ряды моджахедов в Сомали, но и подорвать доверие граждан к силовым органам. Основное содержание и некоторые приемы информационно-психологической войны:

- предоставление СМИ, правозащитным и другим организациям заведомо ложных фактов. Например, необоснованных обвинений силовых ведомств в совершении убийств исламских лидеров.
- высмеивание и компрометация ведущих политических деятелей с целью дискредитации легитимности власти.
- распространение с помощью интернета и проповедей в мечетях идеологии джихадизма, направленной на свержение существующей власти и изменению политического устройства.
- извращение фактов в исторических документах с целью пересмотра установленных государственных границ и дезинтеграции существующих политических образований.

Например, приписывание договорам между Великобританией и султаном Занзибара положений, которых в них не было.

- намеренное искажение статистических данных о конфессиональном составе населения. Наиболее часто встречающимся приемом является произвольное увеличение количества мусульман минимум в два раза и преуменьшение количества христиан.
- односторонняя интерпретация данных о конфессиональном составе госаппарата и образовательных учреждений. Широко распространен дискурс о притеснении мусульман христианами на всех уровнях социально-экономического устройства, не учитывающий объективную расстановку сил на основе корректных данных о процентном соотношении конфессий в стране.

Проводимая кампания по дезинформации направлена, прежде всего, на подрыв авторитета силовых структур и государственной власти. Она весьма неблагоприятно сказывается на общем психологическом климате и общественном сознании. Наиболее подвержена в странах Восточной Африки суггестии джихадизма оказывается та часть исламской молодежи, которая ощущает себя в невыгодных экономических и социальных условиях на фоне быстро растущего общества потребления.

Панков И.А.
МАЭ им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
Igor A. Pankov
Museum of Anthropology
and Ethnography [Kunstammer]
St. Petersburg, Russia

The Comoros: Islam of Tariqahs and the Challenges of Radicalism

Коморы: ислам тариқатов и вызовы радикализма

(Настоящие материалы получены в результате экспедиционного выезда на Коморы в мае 2016 года).

Институт суфийских тариқатов на Коморских островах продолжает играть важную роль как в процессе религиозного воспитания, так и в политической жизни республики. Значительная часть мусульманской общины островов – приверженцы суфийских орденов.

Примерно 20-30 лет назад на Коморы стали проникать идеи радикального ислама. Салафитские эмиссары активно занимаются проповеднической деятельностью. Они используют богатый арсенал современных методов продвижения и пропаганды своих идей.

Тариқаты в противостоянии салафитам объединились и создали некоммерческую организацию, которая помогает им отстаивать свои интересы на политическом поле и в повседневных делах. Каждый год они проводят конференцию, где обсуждаются актуальные вопросы борьбы с радикальными религиозными проявлениями. Обычно конференция проходит в столице о. Анжуан Муцамуду, куда съезжаются не только халифы и представители отделений суфийских братств Коморских островов, но и делегаты из других стран Индийского океана.

В результате их деятельности пять лет назад правительство Комор, при поддержке той самой некоммерческой организации заявило о необходимости

борьбы с ваххабизмом и принятии законов, защищающих права тарикатов. Работа ассоциации направлена на воспитание молодежи в духе суфийской традиции. Интересы организации, кстати, поддержало и французское правительство, которое оказывает большое влияние на политику и экономику островного государства.

В настоящее время в процессе духовного воспитания особое значение приобретает институт наставничества. Фунди и шейхи коморских тарикатов, наблюдая появляющуюся нетерпимость в вопросах веры у радикально настроенной молодежи, говорят о том, что молодому человеку необходимо сформировать духовно-нравственную основу, неразрывно связанную с традициями предков. Эти традиции восходят к мировоззренческой доктрине местного суфийского проповедника Саида Мухаммеда Аль Мааруфа (ум. в 1904). Он учил, что нужно уметь прощать, проявлять толерантность, сострадание и уважение к людям. Познание подлинного учения ислама невозможно без этого.

Секция VII-10. Африка в современной политологии

Panel VII-10. The World of Africa in Contemporary Political Science

Руководитель: *Сидорова Г. М.*, Институт Африки РАН, Москва, Россия

Convener: *Galina M. Sidorova*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

Сидорова Г. М.

Институт Африки

Москва, Россия

Galina M. Sidorova

Institute for African Studies

Moscow, Russia

Эффективность «мягкой силы» в создании позитивного имиджа России в африканских странах

Effectiveness of “Soft Power” for the Creation of a Positive Image of Russia in African Countries

При внимательном анализе приемов так называемой «мягкой силы», которые используются различными государствами на практике, можно убедиться в том, что она является лишь разновидностью силового воздействия, т.е. «жесткой силы». Это всего лишь железный кулак в бархатной перчатке. «Мягкая сила» предполагает формирование заданной, срежессированной ментальности, необходимой для восприятия сначала культурных ценностей другой цивилизации или народа, а затем ее политических, экономических, религиозных и других устоев. Таким образом, конечная цель «мягкой силы» состоит в формировании ментальности, идентичной заинтересованным акторам и в итоге предполагает подчинение объекта влияния. Успех интеллектуального воздействия «мягкой силы» на формирование менталитета индивидов зависит от многих факторов. В первую очередь, необходимо рассматривать общественную стадию развития общества, в которой формируется данная личность. Успех использования

«мягкой силы» как внешнеполитического фактора во многом зависит от учета военно-политического климата в стране, а вместе с ним морально-психологического состояния людей. Например, в ДР Конго, где уже не одно десятилетие продолжаются военные действия, население страны доведено до крайней точки отчаяния. Массовый исход населения, проблемы в лагерях беженцев, панические настроения в зонах боевых действий – все это не может способствовать созданию благоприятного климата для продвижения «мягкой силы». «Мягкая сила» требует значительных финансовых вливаний, которые необходимы для оборудования, например, «классов русского языка», пополнения библиотек университетов соответствующей литературой, компьютерных залов, центров русской культуры, проведения выставок, кинофестивалей и прочих культурных мероприятий. Без финансовых вливаний «мягкая сила» останется лишь теорией. Практический опыт показывает, что там, где остались еще Российские центры науки и культуры (Марокко, Республика Конго, Танзания и др.) культурные связи развиваются намного плодотворнее и быстрее. Формирование новой ментальности у местного населения возможно лишь при условии постоянного, а не фрагментарного взаимодействия со студенческой молодежью, общественными организациями, государственными чиновниками.

Столяров К.В.
МИД России
Москва
Konstantin V. Stolyarov
The Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
Moscow

On the Prospects for the Evolution of the Internal Political Situation in the Democratic Republic of the Congo

О перспективах развития внутривнутриполитической ситуации в Демократической Республике Конго

2017 г. может стать определяющим для развития постконфликтной Демократической Республики Конго (ДРК). Несмотря на предусмотренные Конституцией ДРК в ноябре 2016 г. президентские выборы, руководство страны предприняло меры для затягивания электорального процесса с целью продления срока полномочий нынешнего главы государства Ж.Кабилы (у власти де-факто с 2001 г.). С этой целью в сентябре-декабре 2016 г. были организованы два раунда «национального диалога», которые завершились подписанием 31 декабря 2016 г. Всеобъемлющего политического соглашения (ВПС), в соответствии с которым выборы были перенесены на декабрь 2017 г., а пост премьер-министра был отдан представителю радикальной оппозиции.

Решения нацидиалога наметили два возможных сценария дальнейшего развития ситуации. При благоприятном ходе событий давление оппозиции и международного сообщества сможет заставить руководство ДРК организовать выборы в текущем году, что может привести к первой в истории ДРК мирной передаче власти. Негативный сценарий, обусловленный дальнейшей «пробуксовкой» в реализации ВПС и явным нежеланием власти проводить голосование в текущем году, может спровоцировать деградацию положения в ДРК и субрегионе, привести к таким последствиям как:

1. Масштабный исход беженцев в лимитрофные страны, которые в силу тяжелого социально-экономического положения не смогут оказать им полноценного содействия;
2. Деградация гуманитарной ситуации в ДРК вследствие сокращения зарубежной помощи и милитаризация и без того скудного бюджета;
3. Активизация действующих в ДР Конго незаконных вооруженных формирований по причине того, что подразделения ВС ДРК будут отвлечены на борьбу с радикальной оппозицией;
4. Многочисленные жертвы среди гражданского населения (основная площадка противостояния власти и оппозиции – так называемые "народные кварталы" двенадцатимиллионной Киншасы), а также потери среди миротворцев Миссии ООН по стабилизации в ДРК, которая не сможет остаться в стороне от конфликта, но и не будет способна удержать ситуацию под контролем. Положение осложняет отсутствие у конголезских правоохранителей нелетального оружия и сложившаяся здесь практика вести огонь на поражение по протестующим;
5. Углубление существующих в стране этнических противоречий. С учетом наличия в некоторых провинциях Республики сепаратистских настроений, это может увеличить риски балканизации ДРК.
6. Демонстрация "негативного примера" вооруженной борьбы с оппозицией лидерам стран Экваториальной Африки, многие из которых также испытывают дефицит легитимности пребывания у власти;

Наихудший сценарий развития ситуации – разделение страны на несколько подконтрольных различным политическим силам регионов и третья за последние 20 лет гражданская война, в которой роль миротворца вновь предстоит играть международному сообществу.

Панов А.А.
Институт Африки РАН
Москва
Alexander A. Panov
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Hybrid Political Regimes in Sub-Saharan Africa: Analysis of Forms and Content

Гибридные политические режимы в Африке южнее Сахары: анализ формы и содержания

Гибридными в современной политологии называют такие политические режимы, которые, сочетая внешние атрибуты демократии с авторитарными методами контроля над их практическими манифестациями, остаются своеобразной переходной формой от классической диктатуры к полноценной буржуазно-демократической модели. В странах с гибридными режимами декларируется соблюдение прав и свобод граждан, регулярно, в соответствии с действующей конституцией, проводятся выборы, легально существующая оппозиция участвует в политической жизни и даже может иметь свою фракцию в парламенте. В определенном объеме в них допускается плюрализм мнений, существование независимых от государства СМИ и даже работа общественных организаций, представляющих довольно рыхлое, но уже заявившее о себе гражданское общество. В то же время большая часть всех этих позаимствованных у стран с развитыми либерально-демократическими традициями институтов и практик остаются по сути декоративными и имитационными, призванными скрыть главную цель гибридных режимов – поддержание несменяемости находящихся у власти элит.

Демократический "макияж", к которому они прибегают в силу общего социокультурного дрейфа к мейнстримным формам политической организации, утвердившимся на Западе, с одной стороны является

своеобразной необходимой "данью политической моде", продуктом продолжающегося процесса глобализации, а с другой – новой формой социального договора между властью и обществом в странах догоняющего развития. Главной экономической предпосылкой "гибридизации" политического строя на современном этапе считается наличие в государстве богатых природных ресурсов, эксплуатация (экспорт) которых является основной формой получения его дохода. Исходя из этого, логично предположить, что Африка южнее Сахары является регионом, объективно предрасположенным к появлению гибридных форм "авторитаризма 21 века", для анализа которых необходим особый политологический инструментарий.

Если мысленно вернуться в Африку накануне небезызвестного франко-африканского саммита 1990 г. в Ла Боле, мы увидим, что в подавляющем большинстве стран континента, за редчайшими исключениями (Ботсвана, Гамбия, Маврикий, Сенегал) в это время действовали однопартийные или военные режимы, а наиболее популярной сменой власти оставался военный переворот. В наши дни исключением уже, напротив, являются государства, уклоняющиеся от проведения у себя регулярных демократических процедур (такими следует признать Свазиленд, Эритрею, Южный Судан и, с декабря 2016 г. – Демократическую Республику Конго). Вопреки распространенному обывательскому мнению, целый ряд африканских стран уже сейчас можно причислить к числу вполне успешных и устойчивых демократий. Только за последний год власть проиграла выборы оппозиции в шести странах (Бенин, Коморские Острова, Сан-Томе и Принсипи, Гана, Гамбия и даже Сомали, где выборы, однако, не являются всеобщими). Наряду с ними, однако, существуют и государства, политические режимы которых попадают в категорию "гибридных" по ряду признаков, в том или ином аспекте характеризующих отношения власти с оппозицией и обществом (большая их часть сконцентрирована в центральной части континента). В ходе доклада будет предложен авторский вариант квалификации, типологии и анализа

политической динамики гибридных режимов на африканском материале как локально-специфичной форме проявления общей тенденции.

Шипилов А.Ю.
МГИМО (У) МИД РФ
Москва
Alexander Yu. Shipilov
Moscow State Institute
of International Relations [University]
Russia

The Rise of Opposition in Liberia in the 1980s

Становление оппозиционного движения в Либерии в 1980-е гг.

Военный переворот в Либерии 1980 г. под руководством Сэмюэля Доу, устранил прежнюю американо-либерийскую элиту и открыл новый этап политического процесса в стране. Сложившаяся политическая система оказалась крайне нестабильной. Историки и внешние наблюдатели объясняют последовавший кризис, приведший к появлению оппозиции и гражданской войне, авторитаризмом Доу и дискриминацией всех этнических групп, кроме кран и мандинго, а также прекращением американской помощи. Однако причины становления либерийской оппозиции в период правления Доу не ограничивались этим. В 1960-е гг., под влиянием активной деколонизации континента и прихода к власти во многих африканских странах левых лидеров, в Либерии сформировалась оппозиция, требовавшая ликвидации привилегий американо-либерийцев и проведения левого курса во внутренней и внешней политике. С. Доу решил вопрос привилегий и на время привлек на свою сторону националистическое крыло прежней оппозиции - Прогрессивный альянс. Ее левое крыло, Движение за справедливую Африку, осталось нейтральным. Но во всем остальном Доу сохранил политику прежнего режима в наиболее жесткой форме. В итоге в 1981-1982 гг. эти

организации снова сформировали политическую оппозицию, требуя движения в фарватере большинства африканских стран. Другой тенденцией стало размывание структуры новой элиты. Прежняя, американо-либерийская, находилась у власти в течение 133 лет и, несмотря на серьезные внутренние проблемы, сохраняла преемственность и стабильные механизмы управления. Доу же не удалось сформировать новый устойчивый правящий класс, постепенно большая часть его союзников в военной среде лишилась власти из-за мнимых либо действительных попыток свержения президента. В 1983 г. генерал Томас Куинокпа начал вооруженную борьбу против режима в графстве Нимба, заселенном гиа и мано, подвергшимся репрессиям со стороны режима, и основал Национальный патриотический фронт Либерии, позднее свергший Доу. Этот внутриэлитный кризис более свойственен африканским странам, освободившимся в 1960-х гг. Таким образом, нестабильность либерийского государства 1980-х гг. объясняется не только авторитаризмом, этническими репрессиями и внешним контекстом, но и «африканизацией» стоящих перед страной проблем: расколом новой элиты и общей нестабильностью, вызванной отходом от модели американо-либерийского доминирования и отсутствием новой устойчивой модели.

Громыко А.А.
Институт Африки РАН
Москва
Andrey A. Gromyko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats

Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы

Вызовы и угрозы в связи с проблемами беженцев в Европе приобрели долгосрочный характер, они дестабилизируют положение в ряде ее стран, открывают новые возможности для терроризма. Спасение тысяч людей требует покончить с преступной деятельностью тех, кто ведет на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке боевые действия и стимулирует конфликты. Количество беженцев неуклонно росло все последние годы. Рекордным стал 2015 г. на фоне гражданской войны в Сирии. Так называемое “Исламское государство” терроризирует как христиан, так и мусульман. Основные причины увеличения числа беженцев за последнее время. К ним относятся:

- конфликты в Сирии, а так же в Ираке и Афганистане, на территории Африки и Ближнего Востока;
- фактор “Исламского государства”, которое до сих пор удерживает большие территории;
- демографический взрыв в странах Африки и Ближнего Востока;
- стремление беженцев попасть в страны, где поселились их родственники.

Нынешний кризис - тяжелейший кризис с беженцами со времен 1940-ых. В значительной степени он связан с ситуацией в Сирии. Только в Египте, Ливане, Ираке, Иордании и Турции находятся около 4 млн. Сирийцев. Однако многие сирийцы стремятся перебраться в европейские государства, в первую очередь, в Германию. Приходит понимание того, что наплыв

беженцев может кардинально изменить Европу. Возможность Германии помогать постоянно прибывающим беженцам постепенно исчерпывается. В Европе растут антимигрантские настроения. К концу 2015 в Германии настроения разделились пополам: большинство продолжают толерантно относиться к беженцам, однако количество недовольных растет с каждым днем. Простое закрытие границ не способно прекратить поток беженцев. В настоящее время Европа живёт в искусственно созданном экономическом мире, который является своеобразным раем для мигрантов с Востока. Если учесть, что мода на обеспеченную, сытую жизнь была заложена во многих азиатских и африканских государствах сотни лет назад именно европейцами, поделиться благополучием и стабильностью государствам ЕС всё-таки придется. Грамотное перераспределение части имеющихся финансовых ресурсов: намного более разумный шаг, чем абсолютная потеря контроля над ситуацией и реальная угроза потерять всё, что есть.

Катагощина И.Т.
Институт Африки РАН
Москва
Irina T. Katagoshchina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

African Traditional Religions in the Age of Globalization

Традиционные религии Африки в эпоху глобализации

На всех этапах развития цивилизации религия всегда была и остается одним из важных факторов, влияющих на мировоззрение и отношения в обществе в целом. При этом в качестве первоосновы цивилизаций учеными рассматривается именно религия (А.Тойнби, М.Вебер, С.Хантингтон), хотя со временем постепенно религию стали сменять другие социокультурные

факторы, основанные на индустрии, информации, энергетических ресурсах. Но связь религии с цивилизацией непосредственно сохраняется и в перечне цивилизаций, определяемых учеными среди других, значителен "языческая цивилизация", к каковой традиционная религия имеет прямое отношение. Как известно, со временем число этнорелигий сокращается как и число африканцев, исповедующих традиционные религии на Африканском континенте: в наши дни их численность составляет примерно 15% от численности народонаселения, однако влияние традиционного элемента на общественную жизнь и сегодня крайне велико. Как отмечает Джон Мбити, профессор из Кении, африканцы "очень религиозны и каждый народ имеет собственную религиозную систему с набором верований и специальных практик и обрядов. Религия пронизывает все стороны жизни африканцев, так что не легко или невозможно изолировать ее влияние от других аспектов африканского общества и культуры". Эта характеристика сохраняется и действует в эпоху глобализма, когда религия в целом оказывает мощное сопротивление процессам глобализации, унифицирующим всё, в том числе человека. Одним из проявлений оппозиционности африканской религии, ее стремления противостоять давлению со стороны западной культуры, является развитие, в частности, афрохристианских течений - церквей и сект, сочетающих в своих верованиях положения христианства и местных африканских традиционных верований. Общая черта этих организаций - стремление создать свою религию "черное христианство", сохранить свою идентичность. К афрохристианским течениям относятся свыше 7 тыс. сект, весьма различных по догматике, а по некоторым оценкам, до 40 млн. человек, или около 6% населения континента.

Иванова Л.В.
Институт
Всеобщей истории РАН
Москва

Сияд Барре: злодей или герой? Опыт диктатуры в Сомали

Сияд Барре (у власти с 1969 по 1991 гг.) – президент-диктатор, пришедший к власти в результате военного переворота и в буквальном смысле слова сумевший перевернуть историю Сомали. Проведенные им реформы противоречиво оцениваются исследователями, его современниками и молодыми сомалийцами. Одни видят в С. Барре мудрого отца нации, разрушившего оковы колониального прошлого и зажегшего впереди свет научного социализма, другие – разрушителя сомалийского единства и виновника современного развала сомалийского государства. Борясь с клановой враждой в Сомали, Барре лишь усилил ее, приводя во властные структуры членов своего клана, в поисках щедрых союзников в разрешении территориальных споров с соседней Эфиопией Барре разорвал отношения практически со всеми государствами. Выступая от имени сомалийского народа, он в то же время разрушал города своей страны и уничтожал население.

Взгляд на прошлое Сомали и в частности на преимущества и недостатки диктаторского правления Сияда Барре поможет нам осознать перспективы возможного политического развития страны и проанализировать, какой способ управления представляется более эффективным для решения современных сомалийских проблем.

Siad Barre: a villain or a hero? Dictatorship in Somalia

Siad Barre (1969-1991) – is a president and a dictator who came to power as a result of a coup d'état in 1969 and literary managed to overthrow the whole history of Somalia. His political and social reforms have been controversially estimated by researchers, aged Somalimen who lived under his regime and by young Somali generation. Some consider him to be a wise father of the nation who had once destroyed colonial past and put ahead a light of scientific socialism. Others call him a traitor of Somali unity and blame him for the failure of Somali State. Trying to eliminate tribalism in Somali society Barre therefore worsen the situation giving key governmental positions to the members of his own clan. Trying to find generous allies to help resolve territory disputes with Ethiopia Barre managed to break diplomatic relations with almost all countries. Claiming to be the voice of Somali people, Barre at the same time destroyed cities of his country and killed his own population.

Analyzing Somalia past experiences with special regard to advantages and drawbacks of Siad Barre dictatorship helps us to realize possible strategies for political development and governmental structures and possibly find the most effective ones for modern Somali state.

Блок VIII. Социальные проблемы Unit VIII. Social Issues

Секция VIII-1. Африканское профсоюзное движение в XXI в. –
достижение совершеннолетия?

Panel VIII-1. African Trade-Unionism in the 21th Century –
Coming of Age?

Руководитель: *М. Сантуш*, Центр африканских исследований
Университета Порто, Португалия

Convener: *Maciel Santos*, African Studies Center of Porto University, Portugal

Capital exports in colonial times induced the making of an African working class and later of African trade-unionism. From the 1940's to the 1970's the African trade-unions played a relevant role in fostering the growth and modernization of the African societies, in spite of an increasing governmental control and harassment for much of them. Yet, in the two following decades, the increase of public debts and the delocalization of capital fluxes blocked the power of the African labour organizations. In the mid-1990's the investment in Africa resumed. However, the correlation of forces in African labour markets was no longer favourable to the Trade Unions. African working class used to represent less than 8% of the total population (except in South-Africa), which created a very tight labour demand that favoured the worker's claims. The breakdown of traditional rural society, the rapid urban development and the social deregulation reinforced by the weakness of the African states allowed for a growing informal sector. The result was an excessive supply of cheap wage labour. The collapse of government control over the unions also brought them, in several cases, a pervasive side effect by accelerating the Union splits. In spite of the OATUU efforts, until now Union pan-African and regional organisations have not been able to reverse the trend of decreasing social role for the Unions. How can African labour Trade Unions frame these new and large sectors of African societies in order to recover its lost power for industrial action? Will African labour be able to restore its political role and fulfil the vacuum left in many of the African civil societies? This panel proposal intends to present a general view of the main features of African trade unionism during the last 50 years. It is part of ongoing project of research on African labour and its organisations. The discussion within this panel aims to widen the research network on this broad social topic.

Craig Phelan
Kingston University
London, UK
К. Филан

Кингстонский Университет Лондона
Великобритания

Структурная адаптация и деградация африканского трейдьюнионизма

Structural Adjustment and the Degradation of African Trade Unionism

This study looks at the impact of Structural Adjustment Programmes (SAPs) on the economic and political capacity of African trade unionism. Evidence is taken from the nine francophone countries of West Africa. The first two decades of independence in African countries were years of expectation for economic growth and development. Despite the widespread efforts of authoritarian and semi-authoritarian political regimes to undermine or co-opt autonomous trade union movements, trade unions often played a key role in efforts to modernise and develop African economies. This economic presence was matched by an important counter-hegemonic political role. Trade unions were often at the forefront of political protests, able to mobilise mass demonstrations despite their typically small membership. With the general failure of strategies for state-led investments and import-substitution industrialisation in the 1980s, African leaders turned to the SAPs offered by the World Bank, International Monetary Fund, and Western donor nations. In return for much-needed loans, African states agreed to accept macroeconomic stabilisation, privatisation, and free market institutions. For African trade unionism, structural adjustment was disastrous. Already hamstrung politically by authoritarian regimes, trade unions had their membership base in the public sector severely undermined by the privatisation and austerity measures demanded by the SAP donors. One important consequence of structural adjustment was the decline of formal wage labour and the rapid increase in

informal labour, yet most trade unions failed to make the aggressive shift in strategy necessary to organise informal sector workers. With their capacities degraded, trade unions in the wake of structural adjustment have often found that they are no longer central to economic development issues and they are no longer the vanguard of popular protest in sub-Saharan Africa.

Rui Manuel Ferreira da Silva
Rosa Maria Sampaio da Silva

African Studies Center
of Porto University

Miguel Filipe Silva

University of Minho, Portugal

Р. М. Феррейра да Силва,

Р. М. Сампайо да Силва

Университет Порту, Португалия

М. Ф. Силва

Университет Миньо, Португалия

**Профсоюзы учителей и право на качественное образование для всех
(на примере Гвинеи-Бисау и Мозамбика)**

**Teachers' Unions and the right to quality Education for All: a case study in
Guinea-Bissau and Mozambique**

The promotion of the right to quality Education for All (EFA) is closely related to the education for all agenda (Jomtien in 1990 and Dakar in 2000). Nevertheless, since independence, and in some cases during liberation struggle, the promotion of education for all is a priority in Portuguese-speaking African countries.

After these World Education Conferences civil society networks have organized themselves to ensure that the EFA international commitments are implemented at country level. The Global Campaign for Education (GCE) is the biggest and most active network that brings together NGO's and the global

federation of teachers' unions - Education International. CGE promotes and strengthens the advocacy coalitions operating at the national and regional level. These organizations developed the Parktonian Recommendations (Johannesburg in 2006) to strength strategic partnerships between teachers' unions and NGOs and achieve quality public education for all. More recently (April 2016) the Dakar Recommendations were set in order to implement the new international Education Agenda. Teachers' unions are founding members of several national education coalitions and have an important role advocating for the right to education.

Taking this in consideration, this paper seeks to examine the role of teachers' unions in the national coalitions for the right to education in Guinea-Bissau and Mozambique. The paper compares the differences and common points between the two national coalitions. It argues that historical and current circumstances in the countries are critical to understand the role of teachers unions in these national coalitions.

José Maciel Honrado Morais Santos
African Studies Center of Porto University
Portugal

Х. М. О. Морайш Сантош
Университет Порту, Португалия

Организации ангольских учителей в изгнании (1961-1975 гг.) и формирование ангольского рабочего класса: африканская модель?

The Angolan Unions in Exile (1961-1975) and the making of the Angolan working class – an African pattern?

The Portuguese colonial administration did not allow African workers to have their own unions until 1961. Under the colonial law, the huge majority of the Africans was considered “Native” and therefore excluded from Union register. European workers had their own - though politically controlled -

unions. In 1961, the same year the Native Status was revoked, rural and urban revolts occurred in the North of Angola. Repression by the army led that more than 300.000 peasants of the Northern provinces and part of the nationalist leaderships flee towards the new independent Congo States (Leopoldville and Brazzaville).

Along the 14 years of the colonial war, two main processes were going on:

- In Angola, an economic growth (yearly rate of around 15% between 1963-93) which caused a permanent tension in the demand of labour force. Angola's GDP became the 5th largest in Sub-Saharan Africa. This meant that Angolan workers could benefit from a better balance of forces in their disputes with capital.

- While the Angola workers were still not given the right to organise their own unions, rivalry among nationalist movements their Congo exile resulted in the organization of several political parties and at least 5 Central Unions.

So a fast-growing Angolan working class, endured by industrial conflicts but disposing of no formal organisations evolved side by side with exiled Union organization, patronised by political parties able only to register only Angolan refugees.

Angola case seems thus to show once again the difficulties of the African workers to struggle with no real class organisations of their own. The history of its failed Unions can contribute to the old debate over what to expect from the spontaneous struggles of the rank-and-file workers. Moreover, it can also contribute to highlight some of the present struggles of the African working class to rebuild their own class movement under the debris of state and foreign capital control.

Секция VIII-2. Деколонизированное образование в Южной Африке: контекстуализация, историзация, агитация, осуществимость и некоторые практические вопросы

Panel VIII-2. Free, Decolonial Education in South Africa: Contextualisation, Historicisation, Agitation, Feasibility and Some Practicalities

Руководитель: Э. Бенйера, Университет Южной Африки, Претория

Convener: *Everisto Benyera*, University of South Africa, Pretoria

South Africa has been undergoing a series of students' demonstrations across the public universities with students agitating for *free decolonised education*. These calls are not new and promises for affordable education were made as way back as in the Freedom Charter of 1955. The extent of the demonstrations and the validity of the demands made by these students call to question the success of the decolonisation project and also questions what factors brought African education to where it is today. A situation where the education system produces redundant, unemployable and 'miseducated' graduates. This panel proposes to raise the importance of decolonial free education for the realisation of Africa's development. We will argue that as long as the education system remains western centric, commodified and commercialised, African people including their leaders will remain at the periphery of global affairs.

Everisto Benyera
University of South Africa
Pretoria
Э. Бенйера
Университет Южной Африки
Претория

**К вопросу о колониальности знания и поиске путей к свободному
деколонизированному образованию в ЮАР**

**On coloniality of knowledge and the quest for free decolonial education in
South Africa**

One of the topical issues in Africa today is how the continent can extricate itself from the colonial matrices of power and the concomitant asymmetrical power relations between Africa and its former colonisers, a phenomenon termed coloniality. The broader process of exposing and undoing coloniality is decoloniality. Africa experienced ‘slave trade, imperialism, colonialism, apartheid, neo-colonialism, Structural Adjustment Programmes and globalisation’. These constitute the core of coloniality whose *modus operandi* was, *inter alia*, silencing and displacing indigenous knowledges with Western-centric knowledge churned through the formal education system. Coloniality has three analytical frameworks; coloniality of being, power, and knowledge. I argue that coloniality of knowledge as constituted by and through epistemological colonisation is at the centre of the calls for free decolonial education in South Africa. Part of the colonial project was to ‘miseducate’ Africans and the decolonial response being proposed here is to ‘learn to unlearn in order to relearn’. Free decolonial education as opposed to free education is about puking all the rubbish that we imbibed and replacing it with education from our geographic and biographical locus of enunciation. I argue that as long as the education system remains not free and colonial, i.e., western centric, commodified and commercialised, Africans will continue to be inferiorised, ‘constituted by a series of lacks and deficits’ and our problems will only

multiply. I deploy Walter Dignolo's notion of border thinking as the theoretical framework of this paper as I argue for a more egalitarian, pluriversal system of knowledges construction as a broader decolonial project capable of exposing and reversing coloniality of knowledge. Border thinking is a 'form of critical inquiry that destabilises any knowledge regime that is used to exclude or devalue others'.

Zandisiwe Radebe

University of South Africa

Pretoria

З. Радебе

Университет Южной Африки

Претория

**К вопросу о реакции государства на студенческий активизм: от
NUSAS, SASO к #RMF/#FMF**

**On state response to Student Activism: From NUSAS, SASO to
#RMF/#FMF**

The struggle for free decolonised education is largely a campaign to interrogate the role and purpose and the very existence of the nation state as the main organiser of violence and repression against student movements. The university has always been a site of struggle for those who oppose to the status quo. In South African, the university provides fertile ground for active political engagement and resistance to colonialism and coloniality across time. To achieve their goals, organised student action often took the form of protests, peaceful demonstrates and sit-ins. This article seeks to interrogate the role of the state and its response to student activism during and after apartheid. It posits that, student activism during and after apartheid has always been met by severe state repression and violence. Such violence is sustained by the same apartheid logic of inferiorising, criminalising and thingifying the black body. This is demonstrated by the nature, severity and persistence of state repression toward the student activism of National Union of South African Students (NUSAS), South African Students Organisation (SASO) and recently the #RhodesMustFall, /#FeesMustFall. The paper traces student resistance to the

1960s and chronicles the concomitant state repression. White student protests under the leadership of NUSAS, drew the sympathetic state attention while SASO, a predominantly black student organisation drew heightening and unproportional levels of violence. This binary representation of student movements is evident today in the Afri-Forum versus Economic Freedom Fighters Student Command + SASCOC, the bulk of whom constitutes what the totality of we term the must-fall-movements. As was during apartheid, so is it today, that the #MustFall movements cannot escape state confrontation and violence which is set out to defend the colonial University. This is why we are agitating for free decolonised education now!

Ahmed Jazbhay
University of South Africa
Pretoria
А. Джебей
Университет Южной Африки
Претория

Why free decolonial education now and what is free decolonial education?

That free education is feasible is not debatable as governments and the liberal capitalist system have the capacity to ‘throw money at the problem’. What I grapple with in this article is the feasibility not of just free education, but free decolonial education. The current debate on free education in South Africa is both materialist and epistemological, that is, we don’t want to pay and we also want education that located and conceived from our locus of enunciation as opposed to colonial, Euro-North American centric education which has only aided the further marginalisation of Africa and Africans. We reject the western university in Africa and agitate for an African university. We are equally tired of studying the ‘works of dead white men like Karl Marx, Max Weber, Antonio Gramsci and Michel Foucault’ and for us African centred knowledge is a form of cognitive justice. Using the notion of coloniality of knowledge I expose the

shortfalls of decolonisation and demonstrate the omnipresence and evilness of coloniality, this, as a motivation for the need for urgent free decolonial education which is emancipatory and not enslaving. Our current education system is imbedded in Euro-North American epistemologies which are largely beneficial to the West. So the question why decolonial education now is prompted by the realisation that the current education system aids our further subjugation, inferiorisation and marginalisation while simultaneously benefiting the colonial project. Free decolonial education is based on our imaginations, knowledges, experiences and aspirations.

Vhulenda Edna Mukheli

University of South Africa

Pretoria

В. Э. Мухели

Университет Южной Африки

Претория

Возможно ли в ЮАР свободное деколонизированное образование?

Is free decolonial education feasible in South Africa?

The paper explores South Africa's racialised, colonial education system from the apartheid period to date. It notes that during apartheid there were two broad education systems, one designed for white people (Standard Curriculum) and one designed for black people (*Bantu* education) with a view and intention of subjugating the majority blacks into servitude of white people. The product was racialised, colonial education which students are seeking to reverse. This racialised education was divided into four categories; white English institutions such as the University of Cape Town, white Afrikaans institutions such as the University of Pretoria and Stellenbosch, *Bantu* institutions such as the University of Venda and Coloured institutions such as the University of the Western Cape. Students' formations also followed similar formations with National Union of South African Students (NUSAS) being for white students. It

was well-funded and resourced and therefore, aided and the provision of quality education to its members. On the other extreme end were black student movements such as the South African Students Organisation (SASO) which was repressed, under resourced and criminalised. South African education has therefore been and remains colonial. The paper therefore will argue that money and resources are not the problem in South Africa; this points to a more complicated and structurally deep-seated problem we call coloniality of knowledge. That free education is feasible is not debatable as governments and the liberal capitalist system have the capacity to ‘throw money at the problem’. What I grapple with in this article is the feasibility of free decolonised education and not ‘neo-liberal tendencies that masquerade as salvation for Africa’. Free in this context has a double meaning; it denotes not having to pay for the education in addition to the education having the capacity to free the recipient from the colonial matrices of power.

Thean Potgieter

National School of Government

Pretoria, South Africa

Т. Потгитер

Национальная школа управления

Претория, ЮАР

Обучение и развитие в общественном секторе ЮАР: правильно ли мы действуем?

Learning and development in the South African public service: Are we doing the right thing?

In order to create and sustain a development-orientated public service responsive to the needs of the South African people, appropriate vocational capacity building efforts are crucial for addressing the skills deficit in the South African public service. The South African National School of Government has the responsibility to provide proper educational, training and development opportunities and tailor-made programmes aligned to the requirements of the

public service within various spheres of government and for all levels of the public service. Due to the size of the public service, geographic realities, the limitations often associated with traditional programmes and the value of workplace learning, innovative approaches to learning and development is essential and conventional contact tuition are often supported with blended and online learning (eLearning). However, it is imperative to constantly diagnose learning and development needs, monitor and evaluate the quality of learning and development programmes and establish if they effectively contribute to the capacity building requirements. This paper focusses on the value of research and evaluation processes in informing and judging the effectiveness of public service learning and development programmes. The discussion will therefore centre on diagnosing learning and development needs; innovative approaches to learning; and the value of research, monitoring and evaluation processes in ascertaining the quality and effectiveness of learning and development interventions. The methodology includes an analysis of contextualised material and primary research. Primary research results emanate from various surveys, monitoring and evaluation processes, and implementation studies of specific programmes. Due to the wealth of data collected and analysed, conclusions will be on lessons learned to ensure quality and applicability in public service learning and development.

**Секция VIII-3. Глобализация и актуальные проблемы развития в
Нигерии; закон, нигерийская экономика и коррупция**

**Panel VIII-3. Globalization and the Emerging Issues of Development
in Nigeria; Law, the Nigerian Economy and Corruption**

Руководители: *Я. К. Ирхуэ*, Университет штата Осун, Окуку, Нигерия; *Б.*

Дауду, Э. О. Дауду, Университет Джоса, Нигерия

Conveners: *Young Kenneth Irhue*, Osun State University, Okuku, Nigeria;

Benedicta Daudu, Edna Oiza Daudu, University of Jos, Nigeria

*Globalization and the Emerging Issues of Development in Nigeria (proposed by
Irhue Young Kenneth)*

Globalization encompasses the network of interaction between countries all over the world in the area of trade, foreign investment, capital market (human and material) and technology. This has encouraged the identification of the area of strength and comparative advantages of each country in the sphere of global interaction. Indeed, it creates competition and development especially in the capitalist economy. Nonetheless, the quest for development in Nigeria within the framework of globalization has become a challenge due to inequality in economic power as a developing economy. Developed economies dominate global relations as increased competition has led to strangulation of weaker economies. Different policies have come to play in enhancing the power of capital such as IMF/World Bank-imposed economic reforms. Consequently, the socio-economic foundations of the state are fast collapsing, resulting in rising unemployment, hegemony of private initiatives, inequalities in income distribution and dampened confidence of the people and external partners. Thus, the developing countries struggle endlessly for survival. In identification of the above challenges, this paper made recommendations with emphasis that the recommendations be implemented by the appropriate authorities.

*Law, the Nigerian Economy and Corruption (proposed by Benedicta Daudu
and Edna Oiza Daudu)*

Corruption has had severe negative consequences on the economic growth and development of nations. Corruption has affected many countries all over the world especially the developing countries. It has various implications for both the developed and developing economies. Corruption hampers development and thus raises the level of poverty in any economy that finds itself entrenched in corrupt practices. Corruption creates uncertainty and risk in the growth and development potential of any country. This panel will present a

review of corruption as it relates to the economic development of Nigeria. By using a theoretical method of analysis, the panel is to reveal that corruption is Nigeria's biggest challenge. It is clear to every citizen that the level of corruption in the country is high. It is found in every sector of society. Be it a public or private sector, corrupt practices are easily observable. Corruption has been a deterrent to economic development in Nigeria. Corruption has a significant negative effect on economic growth and development. The panel is to provoke debate on the role of law in the anti-corruption crusade, strengthening the rule of law and promoting economic development and to propose policy recommendations that should underpin the road to Nigeria becoming the "next surprise", on indices such as transparency, accountability and the application of the rule of law, in dealing with corruption leading to improved CPI ranking, induce investment, and foster economic growth and development.

Irhue Young Kenneth
Osun State University, Nigeria
Я. К. Ируэ
Университет штата Осун
Окуку, Нигерия

Глобализация и возникающие проблемы развития в Нигерии

Globalization and the Emerging Issues of Development in Nigeria

Globalization encompasses the network of interaction between countries all over the world in the area of trade, foreign investment, capital market (human and material) and technology. This has encouraged the identification of the area of strength and comparative advantages of each country in the sphere of global interaction. Indeed, it creates competition and development especially in the capitalist economy. Nonetheless, the quest for development in Nigeria within the framework of globalization has become a challenge due to inequality in economic power as a developing economy. Developed economies dominate global relations as increased competition has led to strangulation of weaker economies. Different policies have come to play in enhancing the power of capital such as IMF/World Bank-imposed economic reforms. Consequently, the socioeconomic foundations of the state are fast collapsing, resulting in rising unemployment, hegemony of private initiatives, inequalities in income

distribution and dampened confidence of the people and external partners. Thus, the developing countries struggle endlessly for survival. In identification of the above challenges, this paper made recommendations with emphasis that the recommendations be implemented by the appropriate authorities.

Benedicta Daudu
Edna Oiza Daudu
University of Jos, Nigeria
Б. Дауду, Э. О. Дауду
Университет Джоса
Нигерия

Право, нигерийская экономика и коррупция

Law, the Nigerian Economy and Corruption

Corruption has had severe negative consequences on the economic growth and development of nations. Corruption has affected many countries all over the world especially the developing countries. It has various implications for both the developed and developing economies. Corruption hampers development and thus raises the level of poverty in any economy that finds itself entrenched in corrupt practices. Corruption creates uncertainty and risk in the growth and development potential of any country. This panel will present a review of corruption as it relates to the economic development of Nigeria. By using a theoretical method of analysis, the panel is to reveal that corruption is Nigeria's biggest challenge. It is clear to every citizen that the level of corruption in the country is high. It is found in every sector of society. Be it a public or private sector, corrupt practices are easily observable. Corruption has been a deterrent to economic development in Nigeria. Corruption has a significant negative effect on economic growth and development. The panel is to provoke debate on the role of law in the anti-corruption crusade, strengthening the rule of law and promoting economic development and to

propose policy recommendations that should underpin the road to Nigeria becoming the “next surprise”, on indices such as transparency, accountability and the application of the rule of law, in dealing with corruption leading to improved CPI ranking, induce investment, and foster economic growth and development.

Alexei Akseshin
The State Hermitage Museum
European University, St. Petersburg
Аксешин А. С.
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия

Социальные границы современного гетто: пример Сабон Гари

Social Borders of a Modern Ghetto: The Sabon Gari Case

State of neglect and recent security problems make residents of Sabon Gari area seek for explanatory models for such a state of affairs. The ones witnessed by me ruin a synonymy of “Hausa” and “Muslim” and question habitual dichotomy indigenous/non-indigenous with respect to those without a certificate of indigeneity. Once a system of settling apart migrants from southern part of Nigeria and locals, Sabon Gari became, on the one hand, an abortive gated community, a neglected area for its residents, and a short term shelter for those converted into Christianity from Islam. On the other hand, since re-implementation of Sharia law in metropolis of Kano it has been an islet of relative freedom for those who are ready to welcome re-implementation of Sharia law only with reservations. Alongside of existent stereotypes in respect of “Other”, these factors have an effect on assumptions of Sabon Gari residents concerning city space, which in turn cause day-to-day itineraries and intracity migration. Against a backdrop of such a situation, the fact that maguzawa (“pagans”, “non-Muslim locals”) Christians call themselves “pure Hausas”

raises a question of genuine native residents of Kano as well as forecloses Hausa people to be Muslims by default.

Секция VIII-4. Законность и развитие в современной Африке

Panel VIII-4. Justice and Development in Contemporary Africa

Руководитель: *Фитуни Л. Л.*, Институт Африки РАН, Москва

Convener: *Leonid L. Fituni*, Institute for African studies, Moscow

Сессия будет посвящена широкому спектру правовых вопросов в тесной увязке с проблематикой социально-экономического развития современной Африки. Хотя правовой ракурс дискуссии будет доминирующим, главными объектами изучения должны стать социальные, экономические и политические проблемы стран континента. Сессия включает рассмотрение как ряда фундаментальных составляющих (институты права и инструментарий правоприменения в Африке, взаимосвязь между местным правовым климатом и развитием), так и правовой аспект конкретных специфических проблем развития государств современной Африки (стабильность, безопасность, законность, права человека, борьба с бедностью, вопросы окружающей среды, устойчивость финансовых систем, государственное управление и открытость, социальная справедливость, противодействие коррупции, организованная преступность и другие дестабилизирующие факторы, включая терроризм). Сессия, возможно впервые, рассмотрит потенциал новых крупных акторов (в частности, БРИКС) в деле укрепления законности, как фактора улучшения условий социально-экономического развития Африки.

This panel seeks to address a number of key issues relating to justice in the broad context of African development. The discussion of these issues is primarily from the perspective of legal justice, but it properly comprehends relevant social, economic and political considerations. The panel focuses on a variety of broad areas: the institutions and instruments of justice in Africa; interconnection between local legal environments and development; specific legal issues in African development such as stability, security, integrity, human rights and the environment; stability in financial systems; governance and transparency; the control of corruption; serious crime, and other destabilising factors including terrorism. The panel will also research the newly discovered potential of the emerging powers (viz. BRICS) for the delivery of justice and development in Africa.

Фитуни Л.Л.
Институт Африки РАН, Россия
Leonid L. Fituni
Institute for African Studies
Moscow, Russia

**Africa in the System of Global Governance: In Search of Legitimacy,
Justice, and Development**

**Африка в системе глобального управления: в поисках законности,
справедливости и развития**

По основным макроэкономическим показателям и индикаторам человеческого развития большинство стран Африки продолжают оставаться на последних местах в мировых рейтингах. Вооруженные конфликты, социально-политическая напряженность, а также обострение проблем бедности, голода, распространения инфекционных заболеваний на континенте заставило мировое сообщество вынести африканскую тематику в число глобальных проблем человечества.

В целом отношение африканцев к идее глобального управления (ГУ) двойственное. С одной стороны, они понимают важность международной поддержки, в том числе и транснациональных структур, направляющих векторы развития стран континента по пути преодоления отсталости. С другой, в Африке вопросы суверенитета, национального владения и распоряжения ресурсами развития стоят как нигде более остро, часто доводя страны и народы континента до прямых вооруженных конфликтов. Уступка хотя бы малой доли суверенных прав в пользу кого бы то ни было нередко воспринимается как национальное предательство.

Долгое колониальное прошлое, сравнительно недавнее обретение странами континента политического суверенитета заставляет многих африканцев и, особенно, африканских лидеров настороженно воспринимать такие конструкты теории глобального управления как «глобальное гражданское общество», «глобальное достояние»,

«ресурсный национализм» (как осуждаемая негативная коннотация), «глобальные ценности», «гуманитарная интервенция», «глобальное правосудие», «мировое правительство», «глобальное лидерство», «превентивная дипломатия» и т.п. Африка в значительной степени остается частью мира, где словосочетание «глобальное управление» нередко воспринимается в исходном семантическом значении – в прямом смысле.

Абрамова И.О.
Институт Африки РАН, Россия
Irina O. Abramova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Legitimacy, Justice, and Economic Growth in the Context of Africa's Development Goals in the 21st Century

Законность, справедливость и экономический рост в контексте целей развития Африки в XXI веке

Феномен глобализации, обусловивший стремительный рост масштабов, увеличение разнообразия и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей как на уровне государств, так и межличностных отношений, неоднозначно повлиял на «распределение и перераспределение ролей» в мировой экономике, способствуя, по сути, закреплению неравномерности участия стран и регионов в формировании новой экономической модели мира и поставив под сомнение справедливость будущей модели мироустройства.

Укорение современных тенденций мировой экономики поставило африканские страны в весьма сложное положение. Перемены в мировом хозяйстве конца XX в. не способствовали повышению роли стран Африки в формировании экономической модели мира, ослабили их позиции на внешних рынках и усугубили трудности равноправной интеграции в мировое хозяйство. Переход развитых стран на постиндустриальную

модель развития обусловил еще большее отставание стран региона от передовых направлений экономики.

В докладе анализируются изменения, которые произошли в характере, направленности и силе воздействия внешних (экзогенных) факторов на африканскую экономику в период 2007–2016 гг. К их числу относятся вопросы внешней помощи, условий торговли, инвестиций, денежных трансфертов, политики международных институтов, отдельных мировых держав и ТНК в отношении Африки. Автор доказывает, что Африка все еще выступает в мировом хозяйстве как часть периферии, условия участия которой в международном сотрудничестве и обмене сегодня в большей части определяются не столько ею самой, сколько ее партнерами.

Barry Rider
University of Cambridge, UK
Б. Райдер
Кэмбриджский университет
Великобритания

Распространение стандартов неподкупности, принципиальности и честности на Юге Африки: новые и не столь уж новые стратегии

Promoting Integrity in Southern Africa – new and not so new strategies

This paper will focus primarily not on the mistakes that have been made by many, in attempting to reduce the levels of conduct that are inimical to integrity and arguably impede and undermine sustainable development in southern Africa, but rather canvas new and re-modelled strategies that may have a better chance of success. The paper does not therefore dwell on the past, but looks to the future. In doing so it does not give undue priority to issues of law and especially law reform as by and large the development and reception of law has been sound. Instead it focuses on the approach of pertinent authorities to the

administration and policing of these laws and suggest, within what are always limited resources, revised priorities.

The paper does not pretend to analyse these issues from the perspective of a criminologist or economist, but rather to look at the practical issues from the perspective of sustainable development. While concerned with issues relevant to integrity in a broad context, it takes as an example, the international initiatives against corruption and directly related issues such as anti-money laundering and the recovery of stolen assets.

Klaus H. Lange

Institute for Transnational Studies

Landshut, Germany

К. Х. Ланге

Институт транснациональных

исследований

Ландсхут, Германия

Провал усилий ИГИЛ по «построению нации»: попытка серьезного анализа

A closer look at IS failure of “nation building”

The paper dwells on the rise of the so called **Islamic State** which mercilessly points to the lack of problem-solving capacity on part of the political class of established nation states.

The Islamic State (IS) has taken roots in areas where, due to the continuity of traditional frameworks of identification, pseudo-nation states found fertile ground to originate. Nation building was conjured up and enacted by deeply authoritarian or dictatorial power elites and was never able to permeate society on its whole. This state of affairs could maintain a certain stability as long as the pseudo nation state was able to deliver the goods - meaning to provide an acceptable minimum of material security. Failing to do so the pseudo nation states collapsed and the true structure of society, namely a

conglomerate of tribes, extended family systems, clientele systems, often intertwined with one each other, came into existence: During the “low ebb of delivery of goods” on part of the pseudo nation states the smooth “sea-surface” of false conjuration of unity disappeared and revealed the true lacerated nature of the not at all smooth “seabed”.

This was the right moment to offer replacement for the discredited framework of identification called “nation state” and the idea of a new transnational order could take roots in societies which in reality were deeply fragmented.

The failing of pseudo-nation states has opened up vast opportunities for transnational ideologies such as the ones on which success regarding recruitment on part of IS, is living. This context has not yet sufficiently been taken cognizance of by the political class which is mostly not used to abstract thinking. This again is due to the selection process through which in party political democracies the political class is constituted. The result is that politicians in most cases are not really able to understand a phenomenon such as IS - let alone to efficiently tackle problems which are caused by that phenomenon. The average politician is used to turn a blind eye to problems which transcend his world of problems in which the nation state is the God-given historical subject and party political democracy the only system in which people disposing of problem solving capacities can rise.

In that sense it is the obscene parochialism of the political class which allows for the solution of problems such as the ones caused by IS only once the maximum damage has already occurred. Until this has happened we must expect that political decision makers will doggedly cling to a mindset they are used to, yet is unable to come to terms with phenomena which are situated beyond the small world which is constituted by the quest for re-election and vane fuss of media-prone activism

Hans-Ulrich Helfer
Transparency, Zürich, Switzerland
Х.-У. Хельфер
«Transparency», Цюрих, Швейцария

Африканские беженцы: проблемы детей и женщин

Frauen und Kinder auf der Flucht

Women and Children on the Run

В каждой войне женщины и дети неизбежно становятся жертвами насилия, эксплуатации и рабства. Почти во всех случаях виновниками преступления являются мужчины. В особой опасности оказываются женщины и дети, когда они становятся беженцами. Происходящее вдали от Европы, в Черной Африке, почти не заботит большинство европейцев. Но теперь география проблемы уже не та, что прежде: беженцы устремились к сердцу Европы, а вместе с ними на континент перетекают многие виды преступлений в отношении женщин и детей. Настало время реально проанализировать ситуацию, довести ее до сведения европейцев и предпринять действенные шаги.

Согласно данным Комитета ООН по делам беженцам, большинство женщин становятся беженками не из-за притеснений и преследований по политическим и религиозным мотивам. Но сожжение вдов, невыносимые ритуальные и религиозные практики или изнасилования и другие подобные причины, тоже часто заставляют женщин покидать родину. Распад социальных и общественных структур общества приводит к росту насилия. Во многих гражданских войнах систематические изнасилования женщин и девочек становятся одним из элементов целенаправленной стратегии ведения войны. Женщины, которые являются жертвами насилия страдают от длительных психологических расстройств, депрессии, суицидальных мыслей и последствий социальной изоляции. Страх является постоянным спутником беженок из-за угрозы сексуального

насилия, голода и болезней, потери членов семьи и неопределенного будущего. Женщины покидают свои дома в основном в одиночку или с детьми и пожилыми членами семьи, потому что их мужья, отцы или братья убиты, захвачены или были мобилизованы в качестве солдат или повстанцев. В трудных условиях эти женщины обеспечивают выживание семей.

На основании положительных результатов оценки пилотного проекта, Федеральный совет Швейцарии принял решение о создании в будущем национального учреждения по правам человека для дальнейшего решения данной проблемы с учетом складывающейся сегодня практики. Создание независимых государственных органов национального правозащитного учреждения в качестве многофункционального интерфейса и центра компетенции будет существенно усиливать и дополнять существующую архитектуру прав человека в Швейцарии. С законодательной основой должны быть созданы условия для бесплатного базового финансирования учреждения. Федеральное правительство будет участвовать, как и прежде с годовым бюджетом в 1 миллион швейцарских франков.

Ульченко Н.Ю.
ИСАА МГУ им.М.В. Ломоносова
Natalia Yu. Ulchenko
Lomonosov Moscow State University
Russia

Turkey's Social Policy in the Party of Justice and Development's Years in Power (2002-2016): On Evaluation of Its Effectiveness

Социальная политика Турции Партии справедливости и развития (2002-2016): к вопросу об оценке эффективности

Одна из отличительных особенностей правления пришедшей к власти в Турции в 2002 г. и правящей поныне Партии справедливости и развития заключается в заметной активизации социальной политики. С

точки зрения использования бюджетных средств данная особенность проявилась в заметном увеличении удельного веса прямых социальных расходов, а также трансфертов государственным организациям и фондам социального страхования и социальной помощи. В итоге, если длительное время структура бюджетных расходов в республиканской Турции характеризовалась заметной долей средств, направлявшихся на финансирование государственных инвестиционных проектов, то теперь на фоне их уменьшения произошло смещение акцента в пользу расходов на социальные цели. При этом сложилась определенная специфика социальной политики правящей партии. С одной стороны, она опиралась на принцип универсальной доступности, но с другой - неизменно ориентировалась на особую группу интересов – бенефициаров правительства ПСР, являвшихся в силу объективно низкого имущественного статуса наиболее активными потребителями государственной социальной помощи, и, как следствие, - особенно горячими сторонниками правительства. В соответствии с двойственными целями социальной политики применялась специфическая система ее финансирования – как через формальные (бюджетные), так и неформальные каналы перераспределения, которые не использовали напрямую средства бюджета Центрального правительства, а финансировались внебюджетным Фондом социальной поддержки и солидарности, связанной с ним Администрацией жилищного строительства, и муниципалитетами, контролировавшимися Партией справедливости и развития. Таким образом, для правящей партии исключительно важными являются не только общедоступные социальные гарантии, но и различные по преимуществу адресные виды социальной помощи, предоставлявшиеся гражданам с низким имущественным статусом. В отлажено работающих экономических системах социальная помощь предназначена лишь для корректировки недочетов, выявляющихся в ходе функционирования системы социального

страхования. Но в Турции широко использовавшаяся социальная поддержка представляла собой особую, вполне самостоятельную, а не вспомогательную форму социальной политики. При этом в ходе предоставления разнообразных форм социальной помощи тесно переплетались два фактора: поддержка наиболее нуждающихся слоев населения, что в большой мере оправданно, и одновременно налаживание эффективной связи ПСР со «своими» избирателями - наиболее активными сторонниками правящей партии на выборах разного уровня. Таким образом масштабной социальной помощи оказалась отведена новая, не свойственная ей ранее роль. При этом представляется важным оценить не только электоральную эффективность социальной политики ПСР, но и ее вполне конкретные социально-экономические результаты на основании использования таких критериев, как результативность расходов бюджета, сокращение неравенства в распределении доходов, работоспособность социальных лифтов и др.

Саенко А.
Институт Африки РАН, Россия
Alexey Saenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Social Responsibility of the Russian Private Business in Africa and Its Contribution to the Development of the Countries of the Continent

Социальная ответственность в практике деятельности российского частного бизнеса в Африке и его вклад в развитие стран континента

Принято считать, что российский частный бизнес в целом мало заинтересован в решении вопросов, выходящих за рамки его непосредственных деловых интересов и не сулящих немедленной финансовой отдачи в виде прибыли. На деле это представление ошибочно. Имеющийся опыт деятельности в Африке крупных российских частных

корпораций и акционерных компаний с участием госкапитала показывает, что они достаточно активно участвуют в решении задач, относящихся к сфере социальной ответственности бизнеса. У многих из них (Лукойл, Алроса, Ренова, Росатом и др.) существуют специальные программы, ориентированные на социальную, экономическую поддержку и решение насущных проблем в странах Африки, где они ведут свой бизнес.

Для стимулирования развития российскими частными компаниями бизнеса в Африке, целесообразно рассмотреть решение государством следующих системных вопросов:

1. Информационный. Необходима организация коммуникационных площадок, которые позволяли бы информировать широкий круг предпринимателей о потенциальных направлениях сотрудничества с африканскими странами.
2. Правовой. Разработка и принятие международно-правовых актов, механизмов защиты инвестиций.
3. Финансовый. Необходима организация понятной и доступной системы поддержки со стороны государства компаний, развивающих сотрудничество с африканскими партнерами. В первую очередь система экспортного финансирования. Существующий механизм поддержки экспортной деятельности доступен только крупным компаниям.
4. Льготное налогообложение для компаний, осуществляющих инвестиционную деятельность в Африке.
5. При осуществлении деятельности крупными российскими корпорациями (как локомотивами развития сотрудничества) в африканских странах, рассмотреть возможность обязать их привлекать до 30% (и более) субподрядчиков из числа российских компаний, относящихся к МСП.

Hamze Mohamud Hassan
East African Law Firm, Hargeisa

Х. М. Хассан
Восточно-африканская юридическая фирма
Харгейса

Международное признание Сомалиленда и других отделившихся регионов

International Recognition of Somaliland and other Breakaway Regions

This paper considers interactions with different powers to further international recognition of unrecognized states or breakaway regions, such as Somaliland. The paper addresses the role of Russia and other countries in the debate surrounding whether Somaliland ought to be recognized. Somaliland is a country with a history of its own, whose borders were demarcated in the late nineteenth century and legally mapped as “Promulgated State” by the British Crown in early 1930s of this century, On the 26th of June 1960 we gained our independence, and on that faithful morning thirty-eight countries, including the five permanent members of the United Nations Security Council (UNSC) at that time. Somaliland, after receiving its independence in 1960, voluntarily joined Somalia. In 1991, after a tragic union with Somalia, Somaliland opted to return to its original British Protectorate boundaries. The African Union sent a high level team to Somaliland to assess the situation.² their report indicated that Somaliland should be treated differently to other situations of cessation in Africa. The AU report says: 'The fact that the 'union between Somaliland and Somalia was never ratified' and also malfunctioned when it went into action from 1960 to 1990, makes Somaliland's search for recognition historically unique and self-justified in African political history.'

Дмитриев Р.В.
Институт Африки РАН, Москва
Ruslan V. Dmitriev
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions

Пространственная экспансия исламского экстремизма в странах бассейна озера Чад: современное состояние и перспективные направления

Активное разворачивание в настоящее время деятельности исламистских группировок в странах бассейна озера Чад увеличивает вероятность рождения здесь новых и развития существующих межэтнических и межрелигиозных конфликтов. Вероятная поддержка в различных формах со стороны подобных организаций в других регионах мира может привести к возникновению транснациональных панрелигиозных образований. В то же время локальные этнические, географические и иные особенности данного региона служат основой формирования противоположно направленных тенденций. Они могут иметь своим следствием появление на политической карте Африки новых квази- или истинных государственных образований, отстаивающих собственные интересы. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что появление новых ячеек исламских экстремистских организаций, таких как «Боко Харам», наиболее вероятно в пределах территорий, населенных преимущественно мусульманами. При этом чем ниже уровень их грамотности и уровень доходов, тем выше эта вероятность. В качестве территориального полигона выбраны административные единицы первого порядка – геополитические зоны (на втором этапе анализа – штаты) Нигерии, регионы Нигера и Камеруна, макрорегионы Чада. Источниками данных о конфессиональной принадлежности их населения служат статистические базы «Обследования демографических тенденций и уровня

здоровья» (“Demographic and Health Surveys (DHS)”). Оценка уровня доходов и уровня грамотности производилась косвенным путем через приводимый там же индекс массы тела и рассчитанный нами показатель величины возрастной аккумуляции (модифицированный индекс Уиппля). Иерархический кластерный анализ с использованием статистического пакета для социальных наук SPSS позволил выделить на основе массива указанных данных четыре группы административно-территориальных единиц по уровню вероятности появления в них новых ячеек исламских экстремистских организаций. Выявлено, что потенциальный вектор дальнейшего территориального развития «Боко Харам» имеет западное и северо-западное направление. При этом формирование новых ячеек группировки в границах Нигерии более вероятно, нежели за пределами страны. Таким образом, в настоящее время и ближайшем будущем распространение исламских экстремистских организаций в странах бассейна озера Чад будет происходить на локальном уровне. Действие этнического фактора препятствует его глобализации и выдвигает на первый план сепаратистские процессы.

Niklas Hultin

George Mason University
USA

Н. Хултин

Университет им. Джорджа Мэйсона
Фэйрфакс, США

**Государства Залива, Турция и стремление к «исламской Африке»:
взгляд сквозь призму Гамбии**

**The Gulf States, Turkey, and the Rush for Islamic Africa as Seen through
The Gambia**

This paper examines the foreign policy of the Gambia, in particular its relationship to other Islamic states. As the relationship between the Gambia and

Western countries (EU/US) deteriorated during the reign of Yahya Jammeh (who stepped down in early 2017 after an electoral crisis that brought the country to the brink of an intervention by Senegalese and Nigerian armed forces), the Gambian government sought closer relationships to other Islamic countries such as Turkey and the Gulf States. These relationships were of multiple kinds, ranging from tourism to military aid, from support of religious organizations to poverty alleviation.

This paper reviews the relationship between the Gambia and these states in order to make two broader arguments 1) Various Islamic countries are increasingly active in sub-Saharan Africa. These activities can be understood as part of a competition between these countries to gain the geopolitical support of Islamic African countries. 2) The same countries offer an important resource to sub-Saharan countries and a way to recalibrate their geopolitical position away from the shadow of UK/US/France as well as China (the latter relationship dominating the scholarly discussion of Africa's geopolitics).

Секция VIII-5. Безопасность, коррупция и развитие в Африке
Panel VIII-5. Security, Corruption and the African Development Discourse

Руководитель: *Н. О. Арукве*, Университет Нигерии, Нсукка

Convener: *Nnanna Onuoha Arukwe*, University of Nigeria, Nsukka

In the unending discourse on development and sustainable development in Africa issues that relate to security and corruption have often featured as among the key factors impinging on Africa's development. Security is currently a global concern; however, there is hardly any place where the imperative for security appears to be more than the African continent, with different forms of conflict in virtually every region of the continent. Sustainable development is therefore mortally threatened in diverse ways by the subsisting security challenges of the continent. Also, corruption, as a multidimensional phenomenon, takes different forms and has different impacts in different locations and situations. Corruption has a pervasive influence in many diverse social, political, and economic systems; hence it is reported variously in the literature as a bane of social-cultural, political and economic development in Africa among others. The Panel welcomes contributions that look into the issues of the nexus between security and development, corruption and development, corruption, security and sustainable development as well as those examining any other possible permutations of relationships between these issues in Africa in specific terms of but not limited to governance, culture, economics, social development, case study materials as well as areas of everyday life in Africa. Not limited to the foregoing the panel also welcomes papers that bring different innovative and strategic perspectives to not only examining but transforming the issues relating to security, corruption, and African development.

Bilge Sahin
University of London, UK
Б. Сахин
Университет Лондона
Великобритания

Коррупция и безнаказанность как препятствия для международной помощи в борьбе с насилием на сексуальной почве в Демократической Республике Конго

Corruption and Impunity as Preventers of International Assistance to Challenge Sexual Violence in the Democratic Republic of the Congo

Development has been increasingly linked to Human Security. Security issues are addressed through enhancements to state capacity whereby development functions as a ‘liberal technology’ of Human Security.¹ The strong connection between development and security suggests transnational responsibility in cases where the state is not capable of or willing to fulfil its duties towards its citizens.² However, it remains an issue of debate to what extent international actors are able to drive development and provide security if the State is blocking the process.

In the Democratic Republic of the Congo (DRC), high numbers of sexual violence incidents are defined as a security threat by international actors. Development of state capacity and strengthening the legal institutions are prioritized as solutions. Several international organizations and donor countries provide extensive funding and assistance to projects on improvements of the legal system to challenge said crimes in the DRC. However, a lack of participation of the DRC government has led to failure in securing the sustainability of these efforts. Furthermore, several legal initiatives were blocked by the government to protect political and military figures. Therefore, corruption and impunity at a national level hampers efforts towards security and development in the DRC.

This presentation will employ Human Security as a theoretical framework to analyse the relationship between security, development, and corruption. This is followed by an examination of international assistance provided to the legal system to challenge sexual violence in the DRC and an analysis of the government's position on international assistance.

The presentation will conclude with an appraisal of the limitations of international assistance in an environment where State participation is limited or counter-productive.

M. Duffield 'Global Civil War: The Non-Insured, International Containment and Post-Inerventionary Society,'

Journal of Refugee Studies 21 (2008): 145-165.

B. Hettne, 'Development and Security: Origins and future' *Security Dialogue* 41 (2010): 31-52.

Olatunji A Olateju

Lagos State Polytechnic

Ikorodu, Lagos, Nigeria

О. А. Олатеджу

Политехнический университет

штата Лагос

Икороду, Нигерия

**Сдерживание коррупции в ходе избирательных кампаний в Нигерии
посредством неокommунитарной демократии**

**Halting Electoral Corruption in Nigeria with Neo-communitarian
Democracy**

The argument that elite party or cartel party has replaced mass-party cannot be overlooked in any discourse of corrupt electoral processes in Nigeria. The deafening level of corruption among the party leaders in Nigeria has rendered political parties ineffective in the discharge of their expected roles. Parties are expected to enhance voter turnout, provide information as to the policy differences between candidates, enhance individuals' psychological ties to elections or to their group identity and enhance social pressures to participate. It is therefore assumed that survival of democracy depends on strong and

sustainable political parties with the capacity to represent citizens and provide policy choices that demonstrate their ability to govern for the public good. This assumption beclouded us to see political parties as an essential and desirable institution for governance. Unfortunately, there has been a growing sophisticated challenge to the leadership thrown up by the electoral processes in Nigeria. Individuals and groups in Nigeria have come to realise that people are no better than spectators in governance and government as party practices offer them limited outlets to communicate with national decision makers. This challenge has opened space for an argument that political parties have lost relevance as vehicles of representation, instruments of mobilization, and channels of interest articulation and aggregation but harbingers of corruption and moral decadence. In view of this development, the paper through critical examination of existing literature, and through the weight of evidence, settles for the evolution of best-fit Neo-communitarian democracy that goes beyond the mainstream and dominant conception of democracy but rooted to African realities and trajectories, without diminishing the universality of the principles and tenets of democracy.

Daniel Mendes Aguiar Santos
Institute Brazilian Army
Command and Staff College
Rio de Janeiro, Brasil
Д. Мендеш Агиар Сантуш
Колледж командного и штабного
состава бразильской армии, Рио-де-Жанейро

Международные отношения: – от государств к людям. Проблема безопасности людей и применение стратегии ООН «Защита гражданских лиц» (Protection of Civilians, ПОС) в Южном Судане

International Relations, from States to Individuals: The Human Security Perspective and the Application of United Nations ‘Protection of Civilians’ (POC) Strategy in South Sudan

With the end of the Cold War, the acceleration of the globalization process promoted a multipolarity in International Relations (IR). Notwithstanding, the traditional bipolar conflict has given rise to new challenges: international organized crime, catastrophic terrorism, ethnic and religious conflicts and human migration crises. These new world order challenges cross the borders and the nations, changing the customary perception of security threats, both from states and individuals. In 1994, the UN Development Program proposed the concept of Human Security under a multifaceted approach (economic, food, health, environmental, personal, community, and political security), emphasizing the importance of Human Rights and development for the flourishing of security. Thus, in 1999, the Security Council (SC) recognized the issue of the ‘responsibility to protect’ (R2P) as paramount to security, in the face of violence against civilians in Rwanda and the Balkans. From then on, the Institution has been referring to Chapter VII of its Charter to equip the peacekeeping mandates. In this context, South Sudan became independent on July 9th 2011, following a long-running conflict with Sudan. Nevertheless, the scenario of violence remained, stemming from intra-state conflict dynamics. Therefore, the UN Mission in South Sudan

was established in order to promote security and development. Bearing these elements in mind, this paper combines both international practice and analytical contributions to explore the evolution of IR in the direction of an ethnocentric view, in the light of the concept of Human Security, by examining the application of the UN POC Policy in South Sudan.

Emmanuel Uzuegbu-Wilson

Babcock University

Nigeria

Э. Узугбу-Уилсон

Университет им. Бэбкока

Иперу-Ремо, Нигерия

**Управление сектором безопасности и его воздействие на развитие в
Нигерии: критический анализ**

**Security Sector Governance and its Impact on Development in
Nigeria: A Critical Analysis**

Since independence of the Nigerian state in 1960, insecurity remains the greatest hindrance to sustainable development with varied issues of insecurity emanating from a wide range of sources overtime. While the state adopts different models to combat the security challenges generated , the deficits in the management of security sector governance becomes an issue of great concern and need to be factored as a critical component for maintaining and sustaining development and human security. This is against the backdrop that the law enforcement system in Nigeria is fraught with a lot of issues and challenges that negatively impact on development. This paper therefore reviews the human security challenges facing the Nigerian state and critically examines the role that security sector governance plays in addressing those developmental challenges. The paper adopts a historical approach and qualitative descriptive survey method of research and also human security provisioning as theoretical framework for analysis. The paper concludes that a

comprehensive reform of the law enforcement agencies with a standard set for security governance remains critical to efforts aimed at addressing the developmental challenges of Nigerian.

Nnanna Onuoha Arukwe
Samuel Chinedu Ejiiofor
University of Nigeria, Nsukka
Н. О. Арукве, С. Ч. Эджиофор
Университет Нигерии, Нсукка

Мятеж Бoko Харам, насилие в дельте Нигера и биафрийский сепаратизм как критика конституционной политики и политики «развития» в нигерийском контексте

Boko Haram Insurgency, Violence in the Niger Delta and Biafran Separatism as Critique of Constitutional and ‘Development’ Policy in the Nigerian Context

This paper examines insurgency in Northern Nigeria and the Niger Delta region, and Biafran Separatism in the South-East and South-South geopolitical zones of Nigeria as spaces to understanding the dynamics of constitutionalism, democracy and social development in contemporary Nigeria as well as the consequences that they produce. The paper identifies a pattern to constitution-making, democracy and ‘development’ in Nigeria that have their origins in colonialism and on which framework the contemporary practice of constitution-making, democracy and social development in Nigeria are based. This pattern can be captured in published literature as well as in current concrete and unfolding experiences of the Nigerian peoples. The subsisting pattern ironically ends up reinforcing a progressive vicious circle of violence that tends to rotate among the country’s geo-political regions. The paper concludes on a note of advocacy for first a re-conceptualization and then a restructuring of constitution-making, democracy and social development policy in Nigeria and, by extension, sub-Saharan Africa along the lines of what naturally coincides to a considerable degree with the socio-cultural, economic,

and political interests of the ‘ordinary people’, who bear the brunt of violence in sub-Saharan Africa as well as constitute the tools for dispensing the violence.

Jude Okechukwu Chukwu
University of Nigeria, Nsukka
Дж. О. Чукву
Университет Нигерии, Нсукка

Бедность, неравенство, насилие и инклюзивное развитие в Нигерии

Paper title: Poverty, Inequality, Violence and Inclusive Development in Nigeria

The study was motivated by Nigeria’s consistent low ranking in human development index. In 2015, it ranked 152 out of 188 in 2015 below Mauritius which ranked 63 out of 188, and Algeria which ranked 83 out of 188. High incidences of poverty, inequality, violence and ethnic conflicts have been major concerns also. Achieving UN development goals on poverty, inequality, peaceful and inclusive societies despite earlier recorded economic growth have been challenging. The estimates of non-decomposable and decomposable inequality indicators point to the fact that high and rising levels of market income disparity and inequality were common. It is expected that all forms of inequalities be addressed in annual budgets in order to mitigate the problem of horizontal inequalities which drives violent conflicts and crimes as exemplified by the seemingly sectional “education is sin” conundrum in the north and agitation for “resource control” and “secession” in south. Horizontal inequalities increase the risk of violent conflict, and violence and conflict can worsen inequalities (Brinkman et al, 2013). Horizontal inequalities between-group and within-group are major drivers of violent conflicts in Nigeria, and their negative impacts on overall development are unprecedented. It is suggested that public policy that integrates inequalities into goals and sectoral targets with great emphasis on non-exclusion be formulated and implemented.

Perhaps still important is first, the implementation of mutually reinforcing policies to raise living standards; social welfare spending through school and hospital feeding programmes to reduce hunger and poverty; and third, massive increase in education and health spending for the poor. Finally, Acemoglu & Robinson (2012), posit in “Why Nations Fail” that the quality of institutions matter for poverty and inequality reduction. Thus, weak institutions, poor regulatory framework, political violence and inability to raise enough revenue are some of the reasons why Nigeria is currently classified a fragile state.

Aaron Ola Ogundiwin

Babcock University

Ilishan-Remo, Ogun State, Nigeria

А. О. Огундивин

Университет им. Бэбкока

Иперу-Ремо, Нигерия

Политика силы и проблема безопасности в Нигерии

Power Politics and Security Question in Nigeria

It is axiomatic that countries who organize their affairs under democracy that allows for ascension to power through keenly contested elections and multi-party systems do so largely because the contrary portends insecurity - and one can safely say insecurity in all its ramifications. But such a democratic system must also be one that is braced with critical electorate, strong spirit of nationalism and structural balance promoting social justice. However, the Nigerian state has come under an unprecedented security challenges since its return to democracy in 1999. Its democracy has been incubating and hatching violent insecurity that is stemming directly from power politics and ethnocentrism resulting in death in their hundreds and destruction of life-supporting amenities. Relying on historical data gathered by qualitative and quantitative methods, the paper critically reviews the state of insecurity in

Nigeria since its return to democratic governance in May 29, 1999, by making some critical and theoretical entries on causal factors of Nigeria's state insecurity. It concludes that addressing major foundational issues and by making salient policy overhauling that are thought capable of making ascension to power issues developmental oriented rather than incitement of primordial sentiment and political violence, is worthy of emergency consideration.

Emmanuel Chijioke Ogbonna
Adeleke University
Osun State, Nigeria
Э. Ч. Огбонна
Университет Аделеке
Эде, Нигерия

Историзм политического дефицита как препятствие развитию в Нигерии

Historicism of Political Deficit as Impediment to Development in Nigeria

Contemporary Nigerian political history is a reference point of varied uncoordinated dilemmas. These residues of history collide with the fortunes of progressive nation-building to the extent of impeding development. At once, Nigeria's developmental challenges are largely at the domain of political deficits manifested in the glaring unsettlement of historical dilemmas. These societal development impediments are at the core of human development issues in Nigeria hence there is the need for the reappraisal of historical uncoordinated dilemmas in an effort to put them to rest. These uncoordinated dilemmas are those issues like perpetual contention about the census figures from colonial era till date and its implications on the distributive stakes of geopolitics, derivation principle/resource control, questions about the structure of the country and contentions about the legitimacy of the present state inherited at independence

from Great Britain. The relevance of the revisit of uncoordinated dilemmas lies on the understanding that the contest for the legitimacy of the state and questions of loyalty by discontent groups and more often than not, the decentralization of instruments of violence by seemingly freedom fighters increasingly leaves the future of the Nigerian state uncertain, while development remains elusive. It is these thematic issues that the paper seeks to explore employing historical descriptive method which would rely on secondary data, and analyzed through content analysis. Theory of power-sharing which is an essential model for the management of 'badly divided societies' is adopted here as a framework of analysis. This paper in its recommendation, calls for the convening of a historical commission as a prelude to arriving at the quintessential socio-legal framework that would hoist the development of the Nigerian state.

Tatyana Denisova
Institute for African Studies
Moscow, Russia
Денисова Т. С.
Институт Африки РАН
Москва, Россия

**Президентские выборы в Тропической Африке: «псевдодемократия»,
насилие и коррупция**

**Presidential Elections in Tropical Africa: "Pseudo-Democracy",
Violence, and Corruption**

In the late 1990s-early 2000s, a "wave of democratization" swept through the African continent. In nearly all countries of Tropical Africa presidential, parliamentary, gubernatorial, provincial, local and other elections have become a familiar feature of political life, and if observers do not reveal serious violations, the elections are considered valid, and society, whether it gets a new leader or keeps the old, walks along the path of democratization. This does not

take into account the fact that in the African context, an election may become a matter of life and death for candidates or their voters, as contenders often resort to extreme methods to protect their electoral interests.

In principle, a victory in a democratic election is seen as the main condition for legitimising a ruler, who thus receives the right to do what he promised during the election campaign. In case he implements the declared programme, he is able to confront the opposition confidently, the latter not being able to challenge the policies of the legitimate government legally. This should also help to reduce the level of violence: even if irreconcilable opponents of the regime do not recognize the rights of the legitimate government to pursue its policy, they will find it difficult to secure mass support for violent actions, because they cannot claim that their struggle is just.

The report will focus on the causes of these changes and their essence and will try to answer these questions: has it really been democratisation? Are political regimes in Africa beginning to implement "people's power"?

**Секция VIII-6. Формальный и неформальный город в Африке:
планирование и дилеммы управления**

**Panel VIII-6. The Formal and the Informal City in Africa: Planning
and Governance Dilemmas**

Руководитель: Дж. И. Нвака, Университет штата Абия, Утуру, Нигерия
Convener: *Geoffrey I. Nwaka*, Abia State University, Uturu, Nigeria

Urban planning and governance have not adapted fast enough to the extraordinary situation of rapid urban change in Africa. The planning profession is in many respects still prisoner of received laws and codes tied to the colonial tradition, and established prior to the rapid urban expansion of the post colonial period. Many analysts have observed in post colonial Africa “a new process of urbanization unleashed by the masses of relatively low income migrants who have flocked into the cities since independence, and are seeking to solve their problems of accommodation and employment informally, and on their own terms...; the urban poor are dominant, and in most cases are transforming the city to meet their own needs, often in conflict with official laws and plans.” UN-Habitat estimates that sub-Saharan African cities have over 166 million slum dwellers, most of who work in the informal sector where they simply do not earn enough to afford decent shelter and service. What does sustainability mean for such cities and townspeople? Government officials and planner, who often aspire to international standards of modernity, face a difficult dilemma of how to plan and manage this rapid urban growth in a way that promotes employment, income and shelter for the poor, and at the same time ensures a reasonably orderly, healthy and socially acceptable environment. Unfortunately, many of these officials tend to blame the victims, and to see the urban poor, the informal sector and the slums in which they live as evidence of the failure of official policy, and therefore something to be removed through misguided policies of forced eviction and other forms of repression. But current research suggests that the path to urban peace and sustainability in Africa lies in building more inclusive and socially equitable cities “where everyone, regardless of their economic means, gender, age, ethnic origin or religion are enabled and empowered to participate productively in the social, economic and political opportunities that cities offer”. The panel invites papers that consider appropriate, realistic and balanced ways to respond to the economic, social and governance challenges of rapid urban change in Africa.

Alexei Akseshin
The State Hermitage museum
St. Petersburg, Russia
Аксешин А. С.
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия

Социальные границы современного гетто: пример Сабон-Гари

Social borders of a modern ghetto: a Sabon Gari case

State of neglect and recent security problems make residents of Sabon Gari area seek for explanatory models for such a state of affairs. The ones witnessed by me ruin a synonymy of “Hausa” and “Muslim” and question habitual dichotomy indigenous/non-indigenous with respect to those without a certificate of indigeneity.

Once a system of settling apart migrants from southern part of Nigeria and locals, Sabon Gari became, on the one hand, an abortive gated community, a neglected area for its residents, and a short term shelter for those converted into Christianity from Islam. On the other hand, since re-implementation of Sharia law in metropolis of Kano it has been an islet of relative freedom for those who are ready to welcome re-implementation of Sharia law only with reservations. Alongside of existent stereotypes in respect of “Other”, these factors have an effect on assumptions of Sabon Gari residents concerning city space, which in turn cause day-to-day itineraries and intracity migration. Against a backdrop of such a situation, the fact that maguzawa (“pagans”, “non-Muslim locals”) Christians call themselves “pure Hausas” raises a question of genuine native residents of Kano as well as forecloses Hausa people to be Muslims by default.

Esther Mufunda
Mercy Mudzingwa
Zimbabwe Open University
Zimbabwe
Э. Муфунда
М. Мудзингва
Открытый университет
Зимбабве, Хараре

**Ужасы сетевого блокировщика траффика в Хараре: угрозы и
возможности**

Traffic gridlock nightmares in Harare: Challenges and Possibilities

The traffic gridlock nightmares in Harare City centre are a symptom of urban planning and governance that are not in sync with today's reality of development. This paper explores the causes, impact and possible solutions to the traffic nightmares being experienced. The study used an exploratory design with interviews, observations and documentation reviews to collect data. The snail-pace adaptation to urban changes by urban planners, upsurge of traffic volumes and resurgence of informal sector enterprises in the city centre were reported as major contributors to the problem. This in turn adversely increases fuel consumption, air and noise pollution, road traffic accidents and predisposes people to ill health. Therefore, a holistic and sensitive approach to solving the problem of traffic congestion needs to be adopted.

Geoffrey I. Nwaka
Abia State University
Uturu, Nigeria
Дж. И. Нвака
Университет штата Абия
Утуру, Нигерия

Строительство справедливых, инклюзивных и устойчивых городов в Африке

Building Just, Inclusive and Sustainable Cities in Africa

The battle for sustainability in Africa will be won or lost in the rapidly growing cities of Africa, and many agree that it is best to target the poverty problem where it is growing fastest - in the cities. UN-Habitat estimates that sub-Saharan African cities have over 166 million slum dwellers, most of who work in the informal sector where they simply do not earn enough to afford decent shelter and services. What does sustainability mean for such cities and townspeople? Agenda 21 of the Rio Summit emphasizes that sustainable development has to be socially just and ecologically stable.; and the post-2015 development agenda underscores the need to make cities and human settlements inclusive, safe and sustainable. In most African cities some elite neighborhoods enjoy relatively high quality housing and residential environment, but the bulk of the urban poor live in appalling and health-threatening conditions. The poor suffer disproportionately from the health effects of environmental problems and climate change. They are more vulnerable to increasing crime and violence in the cities. They have little or no social protection, and rely largely on their own means, and on traditional kin-based social security networks. The pattern of government spending on health and other social sectors tends to favor the well-off in society. Indeed government officials tend to see the urban poor and the informal sector as evidence of the failure of official policy, and therefore something to be removed through misguided policies of forced eviction and other form of repression. But

current research suggests that the path to urban peace and sustainability lies in building more inclusive and socially equitable cities “where everyone, regardless of their economic means, gender, age, ethnic origin or religion are enabled and empowered to participate productively in the social, economic and political opportunities that cities offer”. The paper examines how growing poverty and widening inequalities in African cities can best be addressed.

Секция VIII-7. Гендерный аспект национальных, региональных и глобальных перемен в Африке

Panel VIII-7. The Gender Dimension of National, Regional and Global Changes in Africa

Руководители: *Крылова Н.Л.*, Институт Африки РАН, Москва, *Ксенофонтова Н.А.*, Институт Африки РАН, Москва.

Conveners: *Natalia L. Krylova* , Institute for African Studies, Moscow, Russia; *Natalia A. Ksenofontova*, Institute for African Studies, Moscow, Russia

В работе Секции предполагается обсуждение комплекса проблем, связанных как с исторической составляющей, так и с современным отношением к гендерной ситуации, с ее влиянием на развитие стран Африки в условиях глобализационных изменений. Участникам будет предоставлена возможность проанализировать самые различные аспекты гендерной ситуации. Среди них: особенности и причины неравенства полов в разных странах и регионах Африканского континента; издержки дискриминации женщин в основных правах, в доступе к образованию, ресурсам и экономическим возможностям, к участию в общественной жизни и выражению своих интересов через женские общественные и политические организации. Докладчикам предлагается также затронуть гендерные аспекты национальной, социальной и культурной самоидентификации; проблемы обретения идентичности в движении миграционных потоков и др. Чрезвычайно важны также вопросы о том, какие необходимо предпринять усилия со стороны государства, чтобы преодолеть препятствия, стоящие на этом пути.

Для осуществления поставленных задач планируется организовать междисциплинарную площадку для научного и научно-практического диалога между специалистами широкого круга социально-гуманитарных дисциплин. К обсуждению приглашаются историки, этнологи, антропологи, социологи, демографы, экономисты, психологи, политологи, педагоги, литературоведы, юристы, культурологи, философы, представители общественных организаций.

The panel will discuss the complex of problems connected with the historical component as well as the modern attitude to gender situation, with its influence on the development of African countries in conditions of global changes. Participants will be given the opportunity to analyze various aspects of the gender situation. Among them: the characteristics and causes of gender

inequality in different countries and regions of the African continent; the costs of discrimination against women in basic rights, access to education, resources and economic opportunities, participation in public life and expression of their interests through women's public and political organizations. Presenters are also invited to address the gender aspects of national, social and cultural identity; problems of identity acquisition in movement migration flows etc. are also crucial questions about what efforts should be made by the state to overcome the obstacles that stand in the way. To implement these tasks it is planned to organize an interdisciplinary platform for scientific and practical dialogue between specialists from a wide range of social-humanitarian disciplines. For discussion are invited historians, ethnologists, anthropologists, sociologists, demographers, economists, psychologists, political scientists, pedagogues, literary critics, lawyers, culture experts, philosophers, representatives of public organizations.

Ксенофонтова Н.А.

Институт Африки РАН, Москва

Natalia A. Ksenofontova

Institute for African Studies

Moscow, Russia

Aggression as a Gender Category

Агрессия как гендерная категория

Агрессия – одно из древнейших, сильнейших и разрушительных свойств эмоциональной, социальной и политической жизни, как отдельных индивидов, так и социумов различного уровня от семьи и деревенской общины до государственных образований. Оно поддается психологическому, историческому и социально-политическому измерению в зависимости от конкретного культурного и цивилизационного контекста.

В африканских обществах прошлого и современных социумах жизнь людей перенасыщена актами жестокости и насилия, как между отдельными индивидами, так и между странами. Исследователю важно разобраться, какое место агрессия занимает в иерархии жизненных ценностей и стратегий конкретной личности и общества в целом.

Одним из важнейших аспектов данной проблемы являются межличностные отношения между полами и поколениями, между различными этносами и государствами, в которых больше всего страдают женщины и дети. Любое агрессивное действие можно рассматривать как средство реализации власти и господства. От глубокой древности до современности все экономические, политические, социальные, идейные и религиозные противоречия и акты насилия являются гендерно кодированными. Они не только оказывают различное влияние на мужчин и женщин, но и в значительной степени реализуются через порядок отношений между ними и при этом перестраивают эти связи и общепринятые формы мужественности и женственности. Агрессия – неперемный атрибут мужской культуры патриархального общества, который заключает в себе извечный конфликт между полами.

Исследуя истоки и происхождение агрессии, можно сделать вывод, что женская и мужская разновидности этого чувства имеют неодинаковую природу и цели. Зарождение и формирование враждебности между полами является одним из ключевых моментов осознания своей гендерной идентичности. В традиционных африканских обществах для сохранения социального и психологического равновесия проводились ритуалы «перемены статуса», когда мужчины и женщины менялись одеждой, ролями в области производства и обычаев. В настоящее время они, эти ритуалы, утрачивают свою силу. И гендерные конфликты или вовсе не сглаживаются, или регулируются государственными законами, которые не везде имеют реальную силу.

Крылова Н.Л.
Институт Африки РАН, Москва
Natalia L. Krylova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Compatriot Women in Africa: Characteristics of the New Generation

Соотечественницы в Африке. характеристики нового поколения

Несмотря на относительно короткую историю афро-русских смешанных браков, в последние годы в них просматриваются новые тенденции, порожденные глобализационными процессами. Если первые когорты русских невест в конце 50-х годов XX века выходили замуж в основном за африканских студентов советских вузов и затем отправлялись на постоянное место жительства на родину мужа, то XXI век привнес новшества в организацию смешанных семей данного типа, связанные как со сменой их социального состава, так и с географией размещения. Первый весьма разнообразился. Теперь мужья россиянок - это не только представители учащейся молодежи; среди избранников-африканцев появились бизнесмены, партнеры смешанных предприятий, корпус представителей туристического бизнеса, наемные рабочие, беженцы, наркоторговцы. Изменился и социальный портрет соотечественницы, решившей связать свою жизнь с африканцем. Прежде всего, сократилась их численность. Одновременно заметно снизились образовательная планка, мотивация подобного брачного выбора стала более конъюнктурной.

С другой стороны, возросла миграционная мобильностью членов таких семей в самом широком спектре этого понятия. Законодательные базы – отечественная и ряд зарубежных – более лояльно, чем раньше, толкующие перемещения из страны в страну, предоставляют возможность обеим сторонам в межрасовом браке более свободно перемещаться не

только с родины мужа на родину жены, но и в третьи страны в поисках более комфортабельных условий существования. Это означает, что определенное число супружеских афро-русских пар, завершив дела или учебу в России, становится транзитными эмигрантами, перемещаясь, как это было раньше, не на родину супруга, в одну из африканских стран, а в европейскую страну или на другой континент. Часть таких пар мигрируют постоянно, поэтому и Африка, и Европа могут стать некими промежуточными этапами устройства смешанной семьи.

С другой стороны, это усложняет ситуацию для соотечественницы, поскольку ей приходится заново адаптироваться, и не только к новой для нее форме смешанной семьи и особенностям ее существования; приспособливаться приходится также – зачастую неоднократно - к новому месту жительства и сопряженным с этим освоением элементов новой культуры.

Кочанова Т.В.
Институт Африки РАН, Москва
Tatiana V. Kochanova
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Growing Role of Women in the Socio-Political Life in South Sudan

Возрастающая роль женщин в социально-политической жизни южносуданцев

В июле 2011 года в результате проведенного референдума в Южном Судане более 10 млн человек обрели независимость, проголосовав за отделение Юга Судана от Севера и учреждение суверенной Республики Южный Судан. Основную долю социально активного населения в период голосования составили женщины, по большей части молодые женщины.

Женская активность стала проявляться в регионе задолго до 2011 года, еще с самого начала постколониального периода. Еще во времена 17-

летней Первой суданской (1955-1972гг.) и 22-летней Второй суданской (1983-2005 гг.) гражданских войн, которые уносили сотни тысяч жизней коренного населения, южносуданские женщины, в основном христианского вероисповедания, в меру своих сил и возможностей участвовали в борьбе за мир и независимость юга, помогая повстанческой Народной армии освобождения Судана (НАОС)/Народно-освободительному движению Судана (НОДС) противостоять установленному мусульманским и арабским правительством хартумскому режиму, базирующемуся на севере страны. Многие нынешние женщины-политики еще тогда, став одержимыми в своей борьбе за свободу, встали на путь, ведущий к переменам.

Во многом женщинам Южного Судана обрести уверенность в своих силах и сформировать свою позицию помогли их сподвижницы из-за рубежа, проводя обучающие семинары, курсы, конференции. Роль международных женских организаций, женщин-миссионеров переоценить трудно. Именно они обеспечили очень высокий процент явки женщин на референдум 2011 года (более половины от всех зарегистрированных участников голосования), именно они в дальнейшем способствовали вовлечению представительниц так называемого слабого (в данном случае «слабого» с точки зрения образованности) пола в общественно-политическую жизнь страны.

Очень трудным для женщин оказался период военно-политического кризиса, разразившийся в Южном Судане с 2013 года и практически до 2016 года, когда противостояние правительственных и оппозиционных сил довело страну до хаоса, грабежей, насилия - до гуманитарной катастрофы. Но, несмотря ни на что, обладая очень крепкими природными данными, мощным количественным потенциалом и серьезной поддержкой со стороны международных организаций идеи гендерного равенства, южносуданские женщины вполне могут претендовать не только на увеличение квоты участия в законодательной и исполнительной власти, но

и на право выдвигать своего лидера на самую высшую ступень государственной иерархии. И, судя по наблюдающимся тенденциям, эти времена, что называется, не за горами.

Гришина Н.В.
Институт Африки РАН, Москва
Nina V. Grishina
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Gender Aspects of Employment in the African Countries' Informal Economy

Гендерные аспекты занятости в неформальной экономике африканских стран

Как и во всех регионах «третьего мира», в Африке процент населения, занятого в неформальной экономике, выше, чем в экономике формальной. Это объясняется множеством факторов, среди которых недостаток или отсутствие образования, семейные традиции, невозможность найти работу по специальности в государственном или частном секторе.

Среди работников неформального сектора в африканских странах преобладают мужчины (до 80%), однако в последние десятилетия наблюдается увеличение доли женского труда. Особенно быстрыми темпами это происходит в странах Тропической Африки. В то же время в регионе велика самозанятость женщин, т.е. работа непосредственно на заказчиков. Здесь число самозанятых женщин достигает 40%. Несмотря на то, что такой вид неформального труда дает возможность заработка, он характеризуется низким уровнем оплаты, плохими условиями и отсутствием защиты. Как правило, женщинам предназначается неквалифицированный и тяжелый труд.

Применение детского труда и труда пожилых людей в Африке по своим масштабам является самым значительным в мире: около 30% детей в возрасте от 5 до 14 лет и примерно 50% в возрасте старше 64 лет. Нередко детский труд остается неоплаченным, т.к. дети готовы работать за другие виды вознаграждения, либо оплачивается минимально.

Как правило, названные категории населения заняты на сельскохозяйственных работах, на фермах и предприятиях малого бизнеса.

Представляется, что в целом в странах региона трудовые ресурсы используются неполно и малоэффективно. Это связано с традиционной системой социальных институтов и слаборазвитостью национальных экономик.

Прокопенко Л.Я.
Институт Африки РАН, Москва
Lubov Ya. Prokopenko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The African States First Ladies' Contribution to the Struggle against HIV/AIDS on the Continent

Вклад первых леди африканских стран в борьбу с ВИЧ/СПИДом на континенте

В условиях политической либерализации в странах Африки возросла общественная и политическая активность целого ряда первых леди, направленная на интеграцию усилий с целью получить возможность влиять на решение некоторых вопросов международной политики, в том числе борьбы с ВИЧ/СПИДом. Впервые это было продемонстрировано на Всемирном саммите по улучшению экономического положения сельских женщин (Женева, 1992 г.), в числе инициаторов проведения которого были супруги президентов Сенегала (Элизабет Диуф), Египта (Сюзанна Мубарак) и Нигерии (Мариам Бабангида). В саммите приняли участие

также первые леди Южной Африки (Марике де Клерк) и Ганы (Нана Ролингс).

Большинство африканских первых леди участвуют в работе Организации первых леди Африки против ВИЧ/СПИДа (Organization of African First Ladies against HIV/AIDS – OAFLA), которая была создана в 2002 г. по решению 37 жен глав государств Африки, заявивших о готовности выступить против СПИДа и добиться улучшения жизни женщин, молодежи и детей. В ноябре 2014 г. в Женеве было объявлено о начале реализации объединенной кампании OAFLA и ЮНЭЙДС (Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИДу), направленной на то, чтобы остановить распространение новых ВИЧ-инфекций среди детей. 16 июня 2015 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) в рамках 25-го саммита Африканского союза (АС) состоялась очередная встреча членов OAFLA, на которой обсуждалась необходимость комплексного подхода к профилактике ВИЧ-инфекции среди молодых женщин и девушек. 28 сентября 2015 г. в Нью-Йорке состоялась встреча на высоком уровне, на которой OAFLA одобрила недавно принятые Цели по устойчивому развитию. Отмечая, что в странах Африки число новых случаев ВИЧ-инфицирования значительно сократилось, организация ставит своей задачей интегрировать меры против СПИДа в общую систему здравоохранения. С августа 2015 г. OAFLA (в 2016 г. она насчитывала уже 44 члена) возглавляла первая леди Ганы Нана Лордина Махама. 24 января 2017 г. президентом OAFLA была избрана первая леди Малави Гертруда Мутарика.

Действуют также национальные фонды этой направленности. Например, в Камеруне более 20 лет функционирует некоммерческая организация «Единая Африка против СПИДа и страданий» (African Synergy against AIDS and Suffering), которую возглавляет первая леди Камеруна Шанталь Бийя. Организация и созданный ею фонд занимаются вопросами образования, защиты и сохранения здоровья женщин и детей,

прежде всего в контексте проблемы СПИДа. В июне 2015 г. исполнительный директор ЮНЭЙДС Мишель Сидибе назначил ее специальным представителем этой организации. В декабре 2015 г. одна из жен полигамного президента ЮАР Джекоба Зумы Тобека Мадоба (основатель и покровитель названного ее именем национального фонда, деятельность которого направлена на борьбу со СПИДом, туберкулезом, раком молочной железы и шейки матки) стала специальным представителем ЮНЭЙДС по вопросам здоровья женщин, молодежи и детей. Многие первые леди патронируют национальные программы по борьбе с этой болезнью.

Прожогина С.В.
Институт Востоковедения РАН, Москва
Svetlana V. Prozhogina
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russia

Paradoxes of Self-Determination in the Age of Globalization. The Gender Aspect

Парадоксы самоопределения в эпоху глобализации. Гендерный аспект

1. Усиление миграционных процессов (только в последние годы во Франции и Италии количество беженцев из Ближнего Востока и Африки ежегодно достигает до 1 млн. человек, из которых почти 600 тысяч остается на территории этих стран), которые, казалось бы, должны постепенно растворять и сглаживать воспроизводство различий в поликультурных и полиэтнических обществах, приводит, наоборот, к уменьшению самостоятельности этнических меньшинств в ходе политики интеграции и, как следствие, обострению их «саморазличения» в принимающих обществах.

2. Процесс образования этнических гетто, особенно североафриканских, в крупных городах Франции, проявляет чувство конфессиональной и культурной разности и становится функцией невозможности культурной ассимиляции. С одной стороны, это приводит к протестному самоопределению этнических меньшинств и все нарастающей отделенности от доминантной культуры принимающего общества, а с другой, в протестной попытке выхода за рамки культурных разграничений и различий, облечения некоей формой «социального лифта» и стремлению полностью интегрироваться в европейскую цивилизацию.

3. В женской среде иммигрантов все чаще возникает позиция «непослушания» (конфессионального и традиционного), выражающегося в формуле «Я и ни та, и ни другая», или же реакция женского компромисса в формуле «Я и та, и другая», подразумевающая подлежание обеим культурам: «своей» – этнической – и культуре французского общества. Последствия независимого самоутверждения или наоборот, полного подчинения религиозной традиции (исламской) также не заставляют себя долго ждать, как в форме разрыва с родительской семьей и вступления в смешанный брак, как и в форме прямо противоположного смирения под давлением, особенно в североафриканских семьях, так называемой культуры «старшего брата» с традицией ношения атрибутов принадлежности только к исламу, ярко выражающего нежелание ассимиляции.

4. В рамках национальных границ (в странах Магриба) женский выбор между свободой эмансипации и подчинением оковам традиции – часто явление совмещенное, когда власть традиции и властный призыв модернизации облекаются в форму успешного замужества, позволяющего и обретение патриархальных форм семейной жизни, и возможность получения образования, профессии и доступа к работе в рамках открытости социальной жизни.

Татаровская И.Г.
Институт Африки РАН, Москва
Irina G. Tatarovskaya
Institute for African Studies
Moscow, Russia

The Social Position of Female Griots in Contemporary Africa

Социальное положение гриотов в современной Африке

В средние века на территории Западной Африки появилась социальная каста гриотов. Это каста образовалась по профессиональному критерию. Термин «гриот» является собирательным названием профессиональных сказителей, музыкантов, певцов и поэтов. Эта социальная каста «ремесленников слова» и музыкантов представляет собой узкую эндогамную группу, куда входят представители разных народов Западной Африки.

Гриоты привлекали внимание многих путешественников и ученых. Еще в 1353 г. арабский путешественник Ибн-Батута оставил воспоминания о своей встрече с ними. Однако, все исследования по гриотизму сосредоточены на мужчинах гриотах. До настоящего времени отсутствуют научные работы, посвященные женщинам гриоткам. Редко можно найти изображение гриотки, хотя изображения гриотов мужчин встречаются часто на марках, открытках, в качестве иллюстраций в книгах и фотографий в журналах. Отсутствие научного интереса к гриоткам наводит на мысль, что они являются «призрачными фигурами», которые находятся в стороне, что только мужчины являются профессионалами своего дела. Такое отношение к профессиональной деятельности гриотов берет свое начало в гендерной роли, которую играют женщины в африканском обществе. Традиционно женщины и мужчины гриоты работали вместе. Женщины помогали своим мужьям и братьям во время

представлений. Они пели, танцевали, играли на барабанах. Кроме этого существовало разделение мероприятий на мужские и женские. К мужским мероприятиям относились все официальные и общественные мероприятия, а к женским – частные, семейные, такие как свадьба, рождение, похороны и др. Распределение обязанностей на мужские и женские привело к гендерной дискриминации. Гриот Ами Коита утверждал, что женщины знают историю о Сундьяте так же хорошо как и мужчины, но мужчины умеют декламировать, а женщины умеют только петь. Если есть мужчина гриот, женщина никогда не станет делить с ним сцену. В настоящее время отношение к женщине гриотке начинает медленно меняться, но традиционные устои трудно сломить. В современном обществе стали появляться женские музыкальные коллективы, где женщины поют и играют не только на барабанах, но и на коре, балафоне – музыкальных инструментах, исконно считавшихся мужскими. Гриотки стали выступать и в разговорном жанре. Например, Нантенегве Камисоко записала свою версию Сундьяты, которую транслировали в утреннем эфире на одной из радиостанций Мали. Но это, по-прежнему, редкое исключение.

Найденова Н.С.
РУДН, Москва
Natalia S. Naydyonova
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow

The Trauma Theory and African Literature in French: The Gender Aspect

Теория травмы и африканская литература на французском языке: гендерный аспект*

Теория травмы представляет собой один из наиболее динамично развивающихся аспектов современных гуманитарных исследований. В монографии «Невостребованный опыт» американский культуролог К. Карут, обращаясь к трудам З. Фрейда, исследует структуру ситуации травмы как социального или психологического явления сквозь призму художественного дискурса как средства трансляции человеческого опыта, который не может быть выражен иначе.

Феномен травмы, как коллективной, так и индивидуальной, находит широкое отражение в африканской литературе в силу драматичности истории Черного континента: европейская колонизация, на смену которой вместо долгожданной свободы пришли тоталитарные режимы, коррупция и череда экономических кризисов, и, наконец, кровавые межэтнические войны конца XX века.

Отголоски эха травматического опыта слышны и во франкоязычной африканской литературе. Особенно яркий материал для исследования представляют произведения, принадлежащие перу женщин-писательниц («Богоматерь Нильская» С. Мукасонги, «Алая заря» Л. Миано). Отдельный интерес представляет изучение женских образов в романах африканских писателей, посвященных трагическим событиям («Черные

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)»

внуки Верцингеторикса» А. Мабанку, «Джонни Бешеный пес» Э. Донгалы, «В Соединенных Штатах Африки» А. Вабери).

Анализ романного творчества писателей стран Африки южнее Сахары, отличающегося полифоничностью повествования, множественностью хронотопа, самобытностью языковой игры, позволяет обратиться к проблеме травмы как отдельной междисциплинарной области знания.

Мосейко А.Н.
Институт Африки РАН, Москва
Aida N. Moseyko
Institute for African Studies
Moscow, Russia

Women in Religious Movements in Madagascar

Женщины в религиозных движениях Мадагаскара

В культуре и истории Мадагаскара женщины всегда играли особую роль. До колонизации женщины правили страной, иногда проявляя большую, чем мужчины, твердость и одновременно дипломатичность. Женщины верховодят в семье. С началом христианизации Мадагаскара женщины проявили невероятное рвение в вопросах веры и преданность лишь недавно принятой религии. Так, в период гонений на христиан при Ранавалуне I многие женщины отказывались отречься от христианской веры и были казнены. Первой святой на Мадагаскаре стала женщина – Виктория Разоаманариво (1848 – 1894 гг.), которая вела праведную жизнь, проявляя смирение и прощение. Во время притеснений католиков она организовала “Католический союз”, который взял на себя попечение о католических общинах. 29 апреля 1989 года Римским папой Иоанном Павлом II она была беатифицирована. Интересно участие женщин в малагасийско-христианском движении “Пробуждение”. Преобладающую

роль в “Пробуждении” играют женщины, среди пастырей их около 80%, а самой знаменитой пророчицей – ирака – была Жермен Вулахавана, которую позже стали называть Нени Лава (“большая мамаша”). Нени Лава была дочерью известного мага народности антаймуру, славящейся своими мудрецами и книжниками. В 10 лет ей было видение: к ней явился высокий человек в белых одеждах, которому она омыла ноги. С 12 лет она слышала голоса, сообщавшие ей подробности о мире и об окружавших ее людях. В 18 лет она побывала на небе, где созерцала чудеса Небесного Царства. Неграмотная, она попросила помощи Иисуса, который как наставник обучил ее Священному Писанию. При этом сама она считала, что главным для нее и для ее соратников является изгнание зла из собственного сердца и жилища. Очень важной в деятельности Нени Лавы была организация очагов или центров движения “Пробуждения” – туби. Особенностью движения “Пробуждение” является его открытость всему новому, современному – образованию, современной медицине, научно-техническим достижениям. Так, в главном туби в Анкарамалаза были открыты детский сад, начальная и средняя школы, клиника, собор, проведены вода и электричество. Подобных условий Нени Лава старалась добиться и в других туби. При этом большое внимание в “Пробуждении” уделяется сохранению малагасийской культуры, ценностей, обычаев, обрядов.

Котовская М.Г.
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва
Maria G. Kotovskaya
Institute of Ethnology and Anthropology
Moscow, Russia

The African Component's Role in Formation of the Gender Stereotype in Brazil

Роль африканского компонента в формировании гендерного стереотипа в Бразилии

Социальная мобильность или успешное продвижение по иерархической лестнице в общественно значимой деятельности, составляющее суть поведенческого алгоритма всех представителей среднего класса, в Латинской Америке имело свои нюансы, связанные, прежде всего, именно с признаками «цветной» крови. Чем больше у человека было этих признаков, тем меньше он мог рассчитывать на успешное продвижение в социальной структуре. Постепенно здесь сложилась система ценностных ориентаций, одно из главных мест в которой занял так называемый бытовой идеал «белизны». Носители ярко выраженной африканской соматике оказывались в самом невыгодном положении, т.к. стереотип общественного сознания ассоциировал их с рабовладельческим прошлым латиноамериканских культур. Значительно более прочные позиции были у тех, кто хоть как-то мог «оправдать» свой темный цвет кожи принадлежностью к индейским предкам, которые практически не использовались колонизаторами в качестве рабов. К тому же древние индейские цивилизации со временем приобретали образность своих античных прототипов, а, значит, и генетическая связь с ними воспринималась как вполне достойное культурное наследие. Сами латиноамериканцы часто шутят, что сегодня среди их «индейцев» больше, чем было во времена Колумба. Стремление следовать идеалу «белизны» среди средних слоев населения самым непосредственным образом

сказалось на формировании гендерных стереотипов их поведения. Представители среднего класса, ориентирующиеся прежде всего на социальную мобильность в своих жизненных стратегиях, как правило, воспринимали и воспринимают брачный рынок в качестве весьма важной ступени на пути к достижению более высокого статуса. Брак с более светлокожим партнером – это всегда возможность изменить к лучшему наследственную соматику, приблизиться к идеалу «белизны». Поэтому уже сам факт заключения такого брака в смешанной семье всегда считался престижным среди латиноамериканцев, особенно среди представителей среднего класса. Именно здесь коренится главное отличие в формировании их моделей гендерного поведения от формирования аналогичных моделей в аристократической среде, всегда стремившейся с помощью брачных уз в первую очередь сохранить свою социальную гомогенность, закрытость клана.

Мильто А.В.

Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова

Anna V. Milto

Yaroslavl State University, Russia

Somali Women in Power: In Struggle for the Rights

Сомалийские женщины во власти: в борьбе за свои права*

В Сомали вопросы женской эмансипации зачастую воспринимаются весьма болезненно. Связан данный факт с тем, что в патриархальном обществе женщины долгое время находились в бесправном, зависимом от мужчин положении. Усугубляют правовое неравенство женщины

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)»

мусульманские традиции, способствующие сосредоточению прав по распоряжению имуществом и экономической жизнью семьи в руках мужчины. В результате сомалийки продолжают сталкиваться с нарушением своих конституционных прав и свобод, в том числе, права участвовать в политической жизни страны. Эмансипированные женщины обладают определенной степенью личной свободы, которую им обеспечили хорошее образование и возможность самостоятельно зарабатывать деньги. Однако сфера политической деятельности для большинства из них остается недостижимой. Существовая на грани дозволенного и недозволенного, на фоне конфликта традиционной исламской и западной культур, они являются постоянной мишенью, провоцируя нападки на себя со стороны мужчин и женщин, мусульман и не мусульман, подвергающих критике все: воспитание, образование, жесты, взгляды, одежду, высказывания. Тернистым был путь в политику первой женщины премьер-министра, а затем министра иностранных дел Сомали Фавзии Юсуф Хаджи Адан. Прежде чем она достигла своего высокого положения, ей пришлось преодолеть множество препятствий: дискриминацию на политической сцене, арест, вынужденный роспуск партии, которую она возглавляла. Другая известная сомалийка, Фадумо Дайиб, выдвинувшая в 2016 г. свою кандидатуру на пост президента Сомали, не выдержала давления и постоянных угроз в свой адрес и отказалась от участия в предвыборной гонке. Сомалийская реальность жестока в отношении женщин. Им приходится вести борьбу с предрассудками и мужским шовинизмом, отстаивать свои права. Используя свои возможности, женщины отвечают на вызовы, возникавшие из предубеждений и, вопреки обстоятельствам, стараются принять посильное участие в реконструкции Сомали и сомалийского общества.

Гавристова Т.М.
Хохолькова Н.Е.
Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова
Tatiana M. Gavristova
Nadezda E. Khokholkova
Yaroslavl State University, Russia

The Female Face of Afropolitism

Женское лицо афрополитизма

Афрополитизм – идея, философия, эстетика и одновременно образ жизни и стиль мышления. Его можно рассматривать как альтернативу космополитизму или его разновидность. История возникновения афрополитизма связана с именем англо-американской писательницы Тайе Селаси (родилась в Лондоне в 1979 г.) западноафриканского происхождения, автора эссе «Бай-Бай, Бабар» (2005 г.), в котором она впервые употребила слово «афрополит» применительно к людям своего поколения, живущим в мировых мегаполисах, но сохранивших связь с Африкой. В дальнейшем, благодаря кибератаке, инициированной молодыми интеллектуалами в литературной и академической среде, афрополитизм обрел сторонников и противников, своих блогеров и подписчиков, СМИ, магазины, даже своих див, ибо объединил людей по-настоящему успешных, в том числе африканских селебрити. Женское лицо афрополитизма обладает не только приятной наружностью: это образованные, деловые, гипердинамичные дамы, успешно интегрированные не только в профессию, но и в истеблишмент. Их называют феминистками и, как правило, в своей публичной деятельности они обращаются к проблемам феминизма. Их ангажированность – не есть результат общественной активности, а самореализация связана исключительно с профессиональной средой, хотя некоторые из избранных ими сфер деятельности можно считать женскими. Героини «поколения

Африка» {сокращенно: AfriGen (Generation+Africa) - так называют женщин-афрополитов} появляются на обложках популярных журналов, получают престижные музыкальные и литературные награды, устраивают показы мод в Музее Виктории и Альберта. К их числу принадлежат Минна Салами (родилась в 1978 г. в Финляндии), журналист и блогер (MsAfropolitan), пишущая об Африке и диаспоре, «о полигамии и феминизме»; Эмма Дабири (родилась в Ирландии) – бывшая модель, ныне – писатель и известная телеведущая; Рокиа Траоре (родилась в 1974 г. в Мали), певица, гитаристка, автор песен; Вунми (Ибивунми Олайя; родилась в Великобритании), певица, танцовщица и дизайнер; Шингай Шонива (родилась в 1981 г. в Великобритании) певица и бас-гитаристка и другие. Талантливые женщины Африки поколения сорокалетних провозгласили новую форму идентичности – глокальную, призванную не только бороться со стереотипами, но и примирить прошлое, настоящее и будущее.

